A decorative gold border frames the central text. It features a repeating pattern of stylized floral motifs, each consisting of a central flower-like shape surrounded by four circular elements, all enclosed within a larger, ornate frame of swirling lines.

С.Ш.Гаджиева

**ОДЕЖДА
НАРОДОВ
ДАГЕСТАНА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. ГАМЗАТА ЦАДАСЫ

С.Ш. Гаджиева

ОДЕЖДА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

ХІХ-НАЧАЛО ХХ В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

ВВЕДЕНИЕ

Дагестан представляет собой одну из своеобразнейших областей Кавказа. Особенности исторического развития и природно-географических условий способствовали образованию и сохранению в Дагестане исключительно большого этнического и языкового разнообразия. Эта поразительная этническая мозаичность послужила основанием еще для античных авторов, а затем для средневековых арабских и персидских географов, историков и путешественников назвать Дагестан не только «страной гор», но и «горой языков».

В самом деле, на сравнительно небольшой территории Дагестана (50,3 тыс. кв. км) издавна проживает около 30 коренных народностей и небольших этнических групп с самостоятельными языками и диалектами. Границы распространения диалектов в ряде случаев совпадают «со следами границ бывшего племенного деления» народов по территориям¹ или отражают следы влияния в данной среде иного этнического элемента.

Народы Дагестана издавна говорят на языках, относящихся к трем крупным языковым семьям: иберийско-кавказской (аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, табасаранцы, рутульцы, агулы, цахурцы, андийцы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, ахвахцы, чамалалы, багулалы, тиндалы, хваршинцы, гунзибцы, гинухцы, дидойцы, арчинцы, бежтинцы, кубачинцы, кайтаги и др.), тюркской (кумыки, ногайцы, азербайджанцы) и индоевропейской (горские евреи и таты).

Однако все коренные народности Дагестана, как свидетельствуют данные археологии, этнографии, антропологии и языка, близки по культуре и имеют глубокую историческую и генетическую общность².

Сравнительно-историческое изучение дагестанских языков дало возможность известному советскому лингвисту-кавказоведу Е. А. Бокареву обосновать существование в далеком прошлом общего для всех дагестанских языков лексического фонда, т. е. бытование общед-

гестанского праязыка, которое он возводит ко времени не позднее III тысячелетия до н. э.³

Тезис об общедагестанском языковом субстрате признан в науке и подтверждается данными о культурном и антропологическом единстве народов Дагестана, генетически связанных с другими родственными племенами, заселявшими к IV—III тысячелетию до н. э. Северный Кавказ и Закавказье⁴.

Начавшийся еще в глубокой древности распад общедагестанского этнокультурного единства, вызванный территориальной разобщенностью родственных племен, большей или меньшей изоляцией целого ряда районов, усложнением их социально-экономической жизни, а также проникновением в различные исторические периоды, и особенно в эпоху «великого переселения народов», в их среду иноэтнических элементов, привел к обилию языков, народностей и этнографических групп, которыми отличается Дагестан и в настоящее время.

В дальнейшем сохранению этнокультурной пестроты, образованию новых локальных вариантов общей культуры способствовали также факторы политического и социально-экономического порядка, и в первую очередь феодальная раздробленность Дагестана, отсутствие единого административно-политического центра края вплоть до 60-х годов XIX в., а позднее, со второй половины XIX в., административное деление (без учета национального состава), сохранившееся вплоть до Октябрьской революции. Все это способствовало стабилизации культурной и экономической разобщенности отдельных районов края.

Пестротой национального состава, а также локальными вариантами культуры особенно отличался горный Дагестан. Ярким примером этого может служить аваро-андо-дидойская группа, народы которой по происхождению, социально-экономическому развитию, быту и культуре особенно близки друг к другу.

Эта группа народностей, компактно расселившихся по многочисленным горным доли-

¹ Микаилов, 1959, стр. 4.

² История Дагестана, I, стр. 84; Крупнов, 1964, стр. 38.

³ Бокарев, 1961, стр. 17, 57.

⁴ Крупнов, 1964, стр. 38; Народы Кавказа, I, стр. 26—32; Алексеев, 1963, стр. 63; История Дагестана, I, стр. 38—40.

нам и склонам, издавна занимает почти всю западную часть Дагестана⁵. Она делится на три подгруппы: аварскую, андийскую и дидойскую, включающие 14 народностей и столько же языков, не говоря о множестве диалектов и говоров внутри каждой подгруппы. Примечательно и то, что общее число говорящих на 13 (из 14) языках андо-дидойской группы в «несколько раз меньше числа говорящих на аварском языке»⁶, носители которого занимают в основном восточную часть этнической территории, значительно превосходящую площадь расселения андо-дидойской группы на западе.

Социально-экономическое развитие северной и южной части Аварии в феодальный период имело свои особенности. В Северной Аварии возникло одно из крупных феодальных образований Дагестана — Аварское ханство — с резиденцией в Хунзахе. В этой части, а также в центральных районах, находившихся под властью хана, по сравнению с «вольными обществами» Аварии складывались более развитые социально-экономические отношения, значительно благоприятствовавшие ликвидации экономической и этнической разобщенности, нивелированию культуры, способов ведения хозяйства и т. п. Другими словами, здесь происходила консолидация этих народностей, вырабатывался общий для них язык, ставший впоследствии языком их межнационального общения.

Тем не менее еще в конце XIX — начале XX в. даже собственно Авария делилась на ряд этнографических районов. Один из больших этнографических районов составляли аварцы Хунзахского плато (совр. Хунзахский р-н, сел. Хунзах, Батлаич, Тануси, Арани, Обода, Слух, Цада и др.), Нахбака, или Салатавии (совр. Казбековский и частично Буйнакский р-ны, сел. Чиркей, Дылым, Гуни, Алмак, Буртунай и др.), Хиндалала, или Койсубою (совр. Унцукульский и Гергебильский р-ны, сел. Гергебиль, Аракани, Унцукуль, Гимри и др.), Баклулала или Гумбета (совр. Гумбетовский р-н, сел. Мехельта, Аргвани, Игали, Килятль и др.), так называемые юртовские аварцы (совр. Левашинский р-н, сел. Урма, Охли, Кулецма). Население этого района говорило на северном наречии, легшем в основу литературного аварского языка, и составляло как бы единое целое в культурном отношении. Другие же аварские территории представляли собой более ярко выраженные этнографические районы. Таковы Андалал (совр. Гунибский р-н, сел. Согратль, Чох, Ругуджа, Кудали и др.), Гидатль (часть совр. Советского р-на, сел. Урада, Тидиб, Гинта, Ма-

чада, Хотода и др.), Келеб (часть совр. Советского р-на, сел. Ругельда, Хиндах, Мусрух и др.), Карах (часть совр. Чародинского р-на, Чарада, Гочоб, Тляррош и др.), Тлейсерух (часть совр. Чародинского р-на, сел. Ириб, Гиблиб, Рулдаб и др.); Анцросо (часть совр. Тляртинского района, сел. Тлярата, Кутлаб, Надар, Укал, Гведиш и др.), Тлебелал (часть совр. Тляртинского р-на, сел. Цумилух, Саниорта, Нитинцух и др.), Джурмух, он же Томурал (часть совр. Тляртинского р-на, сел. Чарада, Герел, Генеколоб и Камилух и др.).

И, наконец, Западная Авария была населена целым рядом небольших народностей, консолидировавшихся вокруг собственно аварцев. Это бежтинцы (восточная часть совр. Цунтинского р-на, сел. Бежта, Тлядал, Хощар-хота и др.), гинухцы (средняя часть Цунтинского р-на, сел. Гинух), дидойцы (западная часть Цунтинского р-на, сел. Кидеро, Мокко, Шаури, Шаитль, Амайтлях, Сагада и др.), хваршины (южная часть совр. Цумадинского р-на, сел. Хварши, Инхоквари, Конох и др.), тиндали (юго-восточная часть совр. Цумадинского р-на, сел. Тинди, Тисси, Акнада), багулалы (восточная часть совр. Цумадинского р-на, сел. Кванада, Хуштада, Тлоидодо), чамалалы (западная часть Цумадинского р-на, сел. Агвали, Цумада, Гигатль, Гаквари); каратинцы (восточная часть совр. Ахвахского р-на, сел. Карата, Анчих, Арчо), ахвахцы (южная часть Ахвахского р-на, сел. Кудиябросо, Изани, Лологонитль), годоберинцы (юго-западная часть совр. Ботлихского р-на, сел. Годобери), ботлихцы (южная часть совр. Ботлихского р-на, сел. Ботлих), андийцы (северо-восточная часть совр. Ботлихского р-на, сел. Анди, Гагатль, Риквани, Ашали, Зило и др.), арчинцы (юго-восточная часть совр. Чародинского р-на, сел. Арчи или Арчиб, и его хутора).

Сходную картину дает лезгинская группа народностей, населяющая Южный Дагестан и часть Северного Азербайджана, где проживает ряд народностей — лезгины, табасаранцы, агулы, рутульцы, цахурцы, будухцы, крызы, хиналуги, удины и др.

Даргинцы также имели ряд исторически сложившихся этнокультурных подразделений. Это магалы Каба-Дарго (совр. Сергокалинский р-н, сел. Урахи, Меусиша, Мулебки, Мекеги, Мугри, Герга, Кана-Сираги, Дейбук, Гунакари, Викри), Акуша-Дарго (совр. Акушинский р-н, сел. Акуша и его многочисленные хутора), Цудахар (совр. Левашинский р-н, сел. Цудахар, Ходжал-Махи, Куша, Тебек-махи и др.), Чибак-Дарго (часть совр. Акушинского р-на, сел. Гапшима, Усиша, Танти, Геба, Мегва, Шукты, Бутри), Сюрга (совр. Дахадаевский и частично Акушинский р-ны, сел. Урари, Харбук, Накхи, Цугни, Нац, Гулатди, Ду-

⁵ В последние 15—20 лет определенная часть их переселилась на плоскость, в северо-восточные районы.

⁶ Микаилов, 1959, стр. 14.

акар, Хуршни), Гуцул-Дарго (совр. Агульский р-н, сел. Чирах, Атлук, Амух и др.), Буркун-Дарго (совр. Дахадаевский р-н, сел. Ашты, Ицари, Кунки, Худуц и др.), Гапш (совр. Дахадаевский р-н, сел. Кара-Курейш, Уркарах, Чишили, Дибгалик и др.), Ганк (совр. Дахадаевский р-н, сел. Кубачи, Амузга, Киша, Ураги и др.), Муйре или Муэри (совр. Дахадаевский р-н, сел. Калкни, Дибгаши, Бускри, Зубанчи, Зилбачи, Трисанчи), Гамри (совр. Сергокалинский р-н, сел. Гамри, Мюрего, Бурдеки, Мамааул), Кайтаг (совр. Кайтагский р-н). Последний, в свою очередь, состоял из нескольких магалов: Кара-Кайтаг (сел. Джибахни, Джавгат, Газия, Баршамай, Карацан), Урчамиль (сел. Тама, Варсит, Адага, Пиляги, Кирки, Кирцик), Каттаган (сел. Кулиджа, Шияги, Мижигли, Хунгия), Шуркант (сел. Абдашка, Мерсия, Урша, Сураги, Лиша).

Еще одну этнографическую группу составлял ряд предгорных обществ, расположенных в непосредственной близости с Кумыкской равниной: Губден (совр. Сергокалинский р-н), Кадар (совр. Буйнакский р-н), Чумли, Гулли (совр. Кайтагский р-н).

Таким образом, древнее население Дагестана, связанное единством происхождения и культуры, в результате многовековой политической, социально-экономической и территориальной разобщенности распалось на множество народностей и этнических групп, каждая из которых имела свою национальную специфику.

Отсюда ясно, как сложен и интересен Дагестан в этнографическом отношении. Взять хотя бы одежду, особенно женскую, больше других сохранившую свои архаические черты. Так, по способу ношения платья, платка, а иногда по их форме и расцветке, по видам обуви, головным уборам и украшениям нередко можно безошибочно определить не только этническую принадлежность женщины, но и сказать, из какого она общества или аула.

И все же культура народов Дагестана на всех этапах развития продолжала сохранять свою общность и преемственность. В исторически обозримое время в любой области культуры черты сходства между народностями Дагестана проявлялись ярче и заметнее, чем различия. Именно поэтому соседи дагестанцев к разным этническим группам Страны гор применяли общие этнонимы — лезгины, лаки, кумыки, просто горцы.

Это единство очень заметно проявляется в материальной культуре народов Дагестана, в частности в одежде. Как свидетельствует этнографический материал, локальные особенности одежды касаются не покроя ее, а главным образом внешней отделки, цвета, длины, способов ношения, украшений и т. п. Мы уже не говорим о почти полной идентичности мужских костюмов, а также старинного оружия.

Дагестан не только создал образцы высококачественного оружия, но был в некотором роде «монополистом» по производству клинкового и огнестрельного оружия на Кавказе. Амузгинский клинок в кубачинской оправе, харбукские и кумыкские кинжалы, особенно знаменитые «базалаи», считались лучшим на Кавказе оружием.

Единство можно обнаружить также в планировке жилища, его убранстве, способах изготовления пищи и в других элементах материальной культуры.

Однако каждый из многочисленных народов Дагестана веками создавал и совершенствовал свою материальную культуру, имеющую наряду с общедагестанскими чертами свой местный колорит, свои специфические особенности, обусловленные этническими и природно-географическими различиями, профилем хозяйственной деятельности, кругом внешних связей и т. п.

Многонациональный Дагестан с древних времен славится богатством произведений декоративно-прикладного искусства. Наиболее значительное развитие это искусство получило в горных аулах Дагестана, где остро ощущалось малоземелье. Декоративно-прикладное искусство развивалось по отраслям ручного ковроткачества, обработки цветных и драгоценных металлов, дерева, слоновой кости, гончарного производства, золотой вышивки, аппликации и т. д.

Постоянно совершенствуя свою богатую самобытную культуру, горцы донесли ее до наших дней.

Социалистическая культура Дагестана успешно развивается, опираясь на лучшие народные традиции и под благотворным влиянием передовой русской культуры и культуры других братских народов нашей страны. В настоящее время единая в своей основе культура народов Дагестана получает дальнейшее развитие, наблюдается интенсивный процесс консолидации народов Дагестана, который, как известно, носит двуединый характер. С одной стороны, осуществляется консолидация этнических групп, наиболее родственных по языку, культуре и быту, с другой — происходит сближение всех народностей Дагестана. Процесс естественного сближения и слияния родственных народностей и этнических групп проявляется во всех сферах жизни, в том числе и в сфере материальной культуры.

Итак, на основе коренных социально-экономических и культурных преобразований происходит, с одной стороны, нивелирование локальных особенностей материальной культуры в масштабе всего Дагестана, а с другой — в процессе общих социалистических преобразований и внутриэтнической консолидации родственных групп развивается материальная культура каждой народности в отдельности.

Настоящая работа посвящена одному из важнейших элементов материальной культуры — традиционной одежде народов Дагестана.

Одежда, так же как жилище и поселение, тесно связана с образом жизни и хозяйственной деятельностью народа и представляет собой ценный источник для изучения этнической, социально-экономической и политической истории народа, его мировоззрения и контактов с другими народами. В этой связи самобытная и разнообразная по своим типам традиционная одежда народов Дагестана представляет огромный научный и практический интерес.

Традиционная одежда народов Дагестана привлекала внимание многих авторов как дореволюционного, так и советского периода.

Наиболее ранние сведения об одежде населения Дагестана, правда беглые, мы встречаем у авторов XVII в. — А. Олеария, Я. Стрейса, Эвлия Челеби и др., а также в трудах авторов XVIII в. — А. Лопухина, А. Сереброва, И. Гербера, Л. Тихонова, Дж. Белла и др., оставивших описания некоторых домашних промыслов, связанных с изготовлением тканей, и беглые упоминания о внешнем виде дагестанцев.

Начиная с XIX в. — с присоединения Дагестана к России — сведения о народах Дагестана приобретают более систематический характер. Увеличивается число историко-этнографических исследований, в которых в той или иной мере затрагиваются и вопросы материальной культуры, в частности одежды. Так, в трудах С. Броневского, И. Березина, П. Пржецлавского, П. Петухова, Н. Дубровина, В. Вилльера де Лиль-Адама, Д. Анучина, Е. Маркова, Н. Семенова, П. Свидерского и др. (см. Библиографию) наряду со сведениями социально-экономического характера дается также описание основных элементов мужской и женской одежды.

В трудах авторов предреволюционного периода характеристике одежды отводится сравнительно мало места. Да и описания эти, как правило, ограничиваются лишь беглым, фрагментарным перечислением внешних элементов народного костюма, причем далеко не всех.

Из историко-этнографических исследований этого периода наиболее важными для нашей темы являются работы Е. Вейденбаума, К. Гана, Н. Буша, С. Габиева и др. (см. Библиографию), в которых содержатся ценные сведения о некоторых особенностях одежды отдельных народов.

К этому же периоду относятся в основном коллекции одежды Государственного этнографического музея СССР, собранные К. А. Ино-

странцевым, А. К. Сержпутовским и Л. А. Млосевич в ряде горных обществ Дагестана.

Таким образом, дореволюционная историография одежды страдает отрывочностью сведений, отсутствием подробных описаний и научного анализа. Некоторые авторы этого времени имеют тенденцию распространять характеристику одежды какого-либо одного народа, даже одного аула, на весь Дагестан. К сожалению, нельзя назвать ни одного народа Дагестана, традиционная материальная культура которого, в том числе и одежда, была бы освещена подробно. Тем не менее даже отрывочные, фрагментарные, сведения выше-названных авторов представляют для нас ценный, в ряде случаев уникальный источник, без которого невозможно было бы осветить тему традиционной одежды многонационального населения, в частности проследить процесс трансформации костюма. Большое значение для нас имеют и зарисовки национальных костюмов, сделанные художниками XIX в. — Гагариным, Горшельтом, Тиммом, Тильке и др., а также нашими современниками — Е. Лансере, М. Джамалом.

В советский период изучение народной одежды Дагестана, как и всей его материальной и духовной культуры, приобретает совершенно иной характер. Еще в 20—30-е годы сотрудниками Государственного музея этнографии народов СССР (Л. В. Костиков, Ф. А. Фиельструп) совместно с участниками этнографической экспедиции ЛГУ (К. Г. Данилина и др.) была проведена большая работа по собиранию и научному описанию образцов материальной культуры, в том числе одежды народов Дагестана. На следующих этапах большую работу по собиранию этнографических коллекций в Дагестане осуществляли сотрудники музея Л. В. Виноградова, Н. П. Соболева, А. Л. Натансон, Э. Г. Торчинская и др.

В этом же музее сосредоточены и коллекции дагестанской одежды, собранные еще в 30-е годы известным этнографом-кавказоведом Е. М. Шиллингом, работавшим в тот период в Музее народов СССР.

В наши дни все эти материалы стали уникальными, так как многие из описанных образцов уже не сохранились в районах их бытования в прошлом. В фондах Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР хранится рукопись участников этнографической экспедиции ЛГУ 1926 г. А. Г. и К. Г. Данилиных и Л. Э. Каруновской, в которой содержится ряд важных сведений об одежде дидойцев (ф. 5, оп. 1, д. 38).

Кроме того, работа по собиранию образцов традиционной одежды проводилась и дагестанским краеведческим музеем (М. Джамал, Аскар Сариджа и др.). Деятельность музея в этом направлении широко активизировалась особенно в 50-е годы, в чем большая заслуга

принадлежит работнику музея, заслуженному деятелю культуры ДАССР, Д. Г. Кажлаеву.

Систематическое изучение этнографии Дагестана начинается в 40-е годы, особенно в послевоенный период. В Дагестане работают специальные экспедиции Института этнографии АН СССР и кафедры этнографии МГУ под руководством ученых-кавказоведов Е. М. Шиллинга и Л. Б. Панек (1940—1945, 1946, 1947).

Экспедициями был собран и систематизирован весьма ценный материал по расселению, занятиям, социально-экономическим отношениям, жилищу, одежде, средствам передвижения, религиозным верованиям, народной медицине, семейным отношениям, свадебным обрядам, играм, музыке различных народностей Дагестана.

Большой вклад в изучение одежды народов Дагестана, главным образом его горной части, внес известный ученый-кавказовед Е. М. Шиллинг. Его труды «Кубачинцы и их культура», «Народы андо-цезской группы», «Литейное производство Дагестана», а также другие содержат ценные сведения о народной одежде и украшениях.

Первыми специальными работами, посвященными интересующей нас теме, были статьи З. А. Никольской и Е. М. Шиллинга «Женская народная одежда аварцев» и С. Ш. Гаджиевой «Национальная одежда каякентских кумыков».

Важным этапом в изучении материальной культуры народов Дагестана было издание этнографического сборника «Народы Дагестана» (М., 1955), подготовленного научными сотрудниками Института этнографии АН СССР и Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Сборник содержит этнографические очерки всех народностей Дагестана; в соответствующих разделах приводятся сведения и по народной одежде. Ценные материалы об одежде народов Кавказа, в том числе и Дагестана, содержатся в монографии известного советского ученого С. А. Токарева «Этнография народов СССР» (М., 1958).

Важное значение для планомерных этнографических исследований в республике имела организация в 1958 г. в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР сектора археологии и этнографии, а затем и самостоятельного сектора этнографии. Сотрудники сектора ежегодно участвуют в экспедициях по районам республики. Наибольшие результаты в изучении материальной культуры народов Дагестана достигнуты за последние годы. Прежде всего следует назвать исследования, посвященные материальной культуре отдельных народов: лезгин⁷, кумы-

ков⁸, даргинцев⁹, аварцев¹⁰, цахурцев¹¹, некоторые разделы которых отводятся характеристике народной одежды. Появились и общие историко-этнографические работы по кумыкам¹², арчинцам¹³, лезгинам¹⁴, агулам¹⁵, рутульцам¹⁶, андийцам¹⁷, лакцам¹⁸, а также по рабочему быту¹⁹ и др., которые тоже содержат материалы по одежде. Нельзя не упомянуть и работу о художественных промыслах Дагестана, имеющую прямое отношение к одежде, украшениям и оружию²⁰. Некоторые общие сведения по народной одежде дагестанцев содержатся в обобщающем исследовании «История Дагестана», т. II (М., 1968) и в коллективном этнографическом труде «Современная культура и быт народов Дагестана» (М., 1971).

В настоящее время в результате многолетних исследований этнографами Института подготовлен к изданию трехтомный труд «Историко-этнографический атлас Дагестана», в котором впервые широко картографируются хозяйство и материальная культура народов республики, в том числе и одежда.

Как видно из приведенного обзора литературы, изучению народной одежды Дагестана в последние годы уделяется серьезное внимание.

Наше исследование — первый опыт обобщающей работы по традиционной одежде народов Дагестана. В нем характеризуется техника изготовления одежды, дается описание покроя, способов ее ношения, делается попытка определить среду и время бытования, а также район географического распространения того или иного вида одежды, отдельных ее элементов.

Хронологически исследование охватывает главным образом XIX—начало XX в., однако в нем затрагиваются и некоторые проблемы, относящиеся к более раннему периоду, в том числе вопросы происхождения и развития отдельных элементов костюма. Характеризуются также изменения в народной одежде в результате социалистического преобразования культуры и быта.

Автор не претендует на всеобъемлющее раскрытие сложной темы, ибо традиционная одежда дагестанцев, как отмечалось выше, в силу ряда факторов отличается чрезвычайным

⁸ Гаджиева, 1960; Гаджиева, 1974.

⁹ Гаджиева и др., 1967.

¹⁰ Материальная культура аварцев; Сергеева, 1971.

¹¹ Булатова, 1974.

¹² Гаджиева, 1958; Гаджиева, 1961.

¹³ Сергеева, 1967.

¹⁴ Ихиллов, 1967.

¹⁵ Калоев, 1962.

¹⁶ Лавров, 1962.

¹⁷ Агларов, 1962.

¹⁸ Булатова, 1971.

¹⁹ Омаров, 1967.

²⁰ Кильчевская, Иванов, 1959.

⁷ Агаширинова, 1958.

разнообразием, вследствие чего в одном исследовании невозможно охватить все стороны проблемы.

Более того, на современном этапе изучения вопроса не представлялось возможным охарактеризовать одежду всех народов Дагестана в равной степени.

Мы сочли целесообразным дать описание и анализ традиционной одежды не по отдельным народам, а в целом, что позволяет наглядно проследить историческую общность и единую культурную основу народов Дагестана. Вместе с тем в рамках общего исследования была предпринята попытка выявить национальную специфику, зональные особенности одежды.

В основу настоящей работы положен полевой этнографический материал, собранный автором в районах Дагестана и во многих случаях впервые вводимый в научный обиход. В качестве важнейшего источника привлечены коллекции одежды и украшений из различных музеев страны, главным образом Дагестанского краеведческого музея, Государственного музея этнографии народов СССР (собиратели К. А. Иностранцев, А. К. Сержпутовский, Л. А. Млокосевич, Л. Ф. Виноградова, Н. П. Соболева, А. Л. Натансон, Э. Г. Торчинская, Е. М. Шиллинг, Ф. А. Фиельструп и др.), а также Музея этнографии Грузии.

Широко использованы также фотоиллюстративные материалы из музеев и семейных архивов, отдельные статьи и особенно историко-этнографические работы советских ученых-дагестановедов, в том числе и неопубликованные.

Исследование потребовало большой и кропотливой работы по сбору иллюстративного материала. В ряде случаев автор сталкивался с серьезными затруднениями, ибо старинные формы многих видов традиционной одежды уже вышли из употребления. Последним обстоятельством объясняется и то, что не все разделы книги иллюстрируются равномерно. Фотографии выполнены в основном С. Подрезовым, а также Ю. Шевелевым и С. Пименовым. Помещенные в конце книги рисунки с натуры сделаны художником Г. А. Крулевым, а также частично М. Хизроевым и В. Черемушкиным. Карта составлена К. В. Малининой по материалам Я. Р. Винникова.

Мы надеемся, что данное исследование по народной одежде Дагестана заинтересует широкий круг читателей, и будем рады, если эта книга даст толчок новым изысканиям в области этнографии многонационального Дагестана, в частности изучению одежды — самого яркого, красочного элемента материальной культуры народа.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОДЕЖДЫ И ТЕХНИКА ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

1. КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И РАЗВИТИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Наличие богатой сырьевой базы и полунатуральный характер хозяйства народов Дагестана в XVIII—XIX вв. способствовали сохранению у них вплоть до революции всевозможных домашних промыслов, в том числе связанных с изготовлением одежды. Дагестанские мастера отлично обрабатывали кожу, овчину, растительные волокна, шерсть. Особенно высокого мастерства достигли народы горного Дагестана. Естественно-географические условия, острый недостаток пахотных земель, сравнительно густая населенность и другие особенности горного Дагестана способствовали возникновению и развитию более мелкой внутризональной хозяйственной специализации населения.

В этом отношении очень показателен обзор кустарных промыслов Дагестана, приводимый в «Кавказском календаре» на 1893 г.: «Кустарный промысел составляет один из главных источников народного благосостояния Дагестана. Промысел этот, обрабатывающий все виды местных сырых материалов, распространен в области повсюду. Каждый округ славится каким-нибудь родом производства, и жители нескольких селений занимаются исключительно кустарным промыслом. Во многих из отраслей этого промысла дагестанские горцы достигли совершенства и приобрели вполне заслуженную известность: их изделия расходятся по всему Кавказскому краю и охотно покупаются в России... Кустарным промыслом одинаково усердно занимаются как мужчины, так и женщины. Но исключительное занятие женщин составляют всякого рода пряжи и тканья, выделка войлоков, бурок, ковров, паласов и сукон, вышивание на шелке, бархате, сукне и коже и, отчасти, гончарный промысел. Мужчины же обрабатывают преимущественно металлы, дерево, кожи и глину.

Кустарная промышленность развита в особенности в Казикумукском округе, население которого существует, главным образом, своими ремеслами...

Производством всякого рода изделий из серебра и железа известны, кроме казикумухцев, и жители селений Кубачи, Харбук и Амюзга Кайтаго-Табасаранского округа. Специальность их заключается в выделке стальных украшений оружия и поясов и разных мелких вещей с золотой или серебряною насечкою; но в особенности отличаются между ними мастера в деле украшения мелких вещей из слоновой кости, рога и перламутра золотой насечкою: работа их замечательна по тонкости и изяществу. Кустари селения Унцукуль Аварского округа выделывают весьма изящные вещи из дерева, железа и рога с серебряной инкрустацией.

Выделкою овчин и кож для местного потребления жители занимаются повсеместно. Овчины являются предметом первой необходимости, в особенности в нагорных округах, где климат — суровый, топлива мало и дома жителей плохо защищают от холода... Выделка кож в сыром виде довольно успешно производится в селениях Кайтаго-Табасаранского округа... Кожевенным производством исключительно заняты сел. Салта, Корода и Гонода Гунибского округа...

Сапожным и башмачным ремеслами славятся кустари Даргинского и Кюринского округов, а в Казикумукском округе ремесла эти составляют специальность целых селений.

Из всех кустарных промыслов, которыми занимаются дагестанские жители, заслуживает наибольшего внимания производство шерстяных изделий... Промысел этот находится исключительно в руках женщин и распространен повсюду; можно сказать с уверенностью, что

нет дома в Дагестане, где бы не встречался один из видов его...»¹.

Среди кустарных промыслов Дагестана первостепенная роль принадлежала производству тканей. Все процессы прядения и ткачества осуществляли женщины.

Судя по археологическим данным, процесс изготовления тканей был известен жителям Дагестана еще в глубокой древности, начиная с эпохи энеолита. В эпоху же бронзы и последующие периоды истории прядение и ткачество приобретают еще большее значение, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки костяных и глиняных пряслиц. Ткачихи в это время уже пользовались простейшими ткацкими станками, что «доказывается находками костяных деталей от них и костяных же инструментов для выравнивания нитей основы»². Для нашей темы весьма важен факт обнаружения близ Манаса (совр. Ленинский р-н) в одной из катакомб курганов, датированных третьей четвертью II тысячелетия до н. э., среди прочего инвентаря веретена с надетым на него пряслицем и 36 костяных колков, посредством которых нити основы закреплялись на простейшем ткацком станке³. К этому же периоду относятся обнаруженные в Верхнегунибском поселении (Гунибский р-н) костяные колки для закрепления нитей основы, приспособления для их выравнивания, а также своеобразный челнок⁴.

Более систематические находки пряслиц, деталей от ткацких станков и инструментов ткачихи дают памятники раннего железа (начиная с VII в. до н. э. и особенно с первых веков н. э.). С этого времени названные предметы становятся характерной принадлежностью женского погребального инвентаря.

Отпечатки тканей на керамике из Южного Дагестана (Джемикентское, Гильярское поселения) эпохи бронзы указывают на изготовление тканей из растительных волокон — конопля или крапивы⁵.

Вполне возможно применение для ткачества и шерсти, так как в Дагестане уже в эту пору было развито овцеводство. Позже, в эпоху широкого освоения железа (VII—IV вв. до н. э.), как свидетельствуют археологические данные, шерсть для пряжи употреблялась уже повсеместно⁶.

Восточные авторы отмечают наличие широко поставленного производства шерстяных, хлопчатобумажных тканей в известных ранне-средневековых торгово-ремесленных центрах

Дагестана — Дербенте, Семендере. Ткани составляли значительную часть вывозимых из этих городов товаров⁷.

Как свидетельствуют поздние письменные источники, изготовлением тканей занимались почти все общества Дагестана. Недаром автор середины XVII в. Эвлия Челеби, посетивший резиденцию кумыкских шамхалов Тарки и другие населенные пункты, писал, что в Дагестане «очень развито кустарничество», в том числе производство тканей⁸.

Дагестанцы изготавливали ткани из шерсти, хлопка и частично из шелка, и все эти ткани создавались, как мы отмечали выше, на местном сырье.

Важное место в хозяйстве края занимало скотоводство, составлявшее по значению вторую после земледелия отрасль хозяйства. Автор начала XIX в., А. М. Буцковский, отмечал, что кумыки, в частности, богаты «всякого рода скотом»⁹.

Ведущую роль играло в Дагестане овцеводство. Участник посольства А. П. Волынского в Персию (1715—1718) и персидского похода Петра I врач Дж. Белл писал о дагестанской шерсти: «шерсть их овец столь хороша, что я такая нигде инде не видывал»¹⁰. Участник того же посольства в Персию А. И. Лопухин в своем «Журнале путешествия через Дагестан» пишет, например, о кубачинцах: «Они ж имеют у себя немалое довольство шерсти, из которой сукна делают сами и по их мастерству не худо делают, а шерсть у них изрядная и мяжка»¹¹. Сравнивая привезенную из Кубачей шерсть с испанской, Лопухин признавал первую лучшей. Особой славой пользовалась андийская порода овец. Так, автор начала XIX в., А. И. Ахвердов, писал об андийцах, что они «в большом количестве содержат стада овец отменных против всех горских овец, так что, когда овца андийская стоит, паховая и боковая шерсть достигает до земли. Из сей шерсти делают сей деревни женщины ямучи по их называемые, а по нашему бурки или род епончи, каковых лучше здешних в Азии нигде не делают и которые продают от 10 руб. до 15 и 25 рублей большею частию в Персию чрез город Дербент, частию же и в Грузию и другия соседственные им места»¹².

Многие общества занимались сукноделением главным образом для продажи, превратив его в ремесло.

Аул Амуши Аварского округа, по официальным данным, изготавливал в год сукна на

¹ Кавказский календарь, стр. 154—156.

² История Дагестана, I, стр. 38, 76.

³ Мунчаев, Смирнов, 1956, стр. 174; Очерки, 1957, стр. 13.

⁴ Котович, 1965, стр. 231.

⁵ Круглов, 1958, стр. 43; История Дагестана, I, стр. 53, 76.

⁶ История Дагестана, I, стр. 97.

⁷ Дорн, 1844, стр. 87; Караулов, вып. XXIX, стр. 11, 15; Караулов, вып. XXXVIII, стр. 5, 88, 114; Савельев, 1847, стр. 9.

⁸ Эвлия Челеби, стр. 94.

⁹ ИГЭД, стр. 244.

¹⁰ Белл, 1776, стр. 180.

¹¹ ИГЭД, стр. 30.

¹² Там же, стр. 226.

12 тыс. руб., аул Карата Андийского округа — на 4 тыс. руб.¹³.

В процессе производства тканей на рынок между отдельными обществами устанавливалось известное разделение труда. Например, о кубачинцах и их соседях Д. Анучин пишет: «Купив шерсть, кубачинцы моют ее, расчесывают и сучат нитки, которые отдают затем в соседние селения и получают обратно сукнами»¹⁴. Он же отмечает, что кубачинцы таким образом получали от своих соседей ежегодно до 500 «кусков», полагая в каждом «куске» 6,5—7 русских аршин.

Предназначенные для реализации на стороне «куски» сукна чаще всего попадали в руки местных торговцев. Эти торговцы обычно большими партиями вывозили товар в Дербент, Темир-Хан-Шуру, очень часто в Закавказье, где дагестанские изделия имели большой спрос.

Характер торговли сукнами в Закавказье и ее значение для отдельных обществ наглядно видны из того же описания сел. Кубачи. «Сукна отвозят весною в Нуху,— пишет Д. Анучин о кубачинцах,— причем ездят не все, а человек 40—50, имея каждый по несколько (10—15) вьючных лошадей. Если положить среднюю цену, 7—8 руб. за кусок, то получается валовой доход до 35 000 рублей... Из части сукон, впрочем, шьются также на месте черкески, которые отвозятся на продажу готовыми. Сукна идут в Нуху, где их покупают местные и тифлиские армяне, которые провозят их по всему Закавказью, а также отправляют в Персию и Малую Азию»¹⁵.

Таким образом изделия дагестанских мастериц реализовались далеко за пределами их аулов и попадали на рынки сбыта через вторые-третьи руки.

Сами же мастерицы или члены их семьи не так часто вывозили свои изделия на продажу в города. Они обычно выезжали лишь на базары близлежащих населенных пунктов.

Местные торговцы через свои лавки, открытые в крупных населенных пунктах, продавали кустарям привезенную из других мест — Закавказья, Астрахани, Темир-Хан-Шуры, Кизляра, многих обществ Аварии — высококачественную шерсть и другие товары, имеющие спрос в горах. Среди них были и такие, которые занимались только торговлей шерстью, особенно верблюжьей, ценившейся в центрах сукноделия Дагестана весьма высоко.

Нередко торговцы раздавали шерсть лучшим мастерицам-суконщицам для выполнения своих заказов. Труд мастерицы в таких случаях вознаграждался половиной стоимости вытканного отреза или шерстью на полный отрез ткани.

Следует указать, что производство тканей имело сезонный характер. Им занимались в основном с поздней осени до весны, в свободное от полевых работ время, а весной готовые изделия реализовывались.

Жители многих районов издавна возделывали технические культуры, в частности хлопок, коноплю и марену, что неоднократно отмечалось авторами XVIII—начала XIX в. Участник персидского похода Петра I И. Г. Гербер (начало XVIII в.), например, писал о жителях главного селения Тарковского шамхальства Тарки, что они «сеют... хлопчатой бумаги, которая здесь наилучше растет»¹⁶.

То же самое отмечал и Дж. Белл, характеризуя экономическое состояние Аксаевского и Тарковского владений¹⁷.

Дагестанский хлопок весьма заинтересовал Петра I, который, осмотрев хлопковые поля у кумыкского сел. Буйнак во время персидского похода, отметил в «Походном журнале»: «Пришли ночевать в урочище Старого Буйнака (тут же дорогою видели бумагу хлопчатую, как растет)»¹⁸.

Хлопок и конопля в отличие от марены, видимо, не имели здесь товарного значения, а шли главным образом на домашние нужды, в частности на изготовление тканей, паласов и т. д. К концу XVIII в. в результате расширения притока русских хлопчатобумажных тканей возделывание хлопка и конопли в Дагестане значительно сокращается. Уже в начале XIX в. (1812) А. М. Будковский пишет, в частности, о засулакских кумыках, что здесь «бумага хлопчатая в малом количестве»¹⁹.

Немалое значение в изготовлении одежды имело и шелководство.

Перечисленные выше материалы и изделия домашних промыслов не удовлетворяли культурно-бытовых потребностей дагестанцев. В значительной мере они пользовались также привозными материалами, в частности тканями, которые шли преимущественно на нательную одежду, главным образом на рубахи, а также на бешметы, женские платья, платки.

Благодаря своему выгодному географическому положению население края оказалось очень рано втянутым в орбиту оживленных торговых отношений с внешним миром.

Через приморский Дагестан проходил известный в древности прикаспийский путь международной караванной торговли, связывавший Восточную Европу с Кавказом и Передним Востоком. Одно из ответвлений этого пути связывало Дагестан со знаменитым раннесредневековым «шелковым путем», ведущим из Китая в Византию через Центральную и Среднюю Азию и проходившим на определенном

¹³ Пиралов, 1914, стр. 209.

¹⁴ Анучин, 1884, стр. 426.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ИГЭД, стр. 71.

¹⁷ Белл, 1776, стр. 60.

¹⁸ Цит. по кн.: Лысцов, 1951, стр. 32.

¹⁹ ИГЭД, стр. 244.

этапе, по единодушному признанию исследователей, через степи Северного Кавказа²⁰. Недаром среди археологических находок этого периода встречаются фрагменты китайских и среднеазиатских тканей, стеклянная финикийская посуда, прибалтийский и днепровский янтарь, византийские, персидские и другие монеты.

В этом отношении большой интерес представляют фрагменты раннесредневековых шелковых тканей, найденные в Верхнечирьюртовском и Бавтугайском могильниках VI—VIII вв. По мнению исследователя А. А. Иерусалимской, эти ткани, скорее всего, китайского происхождения²¹.

Китайские и другие ткани могли попасть сюда не только вместе со среднеазиатскими (согдийскими) шелками, «будучи перекуплены в Согде местными купцами, но и... через Хазарию»²², по территории которой пролегал важный путь международного значения, в частности караванная дорога из Багдада в Булгары и далее. Важнейшими пунктами на торговом пути были приморские города Дагестана Дербент и Семендер, которые являлись главными центрами ткацкого производства и в которые попадали товары как из внутренних областей Дагестана, так и из многих стран Закавказья и Переднего Востока. Арабский историк первой половины X в. ал-Истахри, описывая Дербент (Баб ал-Абваб), как оживленный портовый город на Хазарском море, свидетельствует, что «к нему стекаются хазары, сериры, шензаны, хайзаны, курджи, рукланы, зерикераны и гумик с севера, а также являются туда люди из Джурджана, Табаристана, Дейлема и Джиля»²³.

Подобную же роль играл и другой раннесредневековый дагестанский город, Семендер. Источники прямо указывают, что Семендер, который продолжительное время был столицей Хазарии, — «большой приморский город», что в нем производятся шерстяные ткани, имеются базары, купцы и он поддерживает торговые связи со многими странами²⁴. В течение примерно 150 лет, до перенесения в VIII в. столицы Хазарского каганата из Семендера, территория северо-восточного Дагестана представляла центральный район каганата, с которым были связаны как внутренние, так и внешние экономические и политические мероприятия хазар. Для характеристики торговых связей Дагестана очень интересно сообщение автора XII в. Абу Халида ал-Андалуси (Гарнати) о том, что народ Зирихгерана (сел. Кубачи) хранил кости своих покойников в матер-

чатых мешках: богатые — в мешках из золотой парчи и из греческого (?) шелка, а бедные — в мешках из небеленой ткани²⁵.

Еще в XV в. на территории Дагестана торговали русские купцы — дорогими тканями, мехами и басонными изделиями (галун, тесьма, бахрома, позумент и др.). В Дагестане находили сбыт различные шелка, золотые и серебряные нитки, доставляемые из Китая, Индии, Средней Азии. Большим спросом пользовались персидские ткани, особенно ситцы всех цветов, среди которых важнейшее место занимал набивной ситец каламкар (каламкер), а также турецкие шали, парча. Все это издавна давало дагестанским феодалам возможность пользоваться одеждой из дорогих тканей: бархата, парчи, атласа, тафты, муслина и др. европейского и восточного производства. Проникновение в Дагестан привозных тканей значительно расширяется с XVII в. С завоеванием Казани и Астрахани Россия получает выход к Каспийскому морю (Волжско-каспийский путь), в результате чего торговые связи России с Ираном, Закавказьем, Средней Азией и другими странами Востока приобретают постоянный характер. Словом, через Дагестан шла довольно оживленная торговля, находившаяся главным образом в руках тезиков (среднеазиатские и иранские торговцы), дербентских, армянских, а также русских купцов²⁶, в которую активно включались дагестанские феодалы — шамхал Тарковский, уцмий Кайтагский и др., извлекая из нее значительную выгоду. Как отмечал посланный по указу царя Михаила Федоровича в 1624 г. в Персию, Индию и другие страны и побывавший по пути в Дагестане русский купец Федот Котов, они взимали с проезжавших восточных и русских купцов «великие пошлины»²⁷, обычно натурой. Благодаря этому в руках местных владельцев скапливались восточные и европейские, в частности русские, товары. Несомненно, среди товаров, входивших в пошлину, большое место занимали ткани. Недаром тот же Котов отмечал, что купцы платили «со выюка по 3 киндяка» (киндяк, кидяк — род ткани, набойка)²⁸.

В торговлю с восточными странами и Россией были вовлечены и «купчины» дагестанских владельцев. В декабре 1623 г. послом шамхала Тарковского Томулдуком и купцом его Фаргатом (он же Фергат-ага), например, было куплено в России товаров на 1430 руб., в том числе «100 юфтей сафьянов разными цветами, 351 ансыр шолку аряжского, 19 кисей, 225 кидяков цветных, 2 скатерти бумажных, 135 миткали, 80 выбоек, 2 кутни камочка кизылбашская з золотом, 3 кушака шоловых.

²⁰ Пигулевская, 1961, стр. 194, 207; Иерусалимская, 1967, стр. 73.

²¹ Иерусалимская, 1967, стр. 73.

²² Там же, стр. 71.

²³ Караулов, вып. XXXVIII, стр. 15.

²⁴ Дори, 1844, стр. 87.

²⁵ Гарнати, стр. 26.

²⁶ Кушева, 1963, стр. 41.

²⁷ Хоженко, стр. 35.

²⁸ Там же, стр. 34.

2 юфты шолковых, 15 завесов выбойчатых, 12 дорогов гиланских, 38 кушаков больших бумажных, а в парчовых 17 выбоек больших, а в них 270 арш., 300 арш. бязи толстой...» и т. д.²⁹

Владелец Буйнака крым-шамхал Ильдар в 1621 г. в своей грамоте царю Михаилу Федоровичу «челом бьет», чтобы государь повелел «поволить купити» в России его купцу «узрочные товары», а «с ним которой товар повольно продати, и везде было ему повольно торговати без зацепок»³⁰. В 1621, 1623 и 1627 гг. в Москву приезжал «купчина» Ильдар и привозил товаров соответственно на 1980, 2893 и 3684 руб. В 1642—1643 посол Сурхая привез товаров на сумму 8110 руб. Привозили в Москву товары «купчины» и других дагестанских владетелей³¹. «Купчины» по челобитью обычно освобождались от уплаты таможенных пошлин.

Дагестанские «купчины» возили в Россию не только товары местного производства — овчины, ковры, шубы, сукно, бурки, — но и (преимущественно) товары, приобретаемые на восточных рынках или шедшие через Дагестан транзитом, — всевозможные шелковые и бумажные ткани из Азербайджана, Ирана и Средней Азии, шелк-сырец и шелк крашеный, сафьяны, шелковые кушаки³². Так, в январе 1627 г. среди товаров, привезенных в Россию тем же купцом Фаргатом, числилось «174 дороги гиланские всяких цветов, 900 янсырей шолку аряжского разных цветов, 400 кидяков, 100 миткалей, 30 выбоек, 3 кутни, 200 юфтей сафьянов жолтых и красных таврских»³³.

Особое значение в установлении регулярной торговли с Россией приобретают для горцев Северного Кавказа и Дагестана город Терки, возникший в XVII в. у самых границ Кумыкской равнины (у устья реки Терек), а также Астрахань, связи с которой в последующий период приобретают еще большее значение.

Возникновение в XVIII в. у самых границ Кумыкской равнины нового центра торговли русских с горцами, города Кизляра, значительно расширяет связи народов Дагестана с Внутренней Россией. Это был наиболее близко расположенный русский торговый город, жители которого могли «производить выгодный торг с горцами Северного Кавказа». «Кизляр, — писал в 1838 г. в своих „Путевых записках“ П. Заблоцкий, — превосходит прочие города Кавказской области обширностью своей торговли, которую он ведет с губерниями: Астраханскою, Нижегородскою, Екатеринодарскою, Харьковскою, Курскою, с обеими столи-

цами, с горскими и кавказскими народами»³⁴. Близость города, ведшего обширную торговлю, была для горцев очень выгодна. В 1765 г. кумыки и кабардинцы были освобождены от уплаты пошлин «при покупке товаров в Кизляре», а также «при продаже собственных произведений и скота»³⁵. Еще в начале XIX в. в Кизляре было три рынка, три «гостиных дома» (причем один из них специально для «татарских»³⁶ торговцев), а также несколько постоянных лабазов и лавок, где продавались бархат, парча, кармазины (алое сукно), штофы, кисея, полотно, позументы, сукна, холст, выбойки и т. д.³⁷. Источники начала XIX в. отмечают, что в Кизляр «из заграницы горские кумыки и другие народы привозят хлопчатую бумагу, марену, куньи меха, мед и разные фрукты, кои из Кизляра отправляются по большей части в Астрахань»³⁸.

Горцы были непосредственно связаны с Дербентом, крупным торговым городом, расположенным в приморской части Дагестана, и с Астраханью, роль которой в торговле с Дагестаном возрастает с установлением регулярного пароходного сообщения между Астраханью, Петровском и Дербентом. Астрахань играла роль как бы международного торгового центра, ведшего обширную торговлю и имевшего несколько гостиных дворов — русский, индийский, армянский и др. Например, в 90-х годах XVIII в. в индийском гостинице дворе числилось до 100 торговых людей — индийцев, живших здесь постоянно, имевших торговые сношения с Персией, Хивой и Бухарой³⁹.

С окончательным присоединением Дагестана к России значительно увеличился приток русских товаров. В частности, расширился ассортимент тканей. Помимо бархата, атласа, тяжелых цветных шелков в это время появились и дешевые бумажные ткани: ситец, бязь, сарпинка, кумач, нанка, хлопчатобумажные платки и т. д., которые в какой-то степени были доступны и среднему слою горского общества. «Русские ситцы, нанки, другие бумажные товары, — читаем мы в „Обзрении Российских владений за Кавказом“, — сбываются в Дагестане в большом количестве по выгодным ценам; они решительно берут преимущество перед тканями персидскими, так что купцы находят мало пользы в торговле последними. Употребление наших бумажных тканей

³⁴ Заблоцкий, 1838, стр. 16.

³⁵ Фадеев, 1957, стр. 211; см. также: Бутков, 1869, стр. 104.

³⁶ В группу «татар» официальная статистика того времени зачисляла все тюркоязычное население Кавказа — азербайджанцев, кумыков, балкарцев, карачаевцев, ногайцев и др.

³⁷ См.: Описание, 1809, стр. 446; Фадеев, 1957, стр. 210.

³⁸ Описание, 1809, стр. 446.

³⁹ О состоянии Астрахани, стр. 28.

²⁹ Русско-дагестанские отношения, стр. 77.

³⁰ Там же, стр. 73.

³¹ Кушева, 1963, стр. 297.

³² Там же, стр. 298.

³³ Русско-дагестанские отношения, стр. 81.

невысокой цены распространяется с каждым годом более и более, а персидские доставляются немногими из бакинских и шемахинских купцов»⁴⁰.

Приток русских текстильных изделий и других товаров значительно возрастает после возникновения наряду с древним Дербентом новых городов — Темир-Хан-Шуры, Петровска, а также слободы Хасавюрт. Особенно большое значение приобретает русская торговля в Дагестане с ликвидацией здесь феодальной раздробленности, образованием Дагестанской области с единым управлением, а затем и со строительством в 90-х годах Петровской линии Владикавказской железной дороги, т. е. на рубеже XIX и XX вв.

Таким образом, горцы Дагестана постепенно втягивались в русло торговых связей, продавая преимущественно зерно, скот, строевой лес, марену, шелк-сырец, шерсть, кожу и пр. и покупая значительное количество русских и других промышленных, особенно текстильных, изделий. Продолжали поступать, хотя реже, и дорогостоящие восточные (из Турции, Персии, Средней Азии, Индии) ткани, шарфы и платки, которые до сих пор можно найти в каждом дагестанском ауле в качестве семейной реликвии.

Товарно-денежные отношения постепенно проникали во все сферы экономики Дагестана, взламывая присущую феодальному строю натуральную замкнутость хозяйства. Привозные ткани, кожи и другие материалы, шедшие на одежду и обувь, реализовались главным образом в крупных селениях — центрах торговли (Кази-Кумух, Тарки, Эндирей, Цудахар, Урахи, Акуша, Чох, Хунзах, Ахты, Дженгутай и др.) через постоянные лавки, а также на еженедельных базарах. По сведениям наблюдателей начала XIX в., в кумыкском селении Эндирей, которое нередко называли «все-му кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость»⁴¹, по пятницам на большой базар съезжалось множество народа. «Постоянный предмет солидной торговли, — писал И. Березин о базаре в престольном городе шамхалов Тарки в середине XIX в., — составляют здесь бумажные материи для горских щеголих, верблюжье сукно для горских щеголей и татарские башмаки для всех вообще»⁴².

Распространению привозных тканей, а также готовых изделий фабрично-заводской промышленности, в том числе одежды и обуви, способствовало и то обстоятельство, что многие жители из аулов, расположенных в непосредственной близости к городу (Казанище, Халимбек-аул, Муслим-аул, Маджалис, Аксай, Эндирей, Берикей, Урахи, Губден, Мюрего, Кадар), а в ряде случаев и в дальних

обществах, занимались извозом. На арбах они перевозили во Внутренний Дагестан разные товары, доставляемые морем из Астрахани и Баку, а железной дорогой — из центральных областей России. Извозчики из этих аулов отправлялись «артелями в пределы Терской области на заработки»⁴³.

Среди горцев было также немало отходников, работавших вне области — на Северном Кавказе, в Закавказье, а также далеко за пределами Кавказа по найму. Так, еще в 1839 г. в Кизляр для заработков прибыли из Дагестана 7514 человек. В этом отношении небезынтересны данные, приведенные на страницах газеты «Кавказ» в 1846 г.: «Взгляните на мусульманские провинции в сентябре месяце. Вы увидите до 30 тысяч лезгин (горцев Дагестана. — С. Г.) разных обществ, гонимых с гор стужей и нуждой, рассыпающихся по Алазанской долине, от Кахетии до Салияна, отыскивающих насущный хлеб... На лето же, знойное в долинах, лезгины уходят в свои горы, покупая на заработанные деньги ситцы, бурметы и другие товары, променяемые ими в горах на скот и хлеб для прокормления семейств летом»⁴⁴.

Число отходников значительно увеличивается на рубеже XIX—XX вв., с развитием капиталистических отношений и классового расслоения в дагестанском ауле. Об этом наглядно свидетельствуют официальные данные за 1898 г.

«Недостаток в местных средствах к существованию, — отмечалось в „Кавказском календаре на 1893 год“, — вынуждает дагестанских жителей отыскивать их на стороне. Начиная с осени, по уборке хлебов, масса рабочего люда расходится из Дагестана по всему Кавказскому краю, в Закаспийскую область и во внутренние губернии империи, отыскивая себе заработок во всех видах труда: нанимаются чернорабочими на земляные работы, по возделыванию садов, по проведению оросительных канав; уходят с арбами для перевозки грузов; многие поступают в услужение в качестве сторожей и надсмотрщиков; знающие ремесла переходят из города в город, устраивая временные мастерские и сбывая свои произведения... На заработки жители уходят из всех частей области, преимущественно же из нагорных округов. Ежегодно из области отлучается от 35 до 45 тысяч человек, что составляет половину способного к труду мужского населения. Кроме массы уходящих на заработки одиночных рабочих, целые населенные пункты на склонах Главного хребта, перекочевывают со своими стадами... в соседние губернии... Из нагорных селений Самурского округа ежегодно отправляется со стадами овец

⁴⁰ Обзорение, 1836, стр. 184—185.

⁴¹ ИГЭД, стр. 213.

⁴² Березин, 1849, стр. 58, 59.

⁴³ Кавказский календарь, стр. 154.

⁴⁴ Состояние рабочего класса.

на зимние пастбища Бакинской, Елизаветпольской и Тифлисской губерний более 6000 семейств, в числе около 40 000 душ, что составляет почти две трети населения округа»⁴⁵.

Здесь же приводятся данные и по другим округам, в частности по Гунибскому, откуда тринадцатитысячное население Анцухо-Капучинского и Бохнодальского наибств, за исключением стариков, перекочевывает в Закавказье.

Отмечая отходничество у лакцев, Е. Вейденбаум писал, что «ежегодно около 10 000 казикумухцев покидают в сентябре месяце свою родину и расходятся в качестве лудильщиков, оружейников, чернорабочих и т. д. по всему Кавказскому краю, в землю Донского войска, Астрахань, Оренбург, Персию и Турцию. В мае они возвращаются домой для обработки своих полей»⁴⁶.

Таким образом, развитие товарно-денежных отношений, втягивание Дагестана в русло торговых связей, рост отходничества вызвали приток в Дагестан большого количества привозных фабрично-заводских изделий. Это, в свою очередь, обусловило проникновение

иноэтнических, в частности русских, элементов в одежду народов Дагестана.

Распространению русской одежды среди местного населения способствовало также длительное взаимное общение линейных казаков с притеречными жителями — кумыками, ногойцами, широкое развитие между ними куначества, своеобразного кавказского побратимства.

Несмотря на все вышесказанное, изделия домашних промыслов еще долго играли весьма существенную роль в народной одежде.

«Домашние промыслы, — отмечал В. И. Ленин, — составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»⁴⁷. Это в равной мере относилось и к дореволюционному горскому крестьянству. Денежное обращение в целом развивалось в феодальном Дагестане сравнительно медленно и неравномерно, хотя и затрагивало все слои населения. В то же время значительная часть трудового населения края до Советской власти не могла полностью обеспечить себя одеждой из добротных фабричных тканей, а также готовой обувью и другими изделиями фабрично-заводского производства.

2. ПРЯДЕНИЕ И ТКАЧЕСТВО

СУКНОДЕЛИЕ

Среди тканей домашнего производства первое место в XIX—начале XX в. занимало сукно⁴⁸. Сукноделием занимались в Дагестане почти повсеместно, но главными центрами его были Цахур, Карата, Цудахар, Хаджал-Махи, Акуша, Эндирей, Казанище, Кумух и др.

Несмотря на архаическую технику, применявшуюся в ткацком деле, многие женщины Дагестана благодаря кропотливому труду и опыту, накопленному многими поколениями, достигли большого мастерства в выделке тканей всех видов, особенно в сукноделии.

Среди 64 образцов, собранных в начале XX в. в различных частях Кавказа и подвергнутых лабораторным исследованиям, «самыми плотными по ткани оказываются сукна дагестанские, имеющие в основе от 116 до 288 ниток, а в утке — от 30 до 84»⁴⁹. Дагестанские сукна, известные преимущественно под названием «лезгинские шали», находили широкий спрос не только на всем Кавказе, но и в

Центральной России, в странах Передней Азии (особенно в Иране) и др.

В литературе неоднократно отмечалось значение сукноделия в Дагестане, высокое качество изделий мастериц. «Суконные изделия кавказского кустарного производства, — писал знаток этого ремесла А. С. Пиралов, — отличаются большим разнообразием по качеству шерсти, способу заготовки пряжи, характеру ткани, цвету, рисунку и пр. Но районы производства сукон высокого качества... не велики... По своим высоким качествам более всего прославились дагестанские (лезгинские); из них особенную известностью пользуются белые тавлинские (горские. — С. Г.) из овечьей шерсти, верблюжьи и пуховые»⁵⁰. Лучшими в Дагестане считались аварские, даргинские и лакские сукна.

«Дагестанская область, — писал О. В. Марграф... — может быть рассматриваема как самый главный и самостоятельный район суконного промысла на Северном Кавказе. Здесь производство сукна специализировано и распространено более, чем где-либо на Кавказе... В деле суконного производства Казикумухский, Даргинский и Аварский округа по отношению к прочим занимают такое же положение, как столичный портной к деревенско-

⁴⁵ Кавказский календарь, стр. 153—154.

⁴⁶ Вейденбаум, 1903, стр. 104.

⁴⁷ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — ПСС, т. 3, стр. 328.

⁴⁸ Дарг. сукъбан, кум. чепкенлик, авар. сугъур, лак. чухъа, лезг. магъут.

⁴⁹ Пиралов, 1914, стр. 211.

⁵⁰ Там же, стр. 209—210.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА ДАГЕСТАНА

(Конец XIX — начало XX в.)

ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

ОКРУГА

- I ТЕМИРХАНШУРИНСКИЙ
- II ДАРГИНСКИЙ
- III КАЙТАГО-ТАБАСАРАНСКИЙ
- IV КЮРИНСКИЙ
- V САМУРСКИЙ
- VI КАЗИКУМУХСКИЙ
- VII ГУНИБСКИЙ
- VIII АНДИЙСКИЙ
- IX АВАРСКИЙ

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

ОКРУГА

- X КИЗЛЯРСКИЙ
- XI ХАСАВЬЮРТОВСКИЙ

ГРАНИЦЫ

- Территория совр. Дагестанской АССР
- областей и губерний
- ... округов

КАВКАЗСКАЯ СЕМЬЯ

Дагестанская группа

- Аварцы
- Ангийцы
- Дидойцы (цезы)
- Ботлихцы
- Годоберинцы
- Чамалалы
- Квадинцы (багулалы)
- Тиндинцы
- Каратинцы
- Ахвахцы
- Хваршинцы
- Божтинцы

Арчинцы

Даргинцы

Кайтагцы

Кубачинцы

Лезгины

Агулы

Рутульцы

Цахурцы

Табаसरанны

Лакцы

Нахская группа

Чоченцы

АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ

Тюркская группа

Кумыки

Ногайцы

Азербайджанцы

ИНДОВЕРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

Славянская группа

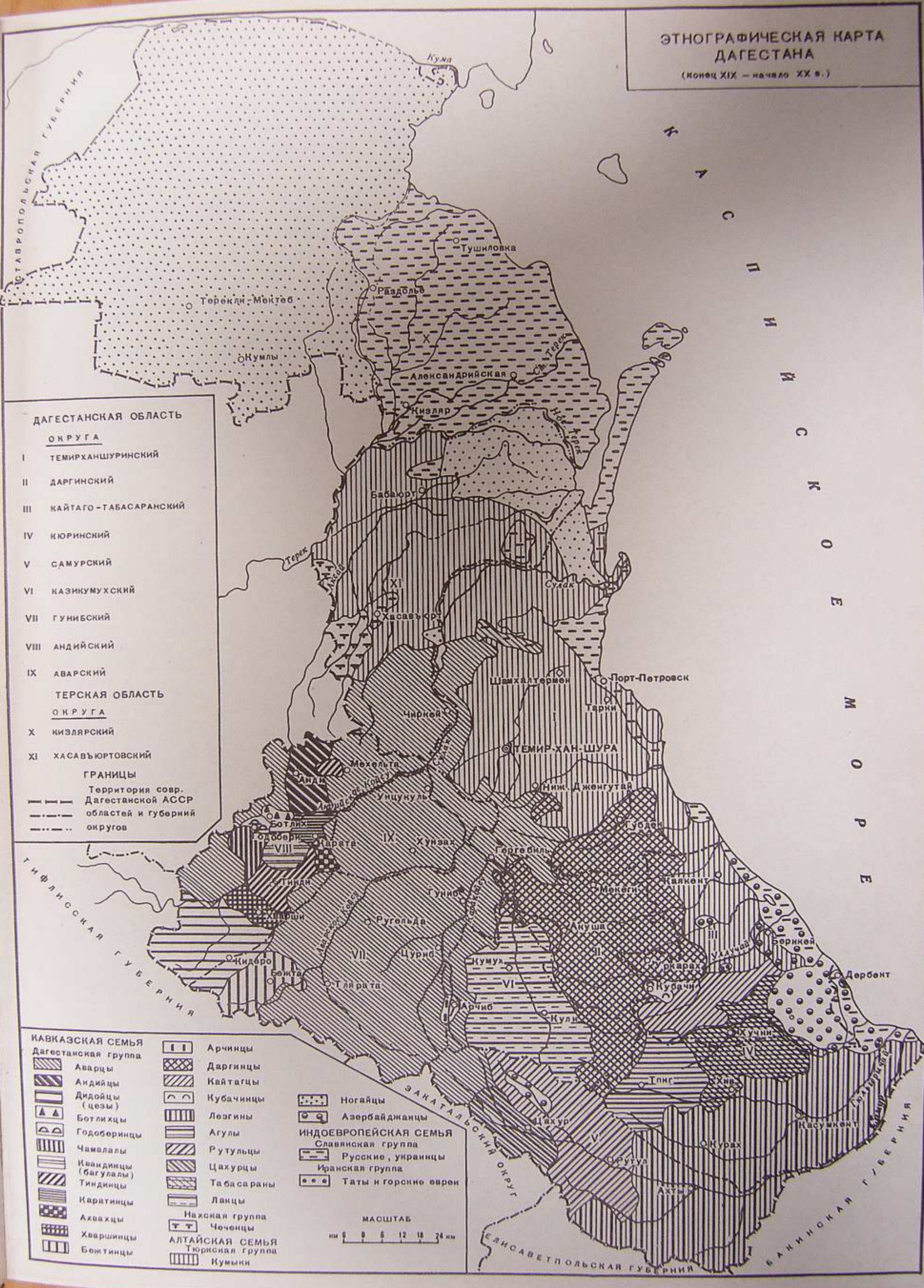
Русские, украинцы

Иранская группа

Таты и горские евреи

МАСШТАБ

км 0 5 10 15 20 25

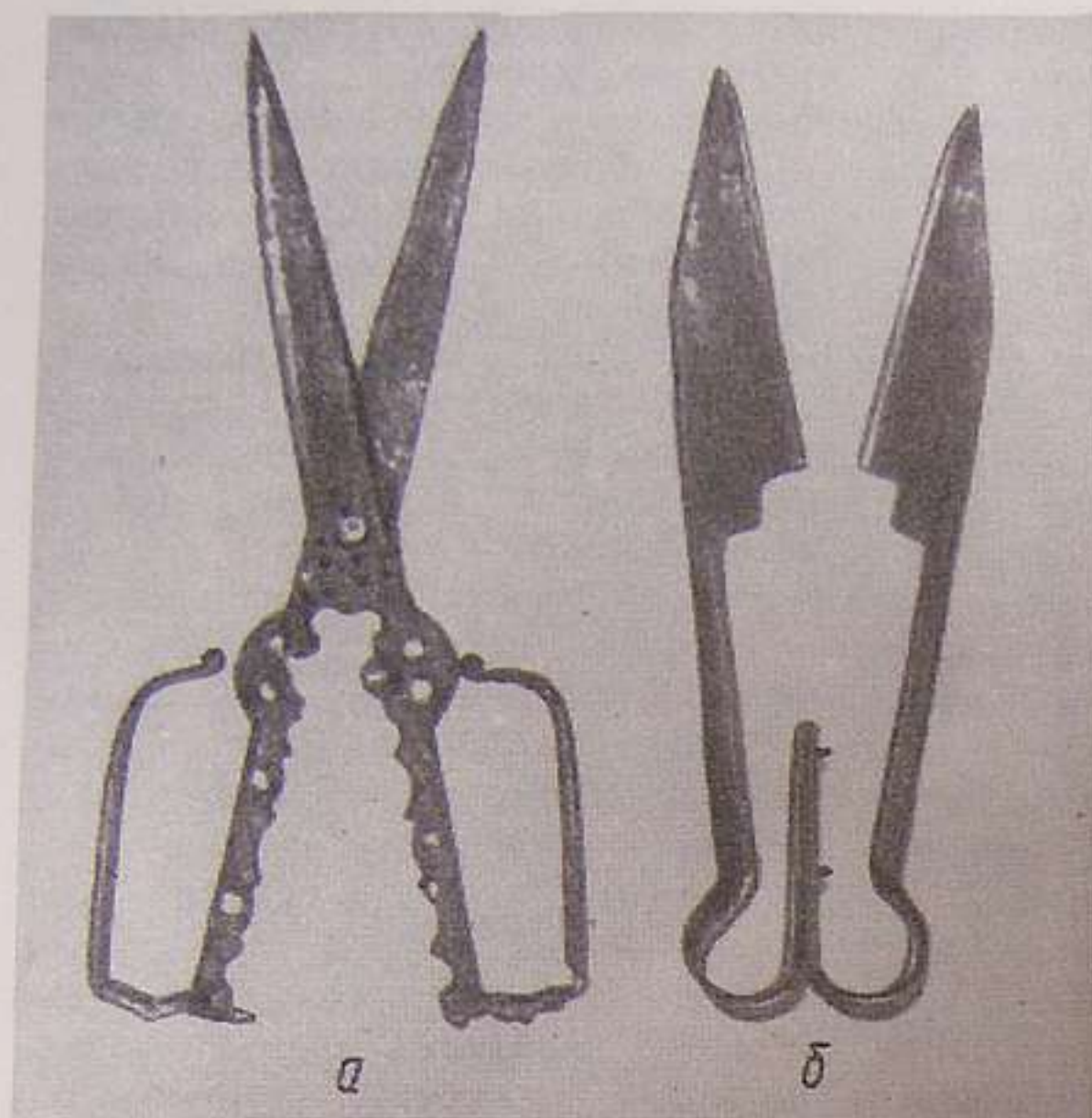

Рис. 1 Ножницы для стрижки овец:
а — аварские (с. Согратль), б — кумыкские (с. Уллубий-аул)

му: в них изготавливают преимущественно тонкие, высокие сорта сукон...»⁵¹.

Тот же исследователь отмечал, что качество дагестанского сукна помимо мастерского изготовления его определяется также условиями выпаса овец. Прекрасные альпийские пастбища, расположенные недалеко от моря, по мнению автора, создают условия, аналогичные тем, при которых в Испании разводят знаменитую мериносую овцу.

В пределах каждой из названных выше этнических территорий, в свою очередь, были особо прославившиеся центры сукноделия. У аварцев, например, славились своим качеством сукна мастериц обществ Келеб и Карата. Е. Марков прежде всего выделил «селения Кельского (Келебского. — С. Г.) общества, славящиеся в горах лучшими лезгинскими сукнами (шали); женщины их — удивительно искусные ткачихи и за зиму продают сотканых ими шалей не менее как рублей на 60 каждая хозяйка; кусок шали обыкновенно стоит здесь рублей 10. Шали эти идут в Грузию и Кахетию... Самые знаменитые кельские ткачихи считаются в ауле Ругильде»⁵².

Не знали конкуренции тонкие белые сукна общества Карата, которые еще в 30-х годах нашего столетия пользовались широким спросом и шли на костюмы и дамские пальто.

Сукна высшего качества, особенно из верблюжьей шерсти, изготавливались также хад-

жалмахинскими и цудахарскими мастерицами. «Трудно себе представить, — писал В. Сидоров о цудахарском сукне, — что-нибудь лучше, чем эти прелестные сукна, называемые лезгинскими шалими. Были белые, как лебяжий пух, легкие и почти без весу, по 200 руб. за кусок, были верблюжьего цвета, начиная от 10 руб. за кусок»⁵³. Даже в официальных документах при оценке качества изделий кустарей области особое место отводили сукнам из верблюжьей шерсти хаджалмахинских мастериц, отмечая, что «они тонки, нежны и весьма прочны; употребляются на дамские платья. Цена лучших сортов этих сукон доходит до 200 руб. за кусок, длиною в 10—12 арш.»⁵⁴.

Сукна из верблюжьей шерсти изготавливали и кумычки.

Однако районы производства сукна из верблюжьей шерсти были очень ограничены из-за нехватки сырья. Хаджалмахинские даргинцы, например, верблюжью шерсть приобретали главным образом в Ногайской степи, в Астрахани, Закавказье и Средней Азии, кумычки — у своих соседей-ногайцев.

Для изготовления сукна из овечьей шерсти мастерицы отбирали лучшую шерсть, полученную не путем стрижки, а путем выщипывания. «Кельцы никогда не стригут своих овец, — писал Е. Марков, — и никогда не спускают их с заоблачных альпийских пастбищ в долины. Они обирают с них шерсть только тогда, когда она начинает вылезать сама собою, и этим объясняют необыкновенную мягкость своих тканей»⁵⁵. Повсеместно славилась шерсть андийской породы овец, разводимой главным образом в обществах Анди, Гуниб, Карата, Баклулал (Гумбет), Келеб, а также табасаранской породы, разводимой кроме Табасарана даргинцами сюргинского участка и т. д.

Овечью шерсть для нужд хозяйства обычно делили на две группы — *кзыпар* и *кусман* (дарг., кум.). Для изготовления сукна использовали только *кзыпар*, которая считалась более мягкой. *Кусман* шла главным образом на теплые одеяла, матрацы и иногда подушки. Чтобы получить серое сукно, смешивали белую и серую шерсть. Самым дорогим считалось сукно, сотканное из верблюжьей шерсти, которую, как мы уже отмечали, приобретали на стороне.

Отметим, что все процессы, связанные с ткачеством, выполнялись женщинами и только в вялении (мягчение) готового сукна в некоторых местах принимали участие и мужчины. Каждая девушка должна была уметь прясть, ткать и вязать. Самой лучшей рекомендацией при выходе девушки замуж служили собст-

⁵¹ Маргграф, 1882, стр. 71, 72.

⁵² Марков, 1887, стр. 580.

⁵³ Сидоров, 1897, стр. 374.

⁵⁴ Обзоры, 1893, стр. 45; см. также: Кавказский календарь, стр. 157.

⁵⁵ Марков, 1887, стр. 580.

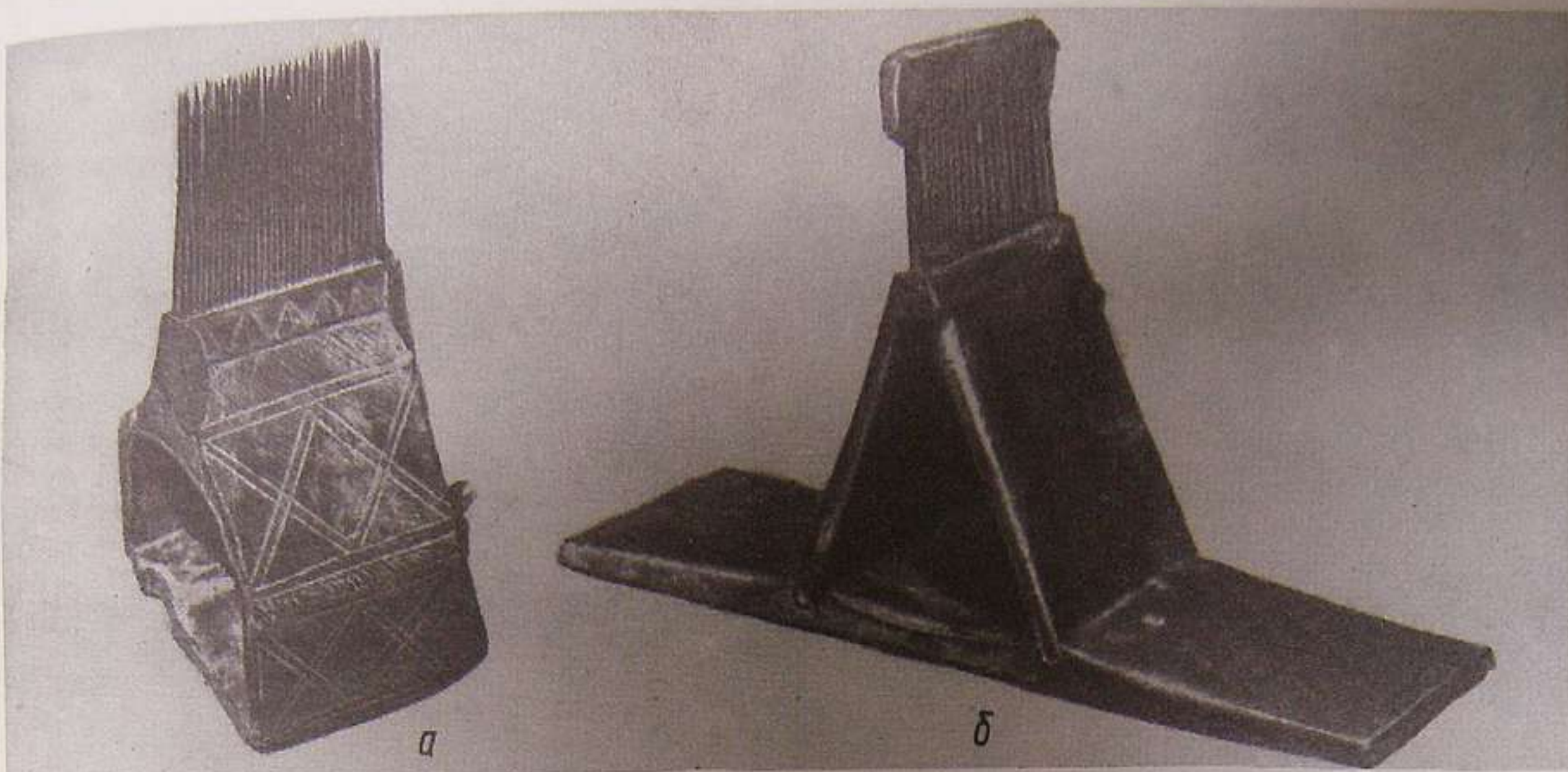

Рис. 2. Гребни для расчесывания шерсти:
а — аварский (с. Кванада), б — даргинский (с. Чирах)

венноручно вытканые ею изделия, и прежде всего сукно, платок.

Перед обработкой шерсть предварительно очищали от грязи и всяких примесей (некоторые мастерицы не мыли шерсть, считая, что она черствеет), а потом тщательно перебирали. Иногда для перебирания шерсти устраивали *булкъу*: собирали вместе девушек для работы, а для поддержания веселья — также юношей.

Расчесывали шерсть на специальном железном гребне, укрепленном на деревянной стойке. Одновременно производилась сортировка шерсти. Шерсть делили на три сорта: сначала вычесывалась самая длинная и мягкая шерсть, которая шла на основу (кум. *бой*), более короткие волокна предназначались на уток (кум. *аркъав*), а та, что оставалась между зубьями гребня, для сукна не использовалась. Длинную шерсть еще раз расчесывали, отделяя короткие волокна для утка. Таким образом обрабатывали шерсть до двух-трех раз. Перемешивая шерсть разного цвета в определенных пропорциях, мастерицы получали нужный цвет. Расчесанную шерсть горянка складывала обычно в сито небольшими кудельками (кум. *къысым*) для удобства последующего использования. Далее готовую шерсть в куделях взвешивали и необходимую часть отбирали для пряжи на основу и на уток.

Пряли шерсть двумя способами: либо на веретене⁵⁶ (этот способ в XIX—начале XX в. преобладал), либо на специальной ручной

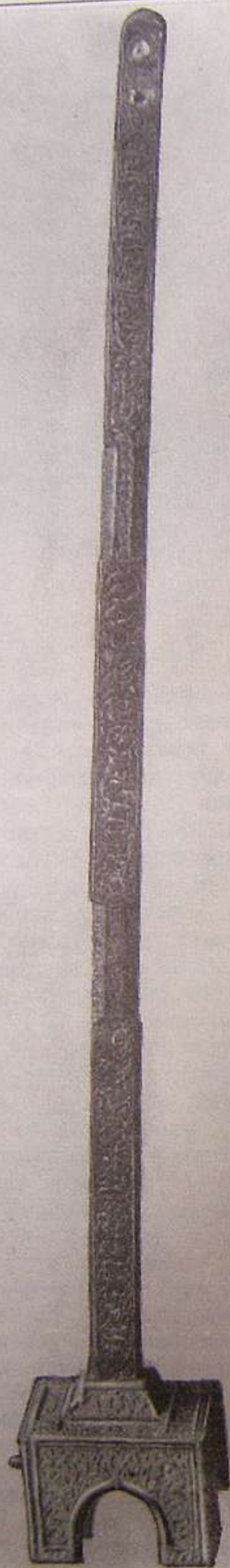
прялке⁵⁷, к которой прибегали реже, считая, что она не обеспечивает достаточную тонкость пряжи. Дагестанское веретено почти не отличалось от веретена других народов Кавказа. Это — простая гладкая палочка, обычно из мягких пород дерева, 25—26 см длиной, круглая в сечении, с крючковидной головкой и утончением на нижнем конце. В верхней части веретена имелось плоское пряслице из дерева, кости или латуни, диаметром 4—6 см. Процесс прядения делился на два этапа. Сначала пряха «заготавливала» шерсть для прядения и сучения, вытягивая из 10—15 куделей сразу шерсть в одну длинную прядь, примерно в палец толщиной, а затем эту заготовку (кум. *билезик*, букв. «браслет»), сложенную особым образом, наматывала на левую руку чуть выше запястья и только после этого приступала к сучению с помощью веретена: мастерица брала веретено за головку двумя пальцами правой руки и крутила его от себя в обратную сторону, отпуская и утончая «заготовку» в нужной мере левой рукой (иногда прибегая к помощи правой). Во многих случаях, когда сукно готовилось наспех, мастерица пряла и без всякой предварительной заготовки — держа и вытягивая левой рукой клочок кудели, а правой крутя веретено.

Пряли, как было сказано, и на прялке, хотя значительно реже. Прялки встречались преимущественно двух видов. Один из них, *кклазари*, *дарага* (дарг.) или *муцатте* (кубачинск.), распространенный преимущественно

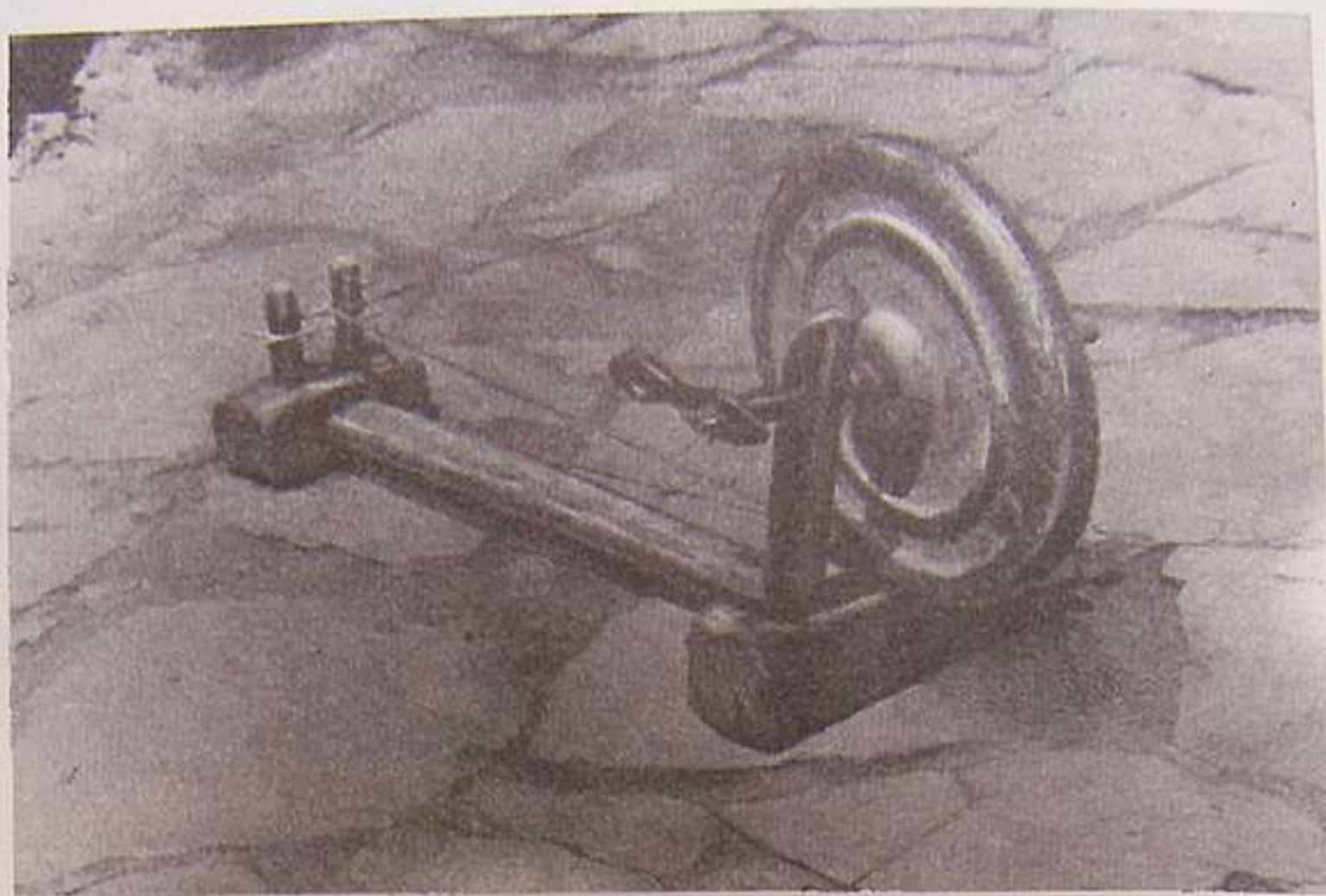
⁵⁶ Кум. *урчукъ*, дарг. *дурук*, авар. *мерго*, отель, лак. *зукка*, лезг. *тупучи*.

⁵⁷ Авар. *кунбасси*, кум. *чыгъыр*, *жегъре*, дарг. *чирхла*, лезг. *чхтра*.

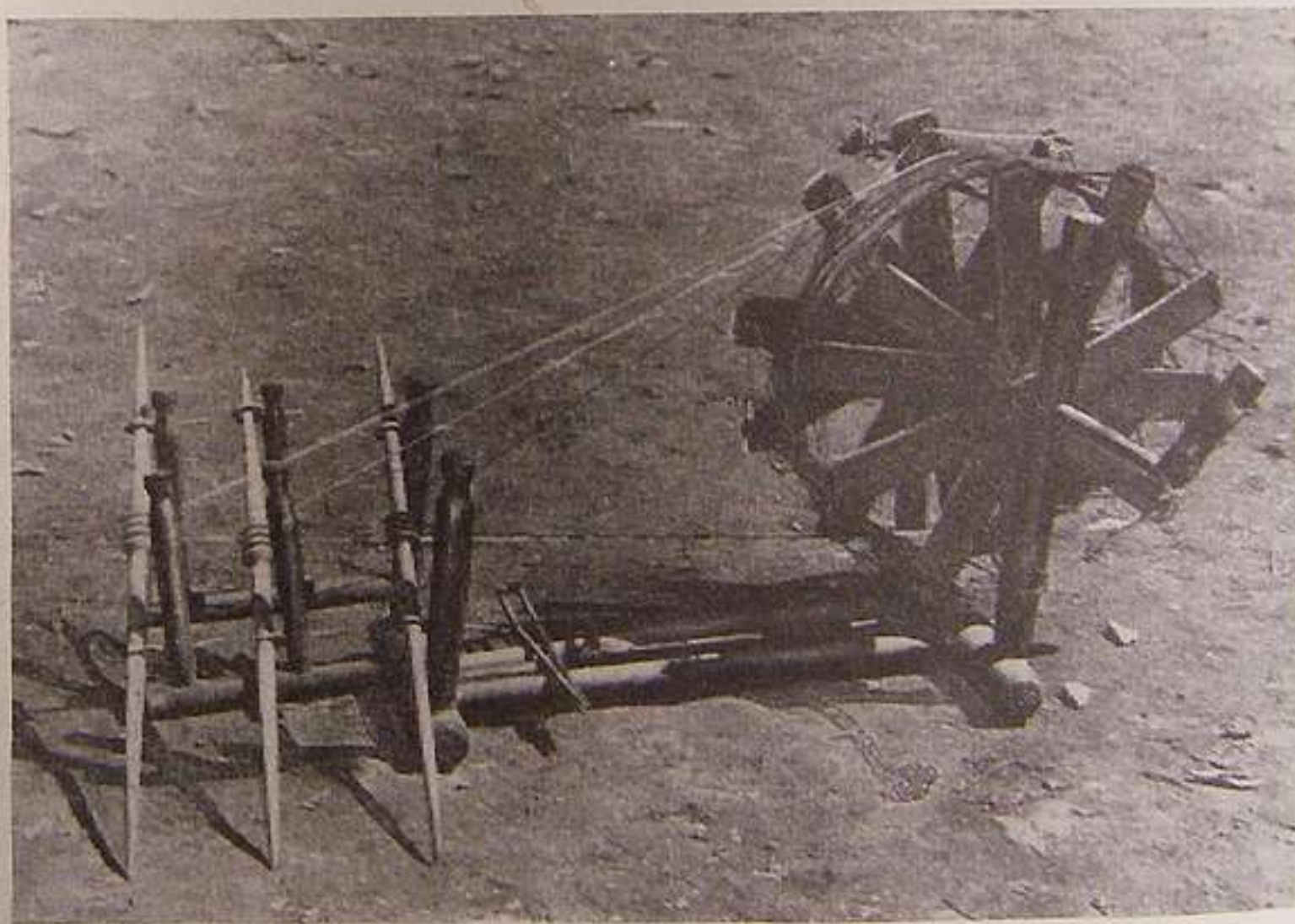

а

б

в

Рис. 3. Прялки:

а — даргинская (с. Кубачи), б — даргинская (с. Чирах),
в — табасаранская (с. Хурик)

в горном Дагестане, был описан Е. М. Шиллингом⁵⁸. Эта прялка представляет собой узкий четырехгранный деревянный столбик — стойку, длиной 120—150 см, укрепленный на массивном каменном постаменте. В верхний конец стойки вбивалась небольшая деревянная палочка (длиной 15—20 см), на которую для лучшего скольжения нити надевалась или гладкая круглая кость, напоминающая катушку, или горлышко от разбитой бутылки; часто стойки имели 2—3 запасных отверстия для вбивания таких же блоков, что обеспечивало работу нескольким женщинам одновременно.

Такие прялки изготовлялись на заказ лучшими мастерами по обработке дерева и камня. Все их части покрывались художественной резьбой и подвергались тщательной отделке.

Другой вид — это прялка с колесом, распространенная повсеместно на Кавказе, в Средней Азии и т. д. Основанием ее служат два параллельно расположенных коротких деревянных бруска и соединяющая их длинная перекидаина. На одном из брусков находятся две вертикальные стойки высотой 45—50 см, между которыми на оси укреплено колесо с ручкой. К противоположному бруску также прикреплены две невысокие стойки (20—25 см). Они снабжены металлическими колечками, в которые горизонтально вставляется веретено. Некоторые прялки имеют дополнительные приспособления (основание и стойки с крючками) для одновременной работы еще двух веретен. Веретено приводится в движение вращением колеса; они соединены двойной бечевкой по типу приводного ремня. Для нарядных черкесок пряжу изготавливали только на веретене. Ее делали очень тонкой, сучением, как правило, в две нитки, а затем, вторично прокручивая веретено, соединяли их в одну. Чем тоньше была пряжа, тем дороже ценилось сукно.

По установившейся традиции горянка работала, сидя на полу, на подушке. Нередко женщины для прядения шерсти, а вместе с тем и для развлечения собирались в одном помещении, куда приносили свои веретена, прялки и сита с кудельками. Они обычно усаживались в круг, поставив в середине две три прялки-стойки и снабдив их дополнительными блоками по числу работающих.

До натягивания на ткацкий станок нитки с веретена перематывались в мотки при помощи мотовила (род небольшой рамы 40 см длиной и 12 см шириной). В ряде горных аулов, где ткачество еще в начале XIX в. играло немаловажную роль, для этой цели применялся более усовершенствованный инструмент *чарчи* (дарг.), очень близкий по своему устройству к описанной выше прялке с колесом.

Рис. 4. Женщина у мотовила (с. Шеяги, дарг.)

Мотки, в свою очередь, перематывались в клубки. Для этого применялось особое приспособление *айланчык* (дарг. от тюрк., букв. «крутилка»), представляющее собой две легко приводимые в движение руками небольшие рамы (длина 60 см, ширина 40 см), посаженные крест-накрест на металлическую ось. Ось крепилась к массивному постаменту.

Встречались и некоторые разновидности этого инструмента. В частности, отличительной особенностью одного из вариантов *айланчык* являлись две перекрещивающиеся планки с небольшими стойками на всех четырех концах, заменяющие рамы. Ось, на которую насаживались планки, в свою очередь, крепилась на более крепкую стойку с каменной подставкой. Если мастерице нужна была двойная пряжа, то она ставила рядом два *айланчык* и сразу наматывала сдвоенные нитки на клубок. Считалось, что для куса сукна длиной 6—7 м требовалось примерно 12 клубков для основы и 3 для утка. Все 15 клубков шерсти весили около 4 кг⁵⁹.

Пряжа, предназначенная для основы, непосредственно, без сновальни, натягивалась на ткацкий станок, для чего использовалось особое приспособление *ручручни* (дарг.), представляющее собой две вырезанные из цельно-

⁵⁸ Шиллинг, 1949, стр. 30—31.

⁵⁹ Там же, стр. 31.

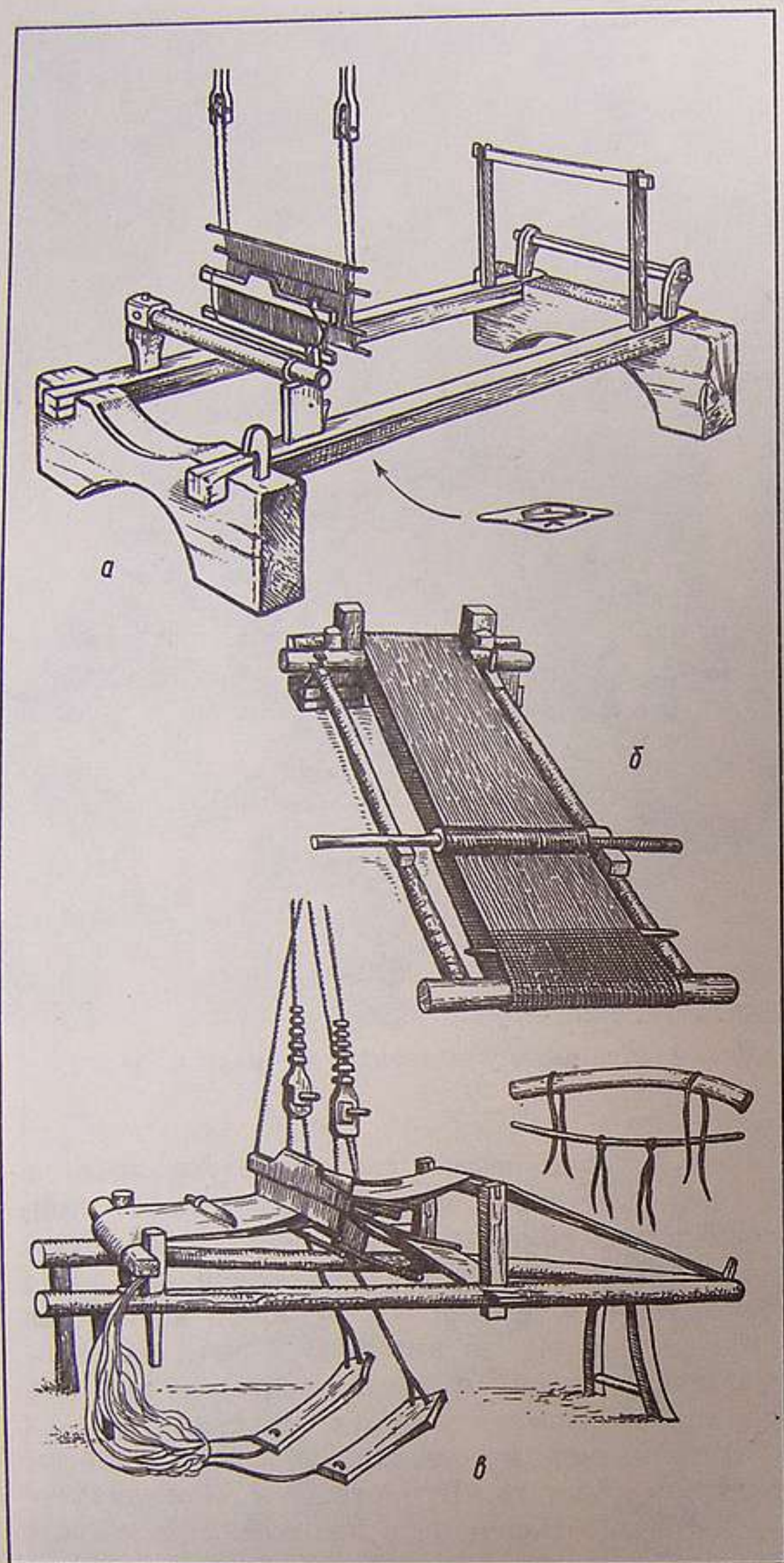

Рис. 5. Ткацкие станки:

а — табасаранский (с. Хурик), для шелка и конопли, б — даргинский (с. Харбук), для сукна, в — даргинский (с. Кища), для конопляных тканей

го дерева чашечки, соединенные между собой двумя горизонтальными, параллельно расположенными планочками. Положив в каждую чашечку по одному клубку, мастерица натягивала шерсть с клубков на раму ткацкого станка. Каждая мастерица натягивала нитку на станок с учетом того, какой длины сукно ей нужно выткать. Кумычки же до полного завершения процесса прядения, как правило, оставляли напряденные нити на веретенах. Для основы они обычно заполняли 9 веретен. После этого пряжу со всех веретен, связывая конец с одного и начало с другого, наматыва-

ли на два шеста, вбитых в землю на расстоянии 10—12 м один от другого (в зависимости от предполагаемой длины отреза). Что касается нити, идущей на уток, то ее с веретен сперва сматывали в мотки (*гелен*) при помощи мотовила, а потом наматывали на челнок (тонкую палочку длиной 30—40 см с острыми концами). Когда все нити, предназначенные для основы, были смотаны, мастерица снимала их, разрезала с одного конца и укрепляла на станке. Часть основы она собирала в особые петли (в косу), легко спускаемые по мере тканья, и также укрепляла в конце станка.

Ткацкие станки у народов Дагестана были двух видов: 1) для работы «на земле», переносные, походные и 2) для работы «в яме» (у кумыков — *чокъа*, *чоха*), неподвижные. Оба вида станков были горизонтальными. В последнем случае станок устанавливался в помещении над специальным углублением — ямой в полу. Ткали, сидя на подушке на полу и спустив ноги в яму на специальные педали. Надо полагать, что «ямный» способ тканья был более древним и раньше исчез из быта. Возможно, он имел распространение только у народов Южного Дагестана, где хорошо помнят о его бытовании и где (например, у южных кумыков, предгорных даргинцев) до недавнего времени в домах сохранялись специальные ямы для станков. Этот вид тканья имеет аналогии и у других народов Кавказа⁶⁰. В Дагестане наиболее широко был распространен переносный ткацкий станок, описанный, в частности у даргинцев, в основных чертах Ю. В. Вадковской⁶¹ и несколько подробнее Е. М. Шиллингом⁶². Этот станок представлял собой массивную деревянную раму (длина 3—3,5 м, ширина 1—1,3 м). Одна из поперечин рамы делалась подвижной для того, чтобы в зависимости от размера отреза сукна удлинять или укорачивать раму.

Боковые брусья станка имели небольшие подвижные подставки с пазами, в которые вставлялась ремизная планка (длиной 1,42 м). Выработанная в результате перебрасывания утка ткань представляла собой на станке как бы непрерывную ленту, которую разрезали после того, как процесс тканья был полностью завершен. Дополнительный инвентарь ткачих состоял из гребня (дарг. *дурикка*) — инструмента для прибивания нити утка, выполнявшего частично роль берда. Он имел лопатообразную форму (длина 30 см, ширина 25 см) и изготовлялся из дерева. В нижний конец его вставлялась железная пластинка с мелкими, частыми зубьями; в середине гребня делались два отверстия.

Челнок (дарг. *члукхIара*) представлял со-

⁶⁰ Лисициан, 1955, стр. 192.

⁶¹ Вадковская, 1930, стр. 202.

⁶² Шиллинг, 1949, стр. 31—32.

бой тонкую, 53—55 см длиной палочку с острыми концами, на которую равномерно наматывалась нить утка.

Для развода слоев нити основы, необходимого для пропуска челнока с нитью, применялась *тамкъ* (дарг.) — длинная (длина 97 см и ширина в середине 4 см) плоская планка с суженными концами. Для нажима сверху на нити основы и их ровного перемещения использовался деревянный плоский инструмент *кимцан* (дарг.) с дугообразной рабочей частью (длина 33 см, ширина в середине 6 см). Горянка ткала, сидя на полу, — на подушке или прямо на вытканной части сукна, подстелив под себя мешковину, чтобы не загрязнить сукно.

Несколько иное устройство имел ткацкий станок у кумыков. Станок кумыков *чепкен агъачлар*, сохранившийся кое-где еще в 20-х годах нашего века, также не отличался особой сложностью. Он во многом напоминал ткацкие станки, известные у чеченцев, ингушей, осетин и других народов Северного Кавказа.

Станок также был горизонтальным, имел массивное деревянное основание *оьрюш* (длина примерно 175—200 см, ширина 25—30 см). В один конец этого основания вбивался брусок высотой более 148 см. На него надевалась первая запасная петля основы. Передняя часть станка имела более сложное устройство. На этот конец насаживался перпендикулярно к основанию толстый брусок длиной 80—85 см. В обоих концах этого бруска просверливались отверстия, куда вставлялись два бруска того же размера, что и брусок противоположного конца. В верхней части обоих брусков делались выемки, в которые горизонтально вставлялся вал (*бурав-агъач*) длиной 140—150 см. Один конец вала имел отверстие; в него продевалась палка, упирающаяся в брусок, что предотвращало вращение вала во время работы.

Другими важными рабочими частями кумыкского станка были две ремизы (*кисив агъачлар*) и подножки-педали (*озенги* или *илакълар*), поднимающие и опускающие нити основы и служащие для образования зева, в который прокладываются нити утка, а также нередко и бердо (*таракъ къав*) с камышовыми зубьями. Известны были станки и без берда.

Зевобразующие приспособления здесь были устроены таким образом: к потолочной балке дома подвязывался толстый длинный шнур с петлей на нижнем конце, в которую вдевалась деревянная палка (*ильмек агъач*). К концам палки подвязывались два коротких шнура, которые, в свою очередь, привязывались к ремизам (за верхние края ремизных палок). К нижним ремизным палкам прикреплялись стремяна. Нажимая на эти педали-стремени, ткачиха поднимала то одну, то вторую поло-

вину нитей основы, образуя зев для пропуска челнока с нитями утка. Для прибивания нити утка использовался гребень (*кисив таракъ*) — деревянная колотушка с ручкой в форме лопаточки, в широкий конец которой вставлялась железная пластинка с зубьями, а для выправления нити основы — дугообразный, двузубый гребень из рога или кости в форме овечьей ножки.

Обязательной принадлежностью наземного ткацкого станка кумыков было кресло для мастерицы. Нередко оно составляло органическую часть станка. Станок кумыков, как правило, к земле не прикреплялся. Массивность конструкции придавала ему достаточную устойчивость. Его можно рассматривать как походный, если не учитывать зевобразующего приспособления, привязываемого к балке потолка. Обычно кумычка работала во дворе, под навесом, куда переносила и станок. Однако «ямные» станки и здесь требовали работы в определенном месте.

Сукно, снятое со станка, опускали на несколько минут в котел с кипящей водой, а потом приступали к уваливанию: клали на молотильную доску или (реже) на плоский камень и мяти ногами целый день с перерывами, подливая время от времени горячую воду из котла. Если за день сукно не успевали размять, то продолжали мять и на второй день. Мяти чаще мужчины, опираясь при этом для устойчивости на две палки. Богатые семьи для мятья нанимали бедноту. Потом ткань хорошо мыли в проточной воде с мылом, отжимали, наматывали на каталку и раскатывали на палас, натягивая и расправляя ее. Затем сукно складывали и оставляли под прессом на два-три дня, после чего вешали на просушку.

Продолжительность процесса тканья и вообще работа над отрезом сукна была индивидуальна. В больших семьях, где было много рабочих рук и где одна из женщин могла уделить свое основное время ткачеству, отрез сукна мог быть соткан за 10—15 дней, в малых семьях, где женщина занималась и другими работами, — за 30—35 дней и более.

Прославленные мастерицы, дорожившие своим именем, тратили на работу еще больше времени (4—5 месяцев), особенно при изготовлении сукна из верблюжьей или белой овечьей шерсти. Зато их тончайшие изделия не знали конкуренции. Такие отрезки стоили 35—40 руб. серебром⁶³.

Чтобы продемонстрировать перед покупателями, заказчиками или другими мастерицами высокое качество своей работы, искусные мастерицы пропускали изготовленные ими отрезки через маленькое колечко, предназначенное для мизинца, либо сравнивали его с глад-

⁶³ Маргграф, 1882, стр. 92.

ками фабричными тканями из чистого натурального шелка (*дарай*). «Сукно как дарай», — говорили, например, цудахарки, восхваляя свой товар. Точно так же рекламировали цахурские женщины свое высококачественное тонкое сукно, изготовленное с применением шелка (основа — шерсть, уток — шелк).

Модными считались серый (мышинный), белый цвета, натуральный желтоватый (сукна из верблюжьей шерсти), хотя широкое применение, особенно для будничной одежды, имели сукна черного, рыжеватого, синеватого цветов. Шерсть, пряжа или готовое сукно неровной расцветки нередко подвергались крашению (см. ниже). Сукноделие дольше сохранялось в горном Дагестане, чем в плоскостном, что объясняется характером занятия населения.

В конце XIX — начале XX в. сукно шло в основном на изготовление верхней одежды: черкесок, башлыков, бешметов, голенищ, обмоток и т. д. Даже в советское время, вплоть до 30-х годов, каратинки ткали свои удивительно гладкие и тонкие сукна цвета слоновой кости. Они шли на башлыки, мужские и женские костюмы и дамское пальто.

ПРОИЗВОДСТВО ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХ И КОНОПЛЯНЫХ ТКАНЕЙ

Жители равнинной части Дагестана и частично предгорья, занимавшиеся возделыванием хлопка, ткали и хлопчатобумажные ткани (кум. *пача*). У кумыков, например, уметь ткать *пача* должна была каждая девушка. Это занятие нашло отражение и в фольклоре народа. В этой связи определенный интерес представляет сообщение Олеария (XVII в.) о том, что в Тарках он встретил старого ткача «бумажной материи» по имени Матфия Махмар, немца по происхождению, проданного турками кумыкам⁶⁴.

Способ прядения и ткань хлопчатобумажных тканей не отличался от описанного выше. Хлопок, так же как и шерсть, сперва очищали, потом перебирали, трепали и делали из него кудели. При изготовлении пряжи из хлопковых волокон чаще применялась ручная прялка. Напряженные нити с веретен пряжки перематывались в мотки. Здесь использовались те же приспособления для мотания и разматывания ниток, что и для шерсти. Сохранялись и самые простые способы мотания и разматывания ниток — на руках и ногах, на коленях, ножках табуретки и т. д. Счет напряженных ниток велся мотками. В мотках пряжу нередко и белили, подкрахмаливали, используя для этого пшеничную или ячменную муку, иногда и красили. Ткали тем же способом, на тех же «наземных» и «ямных»

ткацких станках. В отличие от других видов изделий, хлопчатобумажные ткани иногда делались в клетку, для чего часть пряжи, идущей на уток, красилась.

Хлопчатобумажная ткань *пача* шла на изготовление нижней и верхней легкой одежды, а также постельных принадлежностей.

Некоторые народы, особенно даргинцы Нижнего Кайтага и табасаранцы, в большей степени, чем сукноделием, занимались изготовлением тканей из конопли⁶⁵.

На былое значение и распространение конопляных тканей на этой территории указывают «Постановления Кайтагского удмия Рустем-хана» — памятник обычного права даргинцев XVII в. В них, как еще в свое время отмечал Е. М. Шиллинг, в качестве натуральной оплаты штрафов с подвластного населения обычно называется ткань из конопли (*хапцалдик*)⁶⁶. Их конопляные изделия шли как на удовлетворение нужд семьи, так и — частично — на продажу.

Коноплю сеяли, так же как многие другие яровые культуры, в середине мая. Поля под коноплю тщательно удобряли навозом, но посевы не поливали. Убирали коноплю в августе — сентябре в зеленом виде, причем выкорчевывали с корнями. Вырвав 100—150 стеблей (толстые и тонкие стебли собирали отдельно), их связывали в снопы и тут же отрубали топором корни. Затем из 10—15 снопов делали кошны и ставили сушить на крыше дома или в поле. Как только стебли высыхали (для этого требовалось пять-семь солнечных дней, а в дождь стебли убирали под навес), их снова сортировали в зависимости от длины и опять увязывали в снопы, которые скрепляли уже в середине и с двух концов. В таком виде снопы везли на берег реки и замачивали в специальных прудиках или ямах (дарг. *даррки*). Сложив снопы конопли рядами в яму, их покрывали ветками дикорастущих деревьев или соломой, затем наполняли яму речной водой через специально устроенную канавку. Конопля вымачивалась в течение 10—15 дней, т. е. до тех пор, пока лубяное волокно не приобретало способность легко отделяться. Вымоченная конопля высушивалась тут же или на крыше дома, затем ее мяти, что обеспечивало окончательное отделение луба от древесины стебля.

Мялка представляла собой массивную деревянную или каменную подставку овальной формы (в виде наковальни) и било (дарг. *урк*) — утолщенный в середине брусок с ручкой (длина 110—120 см, ширина 10—12 см), вырезанный из цельного дерева. В некоторых местностях било делалось плоским и рабочая часть его имела острые зубья.

⁶⁴ Олеарий, стр. 499.

⁶⁵ Дарг. *дикIуми*, *хапцалдик*, кум., табас. *сигези*.
⁶⁶ ССКГ, I, стр. 81—88.

Процесс мятья включал в себя и трепание, размягчение и даже, как утверждают мастерицы, беление. После мятья волокна прочесывались. Гребнем или чесалкой (дарг. *бирхъян*) служил особым образом связанный пучок стержней куриных перьев. Этим инструментом волокна сортировались, отбирались лучшие, отделялись некачественные (короткие и грубые), шедшие на изготовление мешков, грубого заверточного материала и т. д.

Процесс прядения конопли делился на два этапа. Сначала делали своеобразные «заготовки» для прядения и сучения, вытягивая из кудели волокно нужной для нити толщины и слегка смачивая его водой. Затем приступали непосредственно к сучению с помощью прялки и веретена. Прялка с колесом и тремя веретенами, о которой говорилось выше, применялась чаще всего именно при изготовлении пряжи из конопли. Для трех веретен делались обычно три самостоятельные «заготовки» волокна, каждая из которых имела свое назначение.

Спряденные нитки (дарг. *барк*) тем же способом, что и шерстяные, перематывались на мотки, выбеливались и подсушивались на солнце. Конопляную пряжу, кроме того, особым образом обрабатывали в горячей зольной воде, мыли на реке, крахмалили, используя для этой цели ячменную или пшеничную муку.

При изготовлении конопляных тканей во многих селениях пользовались специальным приспособлением — сновальней (дарг. *рурченти*). Прежде чем натягивать нити основы на станок, их натягивали на *рурченти* с учетом нужной длины ткани.

Даргинская сновальня представляла собой не очень массивную четырехугольную деревянную раму (длина 190 см, ширина 160 см). Для прикрепления нити на каждой из продольных планок вбивалось по 24—25 гвоздевидных колышков. Снятая со сновальни пряжа шла уже на ткацкий станок, часть ее наматывалась на раму станка, другая, в виде заплетенной косы, отвисала у ножки станка до тех пор, пока первая половина пряжи в готовом виде не поступала на валик.

Станок для конопляной ткани (дарг. *души бушан чикъа*), бытовавший в конце XIX—начале XX в., по своему устройству значительно отличался от более простого ткацкого станка для сукна. Он представлял собой деревянный каркас на четырех ножках треугольной формы, несколько напоминающий остов горской арбы. Каркас состоял из двух продольных брусьев (длина бруса 250 см), образующих с одной (задней) стороны острый угол и соединенных при помощи металлического обруча; с противоположной, широкой, стороны брусья соединялись между собой поперечной перекладиной, являвшейся одновре-

Рис. 6. Женщина за расчесыванием конопли (с. Шилаги, дарг.)

менно и сиденьем для ткачихи. На передней ножке правого бруса имелось отверстие с колом для закрепления пряжи основы.

На каркасе были установлены приспособления: 1) для образования зева, 2) для прибивания уточной нити, 3) для направления нити основы в горизонтальном положении, 4) для наматывания готовой ткани.

Интересно устройство зевобразующего приспособления. К потолочной балке дома привязываются два веревочных кольца, в которые продевается массивная деревянная палка. В центре к палке подвязываются два шнура. Эти шнуры прикрепляются к «державнам», на которых на оси закрепляются два ролика с выемками по поверхности для шнура. Через выемку ролика продевается другой шнур, который привязывается к ремизам за края верхней ремизной планки. К нижним ремизным планкам прикрепляются стремяна, идущие к подножкам-педалям (*тляхла уркъли*), противоположные концы педалей, в свою очередь, через шнур крепятся к задним ножкам каркаса.

Приспособление для прибивания уточной нити — бердо (*дурикка*, букв. «гребень») представляет собой своеобразную четырех-

угольную раму с выступом или ручкой в середине верхней части. В раму вплотную один к другому вставлены зубья из камыша. Бердо по краям имеет отверстия для веревок, которыми оно крепится к балке потолка.

Станок, кроме того, имеет лодкообразный с выемкой в середине для катушки с ниткой утка челнок (*мокок*). Для сохранения готовой ткани в равном и растянутом положении ткачиха пользовалась особой прессообразной двойной планочкой (*чIалгIа*).

Приспособление для направления нити основы в ровном горизонтальном положении (*хъамхъа*) также представлено четырехугольной рамой (30 см высотой и 50 см шириной). Верхняя часть этой рамы, собственно, и представляет направляющий брус. Для наматывания готовой ткани станок имеет массивный товарный валик (*таркъ*). Он крепится к деревянным упорам с выемками, вбитым в продольные брусья каркаса на расстоянии 25—30 см от сиденья.

Для натягивания основы на станок начало нитей проводится вокруг правого упора товарного валика, затем протягивается вдоль правого бруса, заводится в металлическое кольцо (*къял*), прикрепленное к обручу в задней части станка, далее проходит через направляющий брус, затем каждая нить в отдельности продевается в «глазок» (*галево ремиза*), проходит через зубья берда, и, наконец, концы всей продетой в ремиз и бердо основы протягиваются дальше и привязываются к товарному валику. Чуть натянув нити основы на валик, женщина приступает к процессу тканья.

Таким же станком даргинцы пользовались и при изготовлении хлопчатобумажных и шелковых тканей. В некоторых местах, в частности в Кайтате, применялась несколько иная разновидность этого станка. Она очень напоминает татарский ткацкий станок⁶⁷.

Кайтагский станок (*кур*) представлял собой весьма массивный четырехугольный деревянный каркас на ножках (длиной 250 см, шириной 95 см и высотой ножек 60 см). На противоположном от валика и от сиденья для ткачихи конце он имел прямоугольную вертикальную раму (ширина 95 см и высота 105 см), служащую для направления нити основы. Нижние концы этой рамы проходили через пазы продольных брусьев и служили задними ножками станка. В остальном *кур* повторяет устройство описанного выше вида ткацкого станка.

Следует отметить, что на станке такого рода можно было ткать отрезы самых различных размеров — 10—20 м и более. Ширина ткани обычно не превышала 35—40 см.

Чтобы придать белизну конопляной ткани, ее мыли в проточной воде, прибавая специаль-

ной колотушкой до тех пор, пока ткань не становилась белой. Многие женщины для мытья конопляной ткани использовали зольную (щелочную) воду. Для отбеливания же ткань вывешивалась на солнце или на мороз, а затем складывалась слоями определенной длины — обычно 50 см (*декI*).

ПРОИЗВОДСТВО ШЕЛКОВЫХ ТКАНЕЙ

Шелковых тканей горцы Дагестана изготавливали меньше. Тем не менее в отдельных равнинных и предгорных селениях этот промысел играл немаловажную роль. Ряд косвенных данных, а также некоторые этнографические материалы позволяют думать, что жители плоскостного Дагестана в свое время производили гораздо больше шелковых тканей.

Прежде всего отметим, что кумыки повсеместно, за исключением некоторых обществ Темирханшуринского округа, занимались шелководством. «В Чечне и в Кумыкской плоскости, — писал О. В. Маргграф применительно к засулакской части Кумыкии, — шелководством занимается до половины населения, получая по 3—5 фунтов коконов на семью. В плоскостной Чечне ежегодно производят шелку около 830 пудов, а в Кумыкской плоскости — до 875 пудов. Главный сбыт здесь на местных рынках Хасав-юрта и Грозного»⁶⁸.

И. Березин, посетивший в середине XIX в. резиденцию кумыкских шамхалов — крупнейшее селение Тарки, прямо отмечает, что жители там «занимаются дома выделкой шелка и содержат для этого шелковичных червей»⁶⁹. В своем «Описании Дагестана» (1804) А. И. Ахвердов также свидетельствует о занятии кумыков (южных) «шелководством»⁷⁰. Известно также, что некоторые феодально-зависимые общества (Султан-Янги-юрт, Чонт-аул, Темир-аул, Каякент и др.) даже в XIX в. платили подать шелком, обычно по одному мотку с дыма⁷¹. Шелководством занимались почти все цахурцы Закатальского, а также «многие селения Кюринского округов на плоскости... в больших размерах»⁷².

О распространении шелководства в Дагестане во второй половине XIX в. О. В. Маргграф писал следующее: «Относительно шелковой выработки Дагестана нет даже и поверхностных сведений. Но кустари оружейники, пришедшие оттуда, говорят, что там есть целые селения, где шелком заняты женщины; что там ведется в совершенстве окраска и

⁶⁸ Маргграф, 1882, стр. 201—202.

⁶⁹ Березин, 1849, стр. 65.

⁷⁰ ИГЭД, стр. 216.

⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 99-а, л. 8—19; ф. 207, оп. 2, д. 18, л. 1—2.

⁷² Даг. обл., стр. 317.

⁶⁷ Воробьев, 1953, стр. 113.

изготовление ниток и шнурков и даже изредка ткнут канаус, желтый и красный, на платья туземных женщин»⁷³.

Центрами производства шелковых тканей во второй половине XIX — начале XX в. были селения Орта-стал, Мюрего, Баршамай, Карациан, Джавгат, Тарки, Калях, Мухах и др. Шелковые ткани в это время в основном шли на удовлетворение потребности семьи, на изготовление головных платков женщин и только частично реализовались на рынке.

Однако наличие в это время у многих кумыкских, кайтагских, цахурских, азербайджанских, лезгинских, табасаранских обществ целых плантаций тутовых деревьев свидетельствует о товарном характере шелководства в XIX — начале XX в. Дагестанский историк А. Р. Шихсаидов считает, что некоторые населенные пункты Дагестана, в частности в районе Дербента, в XIV—XV вв. перешли на производство шелка⁷⁴. На рынок в основном шел шелк-сырец (коконы), а также шелковые изделия, в частности пояса, сутаж, готовые нитки, частично и ткани, главным образом на платки. Во второй половине XIX в. во многих селениях приморского Дагестана еще были мастера изготовления изделий, сплетенных из шелковых нитей. Однако это были уже единицы. Во второй половине XIX — начале XX в. у южных кумыков, например, наряду с реализацией шелка-сырца на рынке еще наблюдалась практика изготовления пряжи, очевидно связанная в какой-то степени со специализацией производства по обществам. Южнокумыкские женщины, в частности, выращивали шелкопряда, изготавливали шелк-пряжу и в мотках (в крученом и некрученом виде) меняли его на готовые шелковые платки производства соседних даргинских обществ Кайтага, и особенно селения Мюрего, отдавая за платок 36 мотков (кум. *гелеп*, *какиш*, букв. «стопа»), из расчета 18 мотков — натуральный вес платка и 18 мотков — за труд. Все это вместе с тем отражало этап прекращения производства тканей у ряда народов в домашних условиях.

Немалое значение имело шелководство и для изготовления одежды из других тканей. В частности, женщины при шитье одежды обычно пользовались шелковыми нитками; шелк шел на самые разнообразные плетеные и тканые гашники — и широкие (20—25 см), и узкие (5—10 см). Выходя замуж, девушка должна была дарить родственникам жениха изделия из шелковой пряжи, главным образом пояса, а также обязательно мотки шелка — «косички» готовых ниток. Шелк шел, кроме того, на изготовление всевозможной тесьмы, шнура, плетенок.

Способ получения пряжи из коконов был обычный. Коконеры сперва измеряли; считалось, что мерка коконов дает хороший моток пряжи. В медном котле грели воду и, как только она начинала закипать, опускали в нее коконы и помешивали палочкой, пока они не начинали разматываться. Сняв котел с огня, хозяйка начинала тянуть нитки, а помощница — наматывать нити на мотовило, имеющее вид небольшой рамы, или просто на две палочки, воткнутые в землю на определенном расстоянии друг от друга. Таким образом из котла выбирался весь шелк, а мертвые гусеницы оседали на дно. Затем моток (кум. *гелеп*) снимали и, завязав с одной стороны плотными нитками, чтобы не спутался, сушили на солнце. Шелковая пряжа, предназначенная на платки (а в более отдаленном прошлом, — очевидно, и на ткань), не скручивалась, а та, что шла на изготовление косынок, гашников, а также ниток для шитья одежды, напротив, предварительно скручивалась. Кручение обычных ниток, которыми повседневно пользовалась женщина, производилось следующим образом: один конец мотка разрезался, а другой — надевался на большой палец ноги. Выбрав нужное количество нитей в зависимости от предполагаемой толщины нитки (для вышивки — две нити, для шитья одежды — три-четыре) и смачивая время от времени пальцы и ладони водой, мастерица крутила оба конца по очереди в одну сторону, а потом оба конца вместе в другую сторону. Скрученные нитки сплетали в косички, которые затем для отбеливания и смягчения кипятили в мыльной воде. Сполоснув в чистой воде и высушив их, женщины хранили эти косички в сундуке — как для собственного пользования, так и для подарков. Пряжа, предназначенная для изготовления косынок, скручивалась на веретене из неразрезанных мотков.

* * *

Все описанные выше виды тканей, а равно и пряжа, нитки могли подвергаться крашению. О. В. Маргграф отмечал, что Дагестан по окраске тканей стоит выше других областей Северного Кавказа, и подчеркивал, что здесь «можно найти и лучший подбор, и смешение красок, и большую прочность их, так как окраска здесь отличается от прочих и большим изяществом, и ровностью и нелинячестью»⁷⁵. Красили в черный, серый, терракотовый, синий, коричневый и другие цвета. В качестве красящего материала горцы широко использовали корень марены, занимавшей огромные плантации в равнинном Дагестане, кожуру лука, скорлупу ореха, бузину, кору дуба, медный купорос, а также различные

⁷³ Маргграф, 1882, стр. 202.

⁷⁴ Шихсаидов, 1975, стр. 180.

⁷⁵ Маргграф, 1882, стр. 129.

травы. Со второй половины XIX в. для окраски шерстяной, хлопчатобумажной и шелковой пряжи начинают применяться анилиновые красители. Окраска пряжи в ряде случаев производилась после ее предварительной протравки в растворе квасцов или фруктовых кислот. Крашеный материал для закрепления краски опускался в мочу крупного рогатого скота.

3. ИЗГОТОВЛЕНИЕ ВОЙЛОКА И БУРОК

Войлочный промысел — один из древнейших и широко распространенных видов домашних промыслов народов Дагестана. Войлок играл значительную роль в изготовлении одежды, обуви и головных уборов. Горцы Дагестана делали валяные наплечные бурки, куртки, шляпы, постельные принадлежности, зимнюю обувь, и т. д.

Для изготовления войлочных изделий использовалась шерсть разного качества. На шляпы, сапоги и бурки шла высококачественная белая и черная шерсть, на ноговицы, валенки, обмотки — обычная шерсть среднего качества. Войлочным производством занимались исключительно женщины, прибегая в нужных случаях к обычаю взаимопомощи. Техника изготовления войлока для одежды в основном была та же, что у соседних народов Кавказа.

Шерсть очищали, мыли, перебирали руками или палкой, пропускали через гребень, затем ровными слоями настилали на циновке, придавая ей определенную форму, толщину и величину в зависимости от изготавливаемого предмета, а затем скатывали рулоном вместе с циновкой и уваливали.

Особенно славился Дагестан изготовлением наплечных бурок. Они делались двух видов. Одни — небольшие, узкие, трапециевидной формы, изготовленные в виде войлока из низкокачественной шерсти и без единого шва. Такие бурки были необходимы пастухам, земледельцам, путникам-пешеходам. Бурки второго вида были намного шире, больше по размеру, со швами на плечах или большими плечевыми выступами. Эти бурки предназначались главным образом для всадника.

Самые нарядные и высококачественные бурки изготавливались в андийских обществах Аварии. «В Андийском округе Дагестанской области, — писал А. С. Пиралов, — бурочный промысел отличается наиболее крупными размерами производства в крае. Среднее годовое производство бурок по селениям 35 200 штук, стоимостью от 5 до 9 руб. за штуку. Некоторая часть андийских бурок отличается особою длиною ворса, которого не имеют ни кабар-

Таким образом, как свидетельствует приведенный выше материал, народы Дагестана занимались изготовлением разнообразных тканей — из шерсти, хлопка, конопли, шелка. Первое место среди тканей домашнего производства занимало сукно, имевшее повсеместное распространение. Ткацкий промысел, как неоднократно отмечали официальные источники, был «доведен до возможного совершенства»⁷⁶.

динские, ни чеченские бурки»⁷⁷. Андийские бурки делались из высококачественной длинной шерсти с особым блеском (прочие бурки дагестанского производства обычно были безворсовыми). Такую шерсть давала выведенная здесь особая андийская порода овец. Даже официальная печать отмечала достоинства андийских бурок, в особенности белых. «Производством бурок из местной шерсти, — констатировалось в „Кавказском календаре на 1893 год“, — славятся кустари сел. Анди, Гагатль, Рижуани, Ботлих, Ансалты и Шодрога. Изделия их в значительном количестве вывозятся за пределы области. В последнее время явился большой спрос на так называемые дамские бурки из белой шерсти»⁷⁸.

По официальным данным Андийского округа, в 1892 г. было вывезено на продажу 53 511 бурок средней стоимостью каждой бурки 6 руб.; валовой доход от продажи их составил 321 066 руб.⁷⁹

Для изготовления бурки делали разметку на циновке, потом укладывали шерсть (чаще двумя-тремя слоями разного качества: высшего качества — для лицевой стороны войлока, среднего — для оборотной стороны и низшего — для внутренней части) по форме трапеции или полукругом, равномерно ровняя низ при помощи колышка и веревки. На бурку среднего размера шло примерно 3 кг 600 г чистой шерсти (6 гилевке, 1 гилевке = 600 г). Затем шерсть сбрызгивали кипятком и, свернув вместе с циновкой рулоном и обвязав веревкой в двух-трех местах, начинали катать и мять руками. Уваливали войлок обычно шесть-восемь часов с небольшими перерывами. При этом женщины (число их зависело от величины войлока или бурки) то катали рулон, стоя на коленях и надавливая на него предплечьем и всей тяжестью корпуса, то две женщины, сидя особым образом, по очереди тянули рулон к себе и взмахивали его концами, то

⁷⁶ Кавказский календарь, стр. 156.

⁷⁷ Пиралов, 1914, стр. 207.

⁷⁸ Кавказский календарь, стр. 157.

⁷⁹ Обзоры, 1893, стр. 44—45.

откатывали рулон руками, а другая пара женщин при его приближении изо всех сил отталкивала рулон ногами. В процессе уваливания войлок несколько раз разворачивали и сбрызгивали горячей водой, а когда он уплотнялся до определенной степени, то его складывали вдвое и, также свернув в рулон, но уже без подстилки, катали до полного уплотнения. Затем рулон, связанный веревкой посередине, иногда и по краям, ставили вертикально, обливали водой, а затем через два-три часа уже готовый войлок выносили на воздух сушить. Всю эту работу женщины проделывали под навесом, во дворе или в помещении. Во многих горных аулах для валяния шерсти устраивались специальные площадки, имеющие определенный скат.

Прославленные андийские бурки (анд. *буртина*) изготавливались с особой тщательностью. На верхний слой здесь шла отсортированная шерсть, которую после просушки готовой бурки, чтобы ворс красиво лежал, расчесывали сверху вниз специальной щеткой из стеблей льна. Другой отличительной особенностью андийских бурок было то, что их внутренняя сторона также обрабатывалась — путем опаливания на легком огне или накаленной металлической пластинкой. Это делалось для того, чтобы уничтожить лишние волоски и сделать поверхность гладкой. Это была лишь заготовка для бурки, которую женщины потом кроили и обшивали по вкусу хозяина.

Почти таким же способом делали войлок для сапог, а также более тонкий — для обмоток голенищ, кафтанов и др.

Способ изготовления войлока для мягкой обуви типа длинных чулок был несколько иным. Нотайцы и северные кумыки, в частности, брали небольшую циновку, на ней укладывали хорошо вымытую, прочесанную шерсть ровным слоем, по форме и размеру

обуви; шерсть сбрызгивали кипятком, затем циновку вместе с шерстью сворачивали в трубочку и, перевязав веревкой, начинали катать и прибивать. Через час-полтора циновку разворачивали и войлок, уже в какой-то мере скрепленный, складывали вдвое так, чтобы край нижней части чуть выступал. Затем выступающий нижний край отворачивали таким образом, что он закрывал край верхней части. В таком виде эти края сбрызгивали водой и войлок свертывали в трубочку вместе с циновкой, снова катали и прибивали. В результате получался узкий мешок без шва, верх и низ которого оставались открытыми. Теперь мастерица теми же приемами придавала мешочку форму чулка, приделав подошву и пятку. Затем чулок мыли с мылом и снова катали в течение 30—40 минут, после чего насаживали на палку и сушили на воздухе.

Сапоги, а иногда чулки, делались и из готового войлока; в этом случае голенища делались пришивными.

Шерсть в Дагестане валяли и для шляп, которыми пользовались в весенне-летний период, в основном на плоскости. На шляпы шла лучшая, белая шерсть, хорошо вымытая и несколько раз прочесанная. Шерсть тонким, ровным слоем в форме круга укладывали на циновку, сбрызгивали кипятком, затем обычным образом сворачивали в трубку, катали и прибивали. Когда войлок делался плотным, его валяли уже без циновки. Затем войлок натягивали на деревянную болванку (кум. *кеп*), где он постепенно сушился и принимал соответствующую форму. Шляпа имела большие поля и полусферической формы тулью. По краям, а также вокруг тульи шляпу обшивали узкой белой лентой или тесьмой. По форме дагестанские войлочные шляпы были близки шляпам других народов Северного Кавказа: чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев и др.

4. ОБРАБОТКА КОЖ И ОВЧИН

Для изготовления национальной одежды, обуви и головных уборов широко использовались кожи и овчины. Выделкой кож и овчин для собственных нужд занималась каждая горская семья. Из овчин шили шубы, шапки, иногда брюки, из кожи крупного рогатого скота и коз — разнообразную обувь.

Предварительно овчину подвергали тщательной обработке. В больших глиняных сосудах готовили рассол (кум. *эрик*) из муки, отрубей, сыворотки с солью, с уксусом, в который опускали овчины шерстью внутрь. В этом растворе их оставляли шесть-семь, иногда и десять дней. Затем овчины вынимали, промывали в проточной воде и, подсушив на воздухе, снова подвергали квашению: гладкую сто-

рону мазали жидкой кашицей из муки и прокисшего молока с солью и оставляли так на два-три дня шерстью наружу. Затем овчину выносили на воздух и, дав ей немного подсушиться, снимали маленькой лопаточкой засохшую смазку и приступали к очищению и мячению мездры при помощи специальных инструментов — скребка⁸⁰ и мялки⁸¹.

Скребок чаще всего представлял собой удлиненный железный серп с деревянной ручкой в центре и ремennым стремям на удли-

⁸⁰ Авар. *хлакха*, дарг. *калхи*, кум. *талкхын*, лак. *ххартлу*.

⁸¹ Авар. *кварти*, дарг. *ккихъя*, кум. *ийрекъ*, лак. *пастлу*.

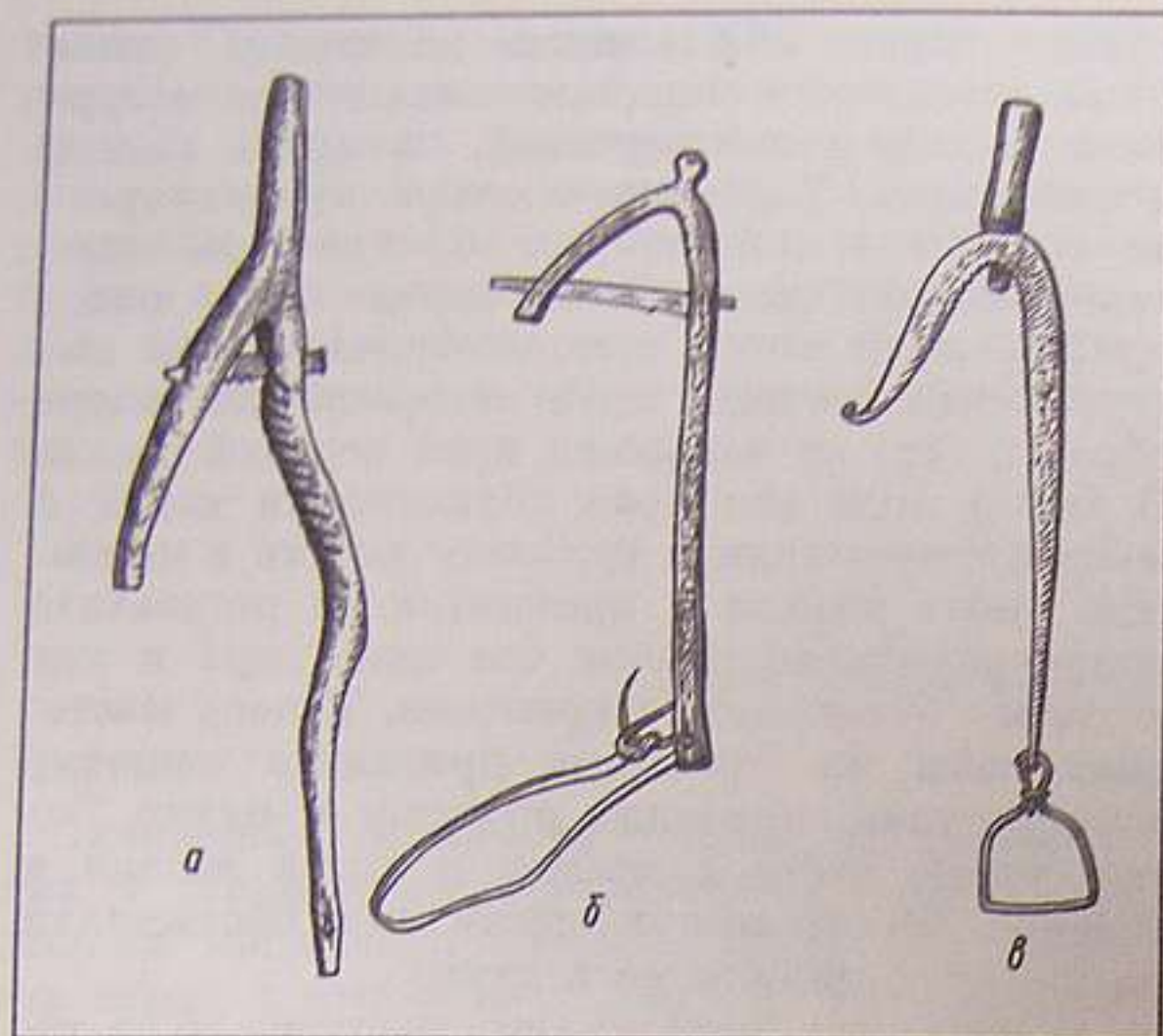

Рис. 7. Скребки для обработки овчины:

а — кумыкский (с. Адильянгюрт), б — аварский (с. Согратль), в — даргинский (с. Мюрего)

ненном конце, а мялка — длинные деревянные щипцы с тупыми зубьями. Для очищения мездры и одновременно мягчения прежде всего применялся скребок. Чтобы удобнее было выполнить эту трудоемкую работу, мастерица привязывала к овчине веревку, другой конец которой был закреплен на крючке потолочного перекрытия. Держа правой рукой ручку скребка и вдев ногу в его ременное стремя, женщина равномерно, плавными движениями проводила инструментом по овчине сверху вниз. При этом левой рукой она держала овчину полунаклонно, подводя под скребок то одну, то другую часть овчины. Во многих горных обществах на аульных площадях или возле мечетей имелись общественные мялки (дарг. *гулби солгуси тIал*). Они представляли собой вертикально поставленные массивные каменные плиты или деревянные столбы на каменном постаменте с округлым отверстием, через которое неоднократно и с большим трудом протаскивалась обрабатываемая кожа. Мягчение иногда производилось и без всякого приспособления, просто руками. Для этого овчина особым образом закручивалась сидящими попарно друг против друга людьми и сильно натягивалась. Для мягчения овчины таким способом семьи собирали девушек и юношей селения. Сидя на полу друг против друга, попарно (обычно пару составляли девушка и юноша), молодые люди весь вечер закручивали и натягивали овчины, пока они не становились мягкими. После мягчения производилось отбеливание. Для этого пользовались чаще всего железной косой. Для удобства овчину набрасывали на большой круглый предмет, обычно на деревянный сабу (сабу — большая мерка для сыпучих тел), иногда на глиняную

маслобойку и скоблили острием косы, время от времени обсыпая мукой. Чем белее и мягче была овчина, тем она дороже ценилась.

Обработка кож для обуви была несколько сложнее и считалась мужским занятием. В домашних условиях производилась только сыромятная обработка кож. Начальным процессом являлось квашение кожи в том же рассоле, что и овчины. Только шкуры крупного рогатого скота сперва разрезались на отдельные прямоугольные куски из расчета на одну пару обуви. По истечении срока квашения (10—12 дней) кожу промывали, очищали от шерсти скребком в виде серпа, косы или просто ножом и подвергали мягчению. Мягчение кожи проводилось в полувлажном виде при помощи деревянной колотушки.

Однако многие горцы, особенно состоятельные, пользовались для изготовления обуви также кожей более усовершенствованной обработки.

Для выделки кожи с дублением шкуры крупного рогатого скота и коз горцы обычно отдавали в ремесленные центры, чаще всего горским евреям, у которых это ремесло было наиболее развито. Часто кустари привозили в аулы готовые кожи (кум. *къачалай*) и сафьян и меняли их на необработанные шкуры (одну на две) или продавали. В ряде аулов (Маджалис, Янгикент, Тарки, Аксай и т. д.) горские евреи жили отдельными кварталами, занимаясь исключительно обработкой кож с дублением. В некоторых обществах Кайтаго-Табасаранского (Янгикент, Маджалис), Даргинского (Тебек-Махи, Купна), Гунибского (Салта, Корода) и других округов кожевенное дело было более развито и приобрело (особенно со второй половины XIX в.) значение ремесла. Многие жители этих обществ выделяли кожи с дублением специально для сбыта на еженедельных базарах горного и равнинного Дагестана. Их изделия пользовались большим спросом.

Сафьян изготавливали следующим способом. Овчину или — чаще — козью шкуру для предварительного размягчения опускали на несколько дней в чистый водоем, затем специальным дугообразным металлическим скребком очищали ее гладкую поверхность, мазали густым известковым раствором и свертывали в трубку. Затем шкуру снова опускали в воду, развешивали и тем же скребком аккуратно снимали шерсть. Далее проводилась сложная процедура обработки шкуры в водных растворах птичьего помета, железного купороса, размельченных листьев желтенника и т. д. После этого сафьян подвергали крашению. Для придания ему желтого цвета использовали водный раствор корки корней барбарисового дерева. При окраске в черный цвет пользовались естественными красителями, при окраске в коричневый — ореховой скорлупой и т. д.

Рис. 8. Женщина за обработкой овчины
(с. Казанище, кум.)

Рис. 9. Мужчина за обработкой кожи
(с. Ашты, дарг.)

Изготовленный таким образом сафьян складывали крашеной стороной внутрь и терли гладкую поверхность руками для придания ей необходимой бугристости.

После окончательной просушки лицевую сторону сафьяна полировали с помощью специальной обмотанной сафьяном палки и небольшого гладкого бруска, обмазанного курдючным жиром.

Из шкур крупного рогатого скота готовили более прочную, чем сафьян, кожу — *къачалай* или *дабаг* — для уличной обуви и подошв.

Начальные процессы обработки этих шкур — те же, что и при изготовлении сафьяна. Однако после обработки шкуры в растворе птичьего помета ее дополнительно помещали на 3—4 дня в бочку с водным раствором раз-

мельченной коры местной породы дерева, известного под названием *мукъар* (дарг.), и квасцов, затем посыпали солью и сушили.

Красили кожу в желтый, красный, черный, коричневый цвета, используя для этого и химические красители.

Если на обувь шла сыромятная кожа, то после замачивания, промывания и очистки от шерсти она подвергалась только мягчению. Дубления в этом случае не производили. Это был самый распространенный способ обработки кожи.

Его знали в каждом крестьянском хозяйстве, в то время как дублением владели лишь отдельные специалисты-кустари. Дубленая кожа стоила дорого и поэтому была доступна далеко не всем.

5. БАСОННЫЕ ИЗДЕЛИЯ И ВЫШИВКА

Обязательной частью традиционной одежды народов Дагестана были разнообразные по виду, форме и материалу украшения.

Среди этих украшений в XIX — начале XX в. значительное место занимали басонные изделия (тесма, шнур, галун и т. д.), аппликации и вышивки.

Источники отмечают, например, что кумычки ткали «прекрасные галуны, тесмы и

шнуры, известные на всем Кавказе»⁸², что лачки «славятся... вышиваниями золотом по сукну, шелку и коже; этими вышиваниями украшаются женские костюмы, обувь, занавесы, кисеты, кобуры и пр.»⁸³. Золотошвейным делом особенно увлекались в феодальных

⁸² Ставропольская губерния, стр. 151.

⁸³ Кавказский календарь, стр. 155.

семьях, где женщины имели много свободного времени. Здесь девочек с малых лет обучали художественному шитью. Например, в свадебных подарках у кумычки-невесты по обычаю должно было быть много вещей, вышитых золотом и серебром.

В аулах были известные золотошвейки и в простых крестьянских семьях. Они готовили изделия для реализации, часто по заказу богатых семей.

Золотыми и серебряными галунами, тесьмой и шнуром, вышивкой золотом, аппликациями женщины издавна украшали одежду, обувь и головные уборы.

Вышивкой и басонными изделиями они украшали также и разнообразные предметы быта: футляры или карманчики для часов (кум. *сагъат къап*)⁸⁴, для гребенки (*таракъ къап*), для ножниц (*къайчы къап*), кисеты для табака (*тамаку кисе*), кобуры для пистолетов (*къувур*), сумочки или кисеты в виде конверта для писем (*кагъыз кисе*) и для женского рукоделия — ниток, иголок, наперстка и т. д. (*бухча, къувлукъ*), верх подушек (*ястукъ бет*), валиков (*бётеке*) и др.

Золотые, серебряные и хлопчатобумажные нитки для вышивания мастерицы покупали, шелковые же, как правило, делали сами, так как разведением шелкопряда, как мы уже отмечали, занималась значительная часть населения области, особенно жители Хасавюртовского, Кайтаго-Табасаранского, Дербентского, Кюринского и Темирханшуринского (Присулакское наибство) округов.

Тесьму, шнур, галун, бахрому из золотых и серебряных ниток также в основном изготавливали сами.

ТКАНЬЕ ГАЛУНОВ И ТЕСЬМЫ

Галуны, а также широкую тесьму дагестанки, как и женщины соседних северокавказских и многих других народов Европы и Азии, ткали вручную, на специальных дощечках (кум. *чалыв такъта*), используя небольшую рамку (кум. *беллик*), а также — реже — на бердечке (кум. *сираж такъта*).

Дощечки делались квадратной формы, размером 6—7 кв. см каждая с шестью, иногда и восемью отверстиями (кум. *гёзлюк*), расположенными обычно параллельно с двух сторон по краям (по 3 с каждой стороны), в каждое из которых вставлялось по одной нити основы.

Число дощечек зависело от ширины галуна или тесьмы, от сложности узора; чаще все-

го для галуна пользовались 15—18 дощечками, а в редких случаях, когда готовили более широкие изделия, — 50 и более. Нити основы (они могли быть двух, трех и более цветов, в зависимости от узора) сперва сновали на двух колышках, воткнутых в землю на определенном расстоянии друг от друга (расстояние между колышками зависело от длины предполагаемого изделия). После этого нити разрезали с одного конца, продевали в определенном порядке по одной в отверстия дощечек и, собрав вместе концы нитей, привязывали к неподвижному предмету — к ножке стола, ларя, кровати, ручке сундука и т. д. (если тесьма предполагалась длинной, то привязывали не конец, а середину, оставляя часть свободно свисающей до тех пор, пока не будет соткана первая половина). Другой, неразрезанный, конец нитей крепили на зуб, выступавший на беллике. Беллик представлял собой рамку из латуни, размером примерно 6,5 × 4,8 см, для наматывания готовой тесьмы, причем длинные стороны были загнуты в виде крючков. Эту раму мастерица зацепляла за особый матерчатый пояс, специально надеваемый при тканье галуна, и, передвинув к себе поближе дощечки, приступала к работе. В строго определенном порядке ткачиха переворачивала дощечки; при каждом повороте их в основе образовывался зев, через который пропусклся плоский челнок с уточными нитями. Каждый раз нить прибивалась специальным костяным ножом (*беллик бичакъ*) с рукояткой, часто из слоновой кости, украшенной вырезным орнаментом или насечкой золотом. По мере изготовления галун наматывался на раму.

Галун и тесьму делали не только одноцветными, из золотой или серебряной канители, но и полосатыми, комбинируя в определенном сочетании золотые и серебряные, а иногда и шелковые нити.

Наиболее распространенными были галуны, изготовленные только из золотых и серебряных ниток — двуцветные (золотыми и серебряными полосами) и одноцветные (только из золотой или серебряной канители).

Лучшим сочетанием при комбинировании признавалось такое, при котором часть основы или всю основу целиком изготавливали из черных шелковых нитей, а уток — из золотых или серебряных. Но красота рисунка, полос, узоров зависела главным образом от мастерства ткачихи, от умелого подбора ею ниток основы.

На дощечках ткали не только ровные галуны и тесьму, но и тесьму-вьюн (кум. *зерт чалыв*), подтягивая одну из нитей особым образом для образования волны.

Женщины ткали и на бердечке, но последнее чаще использовалось при тканье тесьмы, которая шла для отделки войлочных ковров, шляп и обуви.

⁸⁴ В этом разделе мы в основном применяем кумыкскую терминологию. Довольно богатая терминология, связанная с техникой вышивки и изготовления басонных изделий, имеется также у других народов Дагестана, в особенности у лакцев.

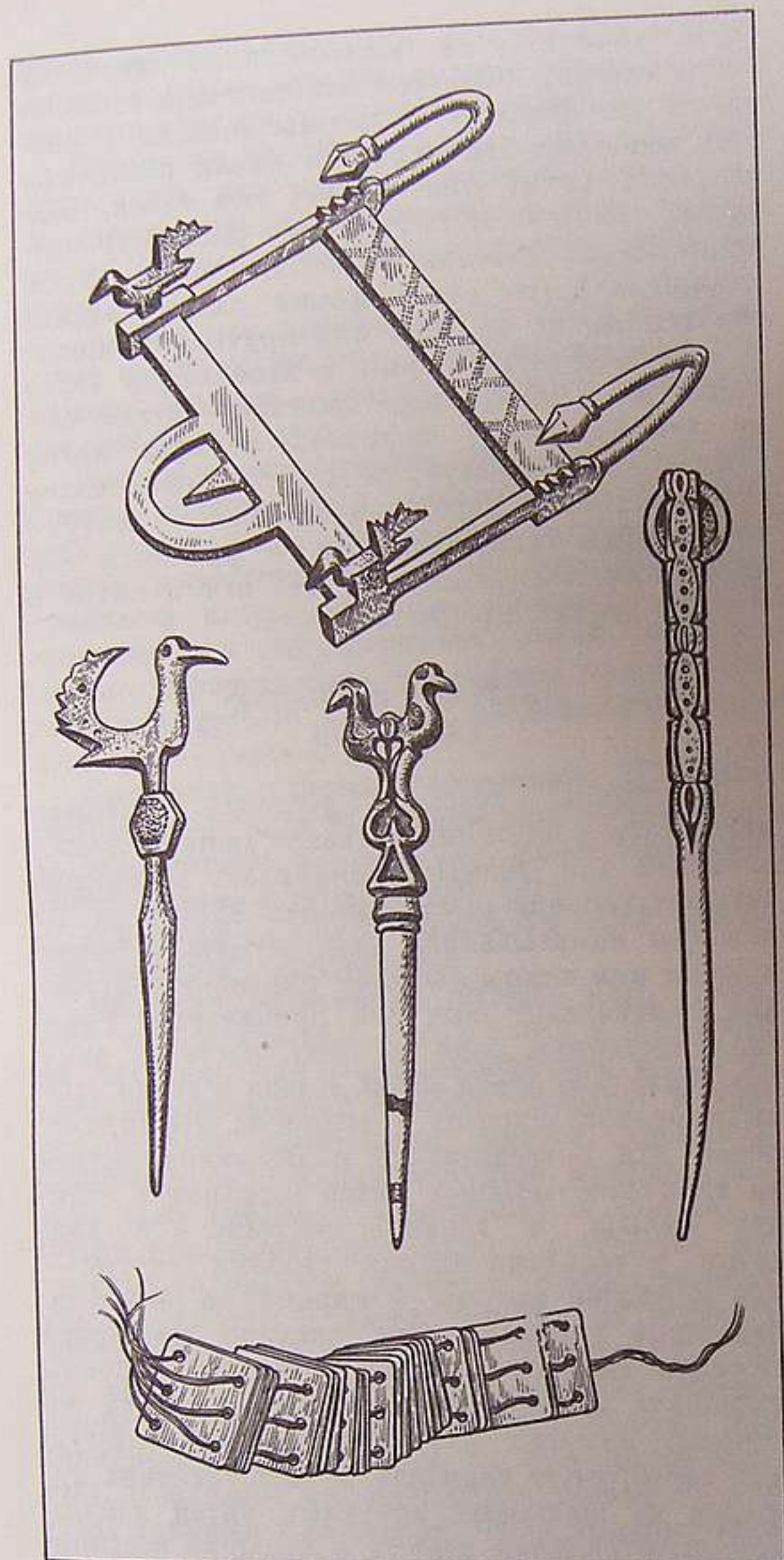

Рис. 10. Приспособления для тканья тесьмы
(с. Бабаюрт, кум.)

Бердечко состояло из дощечки размером 7—8×6—7 см, имеющей форму лопаточки, с шестью параллельными продольными пазами почти по всей ее длине, с тремя поперечными рядами небольших круглых отверстий, по семь отверстий в каждом, и плоской ручкой с округлым отверстием посередине. Часть нитей основы (по одной нити) продевалась через круглые отверстия, другая пропускалась через длинные пазы. Нити не всегда продевались через все круглые отверстия. Чаще для узкой тесьмы пользовались лишь средним рядом, т. е. семью отверстиями. Затем, привязав один конец всех нитей к неподвижному предмету, а другой — к своему поясу, ткачиха на-

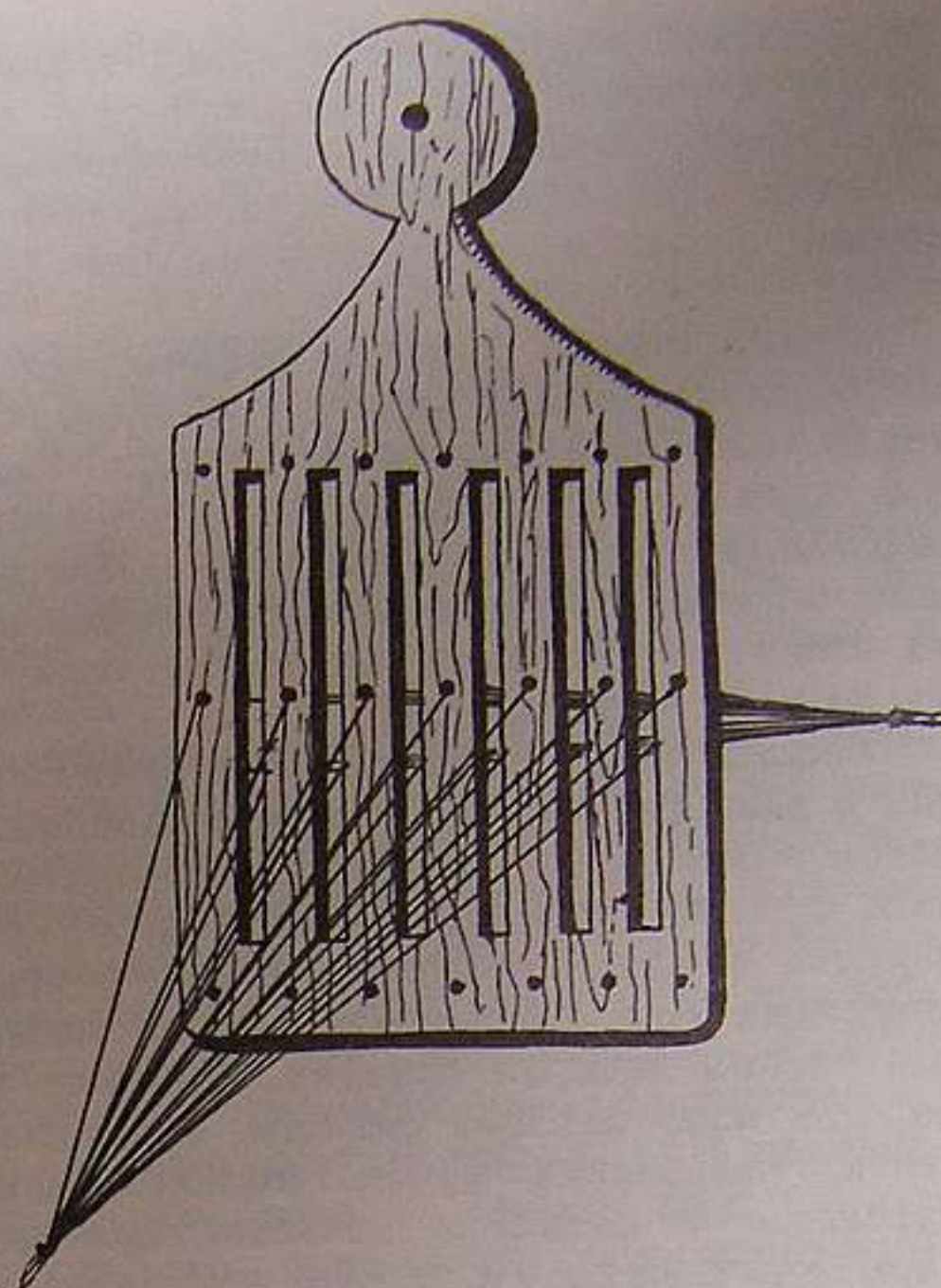

Рис. 11. Бердечко для тканья тесьмы
(с. Аксай, кум.)

чинала тканье, пропуская уток и подбивая его специальным ножом при каждом поднятии и опускании бердечка.

При нашивании тесьмы по контурам аппликаций, чтобы замаскировать швы на войлочных коврах или окантовке этих ковров, а также отдельных видов обуви и головных уборов, ткачиха прибегала к несколько иному методу.

В этом случае нити крепились не к какому-нибудь предмету, а непосредственно к изделию. Вдев нитку утка в иглу, мастерица после каждого зева делала особым образом шов, так что получалась ровная, пришитая по контурам аппликации тесьма.

ПЛЕТЕНИЕ ТЕСЬМЫ И ШНУРА

Тесьму и шнур горянки плели двух видов: плоские (кум. *япракъ чалыв*) и круглые (кум. *дэггerek чалыв*).

Если тесьма или шнур делались узкими и короткими, работу выполняла одна мастерица; широкие и длинные плели две, иногда и три мастерицы.

Для узких тесьмы и шнура нитки (в пятьдесят витков) наматывались на большой палец ноги и указательный палец левой руки. Верхний конец ниток расслаивался, и петли его распределялись по пальцам рук (могли быть использованы все пальцы, за исключением больших).

После этого мастерица непосредственно приступала к плетению. Она довольно быст-

ро, в строго определенном порядке перемещала петли с правой руки на левую, а с левой — на правую, одновременно перекидывая петли с пальца на палец, прибывая, уплотняя сплетенное большим пальцем свободной (правой) ноги.

При плетении длинной тесьмы или шнура мастерица работала вместе с помощницей, которая, сидя напротив нее, держала левой рукой один конец нитей и кистью правой руки подбивала полученное плетение. Иногда, при изготовлении широкой тесьмы, вторая женщина помогала в самом процессе плетения, надевая на пальцы часть петель.

Тесьма, шнур делались как одноцветными, так и разноцветными, из самых разнообразных ниток — золотых, шелковых, хлопчатобумажных. Однако чаще всего плели одноцветную — черную, белую, желтую, синюю — тесьму из шелковых или хлопчатобумажных нитей. Такая тесьма шла на отделку, обшивку всевозможной повседневной одежды: бешметов, черкесок, кавказских рубах, использовалась на пуговицы и петли, в качестве цепочки для карманных часов и т. д. Что же касается тесьмы и шнура из золотой и серебряной канители, то ими украшалась лишь праздничная одежда: женские платья, обувь, пояса, детские бешметы и шапочки, мужские башлыки и т. д. Узкая золотая тесьма и шнур использовались для обметывания вышитого золотом узора. Для украшения детской одежды, окантовки и обшивки мелких предметов быта — сумок, кисетов и т. д. — применялась двух-трехцветная шелковая тесьма (наиболее ходовым считалось сочетание желтых ниток с бордовыми, черных с желтыми, черных с белыми, по четыре-пять ниток каждого цвета).

Форма тесьмы (круглая или плоская) зависела от способов перебора и продевания нитей. Орнамент определялся сочетанием нитей основы. Для басонных изделий в основном были характерны линейно-геометрические узоры — ровные полосы, елочки, зигзаги и т. д.

Толстую тесьму иногда изготавливали из трех-четырех прядей тонкой тесьмы двух-трех и более цветов.

Прутики (кум. *сарма*, *чырмавукъ*) также делали вручную. Мастерица брала шесть-десять (в зависимости от предполагаемой толщины прутика) шелковых или (реже) тонких хлопчатобумажных нитей одного цвета (обычно черного, зеленого, синего) нужной длины, затем, зажав один конец в зубах, другой закрепив у ног, начинала туго, плотными рядами наматывать поверх них золотую или серебряную канитель (иногда две-три нити вместе). В отдельных случаях прутики покрывались золотой канителью не полностью, а с определенным интервалом, что являлось своеобразным украшением. Крученые золотые и серебряные нити, или прутики, шли на бахрому

(кум. *чачакъ*), на всевозможные кисточки (кум. *кекель*) с ажурно сплетенными головками. В зависимости от формы головки и способа плетения эти кисточки имели различные названия (кум. *тиш тьюме*, *тюз тьюн*, *белдюрге*, *чолпу* и др.). Наиболее распространены были плетенки-подвески *чолпу* (букв. «шумовка»), по своей форме напоминающие сплетенные из камыша или прутьев шумовки. В зависимости от формы и назначения *чолпу* имела несколько разновидностей — *четен чолпу* («корзиночная чолпу»), *къамуш чолпу* («камышовая чолпу») и др. *Кекель* и *чолпу* пришивались к нарядным башлыкам, которые украшались также галуном, к футлярам для часов, кисетам, конвертам для игл и ниток и многим другим предметам быта.

ПЛЕТЕНИЕ И ТКАНЬЕ ГАШНИКОВ

Женщины Дагестана достигли большого мастерства в плетении и тканье гашников. Для плетения или тканья применялась небольшая четырехугольная рама размером 25×60 см, на которую наматывались нити основы, а также крючки или спицы (обычно три штуки) и тонкий деревянный нож для прибавания. Работала мастерица, сидя на полу, поставив раму горизонтально перед собой. Плели и ткали гашники разной ширины и толщины. Неширокие пояса для повседневного пользования делали из хлопчатобумажных нитей шириной в один-два пальца, а тонкие шелковые — в виде сетки с геометрическими узорами внутри — для нарядной одежды — шириной до 14—16 см. Завершив плетение или вязание, мастерица снимала гашник с рамы, разрезала и концы украшала кисточками с головками из той же основы, намотав плотными рядами золотую или серебряную канитель. У присулакских кумыков из шелковых крученых нитей домашнего изготовления делали и большие косынки (*чилле тастар*). Их вязали на двух металлических спицах. Одна спица служила основой для петель. Другая, более круглая, с двух сторон имела развилки, на которые наматывалась нить. Этой спицей делали петли. Когда косынка была готова, ее отбеливали кипячением в мыльной воде.

ЗОЛОТОЕ ШИТЬЕ⁸⁵

Вышивкой золотом многие молодые женщины украшали рукава, борта, полы, воротники нарядных платьев, налобную часть и ленты головного убора, пояса, верхнюю часть женских башмаков, галош, чупяк, детские ша-

⁸⁵ Кум. *бислей*, *тикме*, *гюлеветун*, лак. *гулавати*.

почки, мужские башлыки, кобуры для пистолетов, а также многие другие предметы домашнего обихода, о которых говорилось выше. Вышивали на квадратной деревянной раме (кум. *герги*, лак. *хархич*), которую можно было увеличивать и уменьшать по мере необходимости. Позднее применяли и круглую раму, но реже.

Технические приемы шитья были в Дагестане почти те же, что у других народов Северного Кавказа — осетин, адыгов, карачаевцев, ногайцев и др.

Прежде чем натягивать ткань на раму, мастерица должна была выбрать узор, подготовить золотую или серебряную канитель фабричной выработки, шелковые или хлопчатобумажные нитки (обычно желтые), тонкие красные или терракотовые нитки, которые обычно выдергивались из гладкой тафты (*дарай*) или другого плотного шелка, столярный клей или — реже — воск.

Вышивали разными способами. Наиболее популярными при золотошвейных работах были два способа: *чёкюч-тикме*, иначе *ялангъач-тикме* (кум.), и *тёшев-тикме* (кум.).

Первый способ вышивки был наиболее сложным и трудоемким.

На раму натягивали белую бязь (кум. *бёз*) или мадаполам (кум. *хаса*) и наносили на них узор. Для этого накладывали на ткань заранее вырезанный готовый трафарет и контур рисунка намечивали желтой хлопчатобумажной ниткой или обводили мелом, а потом, сняв трафарет, приступали к шитью. В строго определенном порядке, с учетом отдельных элементов рисунка, геометрических узоров, мастерица делала настил из простых желтых ниток по всей площади рисунка, а на эти нитки плотными рядами, создавая определенные узоры, накладывала уже золотые или серебряные нити (обычно по три нитки вместе). Последние прикреплялись незаметно для глаза тонкими шелковыми, чаще выдернутыми из тафты, нитками обычно красного, терракотового или желтого цвета, что придавало золотой вышивке приятный оттенок и рельефно выделяло внутренние линейно-геометрические узоры.

По окончании работы мастерица выравнивала узоры специальным инструментом, обычно кабаньим клыком (кум. *къабан тиш*) и, перевернув вышивку, подклеивала для упругости под рисунок белую бязь или другую тонкую ткань, смазанную раствором столярного клея.

После этого, еще до снятия с рамы, вышивку вырезали. Затем ее нашивали на украшаемый предмет (одежду, обувь, головной убор и т. д.). В ряде случаев этим способом вышивали, не прибегая к аппликации, непосредственно на ткани, бархате, сукне, атласе, шелке. Чаще при украшении отдельных мел-

ких частей одежды (воротника, обшлагов, карманчика и т. д.), предметов быта (футляров для часов и т. д.) на раму натягивали бязь, а сверху прикрепляли небольшой вышиваемый кусок.

В том и другом случае края вышивки обшивали еще тонким шнуром из той же золотой или серебряной канители (из трех-восьми нитей). Его накладывали по краю узоров и закрепляли шелковыми нитками.

Второй способ — вышивка гладьевым швом (*тёшев-тикме*, букв. «сплошной»), по сравнению с первым был менее сложным и трудоемким.

Вышиваемая часть ткани (бархат, шелк, сукно) натягивалась на раму, и на ней описанным выше способом наводили контуры узора с помощью бумажного трафарета. Поле рисунка покрывалось настилом из шелковых ниток без внутренней разбивки поля рисунка, а затем поверх них накладывали золотые гладьевые швы, положив нити сплошным застилом — плотно одну к другой. При вышивании гладью трафарет из бумаги или тонкого картона нередко оставлялся под вышивкой. Гладью чаще всего вышивали бархат, нередко и шелк. При вышивании мелких предметов мастерица точно так же, как при первом способе, куски ткани (бархат, сукно) прикрепляла на бязь, а бязь натягивала на раму. В некоторых случаях при гладевой вышивке применялось сочетание золотых, серебряных и разноцветных шелковых ниток (кум. *гюле-ветун*).

Из двух описанных выше способов, на наш взгляд, наиболее старинным является *чёкюч-тикме*. Гладьевая вышивка, судя по всему, в Дагестан проникла позднее извне, хотя многие мастерицы считают ее также традиционной.

Кроме шитья гладью и в прикреп дагестанки при вышивании использовали и другие виды швов: тамбурный (кум. *ильмек тикме*), применяемый чаще всего при вышивании разноцветными шелковыми нитками, стебельчатый (кум. *ёрмев*) — при изображении веток, петельный шов (кум. *тир ёрмев*) — при обметывании петель, строчевой (кум. *къайыс*) — при шитье почти любой одежды (в линию, треугольнички, кубики, ромбики и т. д.).

Дагестанские женщины знали также вышивку бисером (кум. *минчакъ тикме*). Им вышивали главным образом детскую одежду, а также женские и детские головные уборы. Вышивали по черному и белому фону — красным бисером по красному, синему — белым. На бархатный воротник нагрудника нарядных женских платьев нашивали в определенном сочетании и бусы в форме ячменного зерна.

Вышивали также крестом по канве (кум. *зор тикме*), чаще черными и красными нитками. Данный вид вышивки, очевидно, по-

явился позже, под прямым влиянием соседнего русского населения, а также покупных вышитых изделий.

В советское время наибольшее распространение получает вышивка крестом и гладью.

Говоря об узорах, надо заметить, что они были довольно разнообразны. У кумыков, например, так же как у многих тюркоязычных народов, своеобразно сочетались зооморфно-геометрические мотивы древнетюркского орнаментального искусства с растительными узорами. У даргинцев, аварцев, лакцев и т. д. узор обычно растительный — трилистники, растительные побеги, а в ряде случаев также изображение сидящей птицы, вязь в стиле арабской надписи⁸⁶. Каждый узор имел свое название. Наиболее широко известны у кумыков следующие орнаменты: *арна къагъыс* («ряды ячменя») — расположение стежков, прихватывающих золотой настил, полосами; *огюз сийдик* («след мочи быка») — расположение этих же стежков зигзагом, *къыйык* (вкось), *дёртгюль* («квадратный»), *завлевиз* («с поперечными стежками»); *тавук тырнакъ* («котти птицы») — узор, напоминающий листья, причем каждый лист вышивался гладью.

⁸⁶ Шиллинг. 1949, стр. 53; Кильчевская, Иванов, 1959, стр. 18.

Самым сложным считался узор *гюлевете*, который складывался из различных рисунков. Этим узором вышивали башмаки, манжеты, воротники женских платьев и т. д.

Для вышивки кобур, башлыков, футляров для часов, кисетов и конвертов для женского рукоделия также имелись определенные орнаменты.

* * *

Материалы, используемые в дагестанской традиционной одежде, и техника их изготовления свидетельствуют прежде всего о высоком мастерстве дагестанских умельцев, их многовековой культуре труда. Нельзя не отметить специфику общественного разделения труда между различными районами Дагестана, а также между отдельными половозрастными группами.

Рассмотрение техники изготовления материалов позволило выявить связи между отдельными районами, этническими группами, определить характер и степень их культурного взаимовлияния. На основании приведенных данных можно судить об удельном весе местных и привозных материалов, выявить соотношение фабрично-заводских и ремесленно-промысловых изделий.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Сведения об одежде народов Дагестана, зафиксированные в письменных источниках, ее изображения на рисунках, древней скульптуре, а также устная традиция позволяют заключить, что традиционные черты народной одежды формировались в течение многих веков.

Можно полагать, что общий тип дагестанской горской одежды сложился в основном еще в средние века и сохранялся в последующие периоды.

Некоторые сведения об одежде древнего населения края дают, в частности, бронзовые статуэтки, обнаруженные в археологических памятниках VII—IV вв. до н. э. Согласно этим находкам «мужчины носили короткие кафтаны и головные уборы (меховые и шерстяные) конической формы. Женщины одевались в туникообразную рубаху, а также в широкие платья»¹.

О средневековых формах одевания, оружия и украшений, бытовавших в различных естественно-географических зонах Дагестана, можно судить по многочисленным археологическим материалам, обнаруженным в исследованных могильниках этого времени. В их погребальном инвентаре встречаются фрагменты одежды, обуви, головных уборов и разнообразных предметов вооружения, сведения о которых будут приведены в соответствующих разделах работы.

Наиболее ранние письменные сообщения о дагестанской одежде, правда, очень неопределенные, относятся к XII в. Так, известный арабский путешественник, посетивший в начале века Дербент и близлежащие к нему районы Южного Дагестана, в частности Кубачи, отмечает, что горцы Дагестана «одеваются... из-за сильного холода в меха, а кроме того, на них еще тяжелые накидки»². Более подробные сведения об одежде и вооружении даге-

станцев, которыми мы в настоящее время располагаем, относятся к XVII в. В частности, до нас дошли описания отдельных элементов одежды, обуви и вооружения, сделанные известным немецким путешественником А. Олеарием и вслед за ним голландским путешественником Я. Стрейсом.

Характеризуя мужской костюм жителей плоскостного Дагестана, в частности сел. Тарки, А. Олеарий, например, писал, что «они ходят в длинных серых и черных кафтанах (вероятно, имеется в виду черкеска.— С. Г.), сделанных из плохого сукна, а поверх одевают грубый войлочный плащ (бурку.— С. Г.). На голове у них шапки, сшитые четырехугольником из куска черного сукна. Их башмаки из овечьей или лошадиной кожи вырезаны из одного куска со швом сверху на ноге и сбоку ее»³. Об одежде эндиреевского владетеля, султана Махмуда, тот же автор писал: «Он явился в шелковом кафтане из зеленого „дараи“ с бронею, над которой был надет мохнатый черный войлочный плащ; у него были сабля, лук и стрелы, как и у всех других»⁴.

Более полные и точные описания дагестанской народной одежды, особенно мужской, появляются в работах авторов XIX в. Судя по этим описаниям, а также музейным образцам, старинная мужская одежда населения в основном была однотипна на всей территории Дагестана, но имела варианты, выработанные в соответствии с природно-географическими условиями жизни и земледельческо-скотоводческого быта, а также — этнической спецификой.

Традиционную одежду можно условно разделить на нательную и верхнюю, а также на праздничную, будничную и обрядовую — свадебную и траурную.

¹ История Дагестана, I, стр. 97.

² Гарнати, стр. 26.

³ Олеарий, стр. 494.

⁴ Там же.

1. НАТЕЛЬНАЯ ОДЕЖДА

Обычной нательной одеждой мужчин были туникообразного покроя рубаха⁵ и прямого покроя штаны⁶. Их обычно шили из бязи и холста, которые были сравнительно дешевыми, прочными и плотными тканями. Так как основная масса населения вплоть до начала XX в. не имела представления о нижнем белье, нательную рубаху носили и в качестве верхней одежды. Шили рубахи не только из белой, но и из крашенной в темный цвет бязи или чадры (ткань типа бязи синего цвета). В горном Дагестане, где климат более суровый, штаны нередко шили из сукна и даже из подстриженной овчины, шерстью внутрь. В некоторых горных обществах, в частности у ди-дойцев, как об этом сообщает Е. М. Шиллинг, носили, кроме того, связанные из шерстяной пряжи рубахи и штаны. «Иногда и рубаха и штаны вязались вместе и получалось нечто похожее на комбинезон»⁷. В период преобладания замкнутого натурального хозяйства мужскую нательную одежду шили чаще из тканей домашнего изготовления — хлопковых, суконных, конопляных, а также из овчины. Судя по сохранившимся в Государственном музее этнографии народов СССР образцам и сведениям, сообщаемым нашими информаторами, овчинные рубахи шили по-разному — мехом внутрь, мехом наружу. Они могли быть с воротничком-стойкой и вовсе без воротника. Шили рубахи с прямой спинкой, с прямыми рукавами. В отдельных случаях рукава и воротник оторачивали тканью или более качественным мехом. Шили рубахи и штаны и из козьей шкуры.

Однако постепенно ткани местного изготовления, как отмечалось выше, вытеснялись покупными фабричными или кустарными хлопчатобумажными тканями.

С расширением торгово-экономических и исторических связей с русскими дагестанская знать постепенно начинает пользоваться нательной одеждой и в качестве нижнего белья. Это, пожалуй, и имел в виду Афанасьев, когда писал о засулакских кумыках в конце XIX в., что у них «белье носят как у русских: рубашки, кальсоны, носки, носовые платки»⁸.

Рубаха имела туникообразный покрой

⁵ Авар. *горде*, *кунта*, дид. *гед*, дарг. *хлева*, *гуртди*, кум. *гёйлек*, лезг. *перем*, лакск. *гъухъа*, таб. *ккурт*, *гурт*, *куртди*, агул. *бергъам*, рутул. *ухун*, тинд. *к'лачи*, чамал. *ххинчу*, багул. *гур*, годоб. *хелу*, анд. *кванно*, ахв. *кьоко*, карат. *боке*, дерб., азерб. *кёйнек*, гор. евр. *шеи*.

⁶ Авар. *т'лажу*, дарг. *шалбар*, кум. *шалвар*, *иштан*, лезг. *вазчаг*, *шалвар*, лак. *х'лажак*, *цахур*, *бада*, таб. *хужаг*, годоб. *барта*, дерб., азерб. *иштан*, гор. евр. *шовал*, ахв. *багул*, чамал., тинд., ботл. *бата*, карат. *шарбал*, анд. *ошхъоги*, дид. *гъекъу*, *гъельлъу*.

⁷ Шиллинг, *рук*.

⁸ Афанасьев, 1893, стр. 100.

(без плечевых швов), с расширением книзу. Она кроилась из прямого полотнища длиной примерно 2,5 м (для пожилых — 3 м), сложенного вдвое. С обоих боков (от проймы до подола) пришивались клинья (кум. *чабуе*), чем достигалось значительное расширение нижней части рубахи. По бокам рубахи от подола делались разрезы длиной 20—25 см.

Рубаха имела длинные (до кисти руки), чуть суженные книзу рукава без манжетов, с ромбовидными ластовицами, разрез посередине груди примерно 25—30 см длиной, сравнительно высокий (5—6 см) воротник-стойку с внутренней прокладкой (для сохранения формы), застегиваемый на две-пять пуговиц.

Для прочности в верхней части спинки по плечам и груди нашивали с изнанки прямоугольный кусок ткани в качестве подкладки. Нередко подкладка подшивалась под рукава. В XIX — начале XX в. рукава рубахи стали делать с манжетом (кум. *къысма*), а в конце грудного разреза нашивать узкую поперечную планочку (примерно 10—12 см длиной и 2—3 см шириной), подогнув концы ее треугольником. Ворот застегивался на две пуговицы. Для молодежи в ряде мест (особенно на юге кумыкской территории) воротнички белых рубах делали сравнительно высокими (6 см) с плиссированной окантовкой из того же материала. В таких случаях воротник рубахи должен был быть на палец выше воротника бешмета. По обе стороны разреза рубахи также нашивались куски ткани, покрытые застроченной плиссировкой. Воротник и манжеты, кроме того, покрывались узорной строчкой. Рукава шились обязательно с манжетами, так чтобы они были видны из-под сравнительно широких рукавов бешмета. Чтобы нарядная рубаха была видна, грудь бешмета не застегивалась доверху.

С 20-х годов XX в. мода на оборки, плиссировку и узорную строчку постепенно исчезает.

Носили рубахи, заправив в штаны или на выпуск. В домашних условиях они использовались просто в качестве верхней одежды, при выходе из дому поверх рубахи надевался бешмет. Постепенно рубахи стали шить с мягким, узким воротником, с обычной подкладкой в верхней части, с суженным книзу рукавом без манжета, но с узкой нашитой сверху планкой. В последующее время рубахи стали шить по фабричным образцам. Одновременно их начали носить поверх нижнего белья, заправляя в брюки.

Традиционные штаны народов Дагестана можно отнести к типу, известному под названием «штаны с широким шагом», весьма распространенному в прошлом у многих народов. Штаны такого типа шили без боковых

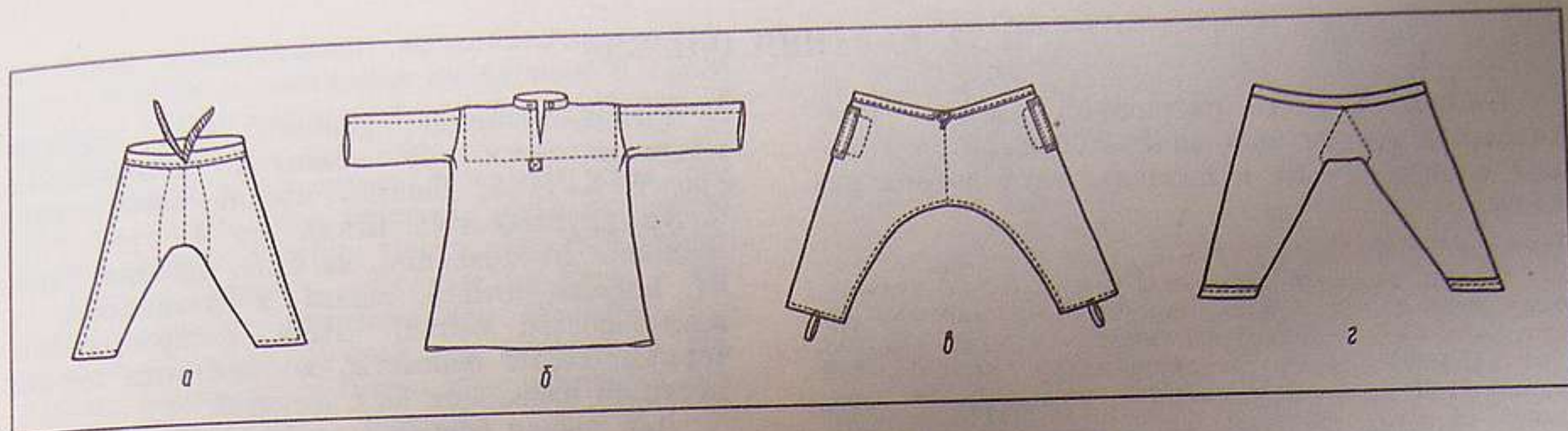

Рис. 12. Мужская нательная одежда:

а — лезгинская (с. Куруш), б — даргинская (с. Усиша), в — кумыкская (с. Костек), г — агульская (с. Кураг)

швов, на вздержке, в верхней части — широкими, книзу — уже.

Кроили штаны, сложив отрезанный для каждой штанины кусок ткани вдвое по длине. Затем в нижней части вырезали клиновидные куски, так чтобы штанины сужались книзу. Далее кроили ромбовидную или трапециевидную вставку. Для этого брали кусок ткани (примерно 40—45 см длиной и обычной ширины), складывали его вдвое по длине, а затем еще раз по диагонали и разрезали. Полученные куски в виде треугольников вшивали между штанинами и сшивали так, что в готовом виде вставка имела форму ромба. Нередко, особенно для подростков и молодежи, для вставки использовались клиновидные куски, вырезанные при кройке штанин. Иногда вставка делалась из прямоугольной полоски ткани, к коротким сторонам которой также пришивались клинья. Штаны шились длинными, до щиколотки, без карманов. В нижней части штанин в ряде случаев имелись штрипки. Ширина штанов у пояса составляла в среднем 150—200 см, а ширина штанины (внизу) — 45—50 см. Взрослому мужчине на штаны шло примерно 2,5 м ткани. Для вздержки употреблялся плетеный или вязаный плоский или круглый шнур, а также особый широкий ажурный гашик. На концах шнура имелись кисточки, которые свисали спереди. Шнуры делали из хлопчатобумажной, а в горном Дагестане — чаще из шерстяной пряжи. Состоятельные же люди носили гашики из шелка. Носили штаны, заправив в голенища.

Состоятельная верхушка населения носила штаны и в качестве нижнего белья, и в качестве верхней одежды. Верхние штаны, хотя и имели преимущественно такой же покрой,

шили из более добротных фабричных полушерстяных или плотных хлопчатобумажных тканей или из хорошего сукна.

Под влиянием связей с городом и русским населением в Дагестане стали распространяться штаны, более узкие вверху, сшитые без ромбовидных клиньев и вместо вздержки на шнур застегивающиеся на пуговицы. Их делали с ширинкой спереди, без штрипок, вместо которых к разрезам штанин пришивались ленты-шнурки, завязывающиеся на ноге, или (позднее) небольшие манжеты, застегиваемые на пуговицы.

Из других видов штанов, распространившихся среди народов Дагестана в более поздний период, следует назвать брюки галифе и полугалифе. Они появились здесь, как и на всем Кавказе, в период первой мировой войны и бытовали повсеместно примерно до 40-х годов. Исчезли они в послевоенный период в связи с распространением готовых костюмов современного городского покроя.

Как мы отмечали выше, горцы носили и овчинные штаны. Особенно широко они были распространены среди чабанов. Их шили по фасону обычных штанов традиционного покроя, а позже — по типу галифе. Дошедшие до нас образцы овчинных штанов типа галифе (сшитые в 40-х годах) имеют сильно суженные книзу штанины, плотно облегающие ногу от колена до щиколотки. Поверх штанин наматывали обмотки. Штаны имели матерчатый пояс. Иногда сверху пришивалась двойная полоска материи, в которую продевался шнур. Под такие штаны обычно поддевали нижние штаны из ткани.

Позднее овчинные штаны уступили место стеганым ватным штанам фабричного производства.

2. ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

Бешмет⁹. Это распашная одежда, считавшаяся одним из основных элементов верхней одежды горца и надевавшаяся поверх рубахи.

⁹ Авар. *гулжаг*, ботл., анд. *тегеле*, багул. *терголо*, тинд. *тегала*, дид. *куртай*, дарг. *хлябсур*, минтана (ср. арм. *минтана*, перс., турец. *нимтане*), кум. *к'антал*, лезг. *валжагъ*, лакск. *ккуртту*, цахур. *алхалыг*, таб. *валжаг*, рутул. *архалук*, валжагъ, агул. *валжагъ*, дерб., азерб. *дон*, гор. евр. *гобо*.

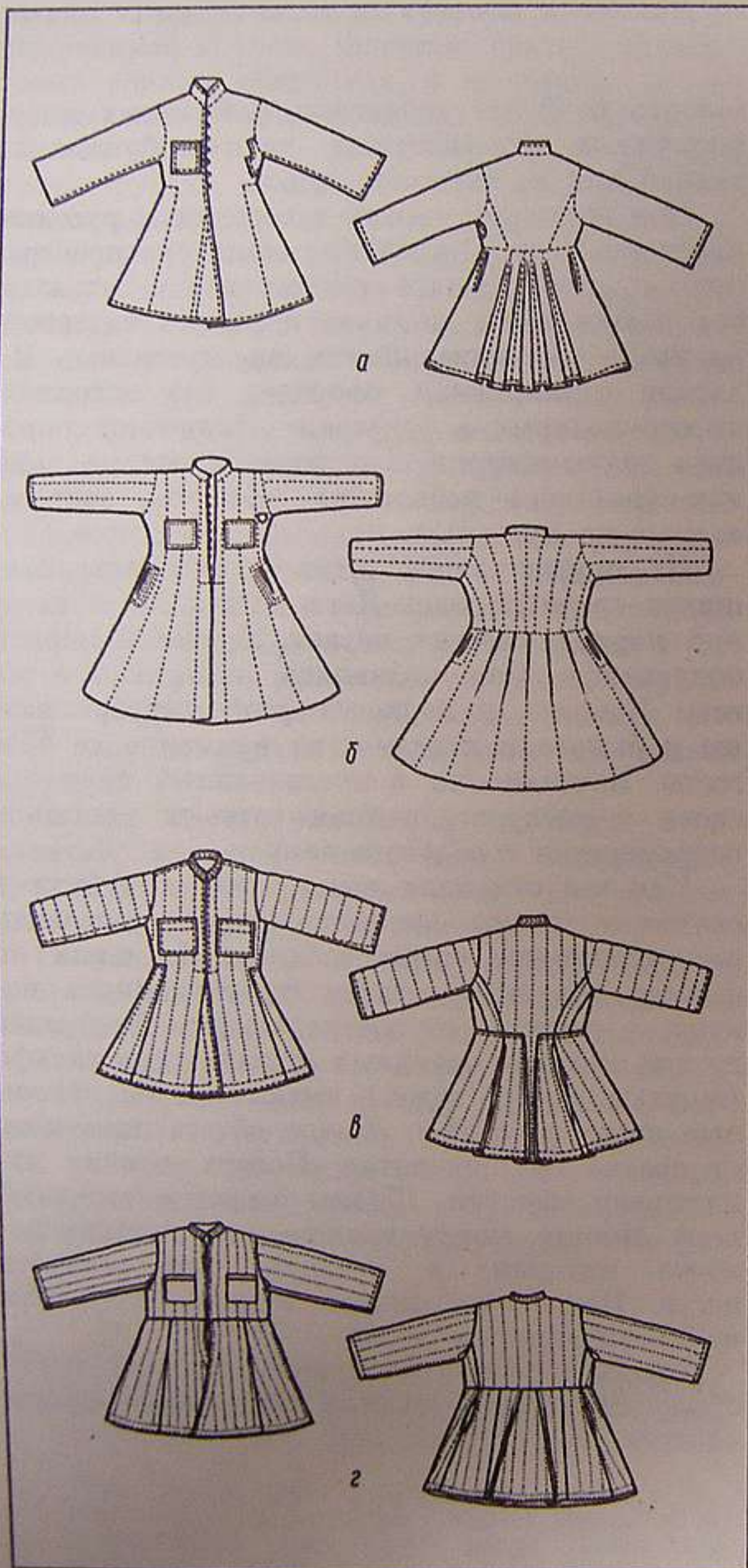

Рис. 13. Бешметы:

а — даргинский (с. Вутри), б — агульский (с. Кураг), а — кумыкский (с. Казанище), г — кумыкский (с. Костек)

Распространение данного вида одежды подтверждается письменными источниками уже в XVII в. Бешмет носили повседневно, почти круглый год. Шили его из сукна домашнего изготовления, из бязи, ластика, сатина, шерсти, атласа, шелка, в зависимости от возможностей семьи. Были распространены черные, серые бешметы, но любимым цветом местного населения был зеленый.

Для шитья бешмета требовалось 4 м ткани (без учета подкладки). На подкладку использовались дешевые ткани, чаще крашеная бязь, ситец. Под зимние бешметы нередко подстигивалась вата. Мужские бешметы, как правило, делались однотонными.

Шили бешмет с разрезом спереди (сверху донизу), прилегающим к талии, как правило, с цельнокроеной основой (полы и средняя часть спинки); с отрезными бочками, которые состояли из трапециевидных и треугольных расширяющихся книзу клиньев, что делало бешмет сильно расклешенным. На спинке, по линии талии, образовывались четыре выступа. Нижняя часть бешмета (от линии талии) состояла из девяти-одиннадцати клиньев, трех цельнокроеных (два передних, один задний), двух-трех трапециевидных с каждого бока и двух треугольных (по одному на каждую полу). Подобная выкройка создавала определенный силуэт одежды — сильно затянутой в талии и свободной внизу (ширина бешмета у подола нередко доходила до 2,5—3 м).

Рукав делался нешироким, слегка суженным книзу (в среднем 38 см у кисти и 46 см по окату); боковые швы лифа значительно смещались назад (совпадали со швами низа), и спинка кроилась довольно узкой, что еще больше подчеркивало талию. Бешмет имел невысокий (5—6 см) стоячий воротник, из-под которого у молодых людей нередко виднелся более высокий воротник нарядной рубахи. Воротник обычно делался выстроченным, на подкладке из плотной ткани.

Бешмет представлял собой тип однобортной одежды и застегивался встык, наглухо, от воротника до линии талии. Под застежку с одной стороны подшивали узкую планочку, чтобы скрыть нижнюю рубаху. Ниже талии одна пола находила на другую за счет треугольных клиньев, пришиваемых спереди. Застегивался бешмет восемью-десятью петлями из шнура цвета ткани; по правой стороне пришивали шнур с пуговками-узелками. По линии талии с изнанки иногда подшивалась тесьма, застегивавшаяся на крючки. Таким образом, бешмет плотно облегал фигуру.

По бокам, в швах клиньев, бешмет имел внутренние карманы, на груди (с двух сторон) делались, кроме того, накладные карманы (примерно 15×16 см). Некоторые горцы,

особенно представители интеллигенции, служители культа, нашивали на бешмет с левой стороны груди, почти под мышкой, небольшой накладной карман для часов.

Воротник, полы сверху до самого низа, низ рукавов (реже край подола), карманы обшивались тонким шнуром цвета основной ткани.

Теплые бешметы, стеганные на вате, а нередко и летние отделялись двойной продольной строчкой, ручной или машинной. Нарядные бешметы, особенно для молодежи, нередко обшивались золотой тесьмой или галуном.

Бешметы шили различной длины, в зависимости от моды, чаще ниже колен, иногда до середины икр. С начала XX в. их стали делать чуть ниже колена или по колено. Кроили и шили бешмет лишь мастерицы-специалисты, так как его изготовление требовало особых навыков и мастерства. Носили бешмет все мужчины. Он считался самой удобной верхней одеждой, в которой горец мог находиться дома, выйти на улицу, пойти в гости и т. д. Если бешмет надевали без черкески, то его носили обязательно подпоясанным, с кинжалом.

В 30-е годы XX в. бешмет теряет свое былое распространение. Его продолжают носить только отдельные пожилые люди.

Кавказская рубаха¹⁰ появилась в начале XX в. взамен бешмета. По всей вероятности, она была воспринята от северокавказских горцев (осетины, черкесы и др.). Кроили ее, так же как и нижнюю рубаху, из прямого полотнища, сложенного пополам, с такими же клиньями с двух сторон или без них, но без ластовиц под мышками. Шили рубаху с широкими рукавами, без манжета, с накладными карманами и без карманов, со сравнительно высоким (8—9 см) на плотной прокладке воротником-стойкой.

Рубаха имела длинный грудной разрез, достигающий почти до талии (32—35 см). Застегивалась она, так же как бешмет, на пуговицы и петли из тесьмы (с левой стороны грудного разреза пришивались петли, а с правой — узелковые пуговицы — три пуговицы на воротнике и шесть-семь на груди. Прямые рукава (без разреза) также застегивались внизу на петли и пуговицы из шнура.

Постепенно туникообразный покрой кавказской рубахи подвергся некоторым изменениям. Для большей четкости линий на плечах стали делать шов; грудной разрез дополнился специально обработанной планкой; для застежки стали использовать обычные покупные пуговицы; рукав был снабжен манжетом.

Кавказскую рубаху носили навыпуск и подпоясывали ремнем. В неподпоясанном ви-

¹⁰ Кум. *гэйлек*, черкес *гэйлек*, дарг. *хлява*, авар. *горде*, лезг. *бехрем*, лак. *гьухъа*.

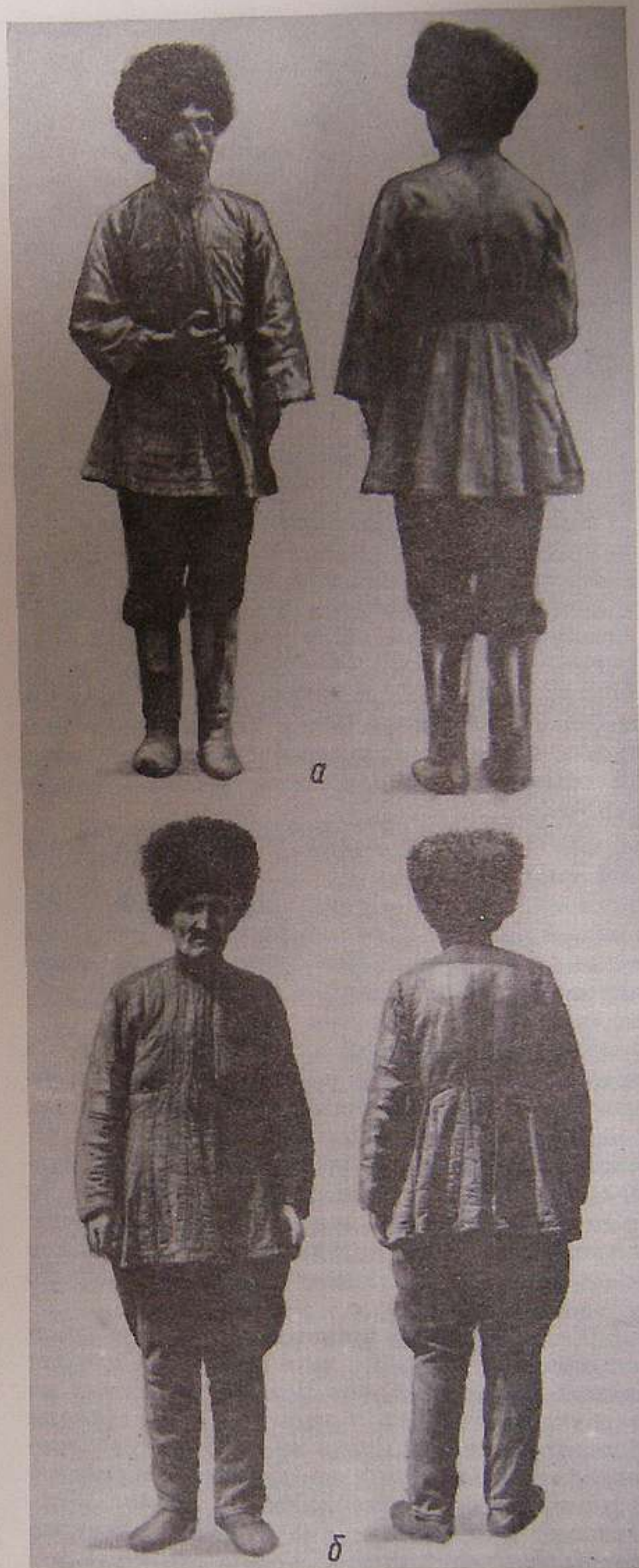

Рис. 14. Мужчины в бешметах:
а — даргинец (с. Ашты), б — рутулец (с. Мухрек)

де рубаха доходила до колен. Шили эти рубахи обычно женщины, а иногда — мастера-мужчины, работавшие в специальных мастерских.

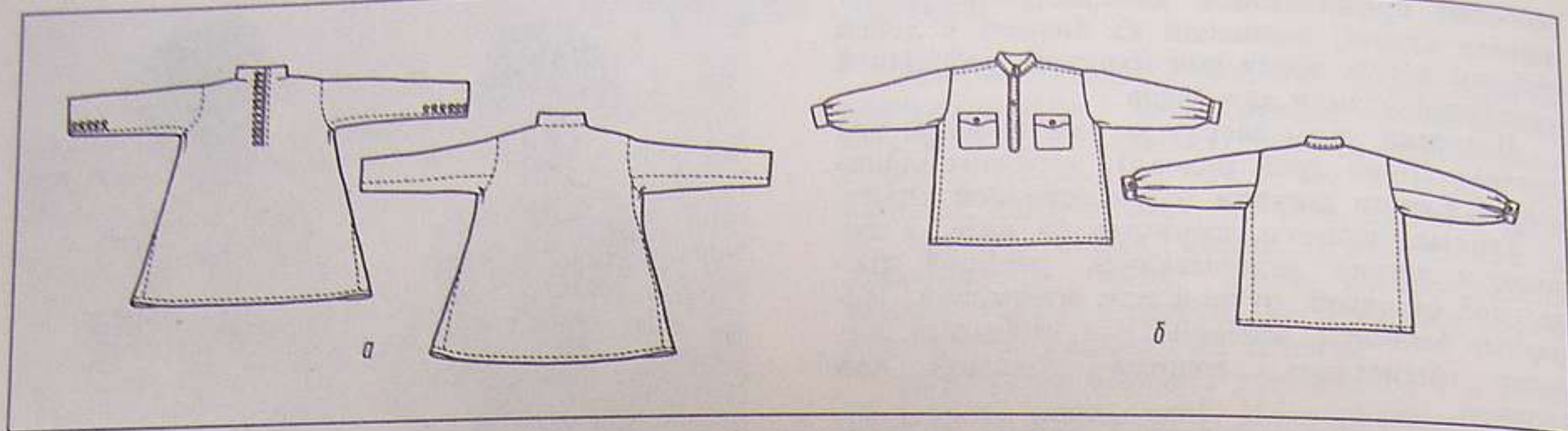

Рис. 15. Рубахи:

а — кавказская (с. Усиша, дарг.), б — рубаха-гимнастерка (с. Костек., кум.)

Кавказская рубаха окончательно перестала бытовать в 40-е годы в связи с распространением более практичной гимнастерки.

Китель, как всякая другая одежда военного покроя, получает распространение в годы Великой Отечественной войны и бытует наряду с гимнастеркой до 50-х годов, до времени широкого распространения современных костюмов фабричного производства. Шили кители обычно мужчины-мастера в ателье и мастерских.

Носили китель навыпуск с галифе, позднее — с брюками.

Черкеска¹¹ — тип традиционной распашной одежды. Как и бешмет, она считалась одним из основных элементов верхней одежды, особенно парадной, и была широко распространена в Дагестане до революции.

Черкеску надевали поверх бешмета, а позднее и кавказской рубахи обычно при выходе на улицу, посещении общественных мест, приеме гостей, а в прохладное время — и в домашних условиях. Даже в жаркую пору считалось неудобным появиться в общественном месте без черкески или в расстегнутой черкеске. Этот этикет особенно строго соблюдали князья и дворяне, служащие военно-народного управления и т. д.

Шили черкеску главным образом из домашнего сукна синего, черного, серого или бежевого цвета. Особенно ценились черкески из верблюжьей шерсти, белые черкески, которые богатые горцы носили в весенне-летний период, а также черкески из дорогого фабричного (так называемого гвардейского) сукна. Последние приобретали только очень богатые горцы. На черкеску шло 4—6 м сукна.

Шили черкеску в талию, с цельнокроеной основой (полы и средняя часть спинки); боковые швы лифа значительно смещались назад, совпадая со швами нижней части, что

еще больше подчеркивало талию. Нижняя часть делалась сильно расклешенной за счет вставных, расширяющихся книзу, трапецевидных и треугольных клиньев по бокам и на полах спереди. Число цельнокроеных и вставных клиньев, так же как и у бешмета, доходило до 9—11 (обычно три цельнокроеных: два передних, один задний; по два-три отрезных трапецевидных клина по бокам и по одному треугольному клину спереди на полах). Эти клинья образовывали ровные глубокие складки, или фалды.

Черкеска имела широкие, длинные (нередко закрывающие кисти) рукава, часто на подкладке из одноцветной ткани (нарядные черкески обычно шились на яркой подкладке). Для удобства и красоты низ рукава слегка отворачивался. Иногда в нижней части рукава имелся разрез в 6—10 см длиной, который застегивался на петли и узелковые пуговицы из тесьмы цвета ткани черкески. Судя по рисункам художников и описаниям путешественников XIX в., в Дагестане бытовала и черкеска с откидными, свисающими рукавами азербайджанского типа¹².

Лиф черкески также шили на подкладке. Нередко подкладка подшивалась и к низу черкески.

По бокам, ниже талии, имелись специальные разрезы. Очевидно, до распространения огнестрельного оружия они использовались в качестве карманов, но вследствие позднейших изменений костюма, в частности с появлением нагрудных газыриц, потеряли свое утилитарное значение. В боковых швах у подола черкеска имела разрезы длиной 20—25 см. Чтобы полы не расходились при ходьбе или танце, а также для красоты, их обычно скрепляли плетенкой из шнура.

Черкеску делали с открытым треугольной формы грудным вырезом. Ниже, до линии талии, она застегивалась справа налево встык на пять-шесть узелковых пуговиц и петель из

¹¹ Авар., тинд. *чухъа*, анд. *жухъа*, ботл., карат., *чурхъа*, *чуклов*, дарг. *къичу*, *чоха*, кум. *чепкен*, лак. *чухъа*, лезг. *чухва*, цахур., агул., рутул. *чокъай*, таб. *чухъай*, дерб., азерб. *чоха*.

¹² Березин, 1849, стр. 63.

тесьмы. Нередко она имела, кроме того, потайные металлические крючки. В этом случае узелковые застежки имели в основном декоративное значение. Под застежку с левой стороны подшивалась узкая планочка длиной 10—12 см из того же сукна, чтобы не было видно нижней одежды. По линии талии к черкеске с изнанки подшивалась широкая тесьма, которая застегивалась на металлический крючок. Благодаря расширяющимся книзу клиньям полы черкески имели запах справа налево и не расходились.

На нагрудную часть черкески с двух сторон нашивались газырницы. Газырницы кроились в виде кармана и вертикально прострачивались. В образовавшиеся таким образом пазы помещали газыри. Число этих отделений для газырей обычно не превышало 9—11 с каждой стороны груди.

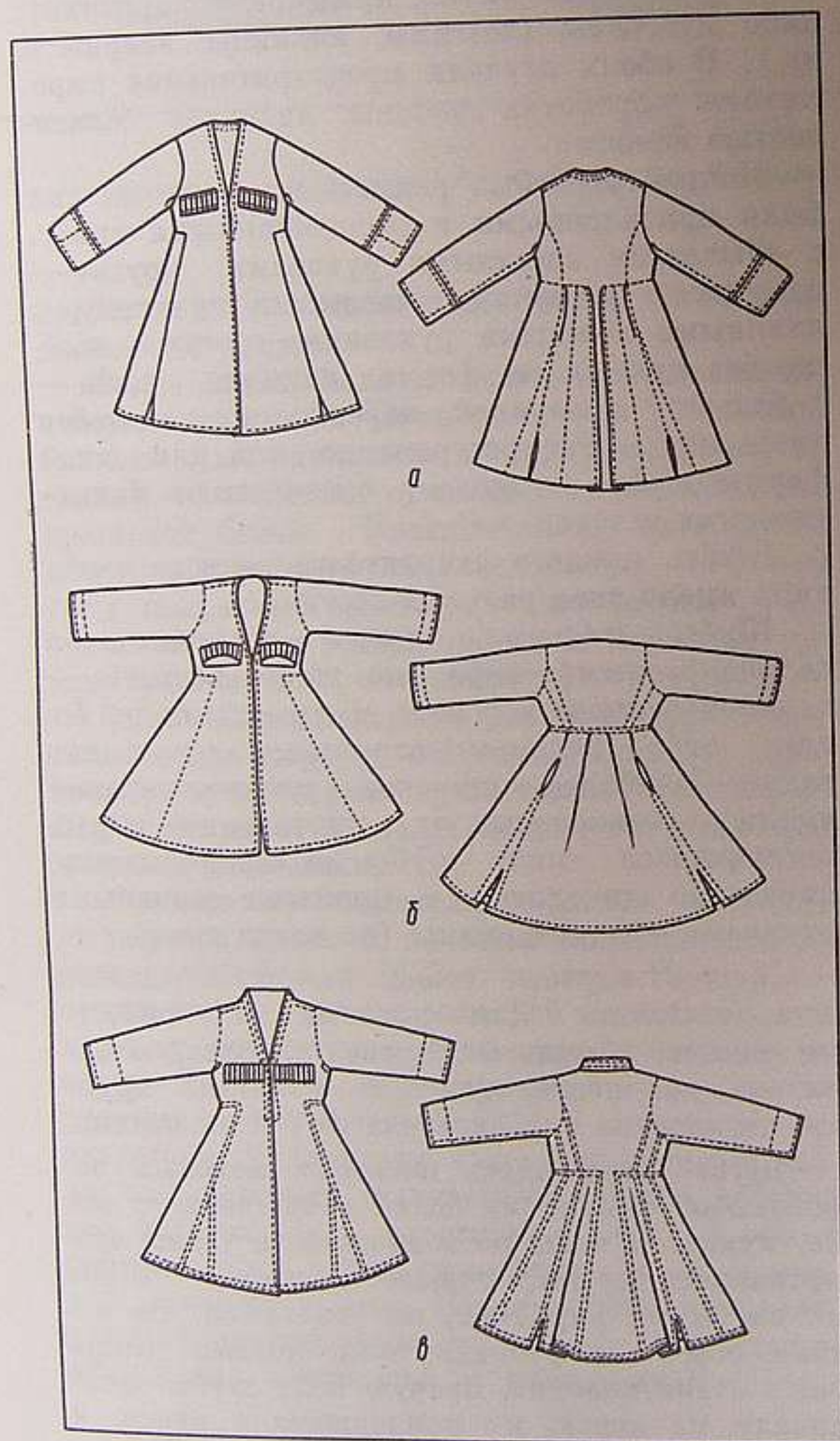

Рис. 16. Черкески:

а — кумыкская (с. Казанище), б — кумыкская (с. Уллубий-аул), в — даргинская (с. Усиша)

Рис. 17. Лакец в черкеске (с. Убра)

Газырницы пришивались с небольшим наклоном к пройме и заходили слегка под рукава. Как видно из сохранившихся фотографий в семейных альбомах, наклон газырниц в старину был больше и пришивались они выше, ближе к плечам, ибо выполняли в это время свое прямое назначение — карманов для патронов.

Полы черкески, ее рукава, нагрудные карманы и боковые разрезы обшивались тесьмой цвета сукна.

По покрою черкеска была сходна с бешметом, но имела более широкие полы и была длиннее. Длина черкески зависела от общей моды, господствовавшей на Северном Кавказе. Так, в конце XIX—начале XX в., судя по данным информаторов и по сохранившимся семейным фотографиям, черкеска доходила до середины икр или до щиколотки. В более поздний период, в 20—30-е годы, дагестанцы, как и все горцы Северного Кавказа, носили черкески чуть ниже колен.

Черкеску шили специальные мастерицы. Только после создания пошивочных артелей этим ремеслом частично стали заниматься мужчины. Шили на руках, каждый шов прошивали два раза — сначала с изнанки наматывали бумажными нитками, а потом с лица тонкой шерстяной ниткой.

Черкеску носили и летом, и зимой. Зимнюю черкеску, в зависимости от погоды, надевали как под шубу, так и поверх ее.

Черкеска туго перетягивалась ремненным поясом с металлическим (у зажиточных гор-

Рис. 18. Кумык в черкеске (с. Аксай)

цев — серебряным) набором; спереди к поясу почти всегда привязывался кинжал. Если черкеску надевали под более теплую одежду, то пояс с кинжалом повязывали поверх этой одежды.

В настоящее время черкеска встречается очень редко у некоторых представителей старшего поколения. Как свидетельствуют источники, она перестала широко бытовать в 30-е годы, когда основная масса взрослого населения Дагестана стала носить фабричные пальто, полушубки, шинели, фуфайки и т. д.

Шуба¹³. Необходимым элементом верхней

¹³ Авар. тлугъ, сагула, гьеркъи, хъабача, багул, клач, кшошора, хъабача, умугъ, бишо, тинд. бока, хъабач, сагула, дид. боко, ахв. клач, тулга, дарг.

мужской одежды народов Дагестана считалась овчинная шуба, надеваемая зимой поверх рубахи, бешмета, а иногда и черкески. Шили шубы мехом внутрь из шкур разного качества, и соответственно они имели разные названия. У кумыков, например, шубы из овчины назывались *тери-тон*, из шкур молодых барашков — *кёрне-тон*, из шкур недоношенных ягнят — *эльтир-тон*. *Кёрне-тон* и *эльтир-тон* стоили дорого и были доступны только состоятельным семьям. На шубу шло шесть-десять шкур (их число зависело от величины самих шкур, формы и размера шубы). Если шубу шили из шкур ягнят, особенно недоношенных, то использовалось 30 и более шкур. Кроили мех особыми ножницами, изготовленными чаще местными кузнецами, и шили плотными конопляными хлопчатобумажными или шелковыми нитками. Мужские шубы шили либо женщины (кумычки, табасаранки, предгорные даргинки), либо мужчины (лезгины, андийцы, аварцы и др.). В обоих случаях предварительная сыромятная обработка овчины являлась обязанностью женщин.

Покрой шуб был различным. Одни из них были приталенными и расклешенными книзу, с обычными вшивными рукавами; другие — длинными, широкими, носимыми внакидку, с длинными ложными рукавами; третьи — вообще без рукавов, в форме накидки, чаще — с большой пелериной, нередко опускающейся ниже пояса. Распространение той или иной формы шубы зависело в основном от климатических условий.

Шубы каждого охарактеризованного выше типа имели свои разновидности.

Шубы первого типа шились либо цельнокроеными, либо по типу бешмета — цельнокроеными в основе и отрезными по бокам, либо целиком отрезными по линии талии. Наиболее широкое распространение имели цельнокроенные, чуть приталенные и расширяющиеся книзу шубы до середины икр, иногда до щиколотки, с прямыми вшивными рукавами обычной длины (до кисти руки).

В ряде случаев сзади на спине делали еще вытачки. Для красоты и крепости на спинке, обычно на стыке клиньев, нашивались два-шесть кусочков в форме кружка, квадрата или листочка из той же овчины.

Шуба дополнялась шалевым меховым воротником, обычно из более качественного меха. Рукава и полы по возможности также оторачивались мехом лучшего качества. Шуба не имела ни карманов, ни застёжек. Ее носили обычно с распахнутыми полами. Когда было очень холодно, правую полу шубы заправляли на левую и придерживали рукой, а

хляка, кум. *тон*, лезг. *клурт*, кавал, лак. *баргунъ*, рат-
лу, цахур. *къаркъ*, таб. *юрзам*, агул. *кул*, рутул. *къа-
бачей*, гылымат, дерб., азерб. *кюрк*, *куледже*.

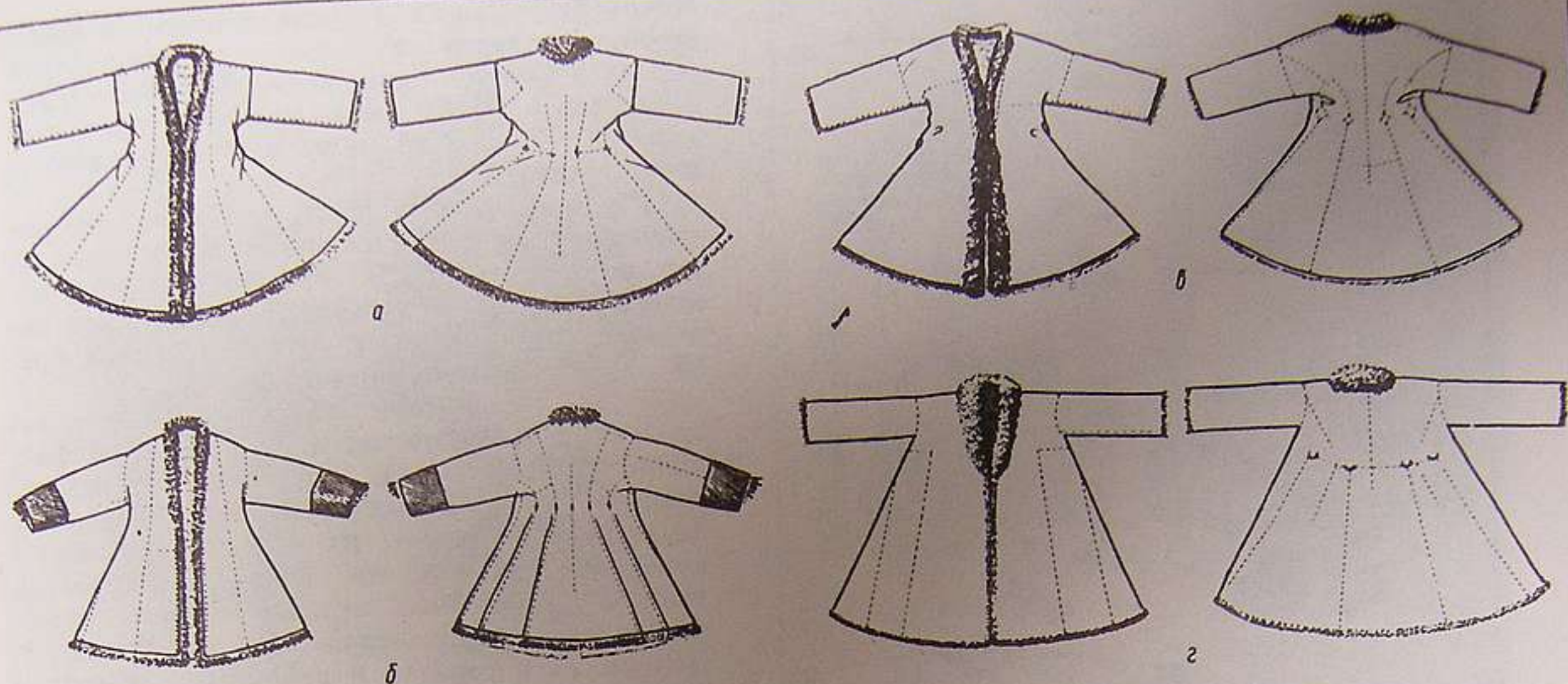

Рис. 19. Шубы с обычными рукавами:

а — кумыкская (с. Уллубий-аул), б — кумыкская (с. Казанище), в — даргинская (с. Уллу-ая), г — азербайджанская (с. Рукель)

при выходе в общественные места часто подпоясывали ремнем.

Такие шубы были в основном нагольные, иногда крытые. Покрывали их плотной тканью (в зависимости от возможностей семьи) — шевиотом, сукном, атласом, сатином, крашеной бязью. Излюбленным материалом для покрытия шуб являлась ткань *частанай* типа полуатласа темно-зеленого оттенка. Чаще всего крыли только нижнюю половину рукава (для лучшей сохранности).

Зажиточная верхушка дагестанского общества носила дорогие собольи, бобровые, хорьковые, горностаевые шубы такого же покроя. Шубы из дорогих мехов были известны под разными названиями¹⁴.

Феодалы владели издавна получали от царской казны в качестве подарков и русские шубы. Так, в 1627 г. шамхал Ильдар получил «шубу — отлас золотной на соболях, однорядку скорлатну с круживом, шапку лисью черну»¹⁵. Такого же характера подарки он получил и в 1613 г.¹⁶ В 1641 г. эндириевскому владельцу Казаналипу была отпущена в числе «тосударского жалования... шуба соболья под отласом под золотным в 40 в 3 руб. в 4 д., да шапка лисья, да кафтан камчат, а мурзам, которые с ним, Казаналипом, приехали, дано по однорядке да по шапке, а узденям их — сукна примерясь к прежнему»¹⁷. Число

таких подарков неуклонно возрастало из года в год¹⁸.

Овчинные шубы описанного типа более всего были распространены в равнинной части Дагестана (особенно у кумыков, ногайцев, дербентских азербайджанцев). В предгорной зоне и, особенно, в горном Дагестане (у аварцев, даргинцев, лезгин и др.) эти шубы бытовали как один из видов рабочей одежды.

Вторая разновидность этого типа — овчинные шубы типа бешмета из восьми-десяти клиньев. В отличие от описанных эти шубы были короче, легче, со стоячим двойным воротником из черного меха, с застежкой, нередко с меховой полоской-нашивкой по краю правого борта от воротника до линии талии, с двумя прорезными карманами, с отделкой из черной овчины (обычно спереди, ближе к бокам).

Их носили обычно только чабаны, табунщики, т. е. те, кто ходил за скотом. Наглухо закрытая грудь защищала от холода и ветра, а короткие полы были удобны для езды на лошади.

Третью разновидность приталенных шуб представляли шубы, отрезные по линии талии, со сборкой. Их обязательно крыли сукном, драпом, диагональю. Шубы последнего фасона начали распространяться с конца XIX в. По всей вероятности, они проникли в районы Дагестана через Грузию и Азербайджан. Постепенно такого фасона шубы стали шить сами дагестанцы.

¹⁸ Там же, стр. 160—161.

¹⁴ Авар. *гиш гишил хъабача*, дарг. *кешхляка*, кум. *хаз тон*, лак. *хазрал рахлу*, лезг. *хазран клурт*.

¹⁵ Русско-дагестанские отношения, стр. 85.

¹⁶ Там же, стр. 92—93.

¹⁷ Там же, стр. 154.

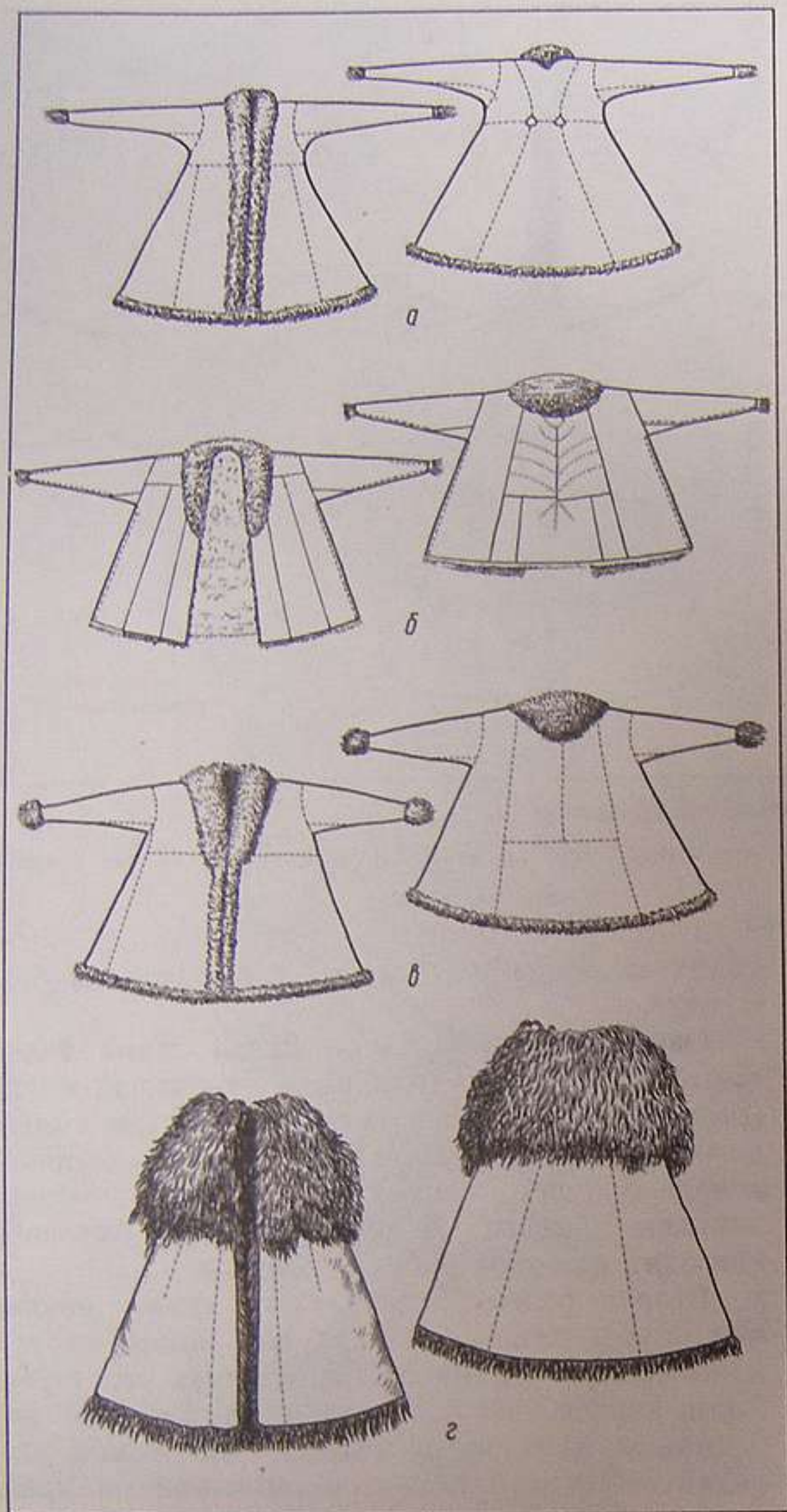

Рис. 20. Шубы-накидки

а — цахурская (с. Цахур), б — лакская (с. Кули), в — азербайджанская (с. Мугарти), г — даргинская (с. Усиша)

Шуба этого типа была двубортной, с застежкой у талии, имела пять-шесть расширяющихся книзу клиньев. По линии талии шли сборки. На лифе имелись боковые и плечевые швы, спина кроилась с двумя рельефными швами, идущими от проймы рукава к талии. Вшивные рукава делались неширокими.

Небольшого размера отложной воротник с острыми углами выкраивали из той же овчины или меха лучшего качества. Застегивалась шуба на крючки и петли (иногда самодельные кожаные), которые пришивались от воротника до линии талии. Край верхнего борта оторачивался иногда неширокой полоской меха.

Мехом отделялся и рукав, а иногда и подол шубы. Симметрично краю верхнего борта справа до линии талии также нашивалась полоска меха. Шуба имела два прорезных кармана с отделкой из меха, а сзади — небольшую шлицу.

Шубы этого вида шили из овчин, шкурок молодых барашков и шкурок недоношенных ягнят особой породы. В качестве отделки использовался по возможности мех лучшего качества. Длина зависела от моды, но, как правило, шуба шилась ниже колен.

За годы Советской власти появилось несколько разновидностей этого типа шуб фабричного производства. Они также шились отрезными из крашенных овчин мехом внутрь. В послевоенный период их стали носить более короткими, но того же покроя — с отрезной талией, двубортные, крытые сукном, диагональю или иной плотной шерстяной тканью. Делали их в городах и районных центрах в пошивочных мастерских на заказ, но уже не женщины, а мужчины.

В последнее время большое распространение получили широкие полшубки с крашеным верхом фабричного производства.

Шуба второго типа, большая шуба-накидка, шилась широкой, расклешенной книзу и длинной (нередко почти до пят), с длинными же (иногда длиннее самой шубы, до земли) ложными рукавами, сильно суженными книзу.

В то время как на шубу первого типа шло шесть-семь овчин, эту шубу шили из восьмидесяти шкур с шестью-одиннадцатью клиньями, несколько расширенными книзу.

Шуба этого типа всегда была нагольной, имела обычно шалевый воротник из шкурки молодого барашка или овчины с длинным завитым мехом. Таким же мехом отделялись полы шубы до самого подола, что создавало впечатление, будто вся шуба сшита из добротного высшего качества меха. В действительности ее шили из овчин разного качества и разных цветов (черных, рыжих, белых).

Узкие рукава, лишенные утилитарного назначения, использовались как карманы для хранения мелких вещей. В рукаве шубы гордец мог нести детям подарки: крашенные яйца, орехи, конфеты, игрушки и т. д. Этот тип шуб, незаменимый в условиях суровой и продолжительной зимы, был наиболее распространен в дореволюционном Дагестане среди горских народов — аварцев, даргинцев, цахурцев, рутульцев, лезгин и др.

Эти шубы имел в виду Петухов, когда писал, что зимой горцы носят «шубы с длинными до полу рукавами и бараньим воротником до поясицы»¹⁹, или Н. Дубровин, говоря, что многие горцы «большую часть года, не исклю-

¹⁹ Петухов, 1867, № 16.

Рис. 21. Мужчины в шубах:

а — кумык (с. Казанище), б — цахурец (с. Цахур), в — аварец (с. Тлярэш), г — аварец (с. Шангада), д — лакец (с. Куба), е — лезгин чабан (с. Кочкюр)

Рис. 22. Кумык-чабан в бурке
(с. Алхаджикент)

чая и летних месяцев, носят овчинные шубы с откидными воротниками в роде длинного капюшона нашей шинели и с рукавами, достигающими до земли, но столь узкими, в особенности в концах, что в них могут войти только два-три пальца. Тулуп этот в рукава никогда не надевается²⁰. Примечательно, что в ряде случаев рукава таких шуб имели своеобразные ластовицы. Это, очевидно, делалось для того, чтобы шуба свисала с фигуры ровно, сохраняя одинаковую длину и на полах, и на боковых клиньях, и сзади. На лакских шубах (сел. Кули) иногда на спине делался узор-строчка белыми нитками, напоминающий древо жизни.

Третий тип шубы, также нагольной, распространенной в горном Дагестане (главным образом у аварцев и частично даргинцев, лакцев и др.), представляла шуба-накидка без рукавов. По своему покрою она напоминала наплечные бурки для всадника: шилась цельнокроеной и с такими же большими плечевыми выступами. Шубы-накидки шились или прямыми, как большие нарядные бурки, или суженными у плеч и сильно расклешенными книзу. У даргинской шубы под воротником пришивались особые подплечники, род рудиментарных рукавов, которые создавали впечатление прямых плечей, как у бурки. Шуба имела и ряд других локальных особенностей. У даргинцев она кроилась поуже, из пяти-семи овчин, у аварцев — пошире, из восьмидесяти овчин²¹. Как правило, шубы делались с большим откидным воротником, наподобие пелерины, спускающимся часто до талии, некоторые — вообще без воротника. На пелерину шло в среднем три (иногда и больше) овчины. Шили ее из мерлушки или из шкурок особой породы овец с длинным завитым вор-

сом, обязательно мехом наружу²². Борта этих шуб также шились мехом наружу, что напоминало меховую оторочку. Этот вид шуб имел, очевидно, в виду П. Ф. Свидерский, когда писал, что в Кубачах «старик был в накинута, поверх черкески, овчинной шубе с длинным, висевшим по всей спине, воротником»²³. На щегольских шубах этого вида нередко можно было увидеть меховые овчинные «хвостики», свисающие на тесемке от пелерины вниз: два с боков и два сзади. Это, очевидно, делалось и для того, чтобы воротник, оттягиваемый этими сравнительно тяжелыми «хвостиками», лежал ровно, без складок. Возможно, эти «хвостики» делались в подражание дорогим меховым шубам, в частности хорьковым, к которым пришивались как внутри, так и на оторочке хвостики хорька. Родиной шуб этого типа считается Авария.

Шубы-накидки без рукавов носили мужчины любого возраста. Правда, у даргинцев, где эта шуба не имела широкого распространения, молодому человеку, особенно несемейному, считалось неприличным ходить в такой шубе.

В прошлом большие овчинные шубы нередко заменяли горцу и постельные принадлежности, чаще одеяло. Обычно каждая семья имела по несколько больших шуб.

Бурка²⁴ является также накидной одеждой, безрукавным плащом у дагестанцев. В прошлом ею широко пользовались и зимой, и летом, защищаясь от дождя, ветра и холода. Она нередко служила в качестве шалатки и даже постели. Не случайно в Дагестане сложились о бурке такую поговорку: «У мужчин первый дом — бурка, первое оружие — плеть». Известны бурки двух видов: простые, небольшого размера без начеса, которые изготавливались почти в каждом ауле, и большие, черные или белые, с начесом, производимые в определенных селениях и обществах. В то время как первые бурки использовались пастухами, пешими путниками и имели широкое бытование, вторые, нарядные, предназначались для всадников и были сравнительно мало распространены, так как стоили дорожке. П. Ф. Свидерский писал, что «бурка особенно удобна при верховой езде, так как, будучи надета на всадника, покрывает собою и спину лошади, вслед-

²² Можно предположить, что в прошлом такая пелерина могла быть и самостоятельным одеянием, защищавшим горца от холода и дождя. Впоследствии, с эволюцией одежды, ее формы усложнились. Появляется длинная шуба, носимая в качестве верхней одежды с другой, более легкой одеждой из ткани. Пелерина же могла остаться в силу традиции, но уже в качестве воротника.

Такая короткая накидка, правда, возможно, войлочная, изображена Олеарием на жителях Буйнака (Олеарий, рис. XVIII).

²³ Свидерский, 1903, стр. 63.

²⁴ Авар., анд., ботл. бургина, ахв. къучара, дид. боко, дарг. варгъи, кум. ямучу, лак. варси, лезг. ру-тул., агул., цахур. лит, таб. юрт.

²⁰ Дубровин, 1871, стр. 547.

²¹ Материальная культура аварцев, стр. 220.

ствие чего задерживаемая буркою животная теплота лошади согревает одновременно и всадника»²⁵.

По всему Кавказу и за его пределами славились андийские бурки. Они изготавливались в обществах андийской этнической группы из высококачественной черной и белой шерсти.

По покрою как местные, так и покушны бурки для пешехода и всадника условно можно разделить на два типа: колоколовидные и трапециевидные.

Первые делались без всякого шва, с показными плечами и, по всей вероятности, имели более древнее происхождение. Этот тип широко бытовал повсеместно вплоть до 30-х годов XX в.

Вторые делались длиннее первых, более свободными, со швами на плечах и нередко с широкими плечевыми выступами. Они, судя по сохранившимся фотографиям, входят в моду (чаще как нарядные) с конца XIX в. и бытуют, хотя редко, и в настоящее время. Трапециевидные бурки, как правило, имели подкладку, обычно из крашеной бязи. Нарядные бурки нередко отделывались — вырез горловины и борта до пояса обшивали сафьяном или черным шнуром, а также золотым позументом. На бортах у горловины для прочности нашивались куски сафьяна квадратной или треугольной формы, которые нередко вышивали золотом или цветными шелковыми нитками. Встречались и такие бурки, полы которых с изнанки покрывались узорной строчкой, чаще белой, или нашивкой-тесмой. Бурка застегивалась у горловины на пуговицу и петлю из тонкого ремешка или просто завязывалась ремешком, который продевался в отверстия, сделанные на сафьяновых нашивках. В непогоду бурки накидывались на оба плеча поверх шубы, черескоси. Отправляясь в путь, в поле, горец обязательно брал с собой бурку.

Принадлежностью зимнего мужского костюма народов горного Дагестана в прошлом было одеяние типа пледа (дарг. *ричI*). У даргинцев, в частности сюргинцев, его можно было встретить еще в конце XIX в. Его ткали из толстой шерстяной пряжи с начесом

(165×135 см). С лицевой стороны ткань имела вид паласа или грубого сукна. *РичI* носили, накинув на плечи, нередко сложив вдвое, и завязывали шнуром на груди или на шее. Нарядные *ричI* делали разноцветными. В домашних условиях их использовали в качестве одеяла. *РичI* считался обязательной принадлежностью приданого невесты. У других групп даргинцев в начале XX в. *ричI* использовался исключительно вместо одеяла или покрывала. Есть все основания полагать, что раньше в качестве верхней одежды-накидки *ричI* был шире распространен в Дагестане.

Возможно, подобное одеяние возникло еще в глубокой древности. В дагестанских памятниках бронзового века и позднейших эпох нередко встречаются крупные металлические булавки²⁶. Некоторые из них, имеющие отверстия у навершия, употреблялись, по мнению отдельных ученых, для скрепления краев грубой шерстяной одежды²⁷, к которой мы вправе отнести одеяние типа *ричI*.

Еще до революции под влиянием городской культуры в богатых семьях, особенно среди представителей феодальной знати, чиновников, учащейся молодежи, реже рабочих, стали появляться костюмы европейского покроя: френчи, пальто, шинели. Костюм военного образца был распространен главным образом среди дагестанского офицерства, которое было представлено в основном сыновьями князей и дворян. Среди населения костюм военного образца, особенно шинель, получает некоторое бытование лишь после революции, гражданской войны. Особенно широкое распространение такой костюм получает в годы Отечественной войны и продолжает бытовать некоторое время в послевоенный период.

Рукавицы носили далеко не все горцы и только во время поездок в зимних условиях, а также при выполнении отдельных работ вне дома. Рукавицы либо делали из подстриженной овчины, либо вязали из шерстяной пряжи. Представители привилегированных сословий носили покушные перчатки.

3. ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Дагестанцы широко пользовались меховыми шапками, реже — башлыками, войлочными шляпами. Самые ранние сведения о дагестанском головном уборе относятся к середине XVII в. По свидетельству А. Олеария, дагестанцы носили «шапки, сшитые четырехуголь-

ником из куска черного сукна»²⁸. Однако на рисунке, изображающем жителей сел. Тарки, А. Олеарий воспроизводит невысокие мохнатые шапки в виде колпаков.

Меховые шапки²⁹. Судя по дошедшим до нас видам головного убора, по рисункам

²⁵ Свидерский, 1898, стр. 36.

²⁶ Гаджиев М., 1969, стр. 137—142; Пиккуль, 1967, стр. 24, рис. 4, 6; стр. 26, рис. 15, 31; Атаев, 1963, стр. 138.

²⁷ Крупнов, 1960, стр. 101, 199, 200.

²⁸ Олеарий, рис. XVIII.

²⁹ Кум. бёрк, *папах*, дарг. *кьяпIа*, авар. *гIагъур*, лезг. *бармак*, лак. *къяпа*, цахур. *къяци*, *папах*.

художников XIX в., а также по данным литературных источников, фольклора и свидетельствам стариков, меховая папаха была самым распространенным головным убором.

Шили шапку обычно из шкурок ягнят, молодых овец особой породы (с длинными завитками, дарг. *корча*), а также из дорогого бухарского каракуля. Носили ее и зимой, и летом.

Шапка имела несколько разновидностей. Пожалуй, самой ранней, сохранившейся кое-где и до настоящего времени (у аварцев, цахурцев, рутульцев и др.), была мохнатая овчинная островерхая папаха конусообразной формы, которую шили по возможности из шкурок *корча*. Эта разновидность шапок широко бытовала среди народов Дагестана.

Другую разновидность (особенно распространенную в начале XIX в.) представляла высокая папаха в форме усеченного конуса с плоским доньшком. Еще более ранние папахи, судя по сохранившимся фотографиям, имели форму колпаков, также суженных кверху. С. Броневский отмечал, что дагестанцы «носят высокую шапку с плоскою тульею и с черною бараньею опушкою»³⁰. Этого же вида папаху имел в виду и Н. Дубровин, когда писал применительно к 60-м годам XIX в., что на голове дагестанец «носит небольшую меховую шапочку в виде усеченного конуса, обращенного узким концом кверху». В то же время он говорит и о том, что горец «носит длинную, остроконечную шапку, в роде персидской, только ниже и шире, но преимущественно употребляет папах, сшитый довольно грубо из длинных и косматых овчин»³¹.

Позднее широкое бытование получили папахи более низкие, цилиндрической формы, с суконным верхом. С конца XIX—начала XX в. шили плоскодонные папахи в виде перевернутого усеченного конуса (распирающиеся кверху). Папаха делалась на теплой стеганой подкладке.

Высота тульи менялась в зависимости от моды, господствовавшей в то или иное время на Северном Кавказе. Менялись и способы прикрепления доньшка. Если в старину доньшко пришивалось по верхнему краю тульи, то позднее, в начале XX в., оно укреплялось глубоко, почти по нижнему краю шапки. Папаха стала состоять как бы из двух самостоятельных частей, едва соединенных между собой: маленькой круглой стеганой шапочки, покрытой сукном (доньшко), и пришитой к ней по нижнему краю широкой полосы меха (каракуль). Доньшко нарядных папах часто делалось из сукна, плюша яркого цвета, украшалось золотым или серебряным галуном, который обычно нашивался крест-накрест. Эта папаха была известна под названием «бухар-

ская шапка» (очевидно, не только оттого, что каракуль приобретался в Бухаре, но, возможно, и из-за формы) или «осетинская шапка».

Папаха этого фасона из среднеазиатского каракуля продолжает бытовать и в настоящее время, являясь любимым головным убором значительной части сельского населения Дагестана, особенно среднего и старшего возраста.

Другим, также широко бытовавшим видом меховой шапки, сохранившимся и сегодня, следует считать мохнатую зимнюю шапку цилиндрической формы с плоским меховым же доньшком. Шили ее из шкурок местных пород овец на теплой меховой подкладке. В настоящее время шапка этого типа является зимним рабочим головным убором преимущественно старшего поколения, но постепенно выходит из быта.

Еще один вид овчинной папахи характеризуется полусферической формой, напоминающей перевернутый чугунный котел. Шили ее также из шкурок местных овец (нередко из длинноворсовых), на теплой меховой подкладке. Она являлась повседневным головным убором горских крестьян. В настоящее время этот вид папахи сохраняется как рабочий головной убор, чаще у чабанов, работников животноводческих ферм.

Следующий вид головного убора составляли так называемые ночные шапки³². Это — шапка в виде колпака или глубокой тюбетейки мехом внутрь. При их изготовлении отдельно выкраивались высокая несколько расширяющаяся книзу боковая часть тульи и доньшко, которые затем сшивались наружным швом. Нижний край тульи обычно оторачивался мехом. Сверху шапочка нередко покрывалась тканью однотонного темного цвета. В ряде случаев ночные шапочки делались из ткани, стегаными на вате. Носили их только пожилые люди ночью и днем в домашней обстановке. Теперь вместо них используются готовые тюбетейки среднеазиатского образца.

Лучшими мастерами-шапочниками считались лакцы и даргинцы (цудахарского участка). Они же являлись основными поставщиками среднеазиатского каракуля в Дагестан.

Войлочная шляпа³³. Дагестанцы, особенно жители равнины, войлочными шляпами пользовались во время летних сельскохозяйственных работ, защищаясь от солнца. Как мы уже отмечали выше, шляпы валяли из шерсти, в основном белой. Их делали с широкими, несколько опущенными полями и невысокой головкой полусферической формы. Многие гор-

³⁰ Броневский, 1823, стр. 446.

³¹ Дубровин, 1871, стр. 547.

³² Кум. *яланбёрк*, *такъыя*, авар. *гахъия*, дид. *тахъи*, *плакъа*, дарг. *душла къана*, лезг. *к'лукъ*, *къана*, лак. *къбак*, таб. *гуз*, рут. *квак*, агул. *хук*, дерб. азерб. *чипай*, гор. евр. *шев килая*.
³³ Авар. *буртин г'лазур*, дарг. *варъи къана*, кум. *ног*, *кийиз бёрк*, лезг. *литинин бармак*, лак. *варсуа къана*.

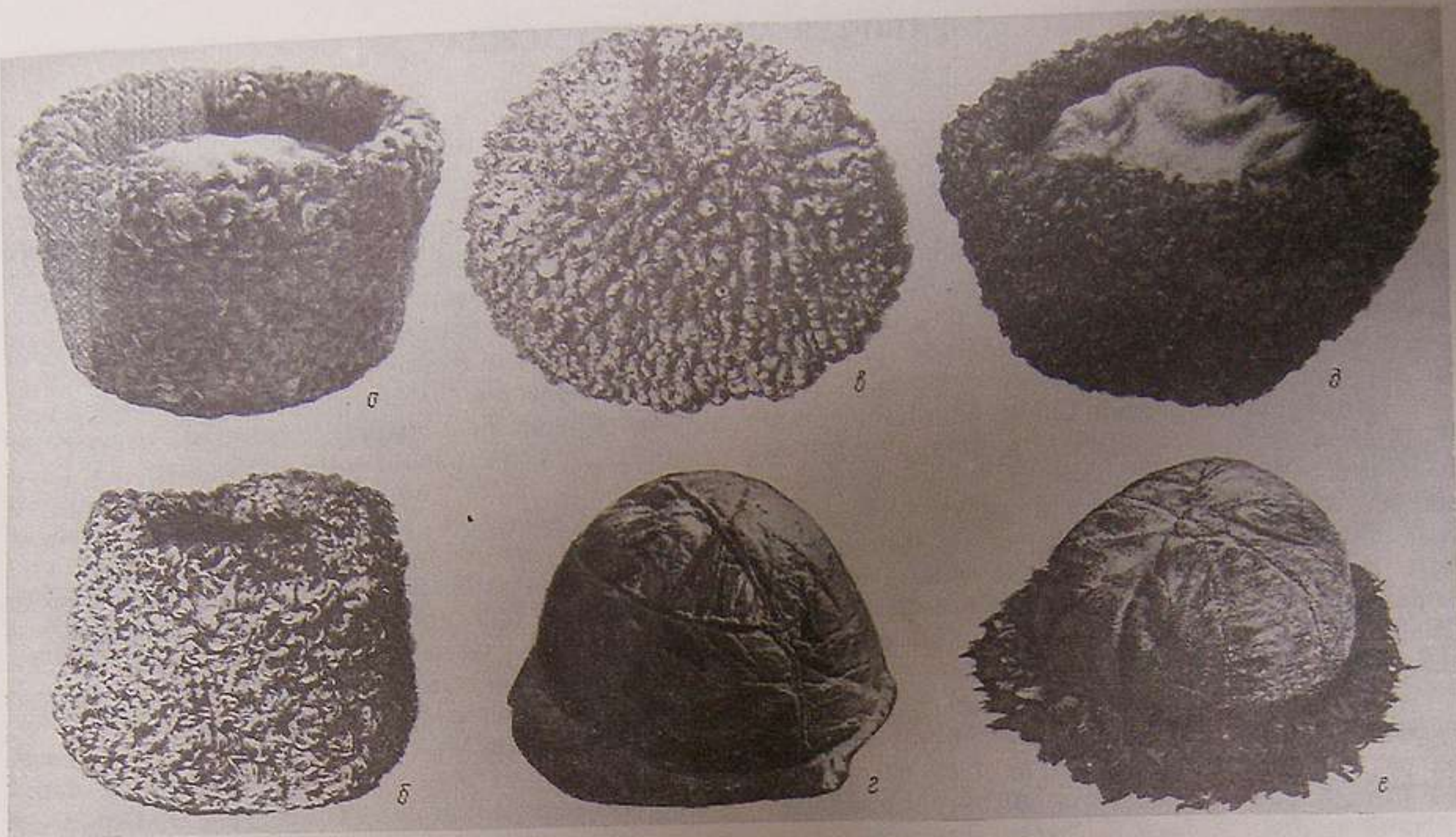

Рис. 23. Традиционные меховые головные уборы

даргинские папахи: а — с. Кадар, б, в — с. Усиша, д — кумыкская (с. Уллубий-аул); ночные шапки: г — даргинская (с. Усиша), е — агульская (с. Курат)

цы Дагестана приобретали войлочные шляпы у горцев Северного Кавказа, чаще — у осетин.

Башлык. Наряду с разнообразными видами шапок широко распространенным и, очевидно, древним головным убором дагестанцев был башлык. Шили башлыки из местного, реже покупного сукна, нарядные — из белого кавказского или русского сукна.

Башлык имел форму капюшона с остроконечным верхом и длинными полосами-лопастями с двух сторон для завязывания у шеи. Нарядные башлыки украшались галуном, тесьмой, иногда аппликацией из ярких тканей. На затылке капюшон имел прорез, который украшался ажурной плетенкой из золотой или серебряной канители.

Особо украшался и угол капюшона, на который нашивались галун и кисть из золотой или серебряной канители, иногда — аппликации из ярких однотонных тканей.

В XIX—начале XX в. башлык составляет почти неотъемлемую часть костюма. Независимо от погоды, времени года дагестанец-всадник почти всегда накидывал на черкеску башлык. Отправляясь в путь в непогоду или зимнюю стужу, башлык надевали поверх папахи. В зависимости от времени года и погоды башлык носили: 1) надев на голову поверх папахи, скрестив лопасти спереди, у шеи, и завязав слегка сзади в узел (зимой, в непогоду) или же просто опустив лопасти (в дождь); 2) накинув на плечи так, что капюшон висел на спине, а лопасти спереди слегка завязывались на груди; 3) накинув так, чтобы башлык

висел на спине, для чего он закреплялся шнуром на шее; так башлык могли носить в любое время года.

Чабаны, табунщики употребляли башлык не только в качестве головного убора, но и как сумку для продуктов, для переноски ягнят во время окота. В этом случае его носили сбоку через левое плечо, как обычную сумку.

В настоящее время в связи с широким распространением фабричных плащей с капюшоном и удобных сезонных головных уборов башлык вышел из быта. Очень редко его можно встретить у пастухов.

Чалма³⁴. Чалму носили лишь те, кто совершил паломничество в Мекку (хаджи), и в исключительных случаях имамы и устазы. Ее носили обязательно поверх папахи, обертывая вокруг тульи двумя или тремя рядами. Чалму делали однотонной, обычно из тонкой белой ткани, иногда из шелка, длиной 1,5—2 м и шириной 50—60 см (складывая по ширине вдвое). Чалму обычно носили в дни джума, праздничного богослужения, в торжественной обстановке.

Шапки-ушанки³⁵. Ушанки получили широкое распространение в советское время. Их шили мастера-шапочники; некоторые носили ушанки фабричного изготовления. В настоящее время они широко бытуют.

³⁴ Кум. чалма, авар. чалма, дарг. чалма, лак. чалма, лезг. сирих, чалма.

³⁵ Кум. кьулакьлы бёрк, авар. глундул ричараб, лезг. бармак, лак. ви-чливду кьана.

4. РАБОЧАЯ МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Рабочая одежда не отличалась от обычной: те же штаны, рубаха, бешмет, черкеска или шуба (зимой) с обычными рукавами, та же обувь из сыромятной кожи или войлока, вязанные сапоги на плотной подошве, шапка тех же фасонов из овчин или войлока, войлочная куртка, войлочный плащ и т. д. Использование той или другой одежды зависело от характера работы и времени года.

Специальной рабочей одеждой чабанов, табунщиков были овчинная и войлочная куртки и плащи. Овчинные куртки³⁶ шили мехом внутрь, с застежкой сверху донизу (воздушные петли и кожаные, матерчатые или костяные пуговицы). Куртка имела либо меховой воротник-стойку, либо делалась без воротника. В начале XX в. овчинные куртки уже не имели широкого распространения.

Войлочная куртка³⁷ представляла собой одежду, хорошо защищавшую от холода и ветра. Изготавливалась она из тонкого войлока без начеса. Точно установить покрой войлочной куртки у всех народов Дагестана нам не удалось, так как она давно вышла из быта. Однако по свидетельству стариков, которые в свое время носили или видели такие куртки, она была свободного покроя, со вшивными рукавами, с небольшим отложным воротником из того же войлока и застегивалась спереди на пуговицы и прорезные петли или просто

³⁶ Кум. *тери тошлукъ*, авар. *къокъаб тлимугъ*, *къучара*, *къочура*, лезг. *кIурт*.

³⁷ Лак. *къвалей*, кум. *дилегей*, авар. *керенсури*, цахур. *чопуз*.

Рис. 24. Цахурец в рабочей одежде чабана (*чопуз*)

завязывалась шнурами на шее. Е. М. Шиллинг, свидетельствуя о наличии такой куртки у бежтинцев, пишет, что «это необычайно примитивная по покрою длинная широкая прямая куртка с прямым разрезом спереди из грубого белого или темно-коричневого войлока» с низким воротником³⁸. Это одеяние в ряде случаев имело форму плаща или пальто.

Профессиональной одеждой чабанов в качестве плаща был *чопуз* — длинная (почти до пят), прямая распашная одежда из войлока. Кроился он из куска войлока, сложенного вдвое, несколько расширенным книзу. Имел длинные, цельнокроенные рукава, у ворота — вырез треугольной формы. *Чопуз* имел всего лишь два шва, соединяющих в боках перед и спинку, от подола до конца рукавов. Сплошной шов прерывался только у подмышек, где *чопуз* оставался несшитым, открытым³⁹.

Жнецы, косари, дровосеки, мастера-строители нередко пользовались рукавицами, нарукавниками и специальными фартуками.

Рукавицы изготавливались обычно из стриженной овчины в виде современных варежек.

Нарукавники шили из такой же овчины или из толстой конопляной ткани в виде узкого мешочка, закрывающего рукав до локтя.

Фартук имел покрой современных фартуков рабочих. Делали его из стриженной овчины, из плотной конопляной ткани (*хапцалдик*), изготавливаемой у даргинцев, или просто из холста фабричного производства.

На полевые работы дагестанцы надевали легкую удобную обувь, чаще чарыки, войлочные сапоги, дирихи. Притеречные и присулакские кумыки и ногойцы во время рыбной ловли пользовались длинными, почти до бедер, сапогами (*бахилы*) из кожи специальной выделки. Поверх них надевали дирихи из сыромятной кожи. Бахилы смазывали смолой, чтобы они не промокали.

Е. М. Шиллинг оставил нам интересное описание одежды чабана-даргинца. В чабанское снаряжение, по его словам, входит «бурка, обувь без пришитой подошвы (сделанная из одного куска бычьей кожи), домотканые (из хлопка или конопли) обмотки; искривленная по всей длине палка (одновременно посох и метательное орудие); плечевая сумка из бараньей кожи, трубочка (из шиповника или кости) для питья воды из источников, двухствольная свирель, ножик в деревянных ножнах, огниво, табачный кисет из бараньей мошонки, щипцы для выщипывания волос на лице, карманное зеркало в деревянной резной оправе»⁴⁰.

³⁸ Шиллинг, рук., стр. 30.

³⁹ Булатова, 1974, стр. 127.

⁴⁰ Шиллинг, Даргинцы, стр. 69.

5. ОДЕЖДА МАЛЬЧИКОВ

Одежда мальчиков по покрою была почти однотипна с одеждой взрослых.

Они носили такую же туникообразную рубашу и такие же узкие внизу штаны, но их покроем (особенно для детей двух-четырех лет) был проще. К рубашке для новорожденного не пришивались ни клинья, ни рукава. Последние заменялись спущенными плечами. Рубаха делалась без воротничка, с прямым грудным разрезом посередине, без подкладки и нашивки. Мальчики старше трех-четырех лет носили такие же рубашки, как и взрослые. С двух-трех лет дети начинали носить штаны, которые чаще всего шили из сатина, ластика, плотной ткани в полоску. Штаны для маленьких детей (до четырех-пяти лет) не имели вставки между штанинами, вместо нее оставляли отверстие. Дети также носили бешметы и шубки. Детские бешметы, в отличие от бешметов взрослых мужчин, шились из пестрых, ярких тканей и отделывались кусками более дорогого шелка, золотным бархатом, а также украшались галуном (накладные карманы, борта от ворота до линии талии, иногда и пояса).

Большим своеобразием отличался кубачинский детский бешмет. Разрез бешмета проходил не по середине груди, как обычно, а сбоку, напоминая косоворотку. Шили его без воротника, на вате, покрыв весь строчкой — в основном долевой, на рукавах — поперечной, на спинке и на груди — в виде елочки. Застегивался бешмет на пуговицы.

Шубы, которые мальчики носили либо поверх рубашки, либо поверх бешмета, по возможности делались из шкурок ягнят, часто из разных кусков меха, перешивались из старых шуб взрослых. Маленькие дети, как правило, шуб не носили. Им шили курточки из подстриженных овчин или корпея, нередко с застежкой на левом плече и сбоку. Такие куртки дети носили в возрасте от года до семи лет.

В богатых семьях детям шили также нарядные черкески, часто с газырницами и даже мелкими газырями, украшенными серебром и позолотой.

Мальчики носили и все охарактеризованные выше виды головных уборов, за исключением башлыка и войлочной шляпы. Но наибо-

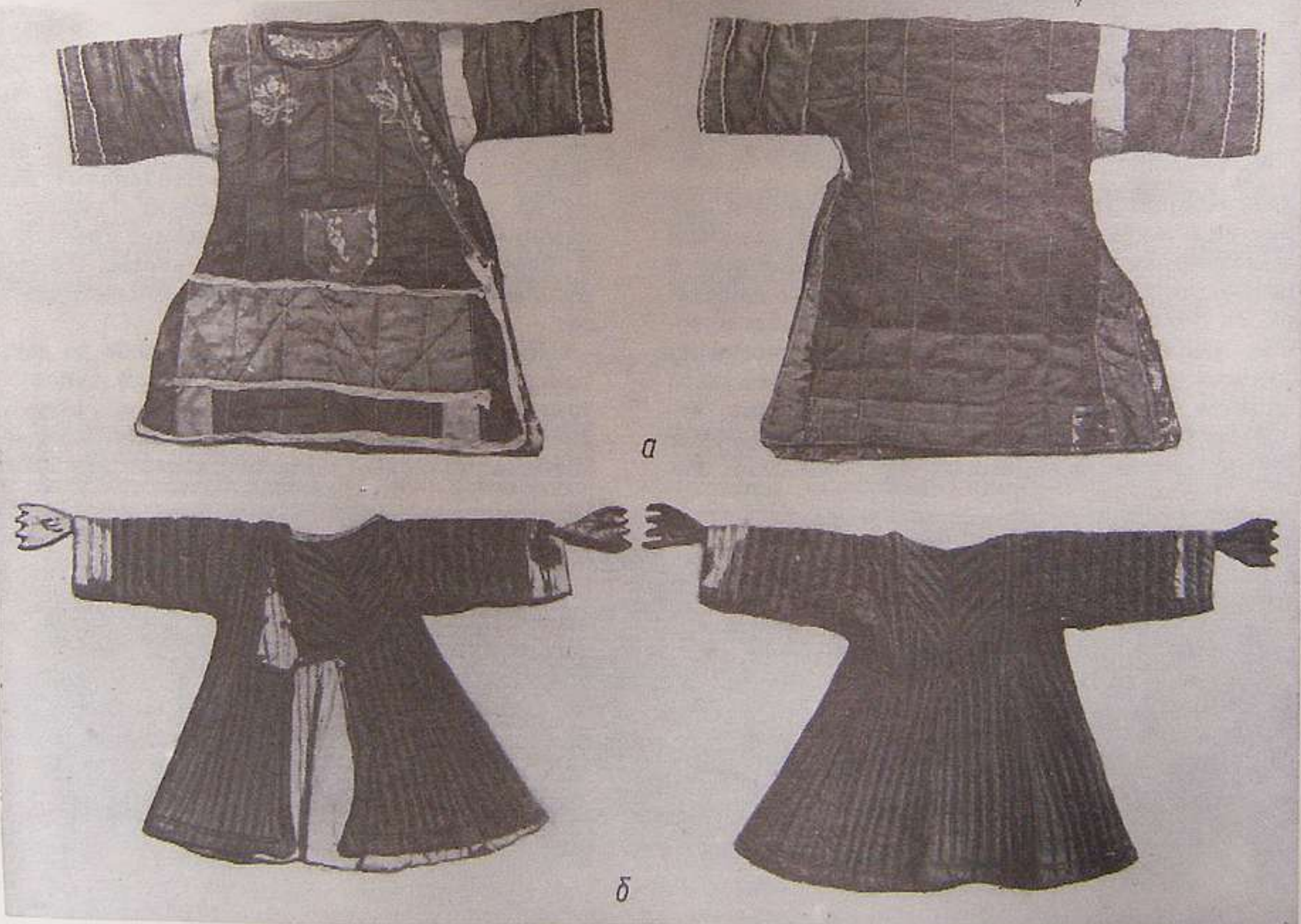

Рис. 25. Детская стеганая одежда:
а — лакская (с. Кая), б — даргинская (с. Кубачи)

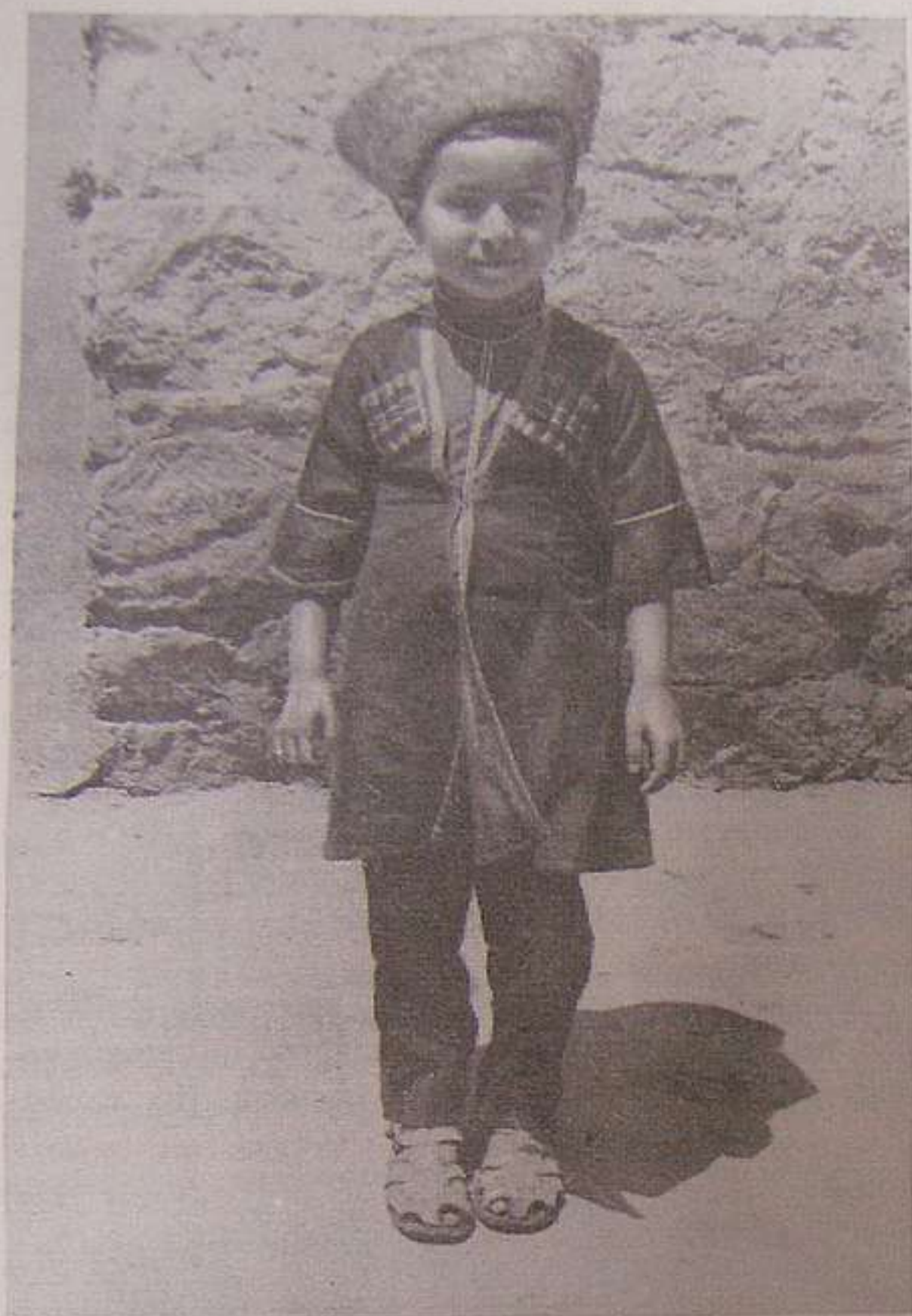

Рис. 26. Мальчик в черкеске (г. Дербент)

более распространенным головным убором маленьких мальчиков были овчинные шапочки (сшитые мехом внутрь) в виде колпачков и шапки из ткани типа среднеазиатских тюбетек, но с более высокой тульей и круглым плоским доньшком. Их шили по возможности из дорогих тканей ярких расцветок (из золотного бархата, золотной парчи, плотного шелка, атласа и т. д.), нередко и из разных по цвету и форме кусков (квадратных, треугольных), ко-

торые располагались в определенном сочетании на плотной подкладке. Шапки иногда делали стегаными на вате и украшали галуном, золотой или серебряной канителью, цветными шелковыми нитками, а также узорной цветной строчкой. Особенно нарядными были детские тюбетейки предгорных даргинцев и кумыков (селения Губден, Гурбуки, Карабудахкент и др.). Они делались из бархата, парчи, сукна с вышивкой или фигурной застежкой, на плотной подкладке, чаще стеганой, с высокой тульей. Внизу тюбетейки, как правило, имели меховую оторочку. Такие шапочки сохраняются в некоторых семьях и в настоящее время.

У северных кумыков в прошлом для детей шили четырехгранные, высокие, сужающиеся кверху, с четырехугольным доньшком шапки. К ним пришивались кисти из золотых ниток. Все четыре грани нарядных шапочек покрывались вышивкой, чаще золотой. На макушку шапки пришивали иногда вместо кисти тканые или вязаные узорные фигурки из золотой канители. По ребрам шапочки нашивался золотой галун. Золотым галуном обшивались и края шапки.

Четырехугольная детская шапочка, хотя несколько другого покроя, бытовала и в горном Дагестане, в частности у дидойцев. Шили ее из одноцветной темной ткани, на плотной ватной основе; с боков и с затылка шапочки свисала в виде накосника специально пришитая к шапочке полоска ткани. Накосник расширялся книзу благодаря вставленному клину из красного кумача. Шапочку украшали камешками, ракушками и бляхами, имеющими в ряде случаев значение амулетов. Шапочку носили мальчики от двух до пяти-шести лет.

Лакский головной убор мальчиков до двух-трех лет иногда представлял собой длинную, узкую полосу (длина 130—135 см, ширина 15—16 см), обычно из бязи, с широкими завязками. Лицевая сторона части головного

Рис. 27. Детские шапочки:
а, б — лакские (с. Кули), в — аварская (с. Ругуджа)

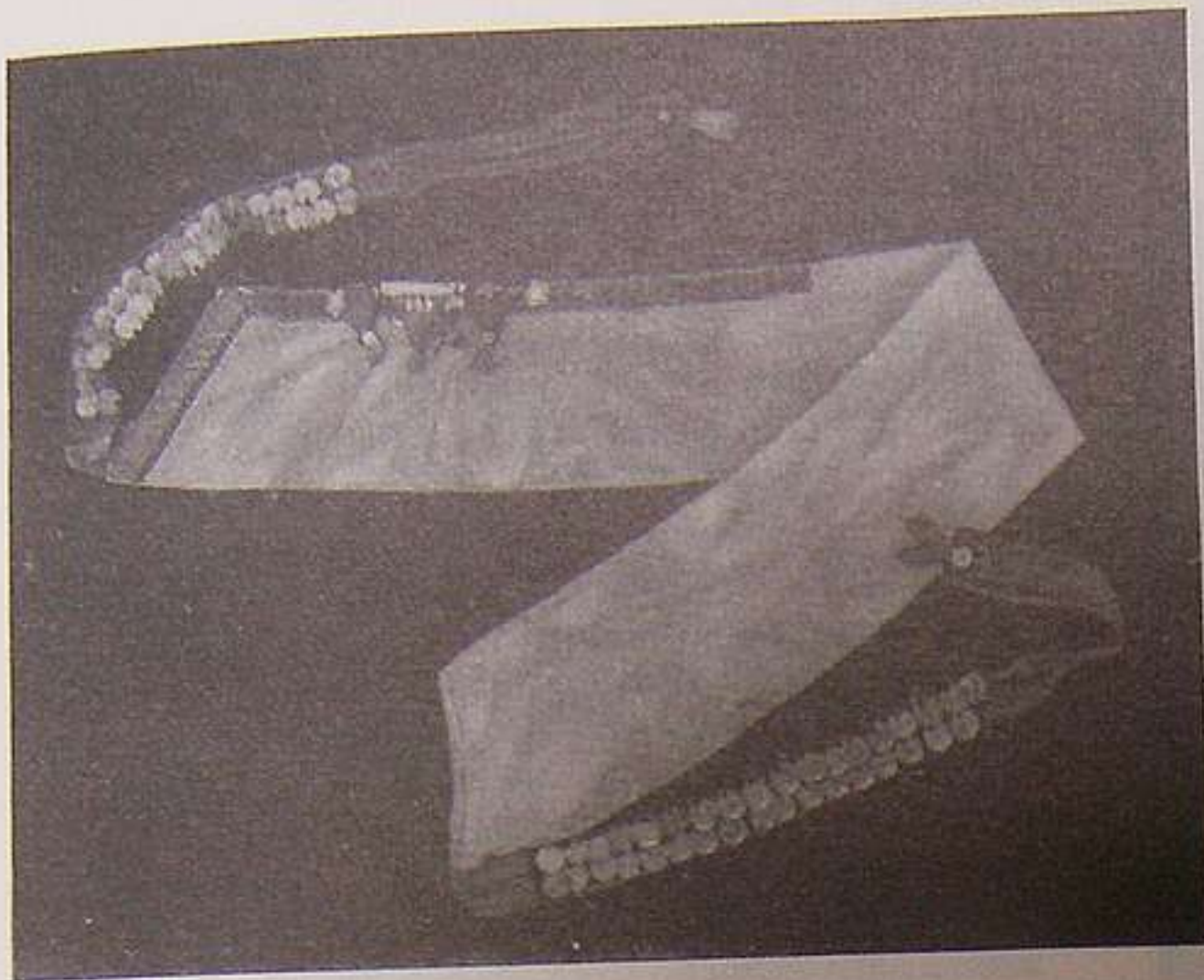

Рис. 28. Лакский мальчик в традиционном головном уборе (слева — тот же убор в развернутом виде)

убора, которая приходилась на лоб и темя, покрывалась нашивками из разноцветных кусков шелковых (парча, тафта, атлас) или хлопчатобумажных тканей, а также узорной строчкой. Ткань наматывали на голову таким образом, что образовывался нарядно оформленный высокий головной убор.

Среди украшений для головных уборов мальчиков особое место занимала круглая серебряная бляха с подвесками на длинных цепочках. Ее нашивали на макушку детской шапочки в форме тюбетейки. В центре бляхи возвышалась филигранная шишечка — чаще литая фигурка птички. К детской одежде, особенно к курточке, безрукавке, пришивались

кроме того, всевозможные монеты, литые фигурки, подвески-амулеты, бляхи, сердоликовые бусы. Больше всего украшались спинка и плечи детской одежды. Монеты и другие украшения нашивались и на квадратные, и на треугольные обшитые плотной тканью обереги.

Маленькие мальчики (пяти-шести лет) в прохладное время носили, как и девочки, платочки, а поверх них — описанные выше шапочки в виде тюбетейки. С шести-семи лет мальчики надевали уже меховые шапки, обычно из шкурок ягнят.

В настоящее время дети носят шапочки фабричного производства.

6. ОРУЖИЕ

Изготовление разнообразных видов оружия и украшений народам Дагестана было известно еще в глубокой древности, что неоспоримо подтверждается данными археологии. Многочисленные предметы вооружения (мечи, кинжалы, наконечники копий, стрел, боевые топоры и т. д.), украшения (подвески, пронизки, браслеты, булавки и т. д.), в том числе изготовленные из металла, дают нам памятники бронзового века. О высоком уровне ремесленного производства в Дагестане свидетельствуют материалы многочисленных раннесредневековых могильников (Верхний Чирьюрт, Верхний Каранай, Агачкала, Хлют, Галла, Бежта, Дуранги, Куяда и др.)⁴¹. В этот период значительно возрастает ассортимент украшений,

предметов вооружения (стрелы, копья, топоры, кинжалы, сабли, ножи и т. д.), устанавливается отраслевая специализация технического производства — «кузнечно-литейное и ювелирное дело выступают как отделившиеся друг от друга области ремесла»⁴².

О художественных промыслах народов Дагестана, в частности об их металлообрабатывающем производстве, писали и средневековые авторы.

Родина древних кольчужников, «город златокузнецов» Урбуг, например, очень рано становится широко известным на всем Кавказе, Переднем Востоке и во многих других странах мира сперва под персидским (VIII в.) названием Зирихгеран, а затем (с XVI в.) под тюркским — Кубачи.

⁴¹ История Дагестана, I, стр. 132—136; Атаев, 1963.

⁴² История Дагестана, I, стр. 134, 225.

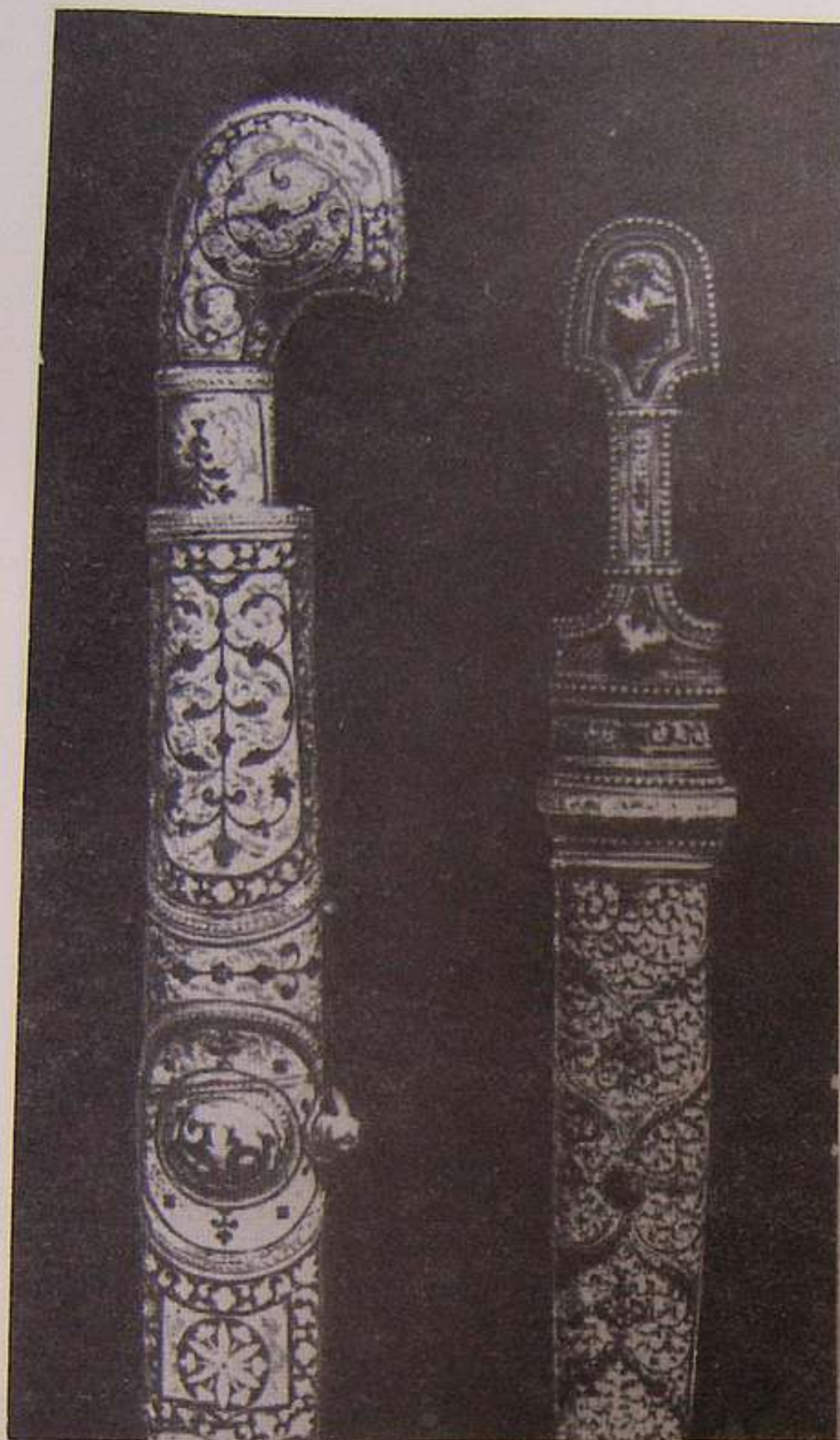

Рис. 29. Фрагменты лакской шашки и кубачинского кинжала

Арабский путешественник и географ X в. Масуди пишет о Кубачах, что многие жители там — «мастера кольчуг, стремян, удил, мечей и других железных вещей»⁴³. Спустя два века (XII в.) другой путешественник, Абу-Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати, писал, что «недалеко от Дербента есть большая гора, у подножия которой — два селения; в них живет народность, которую называют зирихгаран, то есть бронники; они изготовляют всякое воинское снаряжение: кольчуги и панцири, шлемы и мечи, и копья, и луки, и стрелы, и кинжалы, и всевозможные изделия из меди»⁴⁴. По данным арабского географа XIII в. ал-Казвини, жители рутульского селения Шиназ были искусны

«в изготовлении оружия, как например панцирей разного рода и других видов оружия»⁴⁵. Оружие и украшения изготовляли и другие ремесленные центры Дагестана: Кумух, Харбук, Шиназ, Ахты, Эндери, Тарки, Казанище, Бежта, Кала-Курейш, Гоцатль, Хунзах, Урада, Анди и т. д. Жители этих аулов участвовали в оживленной торговле с восточными странами через крупнейший торговый город Дагестана и всего Кавказа — Дербент.

Еще в раннем средневековье мастера-горцы знали такие сложные приемы, как инкрустация, зернение, фигурнаяковка, художественное литье.

Древнее самобытное искусство народов Дагестана развивается, совершенствуется и в последующие исторические периоды.

Развивается отраслевая специализация ремесленного производства. В оружейном деле это проявлялось в специализации одних аулов на производстве ножен, рукояток для холодного оружия — кинжалов и шашек (Кубачи, Кумух и др.), а других — на клинковом производстве. Своими клинками особенно славились мастера из аулов Амузги, Харбук, Тарки, Казанище. Особую популярность в конце XVIII — первой половине XIX в., а также в последующий период приобрели потомственные кинжальные мастера Базалаи⁴⁶ из селения Тарки и Казанище. Клинки их работы получили в Дагестане и на всем Кавказе нарицательное наименование *базалаи* и, по словам И. Березина, в значительном количестве вывозились в Россию. Для монтажа и художественной обработки Базалаи, как и многие другие оружейники, нередко посылали свои клинки, особенно для парадных кинжалов, в Кубачи и Кумух, где для них изготавливались ножны, покрытые серебром, вставками из слоновой кости, гравировкой с чернью, насечкой золотом и т. д.⁴⁷

Оружие, особенно кинжалы, изготовлялось во многих аулах. Однако наиболее крупными центрами оружейного ремесла оставались Кубачи, Харбук, Амузги, Кази-Кумух, Казанище, Тарки, Гоцатль, Унцукуль, Куяда и др.

Дагестанские оружейники и кольчужники распространяли локальный дагестанский вариант «кавказского» оружейного промысла среди горского и даже русского населения северокавказских, а также закавказских областей. Спрос на дагестанское, особенно парадное, оружие был большой. Х. Френ писал о кубачинцах: «В изделиях железных и стальных у них есть искусство и вкус, которыми они далеко превышают другие горские народы. Брони, ружья, сабли и другое оружие их работы и поныне в тех странах и в Персии

⁴³ Цит. по кн.: Караулов, вып. XXXVIII, стр. 52.

⁴⁴ Гарнати, стр. 50.

⁴⁵ Цит. по кн.: Шихсанов, 1969, стр. 128.

⁴⁶ Березин, 1849, стр. 97.

⁴⁷ Кильчевская, Иванов, 1959, рис. 51, 52, 54, 55.

считаются превосходными. Они отличаются также в изделиях золотых и серебряных»⁴⁸. Известно, например, что во второй половине XIX в. кубачинским парадным оружием снабжались целые гвардейские части и отряды русской армии.

Производство холодного оружия, особенно кинжалов, возрастает в период империалистической войны. В это время в Темир-Хан-Шуре создается специальный кинжальный завод.

Дагестанские ювелиры-оружейники создавали прекрасные образцы подлинного искусства, отличавшиеся совершенством технического исполнения и красотой орнаментальных узоров. Нарядное оружие — пистолеты, ножны и рукоятки кинжалов, шашек, головки газырей и т. д. — мастера делали в серебряной оправе, с позолотой, со вставками из слоновой кости, насеченными золотом.

Ножны кинжалов и шашек изготавливались из двух деревянных планок, точно соответствующих размеру клинка шашки и кинжала. Затем эти планки обтягивались обработанной ослиной или козлиной крашеной кожей. Рукоятку к кинжальному клинку делали из буйволового рога, а нарядные — из моржовой или слоновой кости. Собирая ножны в целое, мастер должен был закрепить в надлежащих местах все полагающиеся металлические части и украшения, сделанные им самим или вышедшие из рук другого мастера.

Оружие украшали насечкой по кости, металлу и рогу с глубокой гравировкой и чернью по серебру. Таким же образом украшались ремешки пояса мужчин, на которые нанизывались небольшие серебряные или металлические звенья, подвески, бляхи.

Чем богаче был горец, тем роскошнее были его оружие и пояс. Самое дорогое и нарядное оружие и пояса, газырные головки изготавливались по особому заказу. Бедная часть населения пользовалась оружием более скромного оформления, без серебряной оправы, без позолоты и другой отделки. Рядовой горец выбирал прежде всего кинжал с добротным клинком.

Рассмотрим подробнее наиболее распространенные виды оружия дагестанского воина. Как мы уже отмечали выше, одним из наиболее распространенных видов оружия у дагестанских племен в эпоху бронзы были лук и стрелы. Наконечники стрел изготавливались из кремня, реже — из кости⁴⁹.

Богатые воины носили бронзовые мечи⁵⁰ и кинжалы⁵¹, иногда — булавы с круглыми наконечниками из мрамора, арагонита, змеевика

⁴⁸ Френ, 1840, стр. 97, 98.

⁴⁹ История Дагестана, I, стр. 66—68.

⁵⁰ Кум. *кылыч*, авар. *хвалчен*, дарг. *тур*, лезг. *кылинж*, тур. *гуьрз*, лак. *кылинж*.

⁵¹ Кум. *кинжал*, авар. *ханжар*, дарг. *ханжал*, лезг. *ганур*, *хенжел*, лак. *ххаржан*.

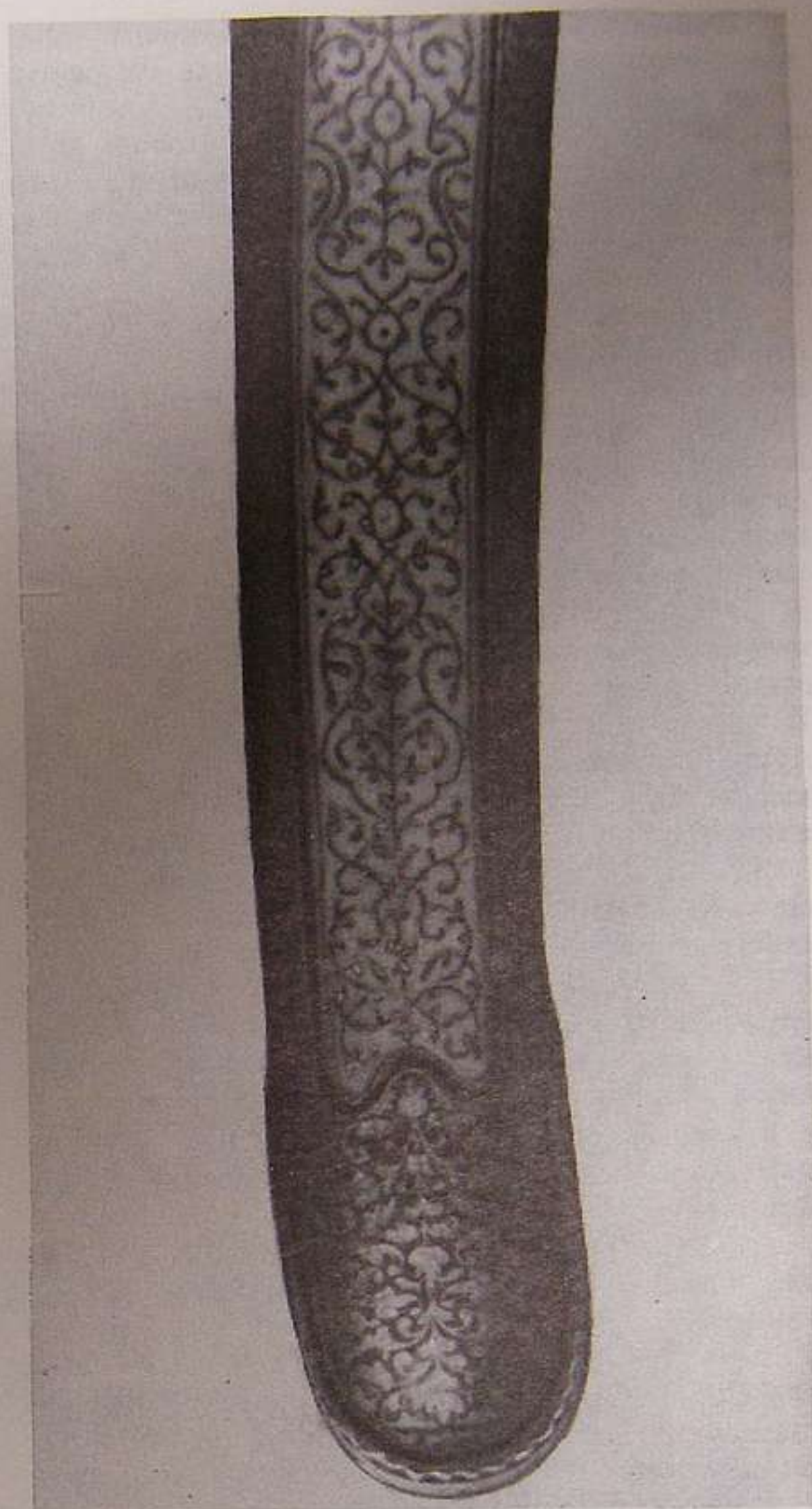

Рис. 30. Фрагмент кубачинских ножен

и других благородных пород камня. Позднее получили широкое распространение те же виды оружия, но уже изготовленные из железа. Среди них отметим найденные на Урцекском городище, в Таркинском, Карабудахкентском и других могильниках обоюдоострые массивные мечи, наконечники копий, стрел, боевые топоры.

Судя по материалам Верхнечирьюртовского и Бежтинского могильников, в начале средних веков, в связи с появлением седла со стременами, привнесенными в Дагестан, как и повсеместно, ранними тюрками, одним из основных элементов оружия всадника становится сабля⁵².

⁵² Авар. *хвалчен*, кум. *шошге*, лак. *тур*, дарг. *шушке*, лезг. *шущка*.

Помимо боевого раннесредневековые воины имели и защитное вооружение. К нему относились железная кольчуга⁵³, панцири, шлемы⁵⁴ и щиты⁵⁵. Однако относительно редкие находки защитного вооружения при археологических раскопках свидетельствуют, что оно являлось достоянием привилегированной части воинов⁵⁶.

У народов Дагестана сохранились названия отдельных элементов средневекового вооружения горца. В кумыкском фольклоре, например при характеристике доспехов и оружия воина, нередко упоминается кольчуга (*гюве*), щит (*къалкъан*), шлем (*такъыя*, *гюве бёрк*), наколенники (*тизлев*), лук (*окъ джая*), стрела (*окъ*), колчан (*садакъ*), дротик (*сунгу*) и др. В большом ходу, по-видимому, были кривой меч или сабля (*къынгъыр къымыч*) и топор-секира с луновидным топориком (*ай балта*). И сегодня, когда кумык рассказывает о возмущенном чем-нибудь человеке, он образно выражается так: «Пришел, вынув из ножен кривой меч и подняв лунообразный топор».

Судя по дошедшим до нас образцам, а также археологическим данным, кольчуга дагестанцев, которую воин носил и в XVII — XVIII вв. для защиты от ударов холодным оружием, представляла собой длинную рубашку из мелких металлических колец с короткими рукавами. По сведениям С. Броневского, у дагестанцев были распространены и панцири, которые, как и везде, делались из сплошного металла.

Шлем состоял из металлической головки для прикрытия макушки воина, сетки из металлических колец, закрывающей его затылок и шею, и шишака. Большой интерес в этом отношении представляют обнаруженные в средневековых памятниках цельнокованные железные шлемы с двумя декоративными отверстиями, прикрываемыми железными же дисками, обитыми чеканными медными листами. Поверхность шлемов украшалась также медными шляпками, радиально расходящимися от плюмажной втулки⁵⁷.

Широкое распространение имели налокотники⁵⁸. Налокотник охватывал руку воина сбоку, от локтя до кисти. Он представлял собой желобовидную металлическую пластинку, которая застегивалась на руке с помощью двух коротких металлических пластинок, соединенных между собой рядом металлических же колец, и ремешка.

Судя по сохранившимся в музеях образ-

цам, щит изготовляли из меди. Он имел обычно круглую форму, а с оборотной стороны — специальное приспособление для вдевания руки.

Древнейшее оружие дагестанца — лук⁵⁹ — состояло из гибкой деревянной дуги (в вытянутом виде примерно 1,5 м длиной) с утолщением посередине (толщина дуги по позднейшим образцам — 1,5 см и более) и стягивающей концы этой дуги тетивы примерно 2 м длиной (*гасма*). Дугу чаще всего делали из гибких и крепких пород дерева — кизилового, ясеня и др., а тетиву — из трех скрученных ремешков из шкуры оленя (*къува гийик*) или дикого козла (*къыр эчи*). Время от времени (перед охотой, сражением с неприятелем) для большей гибкости лук и стрелы мочили в воде.

Арбалет⁶⁰ — тип усовершенствованного лука — также использовался в Дагестане. Время его появления неизвестно. Изредка он употреблялся еще в конце XIX в.

Стрела⁶¹ представляла собой тонкий деревянный стержень или камышовую палочку 0,5—0,8 м длиной с металлическими наконечниками и узкими лопастями, чаще из птичьих перьев. Наконечники делались с трехгранным острием, двугранными и круглыми. Лучшим материалом для стрелы считалась древесина *оьрге* (кум.). Делались и короткие и длинные стрелы: длинные — для стрельбы на большое расстояние, короткие — на близкое. Иногда наконечники стрел смазывались ядом змеи или фаланги.

Колчан⁶² для стрел делали из кожи в виде футляра или сумки, суженной книзу. Одна половина сумки для удобства делалась выше другой. Сумка надевалась на ремешке через плечо и имела несколько отделений, в которые вставлялось наконечником вниз определенное число стрел. Колчан носили обычно на спине, надевая через левое плечо. Стрелы вынимали через левое же плечо, но правой рукой. Колчан с короткими стрелами часто привязывали к поясу. Лук и стрелы дагестанцы носили в основном по достижении совершеннолетия, так как для владения этим видом оружия нужна большая физическая сила. Это нашло отражение в старинной кумыкской песне-причитании: «Садакълыларым сыдыралагъа гирмеген, саннукълуларым ачкъычлар тутмагъан» (букв.: «Юноши моего рода умирали, не достигнув возраста, когда носят колчан, девушки моего рода умирали, еще не став невестами»).

⁵³ Кум. *гюве*, авар. *къолден*, дарг. *халчук*, лезг. *къеркъ*, лак. *хлурни*.

⁵⁴ Кум. *такъыя*, *гюве бёрк*, авар. *такъыя*, дарг. *шанда къапъа*, лезг. *шлем*, лак. *такъыя*.

⁵⁵ Кум. *къалкъан*, авар. *бача*, *къалкъан*, дарг. *къалкъан*, лезг. *къалхан*, лак. *къалхан*.

⁵⁶ Магомедов, рук.

⁵⁷ История Дагестана, I, стр. 225.

⁵⁸ Дарг. *катмэ*, кум. *енгсе*.

⁵⁹ Авар. *чорбут*, карат. *лъегъер*, анд. *далларгъа*, дарг. *урги*, *дерга*, кум. *джая*, *къасаргъу*, лак. *ккуртта*, лезг. *члемерук*.

⁶⁰ Кум. *джая*, дарг. *урги дерга*, анд. *цадахъи*.

⁶¹ Авар. *члор*, карат., анд. *лъер*, дарг. *урги*, лезг. *хъел*, кум. *окъ*, лак. *чларлакъ*.

⁶² Авар. *члоразул лъал*, кум. *садакъ*, дарг. *тавра*, лезг. *къалхан*, лак. *чларлакыр дихъу*.

Рис. 31. Кайтагские пистолеты

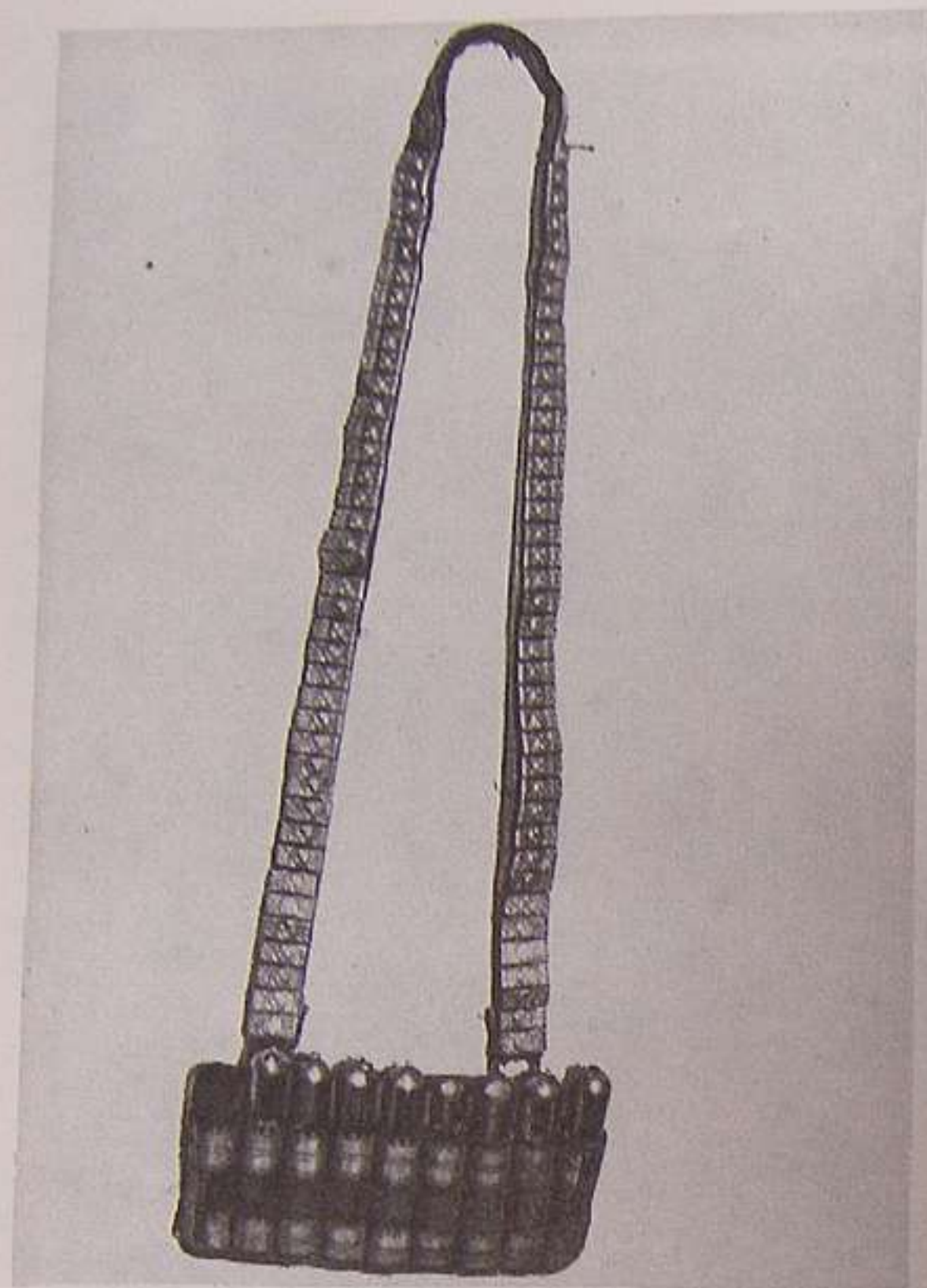

Рис. 32. Лакский патронташ (с. Кумух)

Метательное копье-дротик⁶³. По своей форме дротик напоминал стрелу. Он представлял деревянное древко примерно 1,5—2 м длиной с острым металлическим наконечником. Дротик был длиннее и массивнее стрелы.

Копье⁶⁴ также имело древко, снабженное длинным клинообразным металлическим штыком, и применялось для нанесения штыкового удара.

К оружию описываемого периода, несомненно, следует отнести и кинжал — основной вид оружия горца.

Вооружение дагестанского воина сохранялось и совершенствовалось и в последующий период, вплоть до начала XIX в., хотя постепенно входило в быт и огнестрельное оружие. В этом отношении большой интерес представляют сообщения авторов XVII в. А. Олеария и Я. Стрейса. Они, в частности, свидетельствуют, что вооружение дагестанцев составляют лук, стрелы, метательное копье или дротик, щит, шлем, кольчуга или броня, сабля, «а у некоторых имеются ружья»⁶⁵.

⁶³ Кум. *сунгу*, авар. *хеч*, анд. *ирхъва*, карат. *хъунтагъ*, дарг. *джида*, лак. *къазик*.

⁶⁴ Кум. *суальче*, дарг., лезг. *джида*, авар. *хач*, лак. *къазикъ*.

⁶⁵ Олеарий, стр. 494; Стрейс, 1935, стр. 218.

В начале XVIII в. И. Г. Гербер, участник персидского похода Петра I, писал уже о широком применении дагестанцами огнестрельного оружия. Дагестанцы, отмечает он, «поспешны на конях, все оруженны оружием огненным, добрыми саблями и многие в панцерах; луков и стрел мало употребляют»⁶⁶.

Другой автор того же периода, участник посольства А. Волынского 1715—1718 гг. в Персию Лопухин, говоря о кубачинцах, писал: «Ремесло у них такое — делают многа хорошева ружья мелкаго, также, сказывают, и пушки льют»⁶⁷.

Огнестрельное оружие в Дагестане было представлено кремневыми ружьями⁶⁸ и пистолетами⁶⁹; пороховницами для них служили как газыри, так и бычьи рога, к которым приделывали деревянные крышки. Все эти виды вооружения изготовлялись в Дагестане с давних пор.

Наряду с оружием местного производства широкое распространение получило также привозное оружие, в частности турецкое, русское и английское.

Из всех вышеперечисленных видов оружия в XVIII — начале XX в. наибольшее применение имел кинжал. Ни один мужчина не выходил из дому без кинжала. Недаром побывавший в первой половине XIX в. в резиденции кумыкских шамхалов известный востоковед И. Березин писал: «Все жители Тарху постоянно вооружены кинжалами, и не без смеха видишь даже мальчишек, прицепивших к поясу кинжал больше себя»⁷⁰. А вот что писал А. Г. Васильев о лакцах: «На поясе носится ежедневно кинжал, оправленный в золото или серебро, а когда кази-кумухцы отправляются в дорогу, то они навешивают на него еще маленький револьвер, пистолет и ларец, где хранится сало и тряпки для чистки оружия. С кинжалом кази-кумухец не расстаётся никогда. Во время сна он прячет его под голову, чтобы во всякую минуту отдать отпор нападающему врагу»⁷¹.

Судя по фольклору и сохранившимся образцам оружия, в Дагестан издавна проникало оружие и из других областей, в частности из стран Арабского Востока. В ряде произведений устного творчества народов Дагестана часто упоминается египетский клинок. В этом отношении характерна лакская эпическая песня «Парту Патима», посвященная борьбе с монгольскими завоевателями и содержащая описание оружия дагестанского воина XIV — XV вв.

⁶⁶ ИГЭД, стр. 71.

⁶⁷ Там же, стр. 30.

⁶⁸ Кум. *тюрек*, авар., дарг., лак. *тупанг*, лезг. *тученг*.

⁶⁹ Авар. *таманча*, дарг., лезг., лак., кум. *тапанча*.

⁷⁰ Березин, 1849, стр. 65.

⁷¹ Васильев, 1889, стр. 70.

Юноши, собравшись около кладбища,
Вмнув египетские сабли, размахивали ими.
Бросали палицы длиною с ччанг⁷²,
Щиты держали в кольчуги одетые.

На головах их одеты шишаки,
Кинжалы их, ударяясь о щиты со звоном,
Задев кольчуги, изгибались,
А с задетых шишаков искры сыпались,
Кони их на дыбы становились.

Или...

В могучих руках он большое копьё держал
И щит размером в большой медный таз держал⁷³.

Египетский клинок часто упоминает и Батырай (конец XIX — начало XX в.) — классик даргинской литературы.

В сереброкованой броне
Был ты матерью рожден,

И египетский клинок
Был положен для забав
В колыбель твою отцом.

Или:

Время ль трудное придет,
Против ста один пойдешь,
Взяв египетский клинок,
Заостренный, как алмаз⁷⁴.

Винтовку в XIX — начале XX в. имели единицы. Шашки же носили представители феодальной знати, беки, их нукеры, а также офицеры конного полка.

П. Петухов писал: «Беки же все носят их (шашки. — С. Г.) (преимущественно персидские сабли), особенно когда являются к властям; этот военный этикет они подметили в походах между русскими офицерами и усвоили его»⁷⁵.

7. КОСТЮМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Характеристику мужской одежды дагестанцев второй половины XIX в., правда весьма обобщенную, мы находим у многих дореволюционных исследователей.

«Обыкновенный костюм дагестанского горца, — писал Н. Дубровин в 60-х годах XIX в., — составляют: нанковая или темно-синей чадры (синяя материя вроде бязи) короткая рубаха... такие же или суконные шаровары, весьма узкие внизу, нанковый бешмет и черкеска из серого, белого или темного домашнего сукна, с патронами на груди. Бешмет застегивается крючками, а черкеска, обрисовывающая стройную талию мужчины, туго перетягивается кожаным поясом с металлическими украшениями, а у людей богатых и зажиточных с серебряным убором. Спереди на поясе висит кинжал: у богатого оправленный в серебро, а у бедного без всякой оправы. Кинжал не снимается никогда; даже и дома туземец, скинув черкеску, опоясывает себя поясом с кинжалом поверх бешмета. На голове горец носит длинную, остроконечную шалку... но преимущественно употребляет папах, спитый довольно грубо из длинных и косматых овчин. Овчинный мешок, закругленный сверху, с отвороченными книзу краями, образующими собою околыш, и составляет папах, верх которой покрывают сукном очень немногие. Чевяки, шатал — шерстяные вязаные сапоги, джурабы — вязаные шерстяные чулки довольно красивых узоров, а сверх их кони, кожаные сапоги без задков, похожие на туфли, только на высоких каблуках, и, наконец, гораздо чаще

особого и довольно неуклюжаго покроя полусапожки составляют его обувь»⁷⁶.

Применительно к Кайтагу и Табасарану П. Петухов в тот же период (1867) писал: «Обыкновенная одежда жителей состоит из грубого холщевго белья домашнего приготовления, цветного бешмета (преимущественно в Кайтаге пунцового, в Табасаране темно-зеленого), чохи своего сукна с откидными рукавами, без газырей на груди и без всяких украшений, шерстяных онучей, ловко обвивающих ногу и икры, поршней кожаных с шерстяными шнурками или коротких сапогов и грубого встрепанного бараньего папаха натурального цвета... При этом всегда кинжал, у кайтагцев еще неразлучный днем и ночью кубачинский пистолет... Зимой горцы носят шубы с длинными до полу рукавами и бараньим воротником до поясицы, при этом на ноги надеваются валенки, красиво и прочно сделанные»⁷⁷.

Распространенный в конце XIX — начале XX в. цвет одежды и некоторые ее детали зафиксировал также П. Ф. Свидерский. Описывая внешний вид нукера из сел. Маджалис Кайтаго-Табасаранского окружного управления, автор отмечает, что у него «черная подстриженная, с небольшою сединою, борода... Длинные усы — темно-русые или подкрашенные, нафабрены и закручены в струнку. Щеголеватая синяя черкеска и белая папах, дно которой, красного сукна, обшито позументами. На плечах красивый красный башлык. На чеканном серебряном поясе большой пикарный кинжал. Сзади за поясом — длинный пистолет, правда, кремневый, но со сплошь обложенною черненым серебром рукою; на

⁷² Шест для подачи снопов на конны.

⁷³ Лакские песни, стр. 125, 128.

⁷⁴ Батырай, 1959, стр. 19, 25.

⁷⁵ Петухов, 1867, № 13.

⁷⁶ Дубровин, 1871, стр. 546—547.

⁷⁷ Петухов, 1867, № 13.

боку висит подобной же отделки кривая шапка»⁷⁸.

Характеристику повседневного костюма лакца конца XIX — начала XX в. дал С. И. Габиев. Он пишет, что одежда лакца «состоит из суконной черкески, черной папахи, ситцевого бешмета, ластиковых или суконных шаровар и сапогов. В горах же косари и землепашцы носят очень затейливые „бурчул усру“, вроде простых кожаных лаптей. В костюме и белье опрятны, хотя перемена не очень частая. Одежда и вообще весь домашний скраб каждый месяц или в две недели раз вывешиваются непременно»⁷⁹.

В традиционный костюмный комплекс лакца входили нательная рубаша туникообразного покроя из хлопчатобумажной ткани, чаще из бязи, штаны с широким шагом, суженные книзу, обычно из сукна домашнего изготовления, распашной бешмет из сатина, крашеной бязи, сукна, длиной до колен, на подкладке. Зимой носили нагольную овчинную шубу либо накидку — широкую, расклешенную, с длинными ложными рукавами и узким шалевым воротником, или более легкую, приталенную с обычными рукавами. Костюм дополняла овчинная папаха полусферической формы либо в виде усеченного конуса, нередко с матерчатым доньшком.

Обувью служили чарыки типа полуботинок из сыромятной кожи, которые надевали с обмотками из хлопчатобумажной пряжи, а зимой носили войлочные сапоги, подошва которых состояла из шести-семи простеганных слоев войлока. В ненастную погоду, в дождь лакец надевал также бурку и башлык.

В парадную одежду, кроме того, входила черкеска, чаще из домотканого, а иногда и покупного гвардейского сукна, каракулевая папаха, кожаные сапоги.

Аварский традиционный костюм имел много вариантов, но в основном он включал в себя нательную рубашу туникообразного покроя, обычно из темной ткани, штаны, суженные книзу, из более плотной ткани, чаще из сукна домашнего изготовления, бешмет длиной до колен из сатина, крашеной бязи (у зажиточных слоев населения — из атласа, шерсти) на подкладке. Парадной одеждой служила черкеска. Зимой аварцы носили овчинную шубу, либо накидку свободного покроя, длиной почти до пят, с ложными длинными рукавами, либо безрукавную накидку с большим воротником типа пелерины, либо (в предгорной зоне) легкую чуть приталенную шубу с обычными рукавами.

Верхняя одежда нередко дополнялась буркой, которую аварец накидывал на плечи в ненастную погоду.

Главным убором являлась косматая овчинная папаха конусообразной или полусферической формы.

Обувь аварца составляли кожаные сапоги или постолы (чарыки) типа полуботинок, сшитые из цельного куска сыромятной кожи, надеваемые с вязаными шерстяными носками либо с обмотками. Зимой аварец чаще пользовался войлочными сапогами, вязаной шерстяной обувью на плотной шерстяной же подошве с тупым или с острым поднятым вверх носком.

В костюмный комплекс лезгина входила нательная хлопчатобумажная рубаша туникообразной формы, чаще бязевая, штаны, широкие в верхней части и узкие внизу, из темной ткани, чаще сукна, бешмет из сукна, крашеной бязи, парадный — из атласа, шерсти, черкеска (элемент парадного костюма), чаще из домотканого сукна. Бешмет или черкеску подпоясывали узким ремненным поясом. Зимой лезгин носил овчинную, как правило нагольную, цельнокроеную шубу. Она была либо свободного покроя, несколько расклешенная книзу, с длинными ложными рукавами, либо чуть приталенная, надеваемая в рукава.

Основными видами обуви лезгина были поршни, обычно из сыромятной кожи: одни в виде полуботинок, другие в виде чупак. Надевали их поверх шерстяных узорчатых носков или чулок. Зимой лезгин-горец носил специальную шерстяную обувь с толстой шерстяной подошвой, с загнутым вверх носком. Лезгинским головным убором была овчинная папаха конусообразной или полусферической формы.

Будничный костюм агульца состоял из туникообразной рубашки, обычно из темной ткани, длинных суженных книзу штанов, большей частью из домотканой шерсти, бешмета из сатина, сукна или крашеной бязи, на подкладке. Иногда в этот комплекс входила и черкеска — элемент парадной одежды. В холодное время года агулец носил овчинную шубу либо накидку — широкую и длинную, с длинными ложными рукавами или чуть приталенную, с обычными рукавами, иногда крытую темной тканью. Повседневной обувью агульца были постолы (*шумарар*) из сыромятной кожи, шерстяные носки и чулки. Главным убором служила овчинная папаха с острым верхом, реже — в форме усеченного конуса или полусферы. В непогоду, отправляясь в путь, он также накидывал на плечи бурку, а на папаху — башлык.

Традиционный костюм цахурца и рутульца составляли рубаша туникообразного покроя, узкие штаны, чаще из домотканого сукна, бешмет (чаще короткий), расклешенный, ниже талии. Элементом парадного костюма была черкеска с открытым грудным вырезом, иногда двубортная, наглухо закрытая на груди. Зимой цахурец поверх бешмета или черкески надевал на-

⁷⁸ Свидерский, 1903, стр. 84—85.

⁷⁹ Габиев, 1906, стр. 102.

голеньную овчинную шубу либо накидку, несколько заууженную в талии, с ложными длинными рукавами или (реже) надеваемую в рукава.

Обычным головным убором цахурца была высокая конусообразная островерхая папаха, в качестве парадного иногда служила широкая папаха из каракуля с высокой тульей и круглым матерчатым донышком. Повседневную обувь цахурца составляли поршни из сыромятной кожи либо типа полуботинок, либо в виде чупак, собранных у краев шерстяным шнурком. С поршнями носили шерстяные одноцветные носки и чулки. Зимой нередко цахурец пользовался также специальной шерстяной вязаной обувью на плотной вязаной же подошве с загнутым вверх носком. Богатые цахурцы и рутульцы носили кожаные сапоги с острыми, загнутыми вверх носками.

В основной костюмный комплекс даргинца входили туникообразная рубаха и суживающиеся книзу штаны из плотных тканей, бешмет и — как элемент парадной одежды — черкеска. Зимой даргинцы носили овчинные шубы, чаще с длинными ложными рукавами или безрукавные, а для работы — приталенные шубы, надеваемые в рукава. Верхняя одежда нередко дополнялась буркой, чаще местного изготовления (муэринской). Даргинская обувь — в основном кожаная. Повседневным головным убором служили овчинные папахи полусферической или цилиндрической формы. Зажиточное население носило шапки и из привозного среднеазиатского каракуля.

Костюм кумыка почти не отличался от костюма других народов Дагестана и состоял из рубахи туникообразного покроя, чаще из белой бязи, штанов с широким шагом из темной ткани, бешмета и черкески. Зимой поверх бешмета надевали приталенную овчинную шубу с обычными рукавами.

Основную обувь рядового кумыка составляли чарыки из сыромятной кожи, а богатые носили и кожаные сапоги, сшитые на заказ по моде. Головным убором кумыка была овчинная папаха цилиндрической формы, обычно с плоским верхом, или полусферической формы. В зажиточных семьях носили также папахи из среднеазиатского каракуля с суконным донышком.

* * *

Мужская одежда почти не украшалась, если не считать нашивок на башлыке, у ворота бурок, на сапогах и т. п.

Наиболее нарядным украшением мужского костюма являлся ременной пояс, на который нанизывались металлические (у богатых — серебряные) пряжки, звенья и подвески, а также богатое оружие: пистолет, шапка, кинжал, газыри. Многие носили в нагрудном кармане бешмета часы (богатые — золотые) с цепоч-

кой, причем конец цепочки с брелоком часто закрепляли на уровне груди. Богатая верхушка носила, кроме того, кольца с печатками или без печаток на безымянном пальце.

Значительно богаче, чем мужской, украшался костюм мальчиков. Детские бешметы и шапочки расшивались позументом, вышивками, аппликациями.

В общем же одежда горцев как нельзя лучше подчеркивала мужскую красоту — широкие плечи, тонкую талию, стройность, ловкость и силу.

В Дагестане считалось хорошим тоном следить за внешностью. Мужчины всех возрастов наголо брили головы, а совершеннолетние носили усы. Бороды мужчины среднего возраста подстригали; длинные бороды отпускали только старики и представители духовенства. Совсем не брились лишь в период траура (в течение 40 дней). Предметом особой гордости мужчин были усы. Мужчины регулярно подстригали, расчесывали и подкручивали усы, но хной ни бороды, ни усов, за малым исключением, не красили.

В дореволюционном дагестанском ауле всегда было несколько мастеров-парикмахеров, к которым и обращались сельчане. В больших патриархальных семьях роль парикмахера обычно выполнял кто-либо из членов семьи. В летний период бритье производилось на галерее, чаще на квартальных (аульных) очарах, куда собирались обменяться новостями мужчины. Брились острым ножом, смочив волосы водой, чаще без мыла. После каждого бритья мазали жиром голову.

Как мы отмечали выше, наряду с национальными и зональными признаками в одежде сказывались социальные различия людей, их общественное положение. Высшая прослойка общества (ханы, беки, первостепенные уздени, служилая знать) заметно выделялась из среды рядовых общинников своим роскошным нарядом, дорогостоящим оружием и украшениями. Богатый горец середины XIX в., судя по описаниям, был «обвешан оружием, блестящим серебром... на нем надет богатый лезгинский наряд: чоха, обшитая серебряными галунами, шелковый архалук, широкие шаровары, сапоги с большими загнутыми носками и черная баранья шапка»⁸⁰. Высшая феодальная знать (шамхал тарковский, аварский хан, уцмий кайтагский и др.) во многом подражала одеянию правителей восточных стран, особенно Персии и Турции. У большинства же населения одежда была в одном комплекте и заменялась по мере изнашивания по частям.

Как мы уже отмечали выше, на традиционную одежду дагестанцев определенное влияние оказал костюм соседних народов. Еще в 60-х годах XIX в. тот же П. Петухов отмечал,

⁸⁰ Дубровин, 1871, стр. 546.

что «в Кубачах можно встретить костюмы всех кавказских племен, заносимые возвращающимися из путешествий по торговым делам»⁸¹. Проникновение новых видов одежды заметно усиливается в пореформенный период, с развитием капиталистических отношений в дагестанском ауле, расслоением крестьянства,

---

⁸¹ Петухов, 1867, № 8.

ростом отходничества. Костюм городского покроя проникал в дагестанский аул через отходников, учащуюся молодежь, офицерство, чиновников военно-народного управления и др. Однако в условиях дореволюционного Дагестана влияние городского быта и городского костюма было очень ограничено и далеко не повсеместно одинаково.

ОБУВЬ

Обувь народов Дагестана отличалась большим разнообразием как по материалу, из которого она изготовлялась (шерстяная, вязаная, войлочная и кожаная), так и по фасону.

Особенно многообразной была вязаная, а также войлочная обувь. Зачастую по обуви

можно было безошибочно определить принадлежность горца к той или другой этнической группе.

И мужская и женская обувь имела много общего и различалась лишь отдельными деталями и отделкой (у женщин — более красочная).

1. ШЕРСТЯНАЯ ВЯЗАНАЯ ОБУВЬ

Дагестанцы широко пользовались шерстяной вязаной обувью. Основная масса населения изготавливала шерстяную вязаную обувь для собственных нужд, хотя в ряде ремесленных центров (Тлярата, Микрах, Ахты, Кубачи и др.) она шла и на рынок. Производство вязаной обуви являлось чисто женским занятием.

Носки¹ вязали, как правило, с низким (15—22 см) или средним (до середины икр) голенищем, чулки — с высоким голенищем. И чулки, и носки являлись домашней обувью, надеваемой на босу ногу. На плоскости ими пользовались обычно зимой, а в горном Дагестане — и летом. В сочетании с кожаной (а позднее и резиновой) обувью носки и чулки приобретали характер уличной обуви. Для прочности к ним снизу подшивали сафьян, сукно или плотную хлопчатобумажную подошву.

Техника вязания носков и чулок у всех народов Дагестана была в основном одинакова. Изделия различались своим орнаментом, высотой голенища, формой носка и т. д.

Носки и чулки вязались однотонными и пестрыми. У кумыков, ногойцев, а также у большинства даргинцев, аварцев и лакцев вязали однотонные носки (белые, серые, черные). Только по верхнему краю голенища

делали кайму другого цвета. В отличие от них лезгины, табасаранцы, рутульцы, цахурцы, агулы, тляратинские аварцы, дидойцы, бежтинцы, тиндалы, багулалы вязали разноцветные носки и чулки. Однако и здесь пожилые люди носили в основном однотонные носки, преимущественно белые. Своими богато орнаментированными, многокрасочными изделиями особенно отличались народы Южного Дагестана (лезгинцы и табасаранцы, цахурцы и рутульцы), а также дидойцы, бежтинцы и тляратинские аварцы. Женщины этих мест носили чулки и носки с поперечными полосами на голени и цветочком на носке. В наши дни носки этого типа приобретают все большую популярность у женщин Дагестана, особенно в сельской местности, где их носят зимой с глубокими резиновыми галошами. В горном Дагестане, у аварцев, бежтинцев, дидойцев и др., шерстяные вязаные чулки и носки, в том числе и с загнутыми вверх носками, изготавливались специально как верхняя обувь для ношения на улице, на толстой подошве — вязаной, войлочной, тканой с простежкой — или из сыромятной кожи.

Описанная обувь вязалась на пяти спицах чулочной лицевой вязкой. Вязали от носка до верхней части голенища. На каждой этнической территории, у каждой этнографической группы или даже аула имелись особые приемы изготовления и украшения обуви, создающие ее неповторимый вид.

Наиболее сложны, богаты и разнообразны

¹ Авар. ункъал, шватаби, жани хъитал, цIинкIа-рал хъитал, дарг. данди, лезг. гуьлуьтар, кум. джораплар, лак. жуларду, цахур. тIурс.

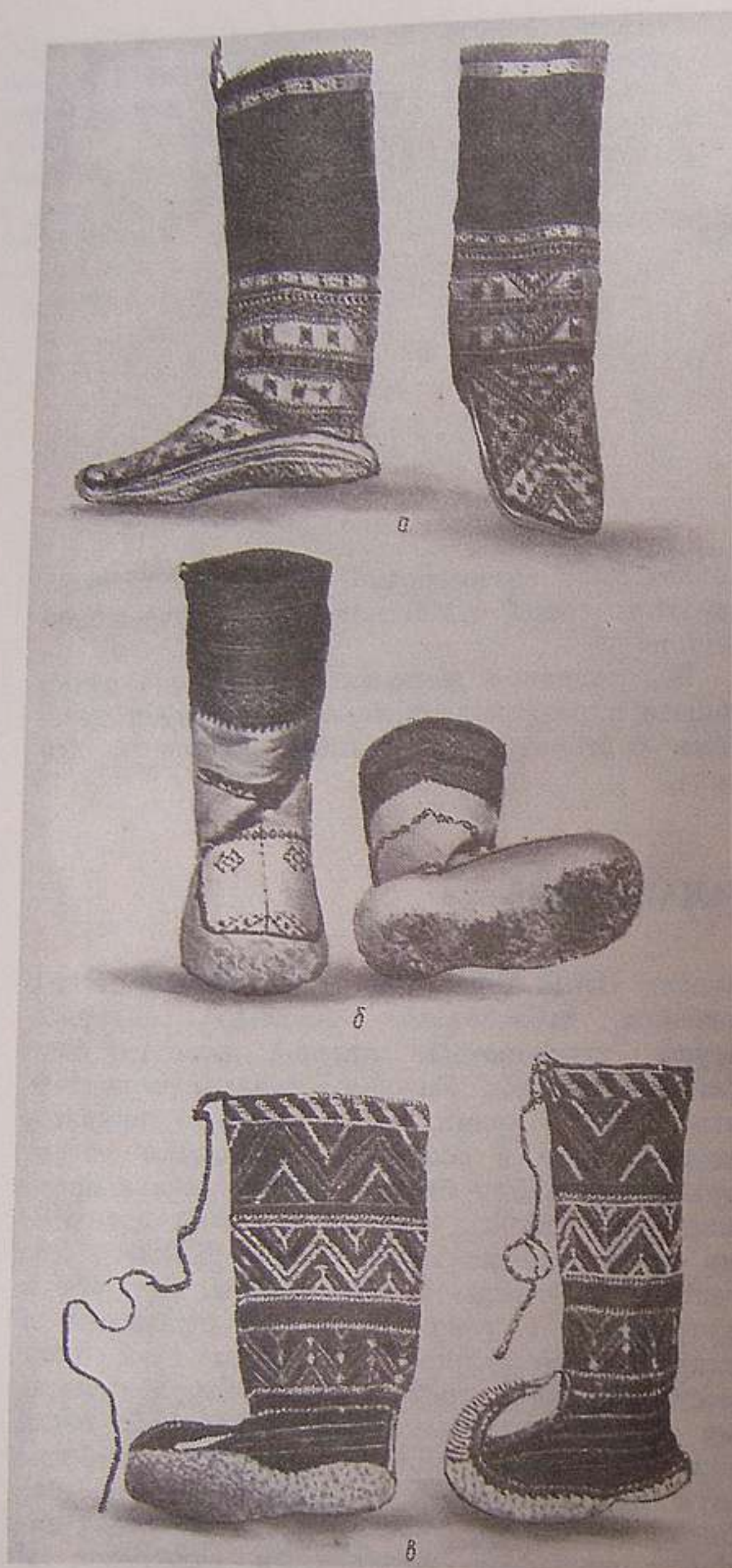

Рис. 33. Мужская вязаная обувь:

а, б — дидойская (с. Кидеро), в — бежтинская (с. Бежта)

приемы изготовления вязаной обуви у бежтинцев, дидойцев и аварцев тляратинского этнографического района. Как уже отмечалось, шерстяная обувь здесь предназначалась не только для дома, но и для улицы, так как имела плотную подошву.

Эта обувь была очень удобна для ходьбы по каменистым крутым ущельям горной местности, так как сдерживала скольжение. Отмечая достоинства этой обуви, Н. А. Буш писал: «Мужчины и женщины (дидойцы. — С. Г.) но-

сят самодельные шерстяные сапоги, очень красивые. Сапоги эти связаны из окрашенной в разные цвета шерсти. Узор очень пестрый и сложный. О сложности этого узора говорит уже то, что для того, чтобы связать пару таких сапог, требуется месяц. Носки у сапогов... острые и загнуты кверху. Стоимость пары женских сапогов от 3 до 8 рублей, мужских — дороже. В этих сапогах дидойцы ходят лето и зиму. Очевидно, они очень прочны, если в них ходят по камням и скалам»².

Не менее лестно отзывался об этой обуви Е. М. Шиллинг: «Пожалуй, — писал он, — самой оригинальной, специально бежтинской частью мужского и женского одеяния являются шерстяные вязаные сапоги, по форме и орнаменту коих аварцы без ошибки определяют национальную принадлежность их носителей... Мужчины употребляют также шерстяные узорные носки. Кожаная обувь сравнительно редка»³.

Бежтинские шерстяные богато орнаментированные сапоги (*гъакIа*) вяжутся, как длинные носки, плотной чулочной вязкой. В нижней части (союзка) поверх вязки делается иглой плотное плетение (петельчатый шов) — сначала обшивается орнаментированный острый загнутый вверх носок, а затем — гладкие боковые части. Иглой также прошивается и подошва, сперва мелким петельчатым швом, затем сверху пришивается плотная материя (иногда в два слоя), которая, в свою очередь, прошивается толстыми двойными нитками петельчатым швом, и, наконец, сверху все это прошивается еще раз, но уже цветными нитками. Иглой же делается сложное орнаментированное плетение типа коврового. Орнамент — геометрический.

Таким образом, бежтинские вязаные сапоги отличаются не только богатым орнаментом, но и своеобразной подошвой. Мужские и женские сапоги различались высотой голенищ, а также цветом и характером орнамента.

Женские сапоги делались повыше (30—32 см), чуть расширенными кверху, мужские, напротив, — пониже (20—22 см) и ровными по всей длине голенищ. У женских орнамент более красочный, у мужских — сдержаннее (нередко широкие полосы на голенищах, на черном фоне). Среди мужских встречаются и просто белые или черные с небольшим геометрическим орнаментом. Однако во всех случаях и женские и мужские имеют орнаментированную подошву.

У соседей бежтинцев — дидойцев (цунтинцы) — сапоги (*гедоби*) также имели свои отличительные особенности. Их вязали с тупым носком. Подошва, как правило, делалась пришивной и оплетенной плотными грубошерст-

² Буш, 1905, стр. 474.

³ Шиллинг, рук., л. 30.

ными нитками, без орнаментации. Часть, прикрывающая стопу, а также нижняя половина голенищ были плотными, а верхняя половина — более мягкой. Для прочности на задник нашивали либо специально вывязанную, либо матерчатую подкладку. Орнаментация сапог здесь также геометрического характера: на голенищах орнамент вязаный, на подъеме, носке — чаще нашитый. Мужские и женские *гедоби* дидойцев различались главным образом высотой голенищ и орнаментом. Мужские делались покороче, орнаментировались проще и лишь до половины голенища. Верхняя часть голенища делалась однотонной, чаще черной, имела неширокую (3—4 см) кайму, обычно повторяющую узор нижней части голенища. С верхней части голенища мужских сапог, спереди или сбоку, свисала маленькая декоративная кисточка на коротком шнурке. Женские сапоги вязались с длинными голенищами, в большинстве случаев целиком покрытыми орнаментом, причем разным в верхней и нижней части; на конце голенища они имели длинный (71—72 см) плетеный цветной шнур с большой кистью, который обворачивали вокруг голенища, чтобы оно не спадало и не собиралось внизу.

Отличались своеобразием и вязаные сапоги (*дарцал*) багулалов. При их изготовлении вязывались голенища, прикрывающие и подъем ноги. Союзку кроили из белого войлока, тупой носок простегивали толстой белой ниткой. Подошву делали потолще и к ней иногда пришивали кусок меха. Задник укреплялся подкладкой из белого войлока. Нижняя половина голенища (от носка) чаще вязалась из белых ниток, а верхняя — из темных. Шов, скрепляющий вязаную часть с войлочной, декорировался вязаной черной тесьмой. Цвет и орнамент мужских и женских сапог был сдержанным.

Среди разновидностей вязаной обуви особое место занимала обувь с загнутым вверх носком. Последняя имела широкие параллели в Грузии (в Картли). Но в отличие от Грузии, где эта обувь бытовала лишь «у представителей высшего сословия, среди мокалаков и ремесленников»⁴, в Дагестане, у аварцев и родственных им групп, а также у цахурцев, рутульцев, агулов⁵ и в ряде лезгинских обществ ее носили все, независимо от сословного положения.

Техника ее изготовления у лезгин была менее сложной. Подошва прошивалась поперек толстыми однотонными нитками в несколько слоев⁶. Нарядные лезгинские женские носки вязались с растительным (в виде розы) орнаментом; их нижняя половина украшалась (в

ряде случаев) густым орнаментом из нашитой цветной тесьмы.

Г. С. Читая, на основании разносторонних источников, установил древность этого элемента материальной культуры в Грузии и Дагестане, а также наличие параллелей с обувью хуритских и тешуб-хетских памятников, где эта обувь «встречается как часть одеяния богов (Тешуб), мифических существ и воинов»⁷. По словам Г. С. Читая, «обувь с таким резко выраженным носком являлась характерной особенностью национального костюма хуритов и тешуб-хетов... Поскольку такое сходство между хуритско-тешуб-хетским и грузинско-дагестанским элементами материальной культуры не является единственным и изолированным случаем... постольку указанная этнографическая параллель выходит из рамок типологических совпадений и может указывать на культурно-генетическое родство»⁸.

Таким образом, шерстяная вязаная обувь являлась неотъемлемой частью костюма народов Дагестана и отличалась большим разнообразием. Как справедливо отмечали исследователи, каждый район горного Дагестана, а иногда и каждое селение имели свои особые формы верхней шерстяной вязаной обуви⁹.

В этой области рукоделия горянки последовательно придерживались этнических традиций.

Вязаные богато орнаментированные чулки и носки продолжают широко бытовать в Дагестане и в наше время. Повсеместное распространение получили южнодагестанские носки как мягкая комнатная обувь для зимы.

⁷ Читая, 1940, стр. 315.

⁸ Там же, стр. 315—316.

⁹ Кильчевская, Иванов, 1959, стр. 16; Агларов, 1962, стр. 158.

Рис. 34. Бежтинские вязаные носки (с. Бежта)

⁴ Читая, 1940, стр. 315.

⁵ Агаширинова, рук., стр. 42—43.

⁶ Булатова, 1974, стр. 126.

2. ВОЙЛОЧНАЯ ОБУВЬ

Из войлока в горном Дагестане в большинстве случаев шили сапоги¹⁰, а народы северной приморской части (кумыки и ногайцы) изготавливали чулки¹¹. Сапоги чаще делались с острыми, загнутыми вверх носками и длинными (нередко до колен) голенищами. Нарядные сапоги шили из белого орнаментированного войлока.

Сапог состоял из нескольких самостоятельно выкроенных кусков: 1) подошвы из нескольких слоев войлока, простеганных вручную, 2) передней части — от носка (вся стопа с подъемом) и до верхнего края голенища с полукруглым раструбом у колена; 3) задней части голенища с пяткой. Второй и третий куски сшивались, а затем к ним пришивалась подошва.

Встречались и другие варианты покрой войлочных сапог. У даргинцев, например, выкраивали: 1) подошву из нескольких простеганных слоев; 2) заднюю половину сапога — от подошвы до верхнего края голенища; 3) переднюю половину голенища до голеностопного сустава; 4) два равных куска, составляющих переднюю часть сапога, от носка до голеностопного сустава, и бока.

Для удобства и прочности сапоги обычно шили на подкладке, нередко из двухслойного войлока — на верх шел более качественный, плотный (по возможности белый). Для плотности многие части покрывали частой строчкой.

¹⁰ Дарг. башкурти, варзъи дабри, авар. буртин хьитал, дарци тахила, лак. варсул урсу.

¹¹ Кум., ног. уюкълар.

Женские сапоги кроились из более качественного, обычно белого, войлока, голенища их были короче и шире, а отделка — наряднее и ярче.

У каждого народа, этнографической группы, даже общества войлочные сапоги имели свои особенности. Нижнюю половину голенища обычно отделявали сафьяном или плотной темной тканью. Нарядные сапоги многие мастерицы, кроме того, расшивали цветными нитками, создавая определенный орнаментальный узор, либо геометрический (треугольники, квадраты, concentрические круги и т. д.), либо стилизованный растительный (трилистники, ветки) или животный (бараньи рога или голова с рогами).

Особым мастерством в изготовлении расшитой войлочной обуви славилась лачка общества Балхар, аварки общества Карах и кубачинки.

Балхарки, например, нижнюю половину голенищ женских сапог (*варсул урсу*) отделяли золотой вышивкой. Для этого сперва вышивалась полоса, предназначенная для отделки голенища, а затем она нашивалась на последнее. По линии пришива наносился дополнительный орнаментальный узор.

Войлочная обувь делалась и комбинированной, с отделкой из сафьяна, на твердой кожаной подошве (см. ниже). Войлочные сапоги продолжают широко бытовать и в наше время.

Валяные чулки имели распространение у ногайцев и кумыков Терско-Сулакского междуречья (у последних их носили только мужчины). Как мы отмечали выше, их изготавли-

Рис. 35. Мужская войлочная обувь:

а — аварская (с. Гочоб), б — лакская (с. Цовкра), в — даргинская (с. Усиша)

валяли из войлока в виде мягких сапог. Носили их на босу ногу дома, а с кожаной обувью (чарыки, калоши) — в поле, на кутанах. Нарядные валяные чулки дагестанские ногойцы делали из белой шерсти. Верхнюю часть голенищ женских чулок либо расшивали цветными нитками, либо отделявали тканью или же войлоком другого цвета. У кумыков были распространены в основном гладкие чулки.

Широкие аналогии эта обувь имеет у народов Средней Азии, где она известна под названием *кийиз байбак* (у казахов) или *байпак* (у киргизов). Это еще раз подчеркивает этнокультурные связи ногойцев с кочевыми, преимущественно тюркскими, народами.

В настоящее время этот вид обуви почти не бытует.

Обмотки¹² и ноговицы. Из войлока, сукна и хлопчатобумажной пряжи дагестанцы делали также обмотки и ноговицы, которые мужчины носили с кожаными чарыками, обматывая голени поверх штанин.

Войлочные обмотки делали из прямоугольного куска (65×57 см) войлока, который покрывали долевой и фигурной (последней — по краям) строчкой, чаще треугольниками и зигзагообразными линиями. Для прочности края обмоток обшивали узкой полоской ткани или

обметывали плотными нитками. К одному концу обмотки пришивали длинные шнуры, которыми обмотку завязывали на ноге.

Обмотки из хлопчатобумажной пряжи со шнурами в виде бахромы на одной стороне ткали на специальном ткацком станке, причем размер ткани зависел от размера пары обмоток. Края обмоток часто заделывались узкой цветной лентой. Лучшими мастерицами по тканью обмоток считались южные кумычки, особенно жительницы сел. Каякент.

Ноговицы¹³ играли ту же роль, что и обмотки. Носили их с чарыками или галошами. Шили ноговицы из сукна, войлока и сафьяна. Они делались в виде голенищ сапог, чуть суженными книзу, со штрипками. Для прочности нижнюю часть войлочных ноговиц покрывали сафьяном или плотной тканью. Именно эти ноговицы и обмотки, очевидно, имел в виду Н. Дубровин, когда отмечал, что дагестанцы «носят во время лета на коленях суконные ноговицы, а зимою подвязывают кусок войлока»¹⁴.

Обмотки и ноговицы кроили и шили женщины.

В последнее время они продолжают бытовать лишь в качестве элемента зимней рабочей обуви среди некоторой части населения.

3. КОЖАНАЯ ОБУВЬ

Кожаная обувь, которую обычно носили поверх другой, легкой, вязаной или тканой мягкой обуви, также была представлена несколькими видами, и шили ее, за исключением мягких сапог в виде чулка, мужчины. Жители многих обществ, особенно лакских (Цовкра, Куркли, Говкра, Куба и др.) и даргинских (Цудахар, Куппа, Хаджал-Махи), считались прекрасными мастерами кожевенно-обувного дела и были законодателями мод во всем Дагестане.

Умелые кустари-сапожники работали не только в разных аулах Дагестана, но и за его пределами — во многих городах Закавказья, Центральной России, Средней и Передней Азии.

Кожаная обувь, несмотря на свое многообразие, имела меньше локальных особенностей, чем вязаная и войлочная. Это объясняется, в частности, и тем, что изготовлением кожаной обуви занимались мужчины, более тесно, чем женщины, связанные с внешним миром и в большей степени подвергавшиеся инокультурному влиянию.

Дагестанцы носили кожаные чарыки, сапоги, галоши, башмаки и т. д.

Чарыки¹⁵ представляли собой основной вид кожаной обуви широких слоев в основном мужского населения дореволюционного Дагестана. Их шили либо из сыромятной кожи домашней выделки (*гон*), либо из кожи с дублением (*къачалай*), обработанной кустарями. Так как последние обходились дорого, беднота, как правило, носила чарыки из сыромятной кожи. Чарыки шили в виде полуботинок из одного прямоугольного куска кожи, сложенного вдвое и имеющего подрезанные углы у носка и пятки. Шов проходил сверху от носка к подъему и от пятки по заднику. Чарыки доходили до щиколотки и имели чуть загнутый кверху носок. Верхний край обуви собирался на длинный кожаный ремешок, который два-три раза обматывали вокруг щиколотки. Чарыки — старинная обувь народов Дагестана. Еще А. Олеарий отмечал, что «башмаки из овечьей или лошадиной кожи вырезаны из одного куска со швом сверху на ноге и сбоку ее»¹⁶.

Чарыки носили поверх шерстяных носков,

¹³ Кум. *ишимлер*, лезг. *черкмедин*, дарг. *къярми*, авар. *зангалал*, лак. *къяржие*.

¹⁴ Дубровин, 1871, стр. 547.

¹⁵ Кум. *чарыклар*, авар. *гломохыгала*, дарг. *дабри*, лак. *хачалай*, бурсулус, лезг. *шаламар*.

¹⁶ Олеарий, стр. 494.

¹² Дарг. *чулгъабти*, дилакхъы, кум. *долаглар*, авар. *жемуджал*, лезг. *шалар*, лак. *дулагъру*.

валяных чулок, портянок или просто на босу ногу, используя в качестве стельки особую, перезимовавшую под снегом мягкую траву (кум. *хаж*, *улен*), которую заготавливали в каждом доме. Чарыки носили либо со специально изготовленными ноговищами, либо с обмотками.

Чарыки — в основном мужская обувь, но женщины из бедных семей также пользовались чарыками как зимней уличной обувью, как правило без обмоток.

В настоящее время чарыки как легкая водонепроницаемая обувь продолжают бытовать в качестве рабочей обуви чабанов. Их приобретают обычно в готовом виде в магазинах.

В высокогорном Дагестане, в частности у дидойцев (селения Сагада, Митлуда, Тлясуда), в селах Ункратля (Митрада, Хваршини, Тадхваршини, Сихалих, Хушет и др.) были распространены чарыки с плетеной подошвой¹⁷.

Дирихи¹⁸ — один из видов мужской обуви из сыромятной кожи, особенно распространенной у лезгин и родственных им цахурцев, рутульцев, агулов, табасаранцев, верхних кайтатов, а также среди дербентских азербайджанцев и жителей трех кумыкских селений: Темир-аул, Чонт-аул, Каякент, связанных своим происхождением с Азербайджаном.

Нередко дирихами пользовались и женщины, в основном Южного Дагестана — цахурки, рутулки, лезгинки, агулки, табасаранки и верхние кайтачки.

Делали дирихи из целого прямоугольного куска коровьей, бычьей, телячьей или конской кожи, чуть подрезав углы у носка, без всякого шва. Верхний край собирали на кожаный ремешок или шерстяной шнур, а у носка, который имел загнутый кверху конец, дирихи стягивали плетенкой из такого же шнура или ремешка. Их носили с носками, вязаными, войлочными чулками или суконными ноговищами, поверх которых ногу плотно обматывали шнуром дирихов.

Дирихи кое-где бытуют и в настоящее время как удобная и мягкая обувь.

Чувяки¹⁹ — женская обувь. В прошлом их шили из сафьяна (для молодых чаще из красного, желтого, для старших — из черного), позже — из разноцветной кожи, золотного бархата, парчи, со швом вдоль всей стопы и с мыском в подъеме. Край нарядных чувяк обшивался золотой или серебряной тесьмой или покрывался узорной строчкой. Это была мягкая обувь, которую носили дома, с носками или чулками, иногда на босу ногу.

В некоторых местах (Губден, Чох, Согратль, Рутуджа и др.) чувяки по форме напоминали современные тапочки на плотной кожаной подошве. Шили их на матерчатой подкладке (верх), по краю окантовывали кожей другого цвета; спереди, у выреза, пришивался маленький бантик из кожи цвета окантовки. Каблуков чувяки не имели. Высоким качеством и красотой отличались губденские чувяки — «губденки», которые пользуются большой популярностью и сегодня. Они делаются, как правило, из желтого сафьяна, на тонкой белой мягкой же коже. Верх и подошва прострачиваются изнутри. Носок чувяка украшается аппликациями и вышивкой. Для этого в центральную часть носка вставляется кусок сафьяна зеленого цвета в форме сердечка, который расшивается золотой нитью. Орнамент вышивки часто воспроизводит голову горного тура с большими рогами; иногда это растительные мотивы. Ближе к кончику носка нашивается кусок красного сафьяна в форме полукруга. Верхний край чувяка обшивается красным кантом. Красную нашивку в виде узкой полосы имеет и задник. Края аппликации, задника и окантовка также покрываются цветной строчкой. Пожилые женщины носят чувяки без яркой отделки.

Другая разновидность чувяк, распространенная главным образом в горном Дагестане (среди даргинцев), — легкие полуботинки с пришивной подошвой из более толстой кожи, но без каблука. Их союзка изготавливается из двух кусков (передняя часть и задник), слегка скрепленных один с другим при подшивании подошвы. Передняя часть, кроме того, имеет длинный, закрывающий подъем язычок. Чувяк застегивается при помощи кожаных шнуров с петлями, пришитых с двух сторон к концам задника. В отличие от первого вида чувяки второго вида могут быть использованы как уличная обувь.

Мягкие сафьяновые сапоги²⁰ в XIX — начале XX в. бытовали в основном как парадная обувь мужчин. При их изготовлении кроили отдельно союзку в виде чувяка с язычком на подъеме и голенище. Затем их сшивали, вывернув наизнанку. После этого шили, также в вывернутом виде, уже как чулок. Шов проходил вдоль всей стопы (по середине) и до верхнего края голенища сзади. Такие сапоги шили из черного (на каждый день) или красного и желтого (нарядные) сафьяна. Изготавливали их обычно без подкладки, накладного твердого задника, с невысокими голенищами, закрывающими икры, с подошвой без каблука. Но был и другой тип этих сапог. Судя по сохранившимся образцам, их делали иногда и с более плотной, но мяг-

¹⁷ Агларов, 1962.

¹⁸ Кум. *тирихлар*, лак. *тилихру*, лезг. *шаламар*, дарг. *тирихуни*, авар. *хьвацил хьитал*, дид. *тируха*, таб. *тирзар*, дерб. *диригълар*, цахур. *чарухар*.

¹⁹ Авар. *махъцал*, *мачуял*, кум. *мачийлер*, дарг. *суран*, *дабри*, *мачайти*, лак. *махъсив*, лезг. *чивекар*.

²⁰ Дарг. *махълуби*, лак. *махъсив*, кум. *масилер*, авар. *мачуял*, *махълу*, лезг. *маъсерар*, цахур. *чулгъер*.

Рис. 36. Мужская кожаная обувь:

а, г — табасаранские постолы (дирихи) с обмотками (с. Ерсн), б — лезгинские башмаки (с. Ахты), в — даргинские сапоги (с. Аметерк-Махи), д — аварские комбинированные сапоги (с. Ботлих), е — лакские чарыки с обмотками (с. Бурши)

кой подошвой, с накладным задником. Голенища сапог нередко закрывали и колено.

Изготовлением мягкой кожаной обуви этого типа занимались в основном женщины. Труд этот требовал большого мастерства. Шили сапоги, захватывая только внутренний, нижний слой кожи, чтобы не видно было швов. Нитки для шитья этой обуви мастерицы обычно делали сами из конопли или покупали льняные нитки фабричного производства. Нитки предварительно натирали воском, чтобы они легче проходили сквозь сафьян.

Мягкие сапоги носили на босу ногу или (реже) с носками. В них ходили дома и на улице. При выходе на улицу сверху надевали какую-нибудь другую обувь на твердой подошве.

Сапоги такого типа пожилые горцы носят и сейчас. Молодые люди ими не пользуются совершенно.

Описанными типами сапог иногда пользовались и женщины (главным образом горного Дагестана)²¹. Женские сапоги отличались от

мужских более короткими голенищами, несколько расширенными кверху, изготавливались из особенно качественного материала и богаче украшались. Нарядные сапоги шили из желтой, красной кожи и нередко отделяли галуном, фигурной строчкой, а в ряде случаев вверху на голенище спереди пришивали серебряные украшения — треугольную пластинку с подвесками, нередко амулетного значения.

Носили женщины горного Дагестана и мягкие сапоги из коротко постриженной овчины, мехом внутрь. Некоторые из этих мягких сапог надевали только во время молитвы. Шили такие сапоги сами женщины.

В начале XX в. среди всех народов Кавказа получили распространение мягкие сапоги другого образца. Они представляли собой глубокие чупаки с голенищами и были известны

(северо-западная Авария) Д. М. Атаевым были найдены остатки женской обуви. Исследователь пришел к заключению, что обувь «была сделана из толстой вязаной ткани и обшивалась сердоликовыми бусами и полусферическими бляшками и имела форму сапога» (Атаев, 1963, стр. 122). В Урадинском же средневековом могильнике в женском захоронении были также обнаружены остатки кожаной обуви типа мягких сапожек (Котович, 1961, стр. 38—39).

под названием *гуржи мачий* (грузинские чувяки) или *азият маси* (азиатские маси).

Они также делались из сафьяна, но с пришивной твердой подошвой. Чувяки к голенищам не пришивались и потому составляли самостоятельный элемент обуви. С внутренней стороны чувяки, напоминающие глубокие галоши, застегивались на пуговицы или зашнуровывались. По верхнему краю чувяка пришивали присборенную полоску сафьяна шириной 7—9 см, верхний край которой заходил под голенище. Кроме того, с внутренней и внешней стороны чувяки имели сафьяновые пуговицы, к которым пристегивались голенища. Как чувяки, так и голенища имели узкую окантовку из той же кожи, которая украшалась узорной строчкой. Голенища таких сапог иногда делались длиннее, чем голенища сапог, описанных выше; они часто закрывали колено. В этом случае сапоги закреплялись ниже колена ремешком с маленькой металлической пряжкой. Но, как правило, голенища делали обычной высоты (закрывающими икры).

Такие сапоги шили только мастера-сапожники. Этот вид обуви был наиболее распространенным в довоенный период. Чувяки с голенищами носили с галифе, с кавказской рубахой. Исчезли они окончательно в послевоенный период.

Обычные кожаные сапоги²², сшитые по общим образцам на заказ, чаще у лакских мастеров, или купленные в готовом виде в городах, были распространены в конце XIX — начале XX в. Их носили главным образом богатые горцы и по возможности шили из лучших кожаных заготовок по моде времени. Под влиянием общекавказской моды форма голенищ и каблука неоднократно менялась — от высокого каблука к низкому и от длинных, иногда выше колен, голенищ с раструбами — к голенищам средней длины, и наоборот.

Позднее, в 1920—1921 гг., получили распространение сапоги с низкими каблуками, широко бытующие и в настоящее время. Носят сапоги, заправив в них брюки.

Горянки также носили кожаные сапоги, чаще всего в холодную погоду. Жительницы городов (Темир-Хан-Шура, Петровск, Дербент) и ближайших к ним аулов носили фабричные сапожки. Особенно модными в предреволюционные годы были хромовые сапожки, известные здесь под названием *шивлик*. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что современные женские сапоги горянок Дагестана с короткими голенищами имеют поразительное сходство с женской кожаной обувью такого же покроя и формы, обнаруженной в одном из средневековых памятников соседней с Дагестаном Чечни²³. Это лишний раз сви-

детельствует о том, что сапоги — одна из древнейших форм обуви на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане.

Комбинированные сапоги также получили большое распространение. Женщины носили сапоги из кожи, комбинированной с войлоком, парчой, бархатом, сукном и т. д. Мужчины носили сапоги, комбинированные из кожи и войлока (бурочные). Голенища таких сапог делались из войлока с начесом, на хлопчатобумажной подкладке, с кожаной обшивкой в виде узких, вертикально нашитых полосок сафьяна. Верхний край голенищ имел окантовку из кожи с выстроченным геометрическим узором. Нижняя половина голенища, союзка и задник делались из сафьяна на теплой войлочной подкладке. Они имели форму современных сапог и шились на плотной кожаной подошве с широким, низким каблуком.

В предвоенные и военные годы такие сапоги имели распространение среди широких слоев населения, начиная от детей и кончая пожилыми мужчинами. В настоящее время бурочные сапоги носят лишь некоторые мужчины, как правило среднего и старшего возраста.

Галоши²⁴ — вид кожаной обуви типа глубоких туфель, надеваемой поверх легкой вязаной, сафьяновой, войлочной обуви. Верх галош делали из сафьяна или хрома, а подошву — из более толстой кожи (*къачалай*). Беднота носила галоши из кожи сыромятной обработки, богатые горцы — из хрома, на прочной подошве заводской заготовки. Шили галоши с тупым или острым носом, сообразно существовавшей моде, с широким и низким каблуком, с твердым накладным задником. Изготавливали галоши местные мастера-сапожники. Лучшими мастерами считались лакцы.

Женские галоши были более нарядными, иногда на среднем каблуке. Верхнюю часть нарядных туфель женщины нередко украшали вышивкой золотыми и серебряными нитками. Вышивали как по верху сафьяна, так и срезая верхний его слой, в ряде случаев делали вышивку методом аппликации. В последних случаях для крепости и нарядности вышивка по краю окантовывалась тонким золотым шнуром. Многие щеголихи украшали галоши аппликациями из золотого бархата, обшивая края выреза золотым же шнуром или золотой тесьмой.

Носили галоши на улице, нарядные надевали только по праздникам.

В наше время кожаные галоши уступили место резиновой обуви.

²² Дар, чакмуни, авар, чакмаял, лак, чакмарду, кум, этиклер, лезг, хахулар, дерб., азерб. чекмелер.

²³ Марковин, 1963, стр. 262.

²⁴ Авар, калушал, кум, калошлар, дарг. калушун, лезг. калушар, лак. калушру, дерб., азерб. галушлар.

Рис. 37. Женская обувь:

а — агульская вязаная обувь (с. Хпюк), б — аварские войлочные стеганные сапоги (с. Сиух), в — лакские войлочные сапоги (с. Цовкра), г — аварские комбинированные сапоги (с. Тлярш), д — даргинские войлочные сапоги (с. Акуша), е — аварские кожаные калоши (с. Кванада), ж — даргинские кожаные чуваки (с. Карацан), з — лакские деревянные башмаки (с. Цовкра)

Башмаки²⁵ на протяжении долгого времени были широко распространенным видом как мужской, так и женской обуви. Шили их из сафьяна или сыромятной кожи на толстой кожаной или деревянной подошве, без задников, с острыми, загнутыми кверху носами. Башмаки поступали в Дагестан и в готовом виде — из Азербайджана, Персии, Турции и других восточных стран.

В конце XIX — начале XX в. башмаки носили в основном дома. Но пожилые люди выходили в них на очар, в мечеть и другие общественные места. В настоящее время этот вид обуви совершенно не бытует.

Женские башмаки нередко делались из цветного сафьяна. Многие молодые женщины верх башмаков шили из парчи, затканной золотом (*сарасан*), золотного бархата (*гюльмахмар*), вышивали золотыми или разноцветными шелковыми нитками с традиционным рисунком. Вышивки на сафьяне или сукне делали женщины, а обувь шили мастера-мужчины.

Описывая обувь молодой кумычки в 60-х годах XIX в., П. Пржецлавский отмечал: «Обувь составляют: мелкие ботинки без подошв, из красного или желтого сафьяна, с острыми носочками, обшитые в два ряда серебряным галуном или все шитые серебром и золотом. Такие ботинки называются мечилар. На эту обувь, не стесняющую ноги, взамен калош надеваются вне комнаты башмаки, тоже шитые канителью или кожаные, с вздер-

нутыми вверх острыми носками, на больших каблуках, с железными о двух шипах подковами. Длинными чулками снабжены только обрусевшие татарки, а остальные носят чулки, короткие, шерстяные, с узорами, на манер мужских носков»²⁶.

Наконец, несколько слов о ходулях, которые имели широкое применение в дореволюционном быту Дагестана. Они представляли собой два шеста из мягкой породы дерева (чаще липы) с небольшими вставленными почти перпендикулярно к шестам или чаще естественными (из дерева с сучками) приступами-подставками на высоте 20—25 см от нижнего конца. Ходулями пользовались в основном подростки и молодежь при выходе на улицу в ненастную погоду, в грязь, чтобы сберечь обувь. Беднейшие горцы нередко ходили на них босиком даже в холодный период года. Ходули исчезли в 20-е годы в связи с общим ростом благосостояния народа.

Наиболее распространенным видом резиновой обуви, появившейся в Дагестане в конце XIX в. и получившей широкое бытование в советское время, следует признать глубокие остроносые резиновые галоши (так называемые азиатские). Их носили поверх носков. Представители старшего поколения в сельской местности, как мужчины, так и — особенно — женщины, и в настоящее время поверх носков носят только резиновые галоши. Молодежь в довоенные годы носила тупоносые мелкие резиновые галоши поверх мягких сафьяновых сапог.

²⁵ Авар. *пашмакѣал*, кум. *башмакѣлар*, дарг. *башмакѣи*, *вакѣликѣуни*, лезг. *башмакѣар*, лак. *пашмакѣру*, цахур. *сармузар*, дерб., азерб. *пашмагѣлар*.

²⁶ Пржецлавский, 1860, стр. 285.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Одежда женщин Дагестана, отличаясь большим разнообразием и богатством украшений, более устойчиво сохраняла старинные черты местной традиционной культуры. В то время как мужской костюм был, за некоторыми исключениями, единым для всех горцев, костюм горянки имел много локальных особенностей. Местные отличия, и главным образом добавления, усложняющие основные элементы костюма, существовали не только в рамках определенной этнической территории, но и нередко каждой этнографической группы. Если взять даргинцев, например, то женский костюм кайтачки, цудахарки, сюргинки, кубачинки, губденки и представительниц других этнографических групп имел целый ряд отличительных черт, характерных только для каждой из них. Эти различия еще в большей степени наблюдаются у аварцев и родственной им андо-дидойской группы народностей. Нередко костюмы горянок даже близлежащих аулов различались в деталях.

Костюм женщин отдельных этнографических групп различался также и по цвету тканей, по орнаментации элементов одежды. Различия в женском костюме обнаруживаются и при анализе обуви, верхней нарядной одежды, украшений и т. д. Кроме того, в женской одежде больше, чем в мужской, сказывались возрастные и социальные особенности.

Женщины старшего возраста предпочитали однотонные костюмы спокойных темных цветов. Молодые носили одежду из тканей ярких расцветок, однотонных и с рисунком. Так, например, «когда ахвахская девушка (сел. Кудиябросо) достигала совершеннолетия (14—15 лет), она надевала платье из цветного материала с длинным (до 3 м) красным кушаком и белый платок. Женщина, родившая первого ребенка, должна была сменить цветное платье на черное, того же цвета полагалось носить и кушак»¹. У тех же ахвахцев девушки носили круглые височные бляхи большого размера,

чем женщины среднего возраста, а пожилые — еще меньшего².

Женщины из состоятельных семей для нарядной одежды покупали тафту, золотный шелк, плотные и тонкие набивные шелковые гкани. Большинство же женщин носили одежду из ситца, нанки, белой и крашеной бязи, кисеи и других дешевых тканей, более или менее доступных для рядовой семьи.

До широкого распространения привозных тканей женская одежда шилась преимущественно из тканей домашнего изготовления, сырьем для которых служили шерсть, хлопок, конопля и т. д. У ряда высокогорных народов, основной отраслью хозяйства которых было животноводство, материалом для женской нарядной одежды служили также овечьи шкуры. Как установлено исследованиями Е. М. Шиллинга и З. А. Никольской³, одежда из овчин, надеваемая на голое тело, мехом внутрь, бытовала в XVIII в. и в более ранний период, например, у народностей Чамалал, Багулал, Карата, Ахвах. Овчинная одежда по своему покрою была сходна с более поздним платьем-рубахой *горде*. Она имела такой же туникообразный покрой и одевалась через голову. Такая одежда заменяла горянке и шубу. Одежда из овчин была постепенно вытеснена домотканой суконной и войлочной, а позднее — одеждой из привозных фабричных и кустарных тканей.

Женская одежда в исследуемое время состояла из рубахи, штанов, верхнего платья (у ряда народов), шубы (в основном в горах), головного убора — чухты и покрывала или платка, а также различных видов обуви (кожаной, вязаной, войлочной). П. Пржецлавский, служивший в 50-х годах XIX в. приставом в Мехтулинском ханстве, так характеризовал костюм женщин сел. Дженгутай, бывшего Темирханшуринского округа: «Костюм женщин среднего класса составляют: широкие шальвары (ширина смотря по состоянию му-

¹ Сергеева, 1971, стр. 234.

² Там же.

³ Никольская, Шиллинг, 1953, стр. 15—16.

жа...), преимущественно из пунцовой материи, обшитые внизу на полвершка бархатом с золотыми цветочками (тюльмахмар)... Сверх пальвар надета рубашка (гюйлек), из красного канауса, длиною до колен и ниже, с необыкновенно широкими и длинными рукавами, затем зимою архалук (астар) на вате, из атласа или шелковой материи коричневого цвета с отливом, обшитый по оконечностям широкими золотыми или серебряными галунами кавказского изделия, с открытою скошенною грудью и с обтяжными, застегивающимися на маленькие шелковые пуговицы рукавами от локтя до кисти руки, имеющими круглую оконечность, подбитую пунцовую материю, закрывающую все пальцы; летом — архалук ситцевый без ваты и галунов, называемый полиша. Оба архалука эти застегиваются впереди, немного выше талии, на две или три серебряные под черную запонки... или на шелковые пуговицы.

На голову надевается сшитый из черного ситца с красными большими цветами мешок (чутку) длиною до аршина...

Поверх головного убора накидывается

большой платок, кисейный, шелковый или тюлевый, разных цветов; если тюлевый, то с шелковою или золотою бахромою (тастар)...

У женщин высшего круга вся одежда делается из самых лучших и дорогих материй, у простонародья большею частью из ситца.

Зимою женщинами носится короткий нагольный полушубок из белого длинного... курпея. Богатые женщины носят такой же полушубок из лучших мехов, покрытый голубым или зеленым бархатом (махмар) или парчею. Старухи, кроме того, имеют огромные нагольные шубы из белого же курпея, с рукавами, суживающимися до земли»⁴. «Красные шаровары, серовато-синий бешмет (речь идет, очевидно, о туникообразного покроя платье-рубашке.— С. Г.) с красными ластовками и такого же цвета платок, повязанный за затылком,— вот оригинальный костюм мургушинок. Головной убор их живо напоминает повязку древних египетских женщин, так как нам ее представляют памятники»⁵,— пишет В. Вильер де Лиль-Адам о даргинках сел. Мургук.

Приступим теперь к характеристике отдельных элементов женского костюма.

1. НАТЕЛЬНАЯ ОДЕЖДА

Нательная одежда состояла из двух элементов — штанов и рубахи. Позднее появилась и юбка.

Штаны⁶. Штаны известны двух типов. Первый тип — аналогичные мужским длинные штаны (до пят), с широким шагом, без боковых швов, узкие у щиколотки и довольно широкие в верхней части, со вставкой в виде ромба или широкой полосы между штанинами. Широкую вставку делали обычно пожилые женщины. В верхней части штанов делался широкий полый рубец, в который продевали узкий гашик, связанный или сплетенный из шерстяных, хлопчатобумажных или шелковых ниток или просто из фитиля для лампы. Этим поясом штаны стягивались на бедрах. Многие женщины горного Дагестана для зимы шили штаны на подкладке. Шло на штаны 2—2,5 м ткани.

Штаны шили из различных тканей: ситца, нанки, бязи, светлых (кумычки, лезгинки, табасаранки, цахурки и др.) и темных (аварки, даргинки, лачки и др.) тканей. Нарядные штаны для молодых женщин у всех народов

было принято шить из шелковых ярких тканей (красные, желтые, зеленые, бордовые и т. д.), чаще из ткани дарай. Менее состоятельные люди шили из дорогих тканей только нижнюю половину штанин, а верхнюю часть делали из простых тканей.

У ряда горских народов — аварцев, даргинцев, цахурцев, рутульцев, агулов и др.— низ штанов женщины украшали двумя-тремя разноцветными полосками, галуном, тесьмой.

Богатые лачки (особенно казикумухские) носили штаны, вышитые золотыми или серебряными нитками (чаще по черному бархату, атласу, сарже, сукну), на подкладке. Вышивалась, как правило, часть штанин ниже колен.

Многие золотошвейки заготовки для этой части штанин реализовывали на казикумухском базаре. Покупали эти заготовки в основном жительницы селений гунибского нагорья (Чох, Согратль, Ругуджа и др.), где впоследствии это ремесло получило самостоятельное развитие. При этом орнамент вышивки оставался прежним, что лишний раз свидетельствует о заимствовании: стилизованная ветка с листьями, цветами, а в ряде случаев — стилизованные птички на ветке, рыбки.

Штаны описанного вида в XIX — начале XX в. были распространены почти повсеместно. Носили штаны обычно на выпуск, только в горном Дагестане женщины нередко заправляли их в зимнюю обувь.

⁴ Пржецлавский, 1860, стр. 284—286.

⁵ Лиль-Адам, 1875, стр. 12.

⁶ Авар. *глажу*, *бата*, *хебет*, дид. *гъелъъу*, тинд. *багул*, чамал. *барта*, ботл. *бата*, анд. *ошхъоги*, карат. *шалбар*, кум. *иштан*, *шалвар*, дарг. *шарбар*, *вачаг*, таб. *хучаг*, *хчаг*, лак. *глажак*, лезг. *вахчаг*, рутул. *агул*, *вахчаг*, *чатлур*, *шалбар*, цахур. *бада*, дерб., азерб. *иштан*, гор. евр. *шова*, наг., кум. *иштан*.

Второй тип — широкие штаны⁷. Они имели усложненный покррой. Верхняя узкая половина их, доходящая до середины бедра, повторяла покррой штанов, описанных выше. Верхнюю часть делали, как правило, из простых тканей, чаще из ситца, бязи. Ниже бедер шла вторая половина, которая представляла собой две широкие штанины, пришитые к более узкой части сборками или мелкими складками. Каждая штанина состояла из 2—7 целых полотнищ материи. Штаны этого типа были широко распространены преимущественно в равнинном и предгорном Дагестане. Их носили табасаранки, теркеменки, кумычки, дербентские азербайджанки, предгорные даргинки, частично цахурки, лезгинки, т. е. женщины сопредельных с Азербайджаном районов, в отдельных аулах — лачки (Казикумух), аварки (Хунзах).

На эти штаны затрачивалось 5—10 м ткани (1,5—2 м на верхнюю часть и 4—8 м на штанины), в зависимости от вкуса хозяйки и экономического состояния семьи. В Табасаране щеголихи употребляли на них даже 12 м, делая каждую штанину из 7 полотнищ⁸.

В богатых семьях нижнюю часть штанов такого типа обычно делали на подкладке, из дорогих тканей (набивного шелка, парчи, плюша и т. д.), в бедных же семьях — из набивного ситца или сатина. Низ штанов должен был быть виден из-под платья или рубашки и потому украшался особо. Богатые женщины, например, нередко оторачивали штаны французским рытым золотным бархатом, персидской парчой или какой-нибудь другой дорогой тканью, расшивали золотыми нитками, тесьмой. На бедрах штаны стягивались плетеным поясом из шелковой или хлопчатобумажной пряжи. Штаны такого типа носили на выпуск, нередко поверх узких штанов из тонкой ткани.

Эти широкие штаны совершенно исчезли из быта примерно в 30-х годах нашего столетия. Уже в предреволюционные годы они сохранились лишь у немногих женщин, чаще как элемент свадебного наряда невесты. Штаны первого вида, с широким шагом, напротив, сохранились до последнего времени в качестве повседневной одежды у значительной части женщин Дагестана, особенно среднего и старшего возраста, они считались удобными для работы в доме и в поле, легкими и скрадывающими полноту.

Трудно определенно утверждать, какой из этих двух типов штанов наиболее древний и традиционный. Полевой этнографический материал и сравнительные данные исторических

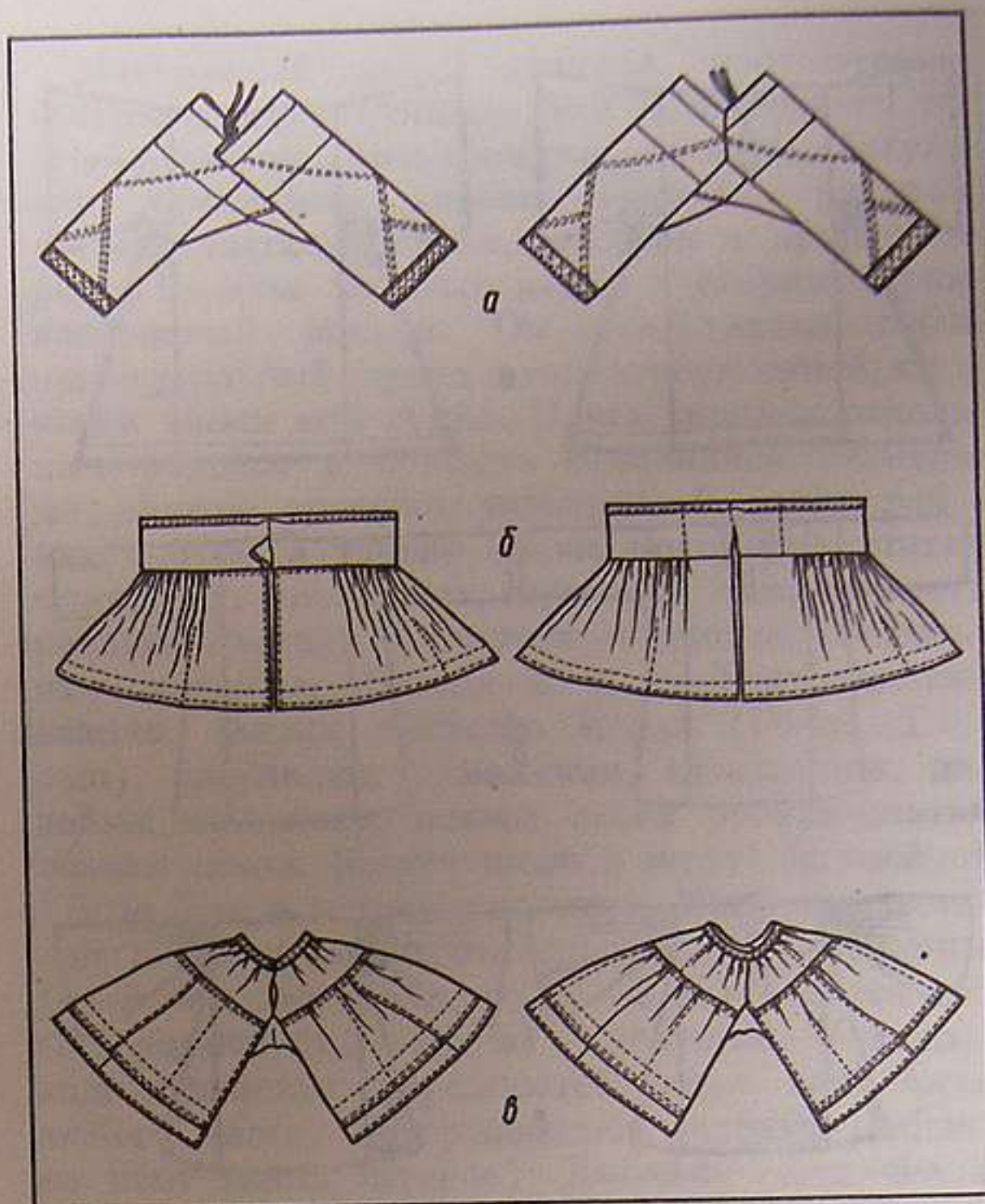

Рис. 38. Женские штаны:

а — узкие (с. Хосрех, лак.), б — широкие (с. Ерсн, таб.), в — широкие (с. Акуша, дарг.)

источников позволяют, однако, предположить, что исконными являются узкие штаны с широким шагом. Они характерны для большинства народов Дагестана — аварцев и аварской группы народностей, даргинцев, лезгин и лезгинской группы народностей, лакцев, кумыков, ногайцев и др., т. е. как для населения территорий, не подвергавшихся или мало подвергавшихся проникновению иноэтнических элементов, так и для регионов, население которых имело этногенетические связи с кочевым миром, особенно тюркоязычными племенами, проникавшими с севера в приморские районы Дагестана. Что касается широких штанов, то нам думается, что это элемент более поздней культуры, проникшей с юга, из Азербайджана и Передней Азии (Афганистан, Иран, Турция), где штаны такого типа были широко распространены⁹. Бытование штанов этого типа у табасаранок, цахурок, кумычек, кайтачек может свидетельствовать об их культурной (и определенной этнической) близости с народами юга.

Рубаха. Неотъемлемой частью нательной одежды женщин Дагестана была рубаха¹⁰.

⁷ Кум. *генг балакъ, иштан*, дарг. *вахчаг*, таб. *генг балакъ туман, хчаг*, лезг. *тайбалагъ*, цахур. *джут балагъ туман*, дерб. азерб. *генг балагъ*, лак. *гьарта хлажак*.

⁸ Панек. рук., л. 84.

⁹ Народы Передней Азии, стр. 641.

¹⁰ Авар. *горде, экдел*, чам. *клаг*, годоб. *хелу*, багул., тинд. *гур*, гьун. *жеб*, ахв. *клоко*, анд. *кванно*, карат. *боке, горди*, дид. *кунта, гед*, дарг. *гурди, хлева*, кум. *гэйлек*, таб. *гурт, куртду*, лезг. *перем*. (ср. груз.

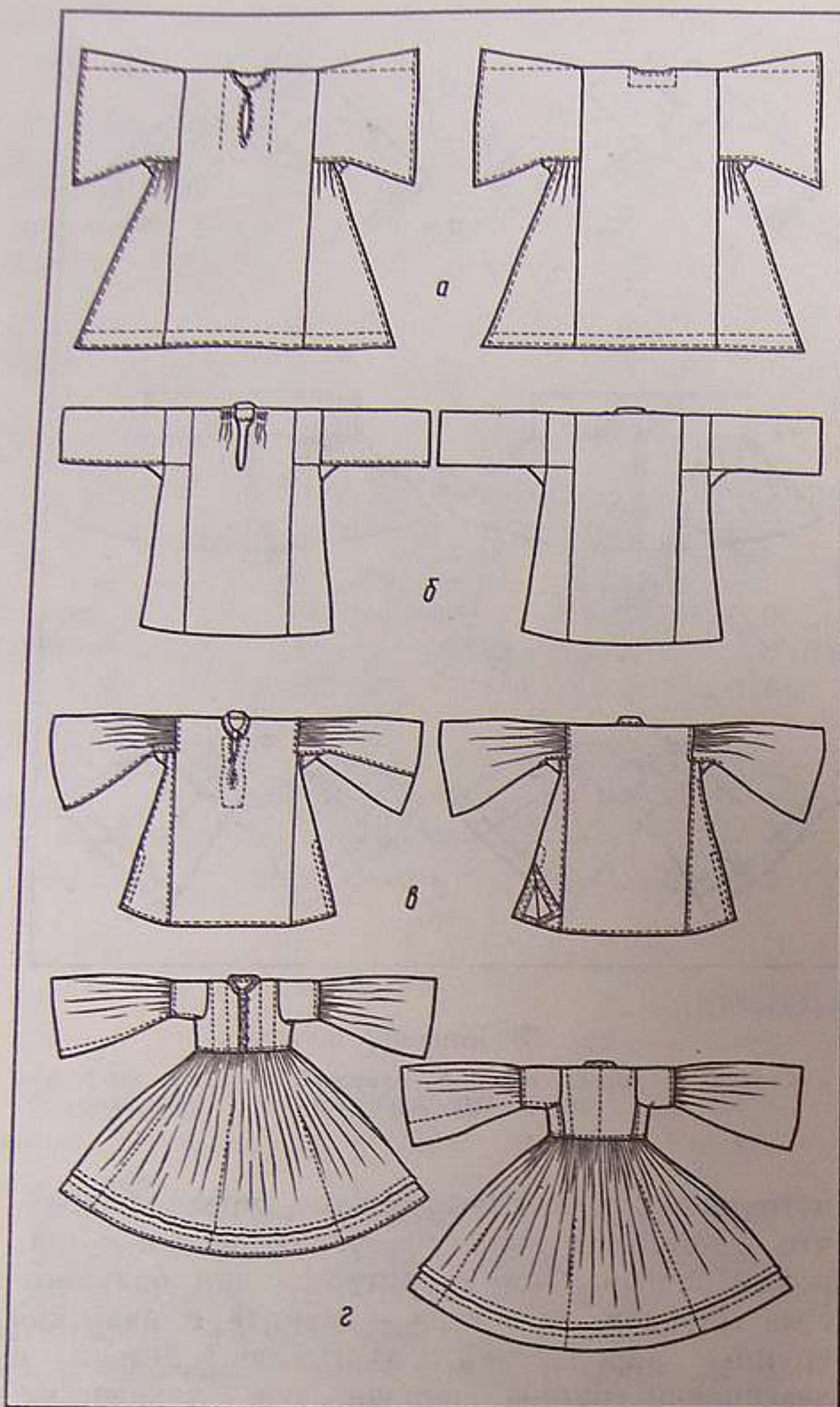

Рис. 39. Женские нательные рубахи:

туникообразные: а — даргинская (с. Мекеги), б — лакская (с. Хосрех), в — табасаранская (с. Хурик); с отрезной талией: г — лезгинская (с. Ахты)

Рубахи были двух типов: 1) туникообразная, которую называли еще прямой, нижней (поздний термин), 2) с отрезной талией — длинная, со складками на юбке.

Рубаха первого типа имела туникообразный покрой, расширялась книзу за счет клиньев, вшитых с двух сторон (узкой стороной вверх), имела спущенные плечи, прямые вшивные рукава, квадратные или ромбовидные ластовицы (у горских женщин чаще большие, из ткани другого цвета) и прямой вертикальный разрез на груди. Иногда рукав делался слегка присобраным, на манжете. Для прочности верхнюю часть рубахи (до пояса) делали на подкладке. Рубаха име-

перенги), лак. *гъухъа*, рутул. *ухун*, цахур. *гурт*, агул. *бергъам*, дерб., азерб. *кёйнек*, гор. евр. *шеи*, ног. *кыйлек*.

ла невысокий воротник-стойку или (чаще) шилась без воротника. В этом случае вырез горловины окантовывался. Застегивалась рубаха на пуговицы (на воротничке и посередине грудного выреза); рукав также застегивался на одну-две пуговицы. Рубаху шили длинной, почти до пят (в горах), или чуть ниже колен, до икр (на плоскости — у кумыков, лезгин, табасаранцев), как правило, с боковыми разрезами у подола (длиной 12–15 см).

По типу туникообразная рубаха была аналогична мужской рубахе. Шили рубаху из тканей светлых тонов (на плоскости, а для молодых женщин — и в горах) или темных, чаще из ситца в полоску или с мелким рисунком. Богатые делали ее из батиста, белого шелка, мадаполама (в том случае, если она использовалась в качестве белья). На рубаху шло обычно 3,5–7 м ткани.

У народов горного Дагестана — аварцев, даргинцев, лакцев и др. — эта рубаха выполняла функцию не только нательной одежды, но и верхнего платья.

Если кумычка в туникообразной рубахе, которая шилась главным образом из тканей светлых тонов (чаще ситца), короче и проще, чем у горянки, могла ходить только дома (в летний период), в кругу своей семьи, а при выходе на улицу обязательно надевала еще и платье, то, например, для аварки такое платье-рубаха было обычной одеждой для дома и улицы; более того, многие аварские женщины надевали эту рубаху и по праздникам. Поэтому у горянки *горде*, *хъава* кроилось значительно шире, длиннее (почти до пят, но так, чтобы из-под него выглядывала отделка штанов) и нарядно украшалось. Кроме того, у многих народов горного Дагестана, в тех случаях, когда рубаха предназначалась для повседневного ношения замужней женщиной, ее шили из темных тканей — темно-синей или черной. *Горде* имело обычно большие ластовицы, чаще из ткани другого цвета (для темных — ярко-красного, ярко-зеленого и т. д.), для молодой женщины подол, рукава, нередко и грудной разрез нарядных *горде* также украшались отделкой из полоски ткани другой расцветки, по возможности более дорогой (парча, дараи, бархат, вельвет и т. д.). Нередко рубаху украшали просто лоскутиками разноцветных тканей — в виде орнаментально сочетающихся треугольничков, квадратиков, трапеций. Горянка покрывала рубаху и узорной декоративной строчкой, а в ряде случаев — вышивкой (грудной разрез, местами у подола — спереди и сзади), обшивала рукава, подол, грудной разрез цветной тесьмой или делала цветную окантовку.

Украшениями и вышивками особенно отличалось кубачинское платье-рубаха. По установленной раз и навсегда традиции кубач-

чинка к рукавам нарядной *ава* пришивала широкие манжеты, расшитые жемчугом в виде чередующихся треугольников¹¹. На оставшиеся нерасшитыми участки нашивались серебряные бляхи в виде брошек, якорей, розеток и т. д. Кроме того, края манжета обшивались цветной плетеной тесьмой, на которую иногда навешивались мелкие подвески. Судя по сведениям отдельных авторов, кубачинки и низ штанов расшивали «благородными камнями и жемчугом»¹². Дидойка же свою рубаху из ярко-синей материи окаймляла «по подолу очень широкой полосой ярко-красного цвета»¹³ и опоясывала широким поясом из красной ткани.

В других даргинских и аварских обществах грудь рубахи украшалась монетами, край рукава обшивался серебряной цепочкой, и по шву до ластовицы включительно пришивались мелкие монеты.

Рубаха застегивалась обычно у горловины. Горянки (даргинки, аварки, лачки) иногда использовали в качестве пуговиц небольшие серебряные монеты или бляхи ювелирной работы, часто с применением черни или эмали, к которым с обратной стороны приделывалось ушко.

Женщины общества Карах (селения Тляррош, Гочоб и др.) подворачивали подол вверх. По низу платья-рубахи с изнанки нашивались (вместо описанной выше сплошной полосы) прямоугольники из цветных тканей (спереди шире, чем сзади). Женщины старшего возраста подобного рода декоративными отделками не пользовались, но обшивали рукава и подол тонкой тесьмой или прострачивали их разноцветными нитками. У многих женщин андо-дидойской группы народностей на грудь *горде* нашивалась полоска материи, которая использовалась в качестве карманчиков для игл, ниток и прочей мелочи.

Различались рубахи и формой воротника, рукавов, обшлагов и т. д. Под платье-рубаху богатые женщины в ряде случаев (в более поздний период) надевали короткую нижнюю рубашку. Бедные нередко к рукавам рубахи пришивали нижние рукава с манжетами, а также воротник из ткани другого цвета, имитирующие нижнюю нательную одежду.

Большинство женщин (кумычки, табасаранки, лезгинки, часть кайтачек, даргинок, лачек) носили рубаху навыпуск, не подпоясывая ее, другие — подпоясывали широким и длинным матерчатым поясом.

В настоящее время рубахи описанного типа носят пожилые женщины¹⁴.

Матерчатый пояс¹⁵ являлся неотъемлемой частью как будничного, так и выходного костюма аварок (большинства районов), багуланок, чамалинок, дидоек, арчинок, рутулок, агулок, части даргинок, цахурок и других горняков, платье которых имело в старину туникообразный покрой. Он представлял собой прямоугольный кусок хлопчатобумажной, шелковой ткани или сукна. Пояса горняков отдельных народов и обществ отличались размерами, цветом, способом ношения. В одних районах бытовали только белые пояса (не считая покупных, шелковых, которые могли иметь разные цвета), в других — черные, в третьих — красные, желтые и т. д. Тлярятинские аварки, аварки общества Карах (Гочоб, Тляррош), багулалки, чамалинки, гидатлиники, дидойки, например, поверх своей рубахи-платья носили пояса (скрученные в жгут) длиной от 1,5 до 5 м, в ширину полотна. Наиболее длинные пояса у аварок носили молодые женщины (4—5 м), покороче — (2,5—3 м) — пожилые, еще короче (1,5—2,5 м) — девушки. У аваро-андо-дидойских народностей пояс мог быть любого цвета, но преобладал красный (обычно цвет ткани штанов). Дидойки сами ткали пояса (длиной 2—3 м, шириной 20—25 см) из белой шерсти и затем красили в красный цвет. Только ботлихи и жительницы некоторых соседних с ними обществ подпоясывались черным поясом. Обернув вокруг талии, в одних случаях один раз, а других — два-три раза, аварка завязывала свой пояс обычно одинарным узлом, либо спереди (багулалки, чамалалки, тиндинки, дидойки, аварки из общества Карах и т. д.), либо сбоку (гидатлиники, часть арчинок, дидоек и др.). Особенно длинные пояса, свисавшие спереди до подола платья, носили багулалки, чамалинки и дидойки.

Горные даргинки носили только белые пояса (2,5—3,5 м длиной и 30—80 см шириной). Одни повязывали пояс на талии, другие почти на бедрах, чаще скрученным в жгут. Пояс также обматывался в 2—3 оборота вокруг талии; концы же его либо убирались под пояс, по бокам, либо завязывались одинарным узлом спереди.

У рутулок пояс имел трехметровую длину и обычную ширину полотна. Он мог быть любого цвета, но отличного от цвета платья. Сложив его в два—три слоя по ширине и обмо-

212 см, длина рукава — 91 см, ширина рукава — 22—25 см, длина плеча — 15—20, ширина бокового клина — внизу — 12—15 см,верху — 4—5 см, длина грудного выреза — 15—20 см. Шьют такую рубаху чаще из ситца в узкую полосочку или с мелким рисунком (в горных районах пожилые люди по-прежнему носят рубахи из темных тканей).

¹⁵ Авар. *рикьич*, *рачел*, годобер. *ракьичал*, багул., чамал. *рачвал*, анд. *рокьочул*, арч. *кьотлол*, рутул. *майзар*, агул. *ахлул*, цахур. *бельбагъы*, дарг. *иржи*, *ижи*, *гълакъа*, дидой. *рикьич*, ног. *бельбав*.

¹¹ См.: Шиллинг, 1949, стр. 142.

¹² Свидерский, 1903, стр. 55.

¹³ Буш, 1905, стр. 474.

¹⁴ Их размеры на женщину среднего роста примерно таковы: длина 120—130 см, объем подола —

тав им талию, рутулка завязывала его сзади. Почти такие же пояса носили и агулки.

Пояса выполняли и функцию карманов, т. к. за поясом женщина хранила мелкие вещи: ключи, клубки пряжи, спицы, незаконченное вязание. Зимой широкий, плотный пояс защищал женщину от простуды; кроме того, он служил как бы мягкой подстилкой, когда женщина несла на спине груз, и т. д.

Пояса эти, на наш взгляд, являются очень древним элементом традиционного костюма горняков, связанным с туникообразной, длинной одеждой. Правда, в изучаемое время подобными поясами пользовались не все женщины нагорного Дагестана. Их не знают, например, собственно андийки¹⁶, андалалские аварки, которые подтыкали бока рубахи за поддержку штанов. Так же поступали и лачки вицхинского участка¹⁷. Однако этнографический материал дает некоторое основание полагать, что область распространения больших матерчатых поясов в более отдаленном прошлом была значительно шире, охватывала почти весь горный Дагестан. С появлением припашного распашного платья, бешметов и архалыгов, этот элемент одежды женщин некоторых этнических групп, народов, постепенно исчез.

Кроме того, пояс не был узколокальным явлением в Дагестане. Аналогичные пояса были известны еще в далеком прошлом и в других областях Кавказа (Грузия, Армения)

и Передней Азии (арабы Саудовской Аравии, Сирии и т. д.).

Второй тип — платье-рубаха с отрезной талией¹⁸. Это — вид платья с отрезным полуприлегающим лифом на подкладке и широкой, присборенной у талии, длинной юбкой (обычно из четырех, иногда из восьми полотнищ). Рукав платья кроился из двух частей: узкой верхней (40—45 см в окружности), доходящей почти до локтя, и очень широкой нижней (120—140 см в окружности), пришитой к верхней части мелкими складками. Рукав делали без манжета и такой длины, что он закрывал кисть руки целиком. Во время танца женщины поднимали руку на уровень лица, и широкий длинный рукав такого платья прикрывал лицо от посторонних глаз.

Платье-рубаха имело прямой грудной разрез, доходящий до линии талии, шилось без воротника или с небольшой стойкой и застегивалось на две-три пуговицы и прорезные петли. Носили платье-рубаху обычно без нижней рубахи, но поверх надевали платье — *бузма*, *къабалай*. Лишь в домашней обстановке женщина могла позволить себе снять эту верхнюю одежду. На рубаху этого покроя шло 6—10 м ткани. Нарядные рубахи шили из гладких шелковых тканей, чаще из тафты дараи. Рубаха этого типа была распространена главным образом у кумычек, табасаранок, дербентских азербайджанок, лезгинок, частично у лачек, даргинок. В горы она проникла позже.

2. ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

ПЛАТЬЕ

Выше отмечалось, что рубаха туникообразного покроя у многих народностей (аварской, даргинской и лакской групп) служила и верхним платьем. Только зимой поверх нее носили теплую одежду, чаще шубу. У ряда же других народов — кумыков, табасаранцев, лезгин, кайтагов, в некоторых обществах предгорных и горных аварцев и даргинцев и др. — поверх туникообразной рубахи женщины обычно надевали платье другого покроя. Следует, однако, заметить, что и у этих народностей в жаркое время года в домашней обстановке, а также во время работы в поле женщины ограничивались рубахой. При посторонних, особенно при гостях, этикет не позволял находиться без верхнего одеяния.

Верхнее платье имело несколько разновид-

ностей, по покрою очень близких друг к другу.

Распашное платье¹⁹ — тип платья, широко распространенный у многих народов, известный в литературе под названием *архалук* или *архалыг*. Это был основной вид верхней распашной одежды женщин ряда народов, носимой поверх рубахи — прямой, туникообразной или отрезной по линии талии.

У кумыков, табасаранцев, равнинных и предгорных даргинцев распашное платье носили все женщины, независимо от возраста. В присутствии посторонних и на улице этот вид одежды считался обязательным. Значительно реже встречалось это платье у аварцев, горных даргинцев, лакцев.

Ранний вид распашного платья по своему покрою был несколько сходен с мужским бешметом, но в то же время имел и существенные отличия. Шили платье отрезным по

¹⁶ Агларов, 1962, стр. 162.

¹⁷ Булатова, 1971, стр. 41.

¹⁸ Кум. *бузма гейлек*, или *бурушма гейлек*, полша *гейлек*, лак. *бузма гьукъа*, авар. *кунта*, таб. *болушка*, *гурт*.

¹⁹ Кум. *къаптал*, *бузма*, *арасар*, лезг., таб., рутул. *валчагъ*, авар. *гужгат*, *бузма*, *хабало*, карат. *полуш*, дарг. *къаптал*, *хлева гурди*, *валжагъ*, *лабада*, цахур. *алхалыг*, дерб. азерб. *дон*, гор. евр. *гобо*, лак. *бузма*.

линии талии, с лифом, плотно облегающим фигуру, с глубоким грудным вырезом, без воротника, с сильно смещенными (как у черкески и мужского бешмета) назад боковыми швами на лифе, с узкой спинкой, с широкой (собранной в складку у талии) либо прямой (из четырех-пяти полотнищ), либо расклешенной (из восьми-девяти клиньев) юбкой, доходящей до икр и даже до пят, с разрезом спереди — от верха платья до низа, у пожилых — нередко и с разрезами по бокам, у подола. По линии талии юбка пришивалась к лифу мелкой сборкой или складками. Платье имело вшивные узкие рукава с небольшим окатом у проймы, до локтя со швом, а ниже — откидные, длиной до кисти руки. Откидная часть рукавов чаще имела форму четырехугольной удлиненной лопаточки (кум. *къалакъ енг*), с суженными концами, иногда округленными в виде теннисной ракетки (кум. *къангъа енг*). Эту нижнюю часть рукава женщина обычно при работе откидывала вверх и закрепляла особой застежкой или просто подворачивала. В нарядном костюме откидной рукав лежал или свисал поверх широкого рукава описанного выше платья-рубahi (*бузма гейлек*). Его красиво отделявали подкладкой из другого материала, чаще из яркой ткани, а также обшивали галуном или мелкими бляхами, монетами, колокольчиками. Кайтачки к нижней части рукавов нарядных *валжагъ* пришивали еще разноцветные ленты. Все это очень украшало одеяние молодых женщин.

Иногда рукава распашного платья делали (особенно в более поздний период) прямыми, без разреза. Такие рукава часто встречались, например, у женщин Южного Дагестана, у кумычек селений Каякент, Карабудахкент, Гели, Параул и др., у жительниц средней полосы Кумыкской равнины, а также у их соседей на севере, даргинок (селения Губден, Гурбуки и т. д.).

Лиф платья, откидную часть рукава, низ юбки (подол) шили на подкладке. Зимнее платье нередко делали целиком на подкладке, а лиф его женщины старшего возраста подбивали еще и ватой. Платье не запахивалось, а застегивалось спереди, встык у талии (справа налево) на 3—6 застежек (кум. *шарпазлар*, *къармакълар*). Спереди и снизу из-под платья была видна рубашка, а также нижняя часть штанов. Северные кумычки надевали под платье специальный нагрудник с украшениями. В этом случае грудной вырез делали более глубоким и овальным.

Шили платье, в зависимости от достатка, из сатина, шелка, парчи, плюша, для молодых — ярких, а для старших возрастов — темных расцветок. Распашное платье и надеваемая под него рубашка обычно были разного цвета. Для нарядных рубах предпочитали тафту желтого, красного или зеленого цвета,

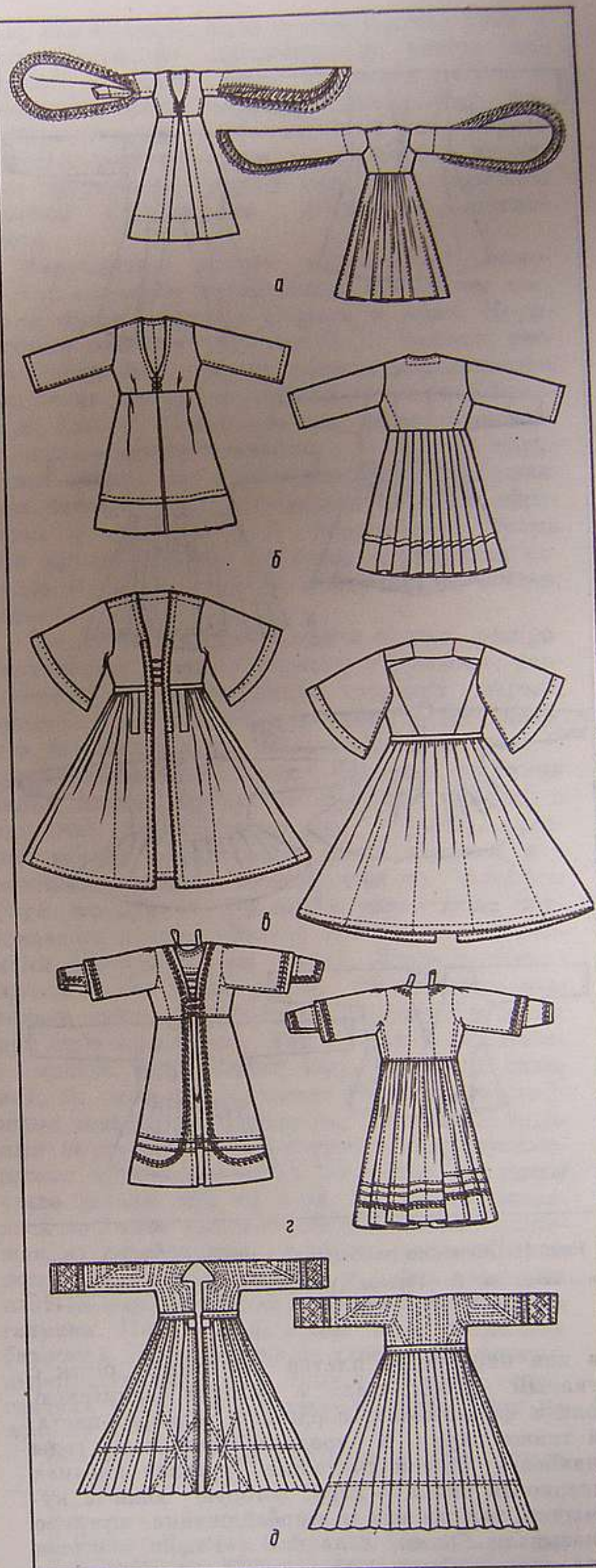

Рис. 40. Женские платья:

распашные: б — кумыкское (Гели), в — лакское (с. Хосрех), г — лезгинское (с. Ахты); нераспашные (къабалай): а — кумыкское (Бабаюрт), з — кумыкское (Н. Казанщице)

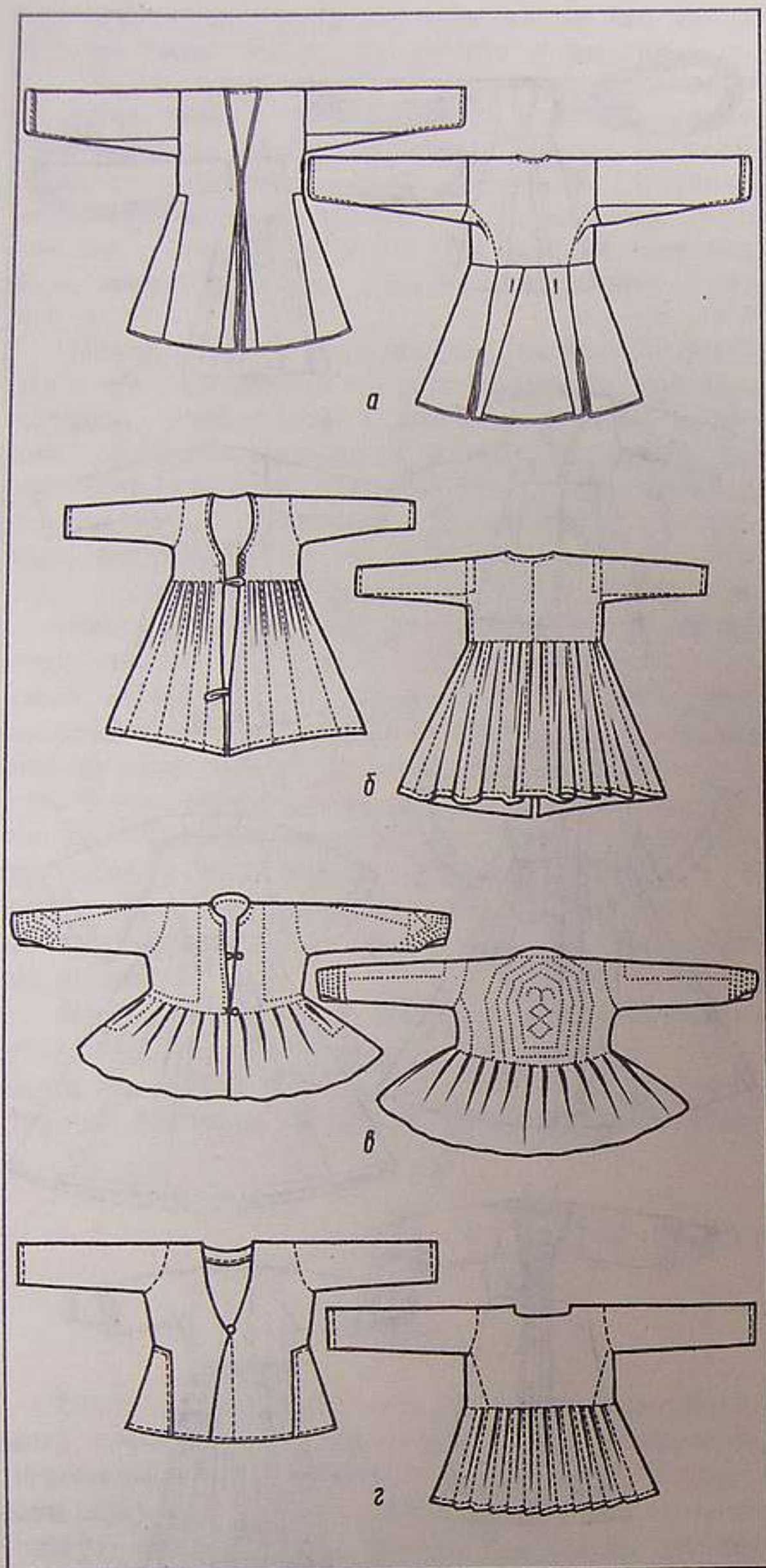

Рис. 41. Женские распашные гужгаты и архалыги:
а — аварский (с. Гергебиль), б — рутульский (с. Хнов), в —
цахурский (с. Мишлеш), г — цахурский (с. Цахур)

а для нарядного платья — плотный шелк с тканым узором, шелк с золотой канителью, плюш фиолетового, бордового, зеленого цвета, а также парчу. В предреволюционные годы наиболее модной считалась русская плотная шелковая ткань — *хара*, которую южные кумычки, так же как и азербайджанки, шутливо называли *Гъажи, мене бах* («Гаджи, погляди на меня»). Борта, полы, линия талии, боковые разрезы, иногда и подол платья украшались галуном, а край подола обшивался короткой бахромой. На рукава, к поясу платья молодых

женщин у ряда народов пришивали, кроме того, монеты и серебряные украшения. На такое платье расходовалось 6—10 м ткани.

Описываемый тип платья был очень сходен с некоторыми видами платьев, распространенных у других народов Северного Кавказа и Закавказья, а также Передней Азии, в частности у турчанок. У последних такого покроя платье известно под названием *уч этек* («в три полы»).

Описываемый тип платья в Дагестане имел свои локальные особенности.

Крайне своеобразным был короткий *архалыг* (*архалуг*) цахурок и рутулок, носимый не с длинным платьем-рубашкой, а с длинной, широкой юбкой *бадаб, тайбалаг*²⁰. Шили *архалыг* длиной до бедер, на подкладке, с узким лифом, обычно с длинными узкими рукавами прямого покроя. Молодые женщины или невесты иногда носили *архалыг* и с короткими (до локтя) узкими рукавами. В этом случае под него надевалась рубашка с широкими колоколообразными рукавами. Иногда к коротким рукавам пришивали длинную оборку от локтя до кисти.

Архалыг, в свою очередь, имел несколько разновидностей. Одни делались спереди цельнокроеными, а сзади с отрезной талией, другие — полностью с отрезной талией. В том и другом случае к лифу ниже талии пришивали, обычно заложив в складку или сборку, широкий прямой или расклешенный (в виде баски) кусок ткани, что гармонически сочеталось с покроем юбки. *Архалыг* имел большой грудной вырез либо углом, либо овальной формы. Иногда платье наглухо застегивалось спереди на пуговицы и прорезные петли. Зимние *архалыги* пожилые женщины делали и на легком слое ваты. Молодые же украшали свои *архалыги* галуном, тесьмой, узорной строчкой.

Шили *архалыги* цахурки и рутулки из разных тканей, молодые — из ярких (однотонных и пестрых), пожилые — более скромных расцветок. Как мы уже отметили выше, носили *архалыг* всегда с широкой юбкой в складку. *Архалыги* цахурок и рутулок по своему покрою и общему виду близки *архалыгам* азербайджанских женщин и отражают влияние культуры последних.

По всем данным, и короткий *архалыг*, и юбка *бадаб*, как и некоторые виды более длинных бешметов (*катиби* у цахурок и др.), заимствованы от азербайджанцев, с которыми цахурцы и рутульцы издавна имеют тесные хозяйственные и культурные связи.

Несколько особняком стоит и *гужгат* тляратинской аварки, также короткий (чуть ниже бедер), с узкими, чаще короткими рукава-

²⁰ Булатова, 1974, стр. 132—133; Народы Кавказа, I, стр. 551.

ми. Однако его покроем с цельной основой, со вставными клиньями, расширенными книзу, простежкой приближает его к дагестанскому типу одежды, особенно мужскому бешмету, хотя *гужгат* и носит следы влияния костюма азербайджанки. В отличие от цахурок и рутулов, тляратинка носила свой *гужгат* поверх традиционного длинного платья-рубашки туникообразного покрова. Нарядные *гужгаты* по подолу оторачивались мехом, украшались серебряными полыми бусинами, бляшками (низ рукавов, подол и т. д.).

У лакцев этот вид распашного платья делали стеганным, подбитым ватой или шерстью²¹. Лакцы называли его *лавадей*, т. е. термином, употребляемым для короткополого донца (*ар-талык*) азербайджанцами²² или для длинного камзола (*леббоде*) жителями отдельных горных обществ Ирана²³.

Анализ общих терминов, бытующих у некоторых народов Дагестана (цахурцы, лакцы) и народов Закавказья и Передней Азии, позволяет не только определить область распространения тех или других элементов одежды, но предположить, что в данном случае мы имеем дело с проникновением отдельных вариантов платья, распространенных у цахурцев (*архалуг*), лакцев (*лавадей*), из Азербайджана. Каналами такого проникновения было отходничество (лакцы), перекочевки со скотом (цахурцы, горные лезгины). На новом месте элементы иноэтнической культуры подверглись, как свидетельствует анализ одежды, соответствующим изменениям с учетом новой естественно-географической среды и эстетических вкусов населения.

Распашное платье описанного типа перестало бытовать в 30-е годы XX в. В настоящее время оно встречается среди населения очень редко и только у пожилых женщин, в основном в удаленных от города селениях республики. Однако в несколько модернизированном виде распашное платье широко вошло в костюмные комплексы участниц танцевальных художественных коллективов.

Нарукавники (кум. *енгсе*). Молодые женщины, чаще девушки (особенно у кумыков), к платью с откидными рукавами в торжественных случаях нередко надевали нарядные нарукавники *енгсе*. Наружники шились по руке, узкими, чуть расширенными кверху. Выше локтя они укреплялись посредством шнуров или пришивались к рукаву платья. Низ нарукавников, а иногда и весь нарукавник отделялись вышивкой золотой, серебряной канителью, цветными нитками, шнуром, галуном. Чаще нарукавник, предназначенный для платья с откидным рукавом, делался уз-

ким, как правило, имел разрез у кисти руки и застегивался на пуговицы, а иногда собирался в сборку. Еще в конце XIX в. в некоторых лужнокумыкских аулах (сел. Алхаджикент и др.) невеста должна была дарить молодым родственницам своего жениха нарядные нарукавники. Среди свадебных подарков невесты нарукавники занимали почетное место.

Наружники имеют многовековую историю и являются характерным элементом костюма многих народов Европы и Азии. Крупнейший советский историк С. П. Толстов, рассматривая этот элемент одежды каракалпаков как очень древний и близкий хорезмской культуре, пишет: «Типичные для каракалпакского женского наряда приставные вышитые нарукавья жентсе мы можем видеть на изображении четверорукой хорезмской богини афригидского времени»²⁴. В исследуемое время они имели широкие аналогии и у других народов Кавказа — грузин, кабардинцев, осетин, черкесов и др.²⁵

Полуша²⁶. Другим видом платья, распространенным главным образом у кумыков, дербентских азербайджанцев, горских евреев, позднее у лезгин, табасаранцев, лакцев, аварцев, дергинцев и др., была *полуша*. *Полуша* — род нераспашного платья с отрезным по линии талии лифом, плотно облегающим фигуру, с широкой (расклешенной или прямой), длинной юбкой, закрывающей сзади и пятки, а у знатных женщин нередко еще со шлейфом (кум. *кэуйрукъ*). По линии талии юбка пришивалась к лифу сборкой или мелкими складками (иногда только сзади). *Полуша* имела сравнительно узкие рукава, иногда суженные только книзу, с небольшим разрезом у кисти рук либо на манжете. Так же как у распашного платья, лиф *полуши* шили с узкой спинкой, со смещенными назад боковыми рельефными швами, на подкладке, с большим трудным вырезом в форме треугольника, спускающимся чуть ниже талии. Пожилые женщины часто делали лиф на вате. Платье застегивалось по линии талии встык при помощи застёжек из серебра или слоновой кости. Вырез, пояс, рукава, полы, иногда и подол нарядных платьев украшались золотым или серебряным галуном. Низ подола, кроме того, обшивался бахромой. Шили платье из хлопчатобумажных, шерстяных, шелковых тканей разных тонов, гладких и с узором, плюша и парчи. Шло на *полушу* 6—8 м ткани.

Полуша перестала бытовать в 30-е годы в

²⁴ Толстов, 1947, стр. 72—73.

²⁵ Народы Кавказа, I, стр. 172, 208; II, стр. 305.

²⁶ Кум. *полуша*, лезг., таб. *булушка*, авар. *боцла-раб горде*, кунта, лак. *гъгъа*. Название платья *полуша*, как нам представляется, имеет связь с названием ткани *полушаль*, которая была очень популярна в то время.

²¹ Булатова, 1971, стр. 117.

²² Каракашлы, 1964, стр. 144, рис. 256.

²³ Народы Передней Азии, стр. 198.

Рис. 42. Женщины в верхней одежде:

а — аварка (с. Тлярош), б — аварка (с. Гочоб), в — лезгинка (с. Ахты), г — табасаранка (с. Хурик).

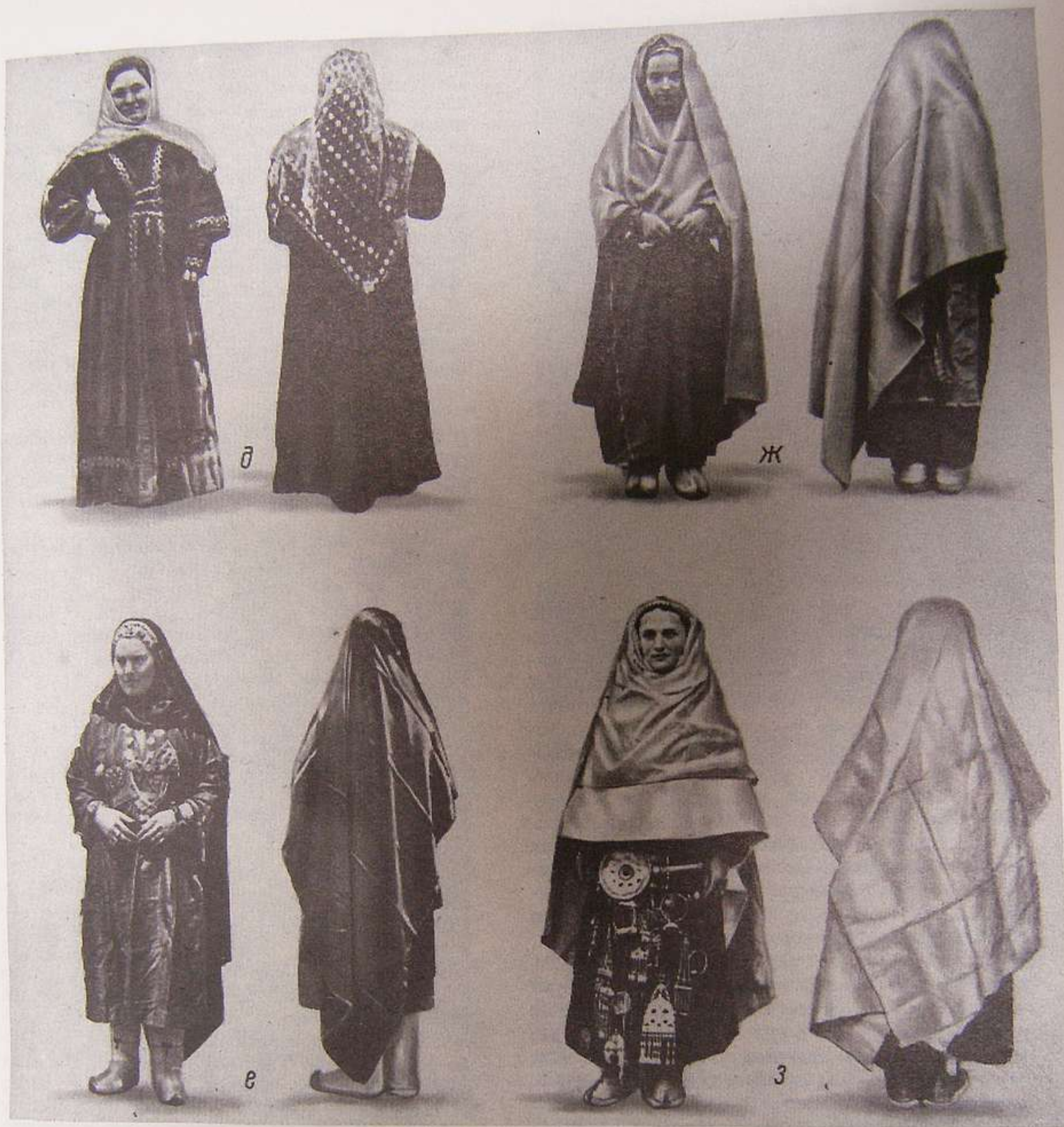
связи с распространением в это время новых, более современных фасонов платья. В настоящее время этот вид платья встречается очень редко, преимущественно у южных кумыков, дербентских азербайджанцев, табасаранцев и лезгин.

Нарядное платье — *къабалай*²⁷. Наиболее

²⁷ Авар. *пулуша*, *хабало*, кум. *къабалай*, лак. *къавалей*, *лавадей эки дирчу кахри*, *бузма гьухъа*, дарг. *лавада*, *къабалай*, *диркъала хлева*, дерб., азерб. *асетин*.

широко оно бытовало у кумыков. У других народов Дагестана встречалось редко. Покрой его близок к покрою распашного платья. Шилось в основе распашным, с отрезной талией, с плотно облегающим талию лифом, с широкой (3—4 м), длинной юбкой, пришитой к лифу по линии талии легкими складками или сборкой. В то же время *къабалай* имел и ряд отличительных черт, делающих его более нарядным. Главное отличие заключалось в том, что *къабалай* имел спереди пришивную встав-

д — кумычка (с. Н. Казанище), е — даргинка (с. Урари), ж — даргинка (с. Ашты), з — лачка (с. Балхар)

ку — *алдылыкъ*, шириной 30—60 см, чаще из той же ткани, что и само платье, но иногда из ткани другого качества и цвета. Эта вставка от подола до пояса вшивалась в юбку, выше же пристегивалась. Верхняя половина вставки в виде нагрудника с воротничком-стойкой проходила под поясными застежками (края ее прятались под борта платья) и застегивалась сзади на шее. К летнему платью нагрудник делали коротким. В целом же вставка вшивалась таким образом, что напоминала отдельное

нижнее платье. Края передних полотнищ или клиньев юбки (по обе стороны от вставки) настрачивались на вставку на расстоянии около 4 см от края. По линии настрочки нашивались позумент, кружево, тесьма. Иногда нижняя часть (подол) вставки делалась со сборкой и украшалась поперечными складками. В ряде случаев, например когда кумычка надевала специальный нарядный нагрудник с воротничком-стойкой, с нашитыми кинжаловидными застежками, верхняя часть вставки

опускалась вниз, под пояс. *Къабалам* у северных кумыков нередко называлось и распашное платье первого типа, но с более длинным рукавом.

Къабалай имел двойные рукава: нижние — узкие, по руке, с разрезом у запястья, застегиваемые на мелкие пуговицы, узелковые или прорезные петли, и верхние — широкие (40—60 см), длинные (50—100 см) и, как правило, откидные, несколько расширенные книзу, с округленными или прямоугольными концами. Края верхнего рукава почти всегда украшались тонким широким кружевом под цвет ткани или тесьмой. Иногда украшались и низ узкого рукава (вышивкой, кружевом, тесьмой). Форма рукава *къабалай* менялась в зависимости от моды. Старинный *къабалай*, как нам представляется, имел рукава, не отличающиеся по форме от рукавов *къапгала*, известные под названием *къалакъ энг*. В конце XIX—начале XX в. наиболее модными стали: 1) двойной рукав: нижний — узкий, верхний — широкий и длинный, иногда доходящий почти до подола платья²⁸; он назывался у кумыков *къангъа энг* (*къангъа* — деревянная лопата для сажания в печь хлеба, круглая или с прямыми углами) или *къазакъ энг* («казачий рукав»). Верхние рукава всегда делались из той же ткани, что и платье, а нижние — нередко из яркого бархата, так же как и нагрудник; 2) рукав (*тирсек энг*): отрезной по линии локтя, узкий (по руке) от локтя до кисти руки и широкий, в виде фонарика, вверху²⁹; 3) двойной рукав (*кешиш*): нижний — узкий, длинный, на подкладке и верхний — длиной чуть ниже локтя, колоколовидный, сильно расширяющийся книзу. Как видно из названия, форма рукава была заимствована из одежды русских священников — рясы. Края широкого рукава и низ узкого обшивались кружевом или тесьмой.

Къабалай имел глубокий и широкий — шире, чем у других платьев, — грудной вырез овальной формы. Застегивался *къабалай* встык от линии талии до груди на несколько серебряных пряжек-крючков ювелирной работы (кум. *къармакълар*, *шарпозлар*). Края выреза, нижний рукав, иногда и подол украшались золотым или серебряным галуном, а край подола почти всегда обшивался бахромой. В торжественных случаях щеголиха поверх платья надевала еще серебряный пояс тонкой ювелирной работы. Шили *къабалай* чаще из плотных шелковых тканей с узором — *хара*, парчи (золотный шелк), а также однотонного

плюша, реже — из шерсти. Летние *къабалай* делались из более легких, светлых тканей и застегивались на мелкие крючки — *хирке*. Поверх таких платьев носили легкие узкие пояса. Обтянутый стан, широкая длинная юбка, большие откидные рукава *къабалай* придавали женщине особую грацию.

На такой тип платья шло 6—8 м ткани. Шили *къабалай* особые мастерицы. Платье с длинными рукавами, как мы уже отмечали, считалось выходной одеждой девушек и женщин молодого и среднего возраста. Дома его не носили. Исключение составляли девушки-невесты и совсем молодые женщины. Все остальные надевали в обычной домашней обстановке платье-рубашку, а сверху — распашное платье.

Къабалай перестает бытовать в 30-е годы. В настоящее время такие платья, сшитые в 20—30-е годы, сохраняются лишь у некоторых женщин в сундуках как семейные реликвии.

Анализ всех трех разновидностей платья — распашного, *полуши* и *къабалай* — показывает, что все они имеют широкие аналогии у других народов Северного Кавказа и Закавказья и что наиболее древним, на наш взгляд, является распашное платье, которое, возможно, раньше было цельнокроеным в своей основе, имело небольшие откидные рукава, сравнительно узкую юбку (для зимы на подкладке) с боковыми разрезами у подола — *уч этек* (в три полы) и длиной ниже колен или до щиколотки. Думается, что именно распашное платье предшествовало появлению *полуши* с глубоким грудным вырезом, с нераспашной юбкой, с обычными неширокими рукавами, а также нарядного *къабалай* со вставкой и двойным рукавом. Изменения больше всего коснулись формы рукава, длины и ширины юбки, отдельных деталей, но не покроя в целом. Эти изменения происходили под влиянием культурно-исторических связей народов Дагестана с народами Кавказа, распространения общих мод на Кавказе, особенно на Северном. Так, под влиянием костюма северокавказских женщин, в частности одного из вариантов костюма осетинок, балкарок, у кумыков появилось платье со вставкой спереди. Недаром такое платье иногда называют *осетинлер* («осетинки») или *осетин къабалай* («осетинский къабалай»). Оно вошло в обиход лишь среди высших и частично средних слоев горского общества. Под влиянием той же северокавказской моды кумычки, очевидно, стали делать *къабалай* с двойными рукавами: длинными откидными верхними и узкими нижними. От кумыков платье типа *къабалай* в его нарядной форме проникло в горы. В первую очередь оно попадает в крупные ханские резиденции (Кумух, Хунзах и др.) в результате семейно-брачных связей дагестанских

²⁸ Такого типа рукава бытовали и у других народов Кавказа, особенно у грузин (Имеретия), у народов Северного Кавказа. См.: Народы Кавказа, II, стр. 304.

²⁹ Платье с такими рукавами бытовали в конце XIX — начале XX в. и на Северном Кавказе (Народы Кавказа, I, стр. 295).

феодалов, в XIX—начале XX в. — через жен офицеров-горцев дагестанского конного полка, квартировавшего в Темир-Хан-Шуре, а также через чиновников, служащих военно-народного управления. П. Пржецлавский, хорошо знакомый с бытом народов Дагестана, отмечал: «Приезжая к родным, жены всадников, эти деревенские франтихи, законодательницы мод, служат предметом зависти провинциалок, не имеющих средств или позволения мужа-фанатика надеть кумыкское платье, более дорогое и красивое по фасону, нежели национальное платье тавлинок (горянок. — С. Г.)»³⁰.

Однако платье *к̣абалай* широкого распространения в горах не получило, так же как и платье-рубаха типа *бузма-гёйлек*, и распашное платье.

Нагрудники. В ряде случаев молодые кумычки, изредка даргинки и аварки предгорья, связанные с кумыками (и то лишь в знатных семьях), с нарядным платьем *к̣абалай* носили специальный нагрудник с воротничком-стойкой, с нашитыми на нем серебряными украшениями — *к̣аршумалар*. Нагрудник имел форму неправильного четырехугольника, значительно расширенного кверху, и полностью закрывал глубокий прудной вырез, горловину, шею. Его края заходили далеко под борта платья. Нагрудник шили из яркой однотонной ткани, чаще бархата, на подкладке, с бархатным же воротничком. Воротничок-стойку многие кумычки вышивали золотом или серебром, а по линии пришива украшали еще галуном. Молодые женщины из княжеской семьи иногда шили нагрудники и без воротника. В этом случае к нему прикалывали золотую брошь у горловины. Иногда к нагруднику надевали либо золотой воротничок в виде сетки-плетенки, застегиваемый сзади на крючок, либо серебряный, в виде браслета с подвесками, инкрустированный цветными камнями. Нагрудник завязывали на талии сзади шнуром, а у воротника сзади на шее застегивали на пуговицу и петлю. Для летних платьев нагрудник нередко шили из тонких тканей, более коротким и без воротника.

Нагрудник, так же как *к̣абалай*, имел только узколокальное распространение. У многих народов Дагестана он не бытовал. Нагрудники в настоящее время сохраняются как семейные реликвии. Иногда их вместе с *к̣абалаем* надевают в торжественных случаях.

Безрукавка *тёшлюк*. Многие молодые кумычки вместо нагрудника носили с *к̣абалаем* безрукавки. Их шили из тонких и светлых хлопчатобумажных тканей — мадеполама, батиста, а нагрудную часть — из яркой плотной ткани (бархат, шелк), на которую нашивали серебряные украшения.

Безрукавку шили из прямого широкого по-

Рис. 43. Кумычка в нарядной одежде (*к̣абалай* с нагрудником)

лотнища ткани на бретелях — широких лентах из той же ткани, с вырезом проймы. Безрукавка имела распространение только среди северных кумычек, главным образом жительниц Терско-Сулакской низменности; южные кумычки, как и женщины других народностей, ее не носили. Безрукавка делалась с воротничком-стойкой и застегивалась сзади на пуговицы и прорезные петли.

Платье на кокетке³¹. Известное у народов Средней Азии под названием *узбеки*, платье на кокетке бытовало в Дагестане еще в дореволюционные годы и получило широкое повсеместное распространение при Советской власти. Судя по сведениям отдельных исследователей, в горный Дагестан этот тип платья мог проникнуть в позднее средневековье через Переднюю Азию, Стамбул, откуда их завозили (для детей) богомольцы, совершавшие паломничество в Мекку. Характерно, что платье на кокетке до сих пор каратинки называют стамбульским, турецким³². Так или иначе,

³¹ Кум. *капот гёйлек*, *янкапот*, *к̣ысгъа оръ ян*, авар. *кунта*, *жиля*, *капут-горде*, дарг. *балхун хлева*, лак. *чливи х̣азам бусса гьухъа*, лезг. *бергъам*, *булушка*, дерб., азерб. *к̣ысгъа бедег*.

³² Агларов, 1962, стр. 163.

³⁰ Пржецлавский, 1863, стр. 154.

Рис. 44. Кумыкский лиф с нагрудным украшением (с. Бабаюрт)

этот вид платья, широко распространенный у многих народов Востока, попал в Дагестан, очевидно, благодаря тесным культурно-экономическим связям дагестанцев с соседними народами, главным образом азербайджанцами, и широко бытует в настоящее время³³.

Передник³⁴. У народов, проживающих в районах, пограничных с Грузией (аварцы, бежтинцы) и Азербайджаном (цахурцы, рутульцы и др.), в качестве повседневной одежды получил распространение передник, который носили поверх кофты и юбки (цахурки) или туникообразной рубахи и *гузгата* (бежтинки, тляротинки). Передники шили главным образом из тканей ярких расцветок, узкими в нагрудной части и расширенными от линии талии книзу, часто на цветной подкладке. Тляротинки, бежтинки шили передник длиной до подола платья. Передник часто делался с оборкой у подола, завязывался на шее и по линии талии лентами или шнуром, украшался цветными аппликациями, застроченными цветным орнаментом, узкими лентами разных цветов, пришитыми выше оборки параллельно подолу и напоминающими радугу. В качестве украшения часто применялись и мелкие серебряные монеты, бляхи, пуговицы, которые нашивались на ленту, идущую по линии талии и застегивающуюся сзади на серебряную монету.

ШУБЫ

Верхней зимней одеждой женщин у многих народов Дагестана были меховые шубы³⁵. У равнинных народов — кумыков, теркеменцев,

части табасаранцев, лезгин, даргинцев — шубу носили чаще пожилые женщины и то далеко не все, в предгорных — нередко молодые, но только замужние. В ряде предгорных кумыкских аулов, например в Казанище, Алхаджикенте, Утамыше и др., в числе обязательных подарков жениха невесте должны были быть шкурки на шубу. В общем же кумычки, табасаранки носили шубы значительно реже, чем соседние горнянки. Зимой они надевали в основном ту же одежду, что и в осенне-летний период, лишь лиф платья делали на вате. Теплую одежду, в частности шубы, им заменяли большие платки-шали. Зато у женщин горного Дагестана — аваро-андо-дидоек, даргинок, лачек, цахурок и др. — меховые шубы были широко распространены.

Шубы шили преимущественно из шкурок местных пород овец. По качеству меха шубы делились на: *эльтир тон*³⁶ — сшитую из шкурок недоношенных или двух-трехдневных ягнят, *кёрне тон* — из шкурок молодых пяти-шестимесячных барашков, *тери тон* — из шкурок взрослых овец. При этом по возможности отбирались белые шкурки. На *эльтир тон* шло 35—40 шкурок, на *кёрне тон* — 10—12, на *тери тон* — 5—6 овчин. Лучшими считались шубы *эльтир тон*, их имели далеко не все женщины. *Тери тон* в предгорье чаще делали из подстриженных овчин. Женщины высших классов носили шубы и из дорогих мехов — *хаз* (из хорька, горноста, соболя и др.).

Женские шубы были нескольких видов: приталенные с обычными рукавами, широкие с длинными ложными рукавами, шубы вообще без рукавов, с рудиментарными рукавами.

Каждый из этих видов, в свою очередь, имел ряд разновидностей.

Приталенные шубы с обычными рукавами во многом напоминали мужские шубы, сшитые в талию, но по крою были ближе к черкеске. Они делались цельнокроеными и с отрезной талией.

Наибольшее распространение имела цельнокроеная шуба, которая кроилась почти так же, как мужской бешмет или *чепкен*. Шилась она приталенной, длиной до икр, иногда и до щиколотки, сильно расклешенной книзу (от линии талии). Цельнокроеная в своей основе (передние полы и середина спинки), она имела вставные клинья, расширяющиеся от линии талии книзу. Таким образом юбка шубы состояла из 9—11 клиньев, образующих сзади фалды. Рукав был чуть ниже локтя, обычной ширины.

Разновидностью этого типа были шубы с цельнокроеными передними полами и отрезными по линии талии бочками и спинкой. Отрезная часть юбки обычно состояла из семи-восьми клиньев, образующих сзади фалды.

³⁶ Здесь и далее термины кумыкские.

³³ Подробно о платье на кокетке см. в разделе «Современная одежда».

³⁴ Авар. *муштук*, *туштук*, *ушмуз*, цахур. *лейлузъ*, майзар.

³⁵ Авар. *тшмузъ*, кум. *тон*, дарг. *хляка*, лезг. *курт*, лак. *рягу*, *бартук*.

Рис. 45. Женские шубы

с обычными рукавами: б — даргинская (с. Кубачи), г — кумыкская (с. Гели); с ложными рукавами: а — аварская (с. Ругуджа), в — аварская (с. Гочоб)

Второй тип — это шуба, отрезная по линии талии, с приталенным лифом, с широкой, расклешенной юбкой, пришитой к лифу в сборку или мелкими складками (частыми на спинке, редкими спереди, на полах).

Оба эти типа шуб имели глубокий грудной вырез и иногда застегивались спереди на линии

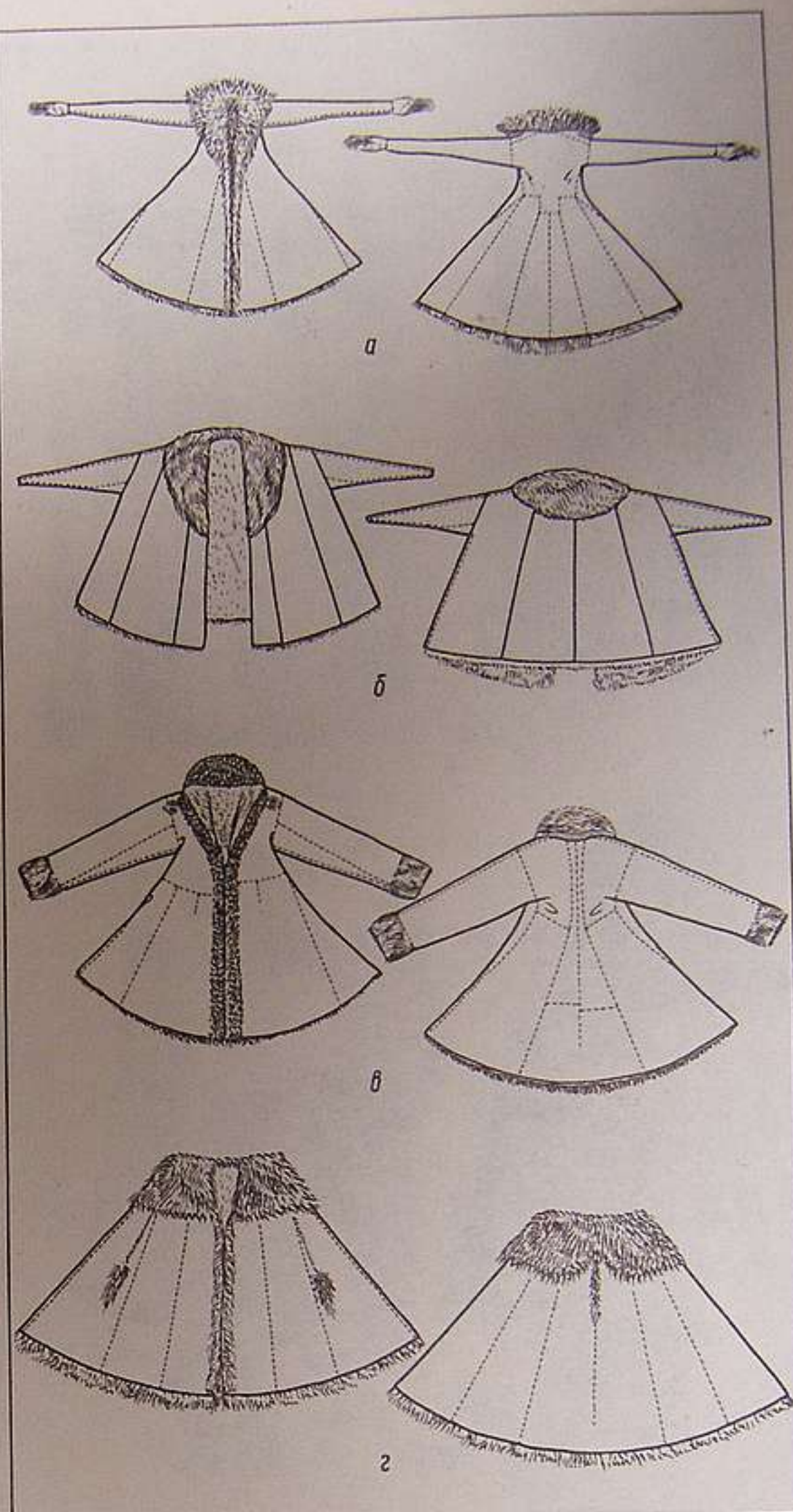

Рис. 46. Женские шубы-накидки

с ложными рукавами: а — даргинская (с. В. Мулебки), б — лакская (с. Кули), г — аварская (с. Тидиб); с обычными рукавами: в — даргинская (с. Акуша)

талии на один-два крючка ювелирной работы. Иногда шубы первого типа делались без глубокого грудного выреза. В таких случаях шуба имела застежку от горловины до талии и застегивалась справа налево на пять-шесть пуговиц. Рукава, полы, подол шуб оторачивались белой мерлушкой, а борта — плотным шелком, плюшем. Воротника шубы обычно не имели.

Шубы шили нагольные и крытые. Нагольные некоторые горянки (в частности, агулки) вышивали цветными нитками сзади у ворота или нашивали на том же месте треугольную черную нашивку (кубачинки). Крытыми чаще всего были шубы из привозных,

Рис. 47. Женщины в шубах:

а — аварка (с. Гочоб), б — аварка (с. Тлярэш), в — аварка (с. Ругуджа), г — даргинка (с. Цугни), д — даргинка (с. Мекери),
е — даргинка (с. Акуша).

Ж

И

З

К

ж — лачка (с. Бурши), з — лачка (с. Куба), и — кумычка (с. Н. Казанище), к — даргинка в бешмете (с. Кубачи)

дорогих русских мехов. Хорьковые, горностаевые шубы, например, всегда покрывали бархатом или плюшем. Они имели широкую (15—20 см) оторочку из того же меха по подолу, по всей длине борта и рукавам. По краю всей оторочки и по линии талии нашивался галун. Шубы этого вида, как правило, делались с отрезной талией, по фигуре и застегивались на пояс встык на пряжки ювелирной работы.

Шубы обоих типов были распространены главным образом на плоскости (у кумычек, теркеменок, ногаяк, предгорных даргинок и др.), где носили только такие шубы, а также в горном Дагестане (у кубачинок, агулок и др.), где они бытовали наряду с другими типами шуб. Шубы горняков были менее приталены и своим покроем больше напоминают широкие мужские горские шубы.

Не решаясь делать окончательные выводы, мы все же допускаем мысль о том, что приталенные шубы, по покрою приближающиеся к черкеске, в пределах Дагестана являются творением кумычек, у которых эти шубы являются наиболее совершенным, единственным и широко распространенным видом верхней одежды. Примечательно и то, что некоторые горянки (арчинки) носили шубы с обычными рукавами чаще как накидку. При этом полы шубы делались короче, чем остальная часть.

Другой вид женских шуб — накидки с длинными ложными рукавами³⁷. Эти шубы носили только женщины горных

³⁷ Лак. *бартукъ*, *ху*ду, авар. *гӀимугъ*, анд. *бишо*, дид. *тулга*, *бишо*, дарг. *хала хӀяка*, *пусти хӀяка*, *мазу*, *хола кӀарикӀ*.

районов (аварки, даргинки, лезгинки, лачки). Наибольшее распространение среди этого типа шуб имели шубы, сшитые по образцу мужских, — широкие (расклешенные) с длинными ложными рукавами, с меховой оторочкой внизу, шалевым воротником из качественного черного меха, с такой же меховой оторочкой, узкой (у даргинок) или широкой (у аварок), спереди по разрезу — от ворота до подола. Но в отличие от мужских, эти шубы нередко имели отделку из цветных тканей — золотного бархата, парчи, плотного шелка и т. д. (по общему рукава выше меховой оторочки, по грудному разрезу). Иногда вся верхняя половина шубы, кроме рукавов, покрывалась какой-нибудь цветной, но однотонной плотной тканью — плюшем, бархатом, сатином и т. д. Большинство горянок носили такие шубы длиной до икр, аварки же высокогорных аулов (Гочоб, Тлярош и др.) — даже до пят, со сравнительно широким воротником, с такой же широкой оторочкой мехом наружу. Лачки носили полущубки такого покроя длиной выше колен.

Открытые, как правило, на груди, шубы эти у всех горянок завязывались у горла сафьяновыми лентами, на концах которых обычно пришивались монеты.

У даргинцев группы Каба-Дарго описываемый тип шубы имел некоторые локальные особенности. Ее шили из шкур молодых барашков, по фигуре, приталенной и расклешенной книзу, с узкой спинкой. Рукава ее располагались особым образом сзади и свисали по спине. Иногда шуба имела небольшой твердый, высокий (до затылка) стоячий воротник в виде полукрута, покрытый с двух сторон мехом. В этом случае ее всегда отделявали оторочкой на рукавах, а также спереди — от воротника до подола. Даргинки носили эту шубу так, что ее полы не сходились и открывали платье.

Шубы-накидки с длинными ложными рукавами проникали и в плоскостные районы Дагестана, пограничные с аварскими. У кумыков, например, такие шубы надевали в дорогу женщины из княжеских семей Терско-Сулакской низменности.

Шубы носили поверх платья. Во время работы ее полы откидывались назад и застегивались на крючок и петлю.

Еще один вид составляли шубы-накидки без рукавов, которые бытовали в горном Дагестане, в основном среди аварцев, даргинцев. Они делались, как правило, цельнокроеными, трапецевидными, состояли из 7—12 клиньев, расширенных книзу, имели большой воротник наподобие пелерины, опускающийся нередко ниже талии. Шили их обычно из качественного меха, чаще из овчины молодых барашков. У андийцев для этого специально резали шести-семимесячных ягнят осо-

бой породы (с длинной шерстью). Лучшие по качеству шкурки шли на борта, полы, а также подол шубы. От воротника некоторых шуб свисали на кожаной тесьме меховые «хвостики» — два с боков, один в центре спины.

Последнюю разновидность плечевых шуб-накидок составляли шубы с маленькими рудиментарными рукавами³⁸. Эти шубы встречались реже, чем шубы с длинными ложными рукавами. Они также преимущественно бытовали у высокогорных аварцев и даргинцев. В то время как у даргинцев такие шубы имели большой воротник, спадающий на плечи и спину, у аварцев и родственных им цезских народностей шубы, как правило, вообще не имели воротника. Те и другие делались цельнокроеными, расширенными книзу (объем подола — 300—360 см), так же как и описанные выше другие шубы-накидки. Аварская шуба этого вида дошла до нас в двух вариантах: один — с маленькими круглыми рукавчиками (длина рукава — 13,5—14 см, окружность сверху — 12 см, внизу — 13 см) мехом внутрь, другой — формой длинных ложных рукавов напоминал вышеописанный вид, имел глубокий вырез, который обычно окантовывался кожей; нередко на спинке от горловины вниз проходил узор, вышитый в виде веточки.

Иногда аварки делали на спине шуб красные (из кумача или сукна) нашивки каплевидной формы или в виде лаврового листа. Часто эти нашивки (особенно у андалалок) покрывались вышивкой (золотой, серебряной канителью или цветными нитками) со стилизованным растительным орнаментом, очевидно связанным своими корнями с мотивами древа жизни, широко представленными в материалах древних археологических памятников Дагестана³⁹.

Особенно нарядно украшалась шубка-накидка арчинки. Сшитая из белых овчин, она отделялась на рукавах двумя-тремя полосами цветной ткани, чаще в таком сочетании: коричневый, красный и фиолетовый; спереди вдоль разреза шли от шеи до подола также полосы бордового, сиреневого, зеленого цветов, а внизу у подола — полоса черной ткани. Все эти полосы, в свою очередь, украшались узорной строчкой. Верхняя часть спинки шубы также украшалась нашивкой (в форме прямоугольника) из разноцветных полосок ткани, простроченных цветными нитками. Такая шуба входила в свадебный наряд девушки. Интересно отметить, что аналогичные узоры в виде древа жизни имели и мужские шубы лакцев Кулинского участка.

Шуба с рудиментарными рукавами также не имела застежек. Накинув на плечи, жен-

³⁸ Авар. *тлмузъ*, *умузъ*, карах. *к/ач*, дарг. *х/аха*.
³⁹ Маммаев, 1967, стр. 147—164.

щина носила ее нараспашку, а когда было холодно — слегка придерживала борта рукой.

Другая разновидность этой шубы аварки (чаще у женщин общества Карах) имела высокие плечи с большими туго набитыми шерстью выступами круглой формы, напоминающими вымя овцы, и пришитыми к концам их подвесными узкими кожаными ремешками длиной примерно 50 см (очевидно, имитирующими рукава). Шуба делалась также трапецевидной, в верхней части сравнительно узкой, расширенной книзу; она состояла из 11 клиньев: девяти больших и двух маленьких, треугольных, которые располагались между большими клиньями на спине, от линии талии вниз. Шуба имела неширокий одинарный отложной воротник с прямыми углами, концы которых обычно свисали спереди, а в холодную погоду завязывались под горлом. В то время как маленькие рудиментарные рукава первой разновидности шубы свисали с ровных плеч, с боков, у этой разновидности шубы туго набитые выступы с ремешками располагались чуть сзади и свисали почти по спине. Эта шуба, кроме того, была в нижней части намного шире (у подола в объеме 360 см), длиннее (почти до середины икр), чем другая, тогда как первая разновидность шилась длиной до икр и у подола достигала ширины примерно 300 см.

Особое место среди женских шуб занимала шубка кубачинки *улгам*⁴⁰, сходная по покрою с мужским бешметом. Ее шили из плотной шелковой ткани (парча, тафта) на вате и простегивали параллельными рядами вертикальной, а на рукавах горизонтальной строчки. Шубу делали в талию, спереди цельнокроеной, а сзади отрезной по линии талии. От линии талии пришивались расширяющиеся книзу клинья (семь с боков и сзади и два клина у пол, спереди), образующие фалды. Шубка делалась без воротника, с глубоким грудным вырезом, с короткими, едва достигающими до локтя рукавами и прорезными боковыми карманами. На рукавах, бортах, полах и по всему подолу шубка обязательно оторачивалась мехом, чаще выдрой. Богатые кубачинки шили *улгам* целиком на выдровом меху. Шуба не имела застежек, ее носили в распахнутом виде.

Ни один из описанных видов женских шуб не запахивался, большинство из них вообще не имело застежек у пояса. Кумыкские, даргинские шубы, как правило, не застегивались вообще. Их носили нараспашку, не скрывая нарядного платья и украшения на нем. Очевидно, эта традиция на плоскости и в предгорье объяснялась сравнительной мягкостью климата. Шубы-накидки с ложными рукавами и шубы без рукавов чаще застегивались у ворота либо металлической застежкой, либо шнуром. Кубачинская шуба имела застежки на талии или на полах в виде длинной петли из тесьмы, надеваемой на пуговицу. Эта застежка слегка придерживала полы шубы в ветреную погоду. Во время же работы, откинув назад полы шубы, кубачинка закрепляла их сзади.

Следует отметить, что шубы имели (особенно на плоскости и в предгорье) далеко не все. Многие женщины зимой пользовались той же одеждой, что и летом, чаще всего надевая на себя по несколько платьев. Иногда, как отмечалось выше, для зимы шили теплые платья — из плотных тканей, на подкладке и на вате.

В настоящее время описанные виды шуб во многих районах почти вышли из употребления и сохраняются лишь у некоторых пожилых женщин. Их заменяют зимние теплые шали, куртки на вате, безрукавки, жакеты.

В некоторых обществах Даргинии (муэринцы и сюргинцы), Аварии (багулалы, тиндалы) женщины зимой пользовались накидками из войлока или грубого сукна с длинным начесом. Даргинская накидка — *ричI*, так же как и аналогичная мужская, представляла собой четырехугольный кусок ткани (размером 1,5—1,65×1,30—1,35 м), вытканый ворсом внутрь.

РичI обычно накидывали на плечи и носили, придерживая руками, а в ряде случаев застегивая на пряжку или завязывая шнуром под горлом. В сильный мороз *ричI* накидывали на плечи, сложив вдвое, пропускали по линии сгиба шнур и завязывали его у горловины. Эти накидки использовались и как одеяла.

3. ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Прежде чем характеризовать головные уборы горянок, остановимся вкратце на их прическах.

Женщины Дагестана волосы заплетали в косы. Девочкам до трех-четырех лет, а в многодетных семьях до семи-восьми лет, обыч-

но брили головы, оставляя лишь челку на лбу и пряди на висках. При этом руководствовались общим принципом — не отращивать девочкам кос до тех пор, пока они не смогут сами ухаживать за ними. Исключение составляли семьи с единственной дочерью — ей обычно отращивали косы, сняв только в три-четыре месяца утробные волосы.

⁴⁰ Шиллинг, 1949, стр. 50—51.

До пяти-шести лет девочки могли ходить без головного убора. Взрослым девушкам, и тем более женщинам, ходить с непокрытой головой не полагалось. Особенно тщательно прятали волосы женщины. Девушки обычно продолжали носить челку и локоны на висках. Молодая жена должна была прятать челку под головной убор. Локоны же могли оставаться на виду. По свидетельству старейших кумычек, в прошлом женщины выпускали на виски локоны, спускающиеся на грудь нередко до пояса. На семейных фотографиях начала XX в. еще можно увидеть обрамляющие лица длинные локоны, ниспадающие на грудь. На ночь локоны специально укладывали, днем завивали горячими щипцами и смазывали особым раствором из сока виноградной лозы. Прятали локоны только во время траура.

Судя по письменным источникам, в более ранний период девушки могли ходить вообще без головного убора. В этом отношении заслуживает внимания свидетельство А. Олария, который писал, что в равнинном Дагестане «девицы заплетали свои волосы в 40 косичек, которые свисали вокруг головы; они были очень довольны, когда мы трогали и считали эти косички»⁴¹. Прикрывание волос женщиной еще в далеком прошлом, очевидно, было связано с ее подчиненным положением в семье мужа, а также с некоторыми древними поверьями и магическими представлениями⁴². С усилением религиозной пропаганды со стороны фанатически настроенного духовенства, особенно с середины XIX в., женщина-горянка начинает прятать волосы.

Девушки и женщины, как уже отмечалось, носили длинные волосы, причесывались гладко на прямой пробор и заплетали волосы в 10—20 и более кос. Число кос зависело от густоты волос. Косы плели из трех прядей. Вымыв голову, обычно в пятницу, женщина шла к своей подруге. Та, посадив ее перед собой, расчесывала волосы и заплетала косы. При этом для удобства расчесывания и укрепления корней волос она слегка смазывала голову маслом. Девочкам нередко делали множество тонких косичек. Многие женщины (аварки, даргинки и др.) в концы кос вплетали пшурки с кистями или мелкими монетами.

Даргинки аулов Ашты, Урари и др. носили косы так, что они спадали спереди прямо на грудь; в головной убор их не прятали. В концы кос вплетали яркие ленты или шнуры.

В ряде обществ — даргинских и аварских, частично в граничащих с аварцами лакских —

существовал обычай, по которому молодой женщине после замужества или перед первой брачной ночью (селения Ругуджа, Рутельда, Сомода, Мусрух, Келеб, Утлук и др.) или с рождением первенца (Гапшима, Шукты, Мегва и др.), брили волосы, оставляя их лишь на лобно-теменной части. Женщины теперь объясняют это по-разному. Сбривание волос связывают с состязанием между мужем и женой за первенство в доме (чтобы муж не мог схватить жену за волосы и легко свалить, она сбривает их и мажет голову салом). Сбривание молодой женщиной волос по истечении определенного времени объясняют целями гигиены. Это интересное явление, несомненно, требует детального изучения. Думается, что подобным обрядом фиксировался своеобразный перелом в жизни женщины (замужество, рождение ребенка). Нельзя не усмотреть здесь и пережитков патриархально-родового строя, когда женщина по выходе замуж полностью попадает под власть мужа, его семьи, целиком занята домашним хозяйством и не имеет времени следить за своей внешностью. Эта традиция сбривания волос перед свадьбой или после брачной ночи, очевидно, бытовала и у многих других народов. Так, у восточных славян был обычай «подстригания и даже бритья волос у замужней женщины»⁴³. Обряд прощания невесты с косой у русских, возможно, также связан с этой древней традицией. Можно было бы провести и другие аналогии.

Так или иначе, по-видимому, перед нами очень древняя традиция. С ней, возможно, связан обычай, согласно которому еще в XIX—XX в. подбривали волосы сзади (в самой нижней части затылка) почти все женщины Дагестана.

В 20—30-е годы нашего столетия обычай сбривания волос с головы совершенно исчез. Женщины заплетают сейчас волосы обычно в две косы, иногда укладывая их вокруг головы. Исчезла мода на девичью челку; девушки стали делать косой пробор, распускать волосы по спине и т. д.

Традиционные головные уборы женщин Дагестана отличались оригинальностью и исключительным разнообразием, отражая этническую принадлежность, возрастные, социальные различия. Разнообразие головных уборов горянок не раз с удивлением отмечали писатели, ученые и путешественники. Побывавший в 70-х годах прошлого столетия в Дагестане В. Вилльер де Лиль-Адам сравнил головные уборы горянок с повязками «древних египетских женщин»⁴⁴.

Особенно разнообразными были головные уборы женщин горного Дагестана. Каждое аварское общество, например, «имело свой тип

⁴¹ Оларий, стр. 499.

⁴² Интересно, что в некоторых древних государствах, например в Двуречье, носить головной убор было привилегией женщины из свободного сословия. Рабыни же должны были ходить с непокрытой головой.

⁴³ Маслова, 1956, стр. 659.

⁴⁴ Лиль-Адам, 1875, стр. 12.

головного убора, иногда существенно отличавшийся от типа головного убора соседнего общества, иногда обнаруживающий с ним значительное сходство. По форме головного убора аварцы безошибочно определяли принадлежность его носительницы к тому или иному обществу⁴⁵. То же самое, хотя в несколько меньшей степени, характерно и для даргинцев, особенно горных. Что касается плоскости, а также некоторых районов предгорья, то здесь традиционные головные уборы были почти однотипны, во всяком случае в XIX — начале XX в.

Головные уборы женщин Дагестана можно условно разбить на три группы: 1) чухта — тип мешочка или же чепчика с мешочком для кос либо просто полосой ткани, прикрывающей косы сверху; 2) тип платка; 3) тип чалмы.

Наибольшим распространением и разнообразием отличались головные уборы первой группы.

ЧУХТА

Анализ археологических данных позволяет проследить генетическую связь отдельных форм чухты, бытовавшей в XVIII—XIX вв., с головными уборами древнего населения Дагестана.

Большой интерес в этом отношении представляет обнаруженный археологом Д. М. Атаевым в Бежтинском могильнике (Цунтинский р-н) и реконструированный им же совместно с художником М. А. Хизроевым головной убор в виде чепца или колпака, «скомбинированный из кожи и ткани, спускавшийся сзади на затылок»⁴⁶. Колпак был сплошь покрыт бронзовыми украшениями, а также многочисленными бусинами-подвесками.

В средневековом могильнике близ аула Ботлих (Ботлихский р-н) Д. М. Атаевым была найдена бронзовая статуэтка женщины с четко выраженным головным убором в виде чепца с высоким корпусом, имеющим большое сходство с поздними вариантами андийско-ботлихских головных уборов. В другом средневековом могильнике, у сел. Кули (Кулинский р-н), дагестанскими археологами были обнаружены у черепа погребенной остатки истлевшей ткани и кожи⁴⁷, по всей вероятности некогда составлявшие комбинированный головной убор.

Сравнивая найденные им в раннесредневековых погребениях головные уборы с чухтой дидойских женщин в виде чепца, в свое время хорошо описанной путешествовавшими по горному Дагестану на рубеже XIX—XX вв.

Н. А. Бушем⁴⁸ и Г. Мерцбахером⁴⁹, Д. М. Атаев находит между ними близкую генетическую связь, позволяющую рассматривать головной убор из Бежтинского могильника как один из прототипов поздних уборов, сохранившихся до конца XIX — начала XX в.⁵⁰

По своему покрою и способу ношения чухту женщин Дагестана можно разделить на несколько групп: это *чуткъу* — подобие мешочка, спускающегося до талии или бедер, не зашитого сверху и снизу, с разрезом (13—15 см длиной) в верхней части для удобства надевания на голову, с повязками в виде лент у верхних краев разреза, при помощи которых убор плотно укреплялся на голове. Иногда вся головная часть убора делалась на подкладке из тонкой ткани. Надевали *чуткъу* так. Сначала в мешок опускали косы, а затем его натягивали на голову, как чепец. У замужних женщин чепец частично закрывал и лоб, чтобы волосы не были видны. Ленты, перекрещенные на затылке, опоясывали теменную часть *чуткъу* и завязывались узелком на затылке (под *чуткъу*). Убор в верхней части плотно облегал голову, а в нижней спадал вместе с косами на спину.

Чуткъу шили из черного атласа, пестрого кашемира (с черным фоном), золотного и простого шелка, а также из черного или красного ластика или сатина.

Этот вид *чуткъу* широко бытовал у народов равнинного Дагестана — кумыков, дербентских азербайджанцев, горских евреев, татов, табасаранцев, — а от них проник к предгорным и горным даргинцам, аварцам, а также лакцам и постепенно стал вытеснять остальные типы головных уборов.

Еще один распространенный вид головного убора этого типа — чухта, представляющая собой чепец, чаще всего из разноцветных кусков ткани на плотной подкладке, с мешочком для волос либо с полосой ткани, прикрывающей сверху косы и свисающей по спине.

Иногда чухта состояла из чепца с маленьким мешочком для волос и свисающим от него длинным полотнищем на подкладке. В большинстве случаев все виды чухты женщин горного Дагестана в их теменной и налобной части делались на шерстяной или ватной подкладке, что, очевидно, вызвано как утилитарными (защита от холода), так и эстетическими соображениями. Во всех случаях верхняя, закрывающая голову часть чухты богато украшалась либо нашивками из кусков разноцветных тканей, либо серебром.

Известны и простые чепцы, закрывающие лишь голову и затылок.

Эти три типа головного убора в том или

⁴⁵ Никольская, Шиллинг, 1953, стр. 19.

⁴⁶ Атаев, 1963, стр. 113, 114, 121.

⁴⁷ Котович, 1961, стр. 283.

⁴⁸ Буш, 1905, стр. 474—475.

⁴⁹ Merzbacher, 1901, стр. 454.

⁵⁰ Атаев, 1963, стр. 121.

другом виде бытовали у многих народностей Дагестана и являлись элементами древней традиционной культуры.

Остановимся подробнее на некоторых из них.

Даргинская чухта

На территории Даргинии примером одного из видов головного убора может служить старинная *чухта* женщин муэринской этнографической группы (Харбук, Меусиша, Дейбук, Кища и др.) и граничащих с ней некоторых обществ сюргинского этнографического района (Нази, Нахки, Кассагу, Цугни, Ургани).

Чухта харбукской женщины, например, представляет собой в основе чепец-накидку, соединенный с полосой ткани, прикрывающей волосы сверху и спадающей на спину. У молодых женщин свисающее по спине полотнище состояло, как правило, из двух кусков.

Налобно-теменную часть (собственно чепец) шили из сатина или другой плотной ткани черного цвета на белой подкладке. К краям височных частей чепца пришивалась серебряная цепочка или черная лента, тесьма, проходящая под подбородком. Молодые женщины прикрепляли только серебряную цепочку.

Эта часть головного убора оканчивалась выше затылка сборками. Затылочно-спинная часть состояла из разноцветных ярких прямоугольных кусков (атлас, сатин, цветной ситец и т. д.), делалась также на подкладке. Длина ее примерно 50, а ширина — 37—38 см (шире первой части).

От этой части убора почти до пят шла третья, нижняя часть — полотнище длиной 60—61 и шириной 37—38 см прикреплявшееся ко второй части убора с помощью петель и пуговиц из тесьмы. Полотнище делали из однотонного бархата, сатина и т. д. преимущественно ярких цветов. Эта часть прикреплялась к головному убору и снималась по усмотрению хозяйки. Убор укреплялся на голове двумя лентами, которые пришивались к височным частям чепца и завязывались на затылке узлом сверху *чухта*. Еще одна лента проходила под подбородком.

Нижняя часть полотнища оканчивалась каймой — широкой яркой лентой с пришитой к ней золотой или серебряной бахромой. *Чухта* ярких расцветок являлась принадлежностью молодых женщин и девушек. Пожилые женщины делали *чухта* такого же фасона, но из тканей более скромных, преимущественно темных расцветок и, как правило, носили ее без третьей части.

Чепец от налобного края до затылка покрывался металлическими украшениями, чаще серебряными монетами разной величины, нашитыми в определенном порядке, а край на-

лобной части обшивался цепочкой, концы которой свисали с висков. Толстая цепочка с медальончиками нередко нашивалась на подбородочную ленту.

Почти такие же *чухта* носили и даргинки соседнего сюргинского этнографического района, но они собственно чепец нередко делали из кожи.

Вариант описанного головного убора представляла собой *чухта* женщин этнографического района Акуша-Дарго (Акуша, Уллу-ая, Наскент, Муги и др.): Особенно интересной была *чукI* акушинки, несколько отличавшаяся покроем. Она также состояла из трех частей. Но в отличие от описанного выше типа первая и вторая часть *чукI* акушинки представляла собой своеобразный чепец-шапочку с маленьким мешочком для волос (накосник). К этому чепцу с накосником пристрачивалось расширяющееся книзу длинное, плотное (на подкладке) полотнище — самая нарядная часть убора. Акушинки свой убор шили из шелка или парчи. Низ его обычно делали из гладкой ткани и вышивали гладью золотыми нитками.

Другую группу даргинской чухты составляли просто прямоугольные повязки. Примером убора этого типа может служить *чухта* женщин сел. Кубачи, а также соседних с ними обществ.

Кубачинская *чухта* (*чукI*) — это, по существу, небольшой кусок бязи почти квадратной формы (длиной 50 и шириной 40 см), на который в определенном сочетании нашивались куски из разноцветных тканей — парчи, атласа, тафты и т. д. Налобная часть, как правило, делалась из полоски черной ткани — атласа, сатина, обрамленной с двух сторон (у висков) яркой тканью. Налобную часть чухты кубачинки шили без металлических украшений, зато они носили нарядную серебряную, чаще позолоченную, цепочку, которая прикреплялась с двух сторон выше висков и огибала подбородок. К чухте у висков пришивались ленты, которыми убор завязывался на затылке.

Точно такую же по покрою чухту *чукI* в виде квадратной повязки носили женщины всего кубачинско-даргинского нагорья (Амузги, Сулевкент, Каракуррейш и др.).

Сюргинки некоторых обществ (Урари, Дуакар, Сутбук и др.) свою чухту, также представлявшую собой почти квадратную повязку, в отличие от кубачинок, богато украшали спереди, в налобной и теменной части, нередко снабжали и цепочкой, огибающей подбородок. По краю налобной части пришивали серебряную цепочку (иногда две-три, скрученные в жгут), выше в определенном сочетании нашивали бусы, бляхи, монеты, пуговицы, причем чуть ли не каждый аул по своему фасону.

Ураринки к височным частям своего убора пришивали массивные серебряные украшения

из инкрустированных медальончиков, блях, ромбовидных и квадратных пластинок. Иногда эти украшения свободно свисали от висков вниз, к подбородку, а нередко откидывались назад так, что часть свисала с левого виска («левое серебро»). В отдельных случаях эти украшения просто закидывались назад, поддерживая весь головной убор.

Имелись и другие варианты этого вида даргинской чухты. Женщины этнографического района Чибрах-Дарго (Гапшима, Танти, Бутри и др.), в отличие от кубачинок, часть своей *чукI*, закрывающую голову, особенно на лобно-теменную часть, делали на вате. В готовом виде убор был похож на глубокую тюбетейку или шапочку. Ленты *чукI*, которые нередко делались из кожи, обводились поверх убора, а затем завязывались маленьким бантиком на темени. Подбородочная лента при этом была шире и украшалась жемчугом, бисером и серебром. Наконец, наконечник головного убора представлял собой полосу черной ткани длиной до пояса.

Очень близка к описанной и *чукъа* женщин обществ Буркун-Дарго (Ашты, Худуц, Кунки, Ицари, Анклук и др.). Однако они носили составную чухту. Одна часть чухты, от лобной части до пояса, шилась из черной ткани на белой подкладке, вторая — свисающая ниже пояса — из более дорогих ярких тканей, пестрых или однотонных. Нижняя часть чухты покрывалась узорной строчкой, к концу ее пришивались широкая яркая лента и бахрома. Обе части скреплялись так, чтобы женщина имела возможность снять или заменить любую часть убора. Описанную чухту сближали с *чукъу* ураринки почти одинаковые по форме украшения спереди и подбородочная лента, на которую нашивались металлические украшения.

Чукъа женщин цудахарской этнографической группы была массивной. Головная часть убора представляла собой род чепчика на плотной подкладке, посередине которого проходило узкое полотнище длиной до пояса. Край убора украшался массивной витой цепочкой из серебра. Ношение таких цепочек по краю головного убора было древней традицией. На бронзовой статуэтке женщины, найденной в сел. Тинди Цумадинского района А. М. Завадским⁵¹, видны именно такого типа цепочки. Такие же цепочки женщины носили и на шее; из витых цепочек с массивной пряжкой состояли и пояса.

Чухта аваро-андо-дидойской группы народностей

Самые оригинальные по своей форме головные уборы, пожалуй, бытовали у аваро-андо-дидойской группы народностей, в особенности

⁵¹ Статуэтка хранится в ГИМ.

у женщин обществ Анди, Ботлих, Гидатль, Карах, Арчи и др.⁵²

Как справедливо отмечали З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг⁵³, большое число вариантов женского головного убора аварцев, как и их одежда в целом, несомненно, отражает их древнее племенное деление, характерные особенности их культуры в прошлом. Из головных уборов этой группы народностей, на наш взгляд, особенно интересны нижеописанные виды.

Ботлихская, так называемая рогатая чухта (*кIамбалъи кIажда*), представляла собой род чепца, продольно простеганного и туго набитого шерстью или ватой. Спереди набивка образовывала и высокий, чуть суженный книзу корпус (высота лобной части 17—18 см, толщина шерстяной прокладки 3,5 см). Чепец имел почти прямоугольную форму. В старину на верхних углах имелись выступы наподобие рогов, с которых свисали большие кольца. Конеч чепца с такой же простежкой (на вате) длиной 36—37 см закрывал и затылок; к нему пришивалась чуть расширенная книзу, длинная полоса ткани, свисающая на спине почти до пят, на подкладке, простроченная, чаще на шерстяной или ватной прокладке. Чепец покрывался, как правило, шелковой тканью двух цветов: посередине — лиловой или бордо, по бокам — красной, зеленой, желтой. Лицевая сторона свисающего по спине полотнища также делалась из плотного шелка — гладкого или набивного, по возможности из парчи.

Небогатые ботлихские женщины шили чухту из простых тканей, но такой же формы.

К височным частям чухты пришивались ленты, которые завязывались на затылке поверх чухты. В затылочной части убора помещался карманчик, где женщина хранила деньги, иголки, наперсток, нитки и всякую другую мелочь. Иголки втыкались и в верхние углы чепца чухты.

Бытовавшая в своей полной старинной форме на рубеже XIX—XX вв., ботлихская чухта была описана К. Ф. Ганом. Он отмечает, что этот головной убор «состоит из маленькой подушки шириною в 2—3 дюйма, которую кладут поверх головы так, что подушечка выступает надо лбом; к выдающимся с обеих сторон головы рогообразным концам подушки приделаны громадные висающие кольца. Подушку эту покрывают большим платком, спускающимся на спину. Благодаря этому головному убору голова кажется непомерно большой, что весьма некрасиво»⁵⁴.

В более поздний период чепец шили из

⁵² Подробнее см.: Никольская, Шиллинг, 1953, стр. 19—24; Материальная культура аварцев, стр. 242—250; Сергеева, 1967, стр. 163—166; Агларов, 1962, стр. 163—166.

⁵³ Никольская, Шиллинг, 1953, стр. 24.

⁵⁴ Ган, 1902, стр. 225.

Рис. 48. Женщины в традиционных головных уборах:

а — е — даргинки (а — с. Урари, б — с. Кубачи, в — с. Гапшима, г — с. Харбук, д — с. Бутри, е — с. Цудахар), ж — м — аварки (ж — с. Тинди, з — с. Гочоб, и — с. Ботлих, л — с. Анди, л — с. Цуриб, м — с. Ругуджа, свадебный убор).

н

р

у

о

с

ф

п

т

х

н — кумычка (с. Каякент), о — лачка (с. Вихли), л — лезгинка (с. Кара-Кюре), р — лезгинка (с. Гарах), с — рутулка (с. Лучек), т — агулка (с. Хпюк, свадебный убор), у — лачка (с. Цовкра), ф — лезгинка (с. Кара-Кюре), х — лачка (с. Щара, свадебный убор)

прямоугольного куска толстой ткани на вате, простеганной продольно, кусок складывали в виде кошелька (высота спереди 17—18 см, толщина шерстяной прокладки 3,5 см) и ниже затылка пришивали к нему полотнище, свисающее по спине.

Этот тип чухты бытовал у соседних годоберинцев, а также у ряда других народностей Дагестана. Поздние ее образцы уже не сохраняли ни рогообразных выступов, ни колец.

Определенный интерес представляет в этой связи головной убор невесты из Хнова — высокогорного селения рутульцев, включающий в

качестве одного из важнейших элементов специальную деревянную двурогую форму (тякъ)⁵⁵.

Изображение головных уборов этого типа встречается уже в наскальных росписях Дагестана. Так, одна из групп «пляшущих человечков» в рогатых масках, обнаруженная археологом В. М. Котович в местности Харитани (близ сел Чирката Гумбетовского р-на), датируется эпохой бронзы⁵⁶. Эти же изображения

⁵⁵ Булатова, рук., стр. 56—57.

⁵⁶ Котович, рук., д. 238, л. 44—45; д. 239, рис. 107.

имеют широкие аналогии в археологических памятниках Якутии, Сибири, Дальнего Востока и др.⁵⁷ Обращает на себя внимание большое сходство ботлихской рогатой чухты с головным убором терракотовой статуэтки из Ольвии (III в. до н. э.), изображающей фригийскую богиню Кибелу⁵⁸, а также с высокой трехрогой шапкой, правда мужской, изображенной на статуэтке с Кой-Крылган-калы (Средняя Азия)⁵⁹.

Происхождение рогатой чухты, видимо, связано с древними религиозно-магическими представлениями, возможно предположить ее связь с культом быка. Культ быка, широко распространенный на Кавказе, в Крыму и других областях, зафиксирован и в материалах большого буйнакского кургана (в нем найдены подвески, изображающие бычью голову или рога)⁶⁰, а также в верхнегуньских глиняных рельефах, где в характерной форме глиняных наделов нетрудно угадать стилизованное изображение бычьей головы⁶¹.

Андийская *чохто* была аналогична ботлихскому головному убору. Основное ее отличие состояло в том, что верхние края чепца делались покатыми и даже отогнутыми вниз, так что головной убор имел полукруглое очертание, а края чухты обрамляли лицо. Эти края были присборены и окантованы. От канта с обеих сторон отходили шнуры или узкие ленты для завязывания убора на затылке. Чепец андийской чухты также покрывался шелком двух цветов (по бокам — красным, посередине — лиловым). Стеганая полоса, свисающая по спине до пят, делалась из набивного шелка (по возможности из парчи), на простой подкладке и покрывалась узорной строчкой. По линии соединения обеих частей — чепца и свисающего полотнища — нашивалась треугольная вставка, закрывающая затылок. Внизу полотнища украшалось лентой из яркой ткани другого цвета. Чепец был тяжелым и, надетый на голову, имел седлообразный вид.

Андийские и ботлихские головные уборы, очевидно, сохранили древнюю традицию. В этой связи большой интерес представляет уникальная бронзовая статуэтка, обнаруженная Д. М. Атаевым в раннесредневековом могильнике близ сел. Ботлих. Головной убор, изображенный на этой статуэтке, очень близок к чухте андийки и ботлихки и, по всей вероятности, является их прототипом. Как и ботлихская чухта, этот головной убор, почти квадратный, с прямой налобной частью, надет низко на лоб, но в то же время, как андийская чухта,

он в верхних углах округлен, хотя и имеет кружочки, возможно означающие подвески.

Таким образом, убор, изображенный на статуэтке, занимает как бы промежуточное положение между ботлихской и андийской чухтой.

Интересно отметить сходство андийской и ботлихской чухты с отдельными головными уборами («кичками» и «сороками») русских, украинских и белорусских женщин⁶².

Чухта аварок общества *Карах* в основном представляет собой чепчик, закрывающий уши и затылок, или островерхий башлык с короткими лопастями (сел. Гочоб). Шилась она из вельвета или плотной шерстяной ткани и украшалась цветной аппликацией, фигурной строчкой или вышивкой. К башлыку или чепчику (т. е. к собственно чухте) на уровне висков пришивалась вторая часть (*энтажал*) — кусок кожи, чаще коричневого цвета (длиной 52 и шириной 15 см) с надрезом в верхней части, посередине. *Энтажал* покрывал височную часть убора, шею и волосы и свисал по спине. Иногда он состоял из двух полос кожи в виде лопастей башлыка, пришиваемых с двух сторон к височной части убора и скрепляемых на затылке при помощи пришитой монеты в виде броши. Длинную, составную чухту носили женщины обычно до появления первого ребенка, а потом *энтажал* убирала. Женщины пожилого возраста также носили чухту без кожаной части или делали ее короткой, закрывающей только затылок.

К височной части чухты пришивался кожаный ремешок, который проходил под подбородком и удерживал убор на голове. От затылочной, а иногда височной части свисал шнур, к концу которого пришивался маленький мешочек для мелочей. К чухте у висков пришивались также крупные (рублевые) серебряные монеты или бляхи по одной с каждой стороны. Нарядную чухту украшали толстой цепью (в сочетании с крупными же монетами), которая иногда прикреплялась на ленте, идущей от виска до виска.

Эти старинные островерхие уборы женщин сел. Гочоб в какой-то степени напоминают остроконечные головные уборы древних саков и скифов.

Близким к гочобскому по покрою и форме был головной убор женщин аула Тлярэш того же общества. Однако в конце XIX — начале XX в. он делался не островерхим, а более округлым, типа шапочки, но со своеобразными наушниками и назатыльником.

Совершенно оригинальным был убор *нодокъи* (аварск., букв. «налобник») ругуджинских и кординских женщин. Ругуджинская *нодокъи* состояла из длинной полосы черной ткани, сложенной вдвое особым образом, и представляла собой узкий (50 см) и

⁵⁷ Окладников, 1955, рис. 104; Липский, 1961, стр. 273, рис. 2.

⁵⁸ Всемирная история, II, стр. 405.

⁵⁹ Народы Средней Азии и Казахстана, I, стр. 67, рис. 6.

⁶⁰ Абрамова, 1966, стр. 95—96.

⁶¹ Котович, 1965, стр. 160—169, рис. 57.

⁶² Маслова, 1956, стр. 669—675.

длинный (от угла до угла 260 см и 135 см основание) мешок из черной ткани (сатин, бязь) с незашитыми боковыми сторонами в виде углов, в которые набивались вата, плотный материал. Эти углы отделялись яркой строчкой, вышивкой или аппликацией из парчи и зашивались так, что оставались карманы для мелочей. *Нодокъи* надевали, почти закрыв лоб, и завязывали на голове так, что ее концы с серебряными подвесками в виде колокольчиков свисали от теменной части вдоль висков.

В таком виде этот убор в какой-то степени напоминал чепец ботлихской чухты; шло на убор 3 м ткани. Многие этот убор носили поверх чухты как накидку-капюшон с накосным полотнищем.

Чухта (*гьоркь*) женщин общества Гидатль в конце XIX — начале XX в. представляла собой также род мешочка, сшитого в верхней части в виде чепца. Налобно-теменная и треугольная затылочная части, т. е. собственно чепец, кроились отдельно и шились на плотной подкладке. Чухту шили из разных тканей, но на налобно-теменную часть обязательно нашивали яркий кусок парчи или другого плотного набивного шелка прямоугольной формы, иногда слегка собранный по краю, обрамляющему лоб. Иногда вместо парчи или другой нарядной ткани чухту украшали такой же формы и величины литой серебряной пластинкой, покрытой традиционным орнаментом и чернью, или же нашивкой из бисера, серебряных трубочек разной длины. У висков чухту украшали серебряными дисковидными бляхами (*кИлики*) филигранной работы, иногда инкрустированными камнями и стеклом. Ниже их к краю чухты пришивались два плетеных шнура шириной 35—40 см или металлические украшения с длинными подвесками на цепочке. И те, и другие заправлялись под пояс, чтобы во время работы чухта не спадала. Думается, эта традиция связана не столько с утилитарными соображениями, сколько со стремлением украсить наряд. В данном случае мы имеем дело с имитацией длинных кос, к концам которых могли быть привязаны украшения. Здесь можно провести широкие аналогии. Цунтинские (дидойские) женщины еще в начале XX в. вплетали в косы ленты с нашитыми на них монетами и бляхами. У ряда народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья к косам обычно приплетались искусственные косы из простых или шерстяных ниток черного цвета, из разноцветных ниток и бисера или же просто нитки.

У армян некоторых районов девушки удлиняли косы искусно вплетенными шерстяными нитками под цвет волос, украшая их серебряными шариками и кистями⁶³. Кабардинские девушки из знатных фамилий также вплетали

в косы полосу тонкой белой ткани, скрученной наподобие веревки и спускавшейся до подола⁶⁴.

Чухта женщин аварского общества Корода также отличалась своей формой и способом ношения. Это, по существу, накидка с капюшоном, закрывающая голову и спину, сшитая из прямой полосы ткани (примерная длина 107—110 см, ширина 45—50 см). Образующийся на макушке угол, как у башлыка, подвертывается и пришивается к убору. В результате создается форма капора или чепца. Чухта делается на подкладке, по низу обшивается бахромой. Такую чухту девушки, в отличие от женщин, носили с серебряной цепочкой, которая прикреплялась к височной части убора и откидывалась назад (нередко поверху), чтобы убор держался на голове.

Чухта кородинского образца была распространена и у женщин Андалалского общества. В отличие от кородинской она представляла собой островерхий капюшон с пришитой к нему полосой ткани, спускающейся по всей спине в виде накосника. В Андалалском обществе бытовал и несколько другой вид чухты — круглый чепец, соединенный с пришитым к нему полотнищем из нарядной ткани на подкладке. Эта чухта андалалок в налобной части собиралась на узкую тесьму и завязывалась лентами на затылке.

Дидойский *кIаз*, привлекавший неоднократно внимание путешественников и исследователей⁶⁵, представлял собой длинное и широкое (140—170×120—130 см) полотнище прямоугольной формы. Шили его чаще из красного кумача с полосками из черной бязи в верхней части. Верхняя часть убора, которая покрывала голову и обрамляла лицо, делалась слегка прибороженной и богато украшалась рядами серебряных цепочек, трубочек, пластинок, блях, монет, перламутровых, костяных пуговиц и т. д. Кроме того, к височной части убора с двух сторон обычно пришивались крупные серьги с подвесками или кольца большого диаметра, которые спадали на уши. Здесь же или на темени дидойские женщины нашивали обереги (чаще бусины, нашитые на сафьян). К нагрудной части убора (с внутренней стороны), как правило, женщина пришивала маленький сафьяновый мешочек для мелочей — иглы, наперстка, ниток и т. д. На затылке убор собирался складками, которые скреплялись большими серебряными пряжками, пришиваемыми между височной и теменной частью головы и застегиваемыми ниже затылка. Таким образом убор дидойки из широкого полотнища превращался в род чепчика, плотно облегающего голову, от которого назад спускалось длинное покрывало

⁶³ Лисициан, 1955, стр. 231.

⁶⁴ Народы Кавказа, I, стр. 172.

⁶⁵ Марков, 1887, стр. 524; Буш, 1905, стр. 474—475; Ган, 1902, стр. 240.

Рис. 49. Дидойка в традиционном головном уборе (с. Кидеро)

в виде безрукавного плаща, закрывавшее плечи, спину и всю фигуру сзади до пят. Многие женщины носили *к/аз*, не собирая его в складки на затылке, а просто накинув верхнюю часть на голову⁶⁶.

Иногда *к/аз* шили на подкладке. Судя по описаниям Г. Мерцбахера и Н. Буша, более ранний *к/аз* дидойки состоял из двухцветного, ярко вышитого чепца с лопастями из кожи и отходящей от него ярко-красной накидки-плаща из ткани⁶⁷.

Как мы уже отметили, *к/аз* покрывались сплошными рядами серебряных монет, блях, бус, чешуеобразных серебряных же шнуров и т. д.

Вот как описывал этот головной убор дидойки Н. Буш: «...на голове кожаный чепец, плотно облегающий голову и весь покрытый серебряными монетами и бляхами разной величины. По вискам, закрывая уши и часть щек, от этого шлемообразного головного убора спу-

скаются длинные полосы, доходящие до груди и усаженные также серебряными бляхами и монетами. Серебряные бляхи, расположенные тесно друг подле друга, образуют красивый бордюр на этих полосах. Сзади от головного убора спускается широкий ярко-красный плащ, доходящий до нижнего края рубашки, а рубашка достигает середины длины голени»⁶⁸.

К. Ф. Ган, сравнивая красный *к/аз* дидойки с мантией, пишет: «Когда они стоят среди земных полей и ветер раздувает их мантии и на солнце сверкают монеты на голове, то издали можно подумать, что имеешь дело с древними героями в блестящих шлемах и в воинственном одеянии»⁶⁹.

Тиндало-багулальская чухта (*чухтур*) также являлась своеобразным чепцом без мешка, с длинной прямоугольной полосой, скроенной в своей основе по типу кординской, но сшитой в несколько усложненной форме. Верхняя часть куска ткани складывалась сначала по длине вдвое и зашивалась острым углом до конца (шов шел посередине налобной части к темени); получался островерхий капюшон. Затем острый, как у башлыка, угол загибался назад и зашивался. Чтобы придать убору форму шапочки, плотно облегающей голову, угол сужали и в затылочной части. Передний край лобной части собирался в мелкую сборку и обшивался узкой лентой.

Тиндало-багулальская чухта обычно состояла из двух почти равных половин (общая длина до бедер 90—95 см). Верхнюю половину шили обычно из черной ткани.

Налобная часть *чухтур* по возможности украшалась парчой, виски и макушка — ярким, чаще красным, материалом. Нижняя половина *чухтур*, как правило, делалась из яркой ткани, набивной или однотонной. *Чухтур* шили на подкладке и покрывали редкой простежкой. По шву — месту соединения двух половин — нашивались бусины, монеты, раковины.

Так же украшался и низ убора. Для *чухтур* тиндалки и багулалки были также характерны большие височные кольца (диаметром 10—12 см), расположенные нередко попарно, причем одно из парных колец часто делалось витым. К головному убору эти крупные кольца пришивались в двух местах — спереди (почти на налобные части) и сзади, для чего на затылок нашивалась полоска плотной ткани. Иногда внутри височного кольца, а также на макушке убора вешали монеты разной величины и бляхи. У пожилых женщин внутри кольца обычно висела одна монета. Нарядные *чухтур* украшались, кроме того, длинной цепочкой, которая обрамляла лицо, свисала от висков вниз, а затем откидывалась назад и укреплялась на уровне затылочной части убора.

⁶⁶ В таком виде отдельные варианты этого убора очень напоминают верхние одеяния-накидки с шапочками, изображенные на терракотовых статуэтках популярнейшей на древнем Востоке богини плодородия зороастрийского пантеона — Анахиты, обнаруженных на городище Афрасиаб III—II вв. до н. э. (Народы Средней Азии и Казахстана, I, стр. 62), а также накидки, изображенные на женщинах Палестины с ассирийского рельефа начала VII в. до н. э. (Всемирная история, I, стр. 490).

⁶⁷ Merzbacher, 1901, стр. 454; Буш, 1905, стр. 474—475.

⁶⁸ Буш, 1905, стр. 474, 475.

⁶⁹ Ган, 1902, стр. 240.

В нижней половине *чухтур* (с внутренней стороны) на тесемочке пришивался игольник из кожи в виде трубочки, туго набитый шерстью.

Чухтур надевали как накидку-канюшон. Он ничем не укреплялся на голове, не имел лент для завязывания и свободно свисал сзади по спине, поверх матерчатого пояса. Есть основание думать, что тиндало-багулальский убор — *чухтур* в своих старых образцах был островерхим и цельнокроеным. На это указывают покроя, детали некоторых уборов. *Чухтур*, очевидно, был коротким, закрывал голову, затылок и частично плечи; позднее к нему стали пришивать нижнюю часть.

Среди головных уборов аваро-андо-дидойской группы народностей особо выделялась чухта арчинки (*чухту*). Она представляла собой чепчик, соединенный с мешочком для волос, открытым сверху и снизу и спадающим по спине. Чепчик шили из плотной ткани, а мешочек — из хлопчатобумажной. Особенности этой чухты, хорошо подмеченные З. А. Никольской и Е. М. Шиллингом, заключались в ее богатой отделке серебром, бусами, стеклярусом. Чухта имела нашивку, покрытую серебряными монетами, широкую слева и узкую справа. Эта полоса шла от височных частей лица вниз и огибала подбородок. При этом левая щека почти целиком оказывалась покрытой серебром, а правая — лишь обрамленной. Налобная и теменная части обшивались серебряными шариками, цепочками, жемчугом, кораллами. По сведениям, сообщаемым З. А. Никольской и Е. М. Шиллингом, на одной из арчинских чухт слева было нашито 50 монет (разного достоинства — от гривенника до рубля) в три-пять рядов, а справа — всего 15 монет в два ряда; левая сторона имела поверх монет навеску из цепочек длиной 12 см, заканчивающихся бляхами с зернью и гравировкой.

Обе половины нашивок из монет нередко соединялись лентой, покрытой монетами и проходящей под подбородком.

Обилие «левого серебра» на чухте, как об этом пишут З. А. Никольская и Е. М. Шиллинг, само местное население «склонно объяснять или библейской легендой (бог сотворил Еву из левого ребра Адама, в память чего женщинам и надо закрывать левую щеку), или проявлением уважения к мужу: в старину женщины, как говорят, даже спали в этой чухте, лежа на правом боку и обратив серебряное нащечное украшение в сторону лежащего рядом мужа»⁷⁰.

Е. М. Шиллинг считает, что «несимметричное украшение арчинской чухты отражает ярче, чем это часто встречается, древнейший

слой представлений, связывавших головной покров с функциями оберега и предохранения носительницы от несчастия и сглаза»⁷¹.

Лакская чухта

У лакцев были распространены два вида чухты: *бакIбахIу* и *къохха бакIбахIу*⁷². *БакIбахIу* представляла собой пологнище с подкладкой, головная часть которого напоминала чепец. Подкладка к чухте пришивалась наглухо только внизу, и поэтому полотнище, закрывающее косы, представляло собой род мешочка, в который вкладывали косы.

Другой вид лакской чухты — *къохха бакIбахIу* — это узкий мешочек, не зашитый и снизу.

Чухта обоих видов шилась из светлой (чаще белой) ткани, но в налобной и теменной частях имела нашивку из черной материи, а в нарядных уборах для невест — из разноцветных кусков шелка, парчи, золотного бархата и т. д.; кроме того, чухту невест украшали бахромой. Чухта завязывалась на голове лентами, обрамляющими голову и подбородок. Эти ленты, судя по сохранившимся в некоторых обществах образцам, прежде делались из кожи.

Сравнительный анализ этих двух форм головного убора с привлечением широких аналогий дает основание полагать, что наиболее древним видом чухты и здесь, у лакцев, была характерная и для основной части женщин Дагестана чухта-повязка, а не чухта-мешочек; и не случайно лакцы чухту с мешочком называют *къохха бакIбахIу* (*къохха* — «рукав»), в то время как убор другого покроя назывался просто *бакIбахIу*. Судя по образцам, сохранившимся в некоторых аулах Вихлинского участка, старинная лакская чухта также украшалась серебром: спереди по краю налобной части чухты вихлилки проходила узкая цепочка; широкая цепочка нашивалась на кожаную подбородочную ленту.

Лачки аула Балхар, проживающие в окружении даргинцев, носили чухту акушинского типа и подобно цудахарским женщинам нашивали на ее налобный край массивную крученую цепочку.

Чухта народностей лезгинской группы

У народностей лезгинской группы чухта представляла собой также либо чепец с наконником в виде полотнища или мешочка, либо просто мешкообразный убор с лентами для закрепления его на голове, а также с подбородочной лямкой.

Агульские женщины, например, носили длинную чухту (*къуч*) в виде чепчика с ме-

⁷⁰ Никольская, Шиллинг, 1953, стр. 20.

⁷¹ Шиллинг, рук., л. 38.

⁷² Булатова, 1971, стр. 177.

шочком с двумя лентами, молодые женщины — из ярких тканей, а пожилые — из черной (бязь, сатин, атлас). Однако и молодые женщины налобную часть чухты, т. е. передний край шириной 10—15 см, обязательно шили из черной полосы ткани. Самой нарядной частью чухты был накосник, который шили по возможности из дорогих шелковых тканей. Что касается лент, которыми убор завязывался на голове, то их шили из тканей другой, контрастной расцветки, причем у молодых одна лента могла быть красной, другая желтой или белой. Спереди край налобной части обшивался узкой тесьмой, на которую нанизывались маленькие серебряные трубочки (*сурмабур*). На праздничную чухту выше тесьмы поверх черной полосы ткани нашивали узкую ленту, сплошь покрытую серебряными пластинками ювелирной работы с растительным орнаментом и чернью. Кроме того, для закрепления убора на голове к нарядной чухте прикреплялись особые цепочки (*чал*), на конце которых имелись пряжки с крючками для закрепления их на темени. Убор имел и подбородочную ленту (*чамбур*) шириной 5 см. У молодых лента также покрывалась серебряными пластинками. Накосник чухты агулок обычно не украшался. На чухту шло около полутора метров ткани.

Табасаранская чухта в исследуемое время также представляла собой род мешка с чепчиком. Завязывалась чухта лентой (чаще белой) поверх черной полосы — нашивки на налобно-теменной части чухты. На налобно-теменную часть убора нашивались серебряные пластинки.

Цахурская чухта (*тюли*) — это прямой мешочек с пришитым к нему накосником (длинной нередко до пят), иногда слегка приспособленный в налобной части.

Рутульская чухта (*бирчек*) воспроизводила по покрою и украшениям цахурскую. Та и другая завязывались лентами и имели шнур или ленту, огибающие подбородок. На налобную и теменную части нашивали разноцветные ткани и обшивали их черной полоской. В некоторых цахурских обществах налобную часть чухты собирали в мелкую сборку. Чухта женщин некоторых рутульских обществ (Борч и др.) вместо двух обычных лент для завязывания имела одну подбородочную ленту, пришитую к височным частям убора. Чухту шили из ситца, сатина, атласа разных расцветок, для молодых — чаще из ткани красного цвета, с лентами разных цветов.

ЧЕПЧИК

К оригинальным видам головных уборов женщин, проживающих главным образом в сопредельных с Азербайджаном районах Дагестана, следует отнести шапочки-чепцы без мешочков для кос или накосников в виде по-

лоски ткани, почти целиком покрытые серебряными украшениями.

Чепчик состоял из двух длинных прямоугольных кусков ткани на подкладке, образующих тулью, плотно облегающую голову, и небольшого куска ткани в форме треугольника, который пришивался к тулье выше теменной части, откидывался назад острым углом вниз к затылку и прикреплялся к убору. Сзади этот кусок лишь частично прикрывал голову, не доходя до тульи.

Чепчик почти целиком покрывался серебряными украшениями в определенном сочетании: спереди — широкой сплошной полосой цепочек, нашитых на ткань плотными параллельными рядами, в виде кольчужной ленты, выше — второй широкой полосой трубочек или цилиндриков, вертикально нанизанных на черный шнур и скрепленных между собой нитками. Треугольная же вставка, закрывающая затылок, которая делалась обычно из красного кумача, покрывалась вышивкой цветными или золотыми нитками или же украшалась галуном.

Иногда чуть выше темени к чепчику пришивали круглую пластинку, украшенную цветными камнями и соединенную с каплевидной бляхой (также со вставными камешками), имеющей крючок с оборотной стороны. Надев поверх шапочки легкий платок, вуаль, тюль и подложив край под украшение, женщины крючком укрепляли верхний убор на голове.

Эти чепчики имели ряд разновидностей и были распространены в некоторых аулах цахурцев, рутульцев и аварцев⁷³, проживающих по соседству с азербайджанцами (селения обществ Анпросо и Хвалал, совр. Тляратинский р-н), а также в Закатальском районе Аз. ССР. Многие авторы считают, что этот убор был воспринят из соседнего Азербайджана⁷⁴, где такого типа, хотя несколько иной формы, капор (*тэсэк*) действительно имел широкое распространение⁷⁵. Нам думается, что дагестанский чепчик по своей форме близок не только к азербайджанским, но и к чухте женщин общества Карах, особенно сел. Тляротш. Полоса же из кольчужки и цилиндриков, составляющая основу чепчика, и по способу оформления, и по материалу почти полностью совпадает с полосой-нашивкой к налобно-теменной части чухты женщин-горянок из Ириба, Цуриба, Арчиба и др.

Нечто среднее между чепчиком и головным украшением представлял собой *тадж* («корона») или *кекун* закатальских аварок, а также лачек. Это была своеобразная диадема, изделие

⁷³ Цах., рут. *дюгмаче*, ав. *думоча*, *дугмача*, *думча*.

⁷⁴ Никольская, Шиллинг, 1953, стр. 20; Материальная культура аварцев, стр. 245.

⁷⁵ Каракашлы, 1964, стр. 164—165.

очень сложной ювелирной работы. В центре помещались три массивные бляхи — одна круглая и две в виде удлиненного полукруга. Они покрывали макушку, темя и надлобную часть головы. От них на цепочках отходили подвески, состоящие из небольших длинных блях (в виде кинжалчиков) и медальончиков. Убор богато инкрустировался камнями, цветным стеклом. Большие бляхи, кроме того, украшались филигранью. На круглой бляхе, закрывающей макушку, имелся высокий шишак такой же филигранной работы и вокруг него — копьевидные подвески. Убор застегивался на затылке при помощи пряжек, которыми были снабжены концы двух рядов подвесок, шедших спереди назад.

Тадж очень напоминал покрытые серебряными украшениями шлемообразные уборы *такия* тюркоязычных народов Средней Азии, а также Поволжья (тляратинский *тлукъем*).

Носили *тадж* молодые женщины, обычно поверх тонкого платка, косынки. Но имели его далеко не все, а лишь состоятельные люди.

Чепчики (*силлауш*) носили также ногайские женщины. Молодые покрывали их всевозможными серебряными украшениями. По покрою некоторые напоминали вышеописанный цахурский *думаче*. У ногаек это был убор, носимый под верхней, меховой шапкой *бёрк*. В пределах Дагестана меховые шапки носили только караногайские женщины. Горянки совершенно не пользовались меховыми шапками. Ногайская шапка *бёрк* имела форму перевернутого усеченного конуса, значительно расширяющегося кверху. Шили ее из меха речной выдры на плотной, стеганой на вате подкладке, с глубоким матерчатым донышком полусферической формы. Молодые ногайки носили и различные шапочки из тканей типа тюбетеек (*такъия*).

В заключение хочется отметить, что чухта женщин горного Дагестана в своей основе имела единый покрой — в большинстве случаев состояла из чепчика и пришитого к нему полотнища — наосника. Наиболее древними, на наш взгляд, были островерхие уборы типа капюшона с наосником. Это прослеживается при тщательном изучении старинных головных уборов аварок и аварской группы народностей, даргинок, горных лезгинок, лачек и др. Позднее, в процессе трансформации убора, острый угол капюшона стал загибаться назад (к затылку) или вперед (к теменной части) и прострачиваться так, что чепчик принимал более округлую форму. Этот тип чухты имел много вариантов, среди которых особо выделялась большая куядинская чухта, имеющая вид накидки с капюшоном. Мешкообразная чухта, интенсивно проникавшая в горы в XIX — начале XX в., первоначально имела весьма ограниченную область бытования — равнинный Дагестан.

Другим основным видом головного убора кумычек, табасаранок, лезгинок, отчасти даргинок, лачек, аварок, надеваемого поверх чухты, был квадратный платок. Им повсеместно пользовались женщины всех возрастов. Шелковые, шерстяные платки привозили из Индии, Персии, Турции, Сирии, из Средней Азии, России. Среди них особое место занимали большие шелковые платки с затканными золотом узорами (*газ явлукъ*), известные кашмирские шали (*кишмур*) и махровые шали (*кёрпе явлукъ*). Чаще всего дагестанские женщины носили шелковые однотонные шерстяные платки, поступавшие из Средней Азии (*дувур*), тонкие платки с каймой из азербайджанского города Гянджи (*гюльмелли, келагъай*), а также однотонные шерстяные платки с каймой и шелковой бахромой, доставляемые торговыми людьми из разных городов. Кумычки южных районов и даргинки носили домотканые шелковые платки (*чилле явлукъ*), кумычки северных районов — плетеные шелковые платки (квадратные и треугольные — типа косынок), поступавшие частично из Северной Осетии.

Способы ношения платка имели некоторые возрастные особенности. Женщины и молодые девушки откидывали оба конца за одно плечо, пожилые один конец забрасывали за плечо, другим покрывали голову. Женщины Южного Дагестана — лезгинки, цахурки, табасаранки — конец платка обертывали вокруг головы таким образом, что он напоминал чалму. Пожилые лезгинки, накинув платок на голову и откинув его концы назад, перекрещивали их у затылка и завязывали узелком спереди, как пояс (лезгины).

Одинарная легкая косынка⁷⁷, которую носили летом, была распространена в основном у кумыков. Нарядные кружевные, гипюровые косынки покупали готовыми, а иногда шили дома из шелкового тюля или газа с набивными золотыми узорами. К газовым косынкам по краю пришивали золотую бахрому. Особенно модными были косынки кремового и черного цветов. Черные носили обычно пожилые женщины, кремовые и белые — молодые.

Пожилые женщины носили треугольные косынки из легкого шелка, а также из батиста, мадаполама.

⁷⁶ Авар. *кIаз*, кум. *явлукъ*, дарг. *кIана*, лакск., лезг. *шал*.

Интересно сравнить лакский *лечак* с грузинским *лечеки* и армянским *лечак* — легкими головными уборами типа косынки, а также со среднеазиатским *лячак* — убором в виде чалмы или прямоугольного покрывала. По всей вероятности, это название восходит к персидскому *лачак* — «косынка».

⁷⁷ Кум. *тастар*, къыйыкъ *явлукъ*, лезг. *къыр*.

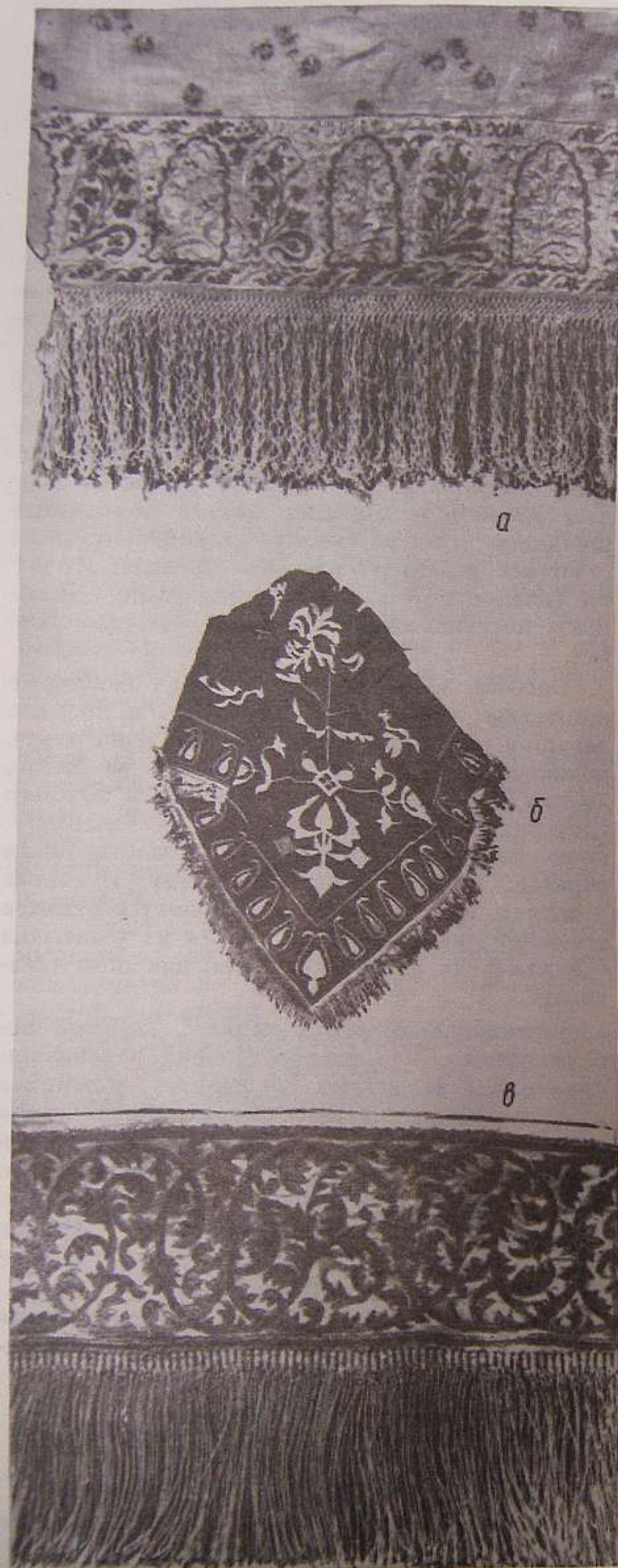

Рис. 50. Фрагменты вышивки кубачинских покрывал (а, в) и ругуджинского платка (б)

До недавнего времени покрывало повсеместно бытовало в нагорном Дагестане. Им широко пользовались женщины всех народностей аварской группы, даргинки, лачки. Шили покрывало из бязи, сатина, полотна, натурального шелка. Шло на покрывало 4—6 м ткани. Ширина и длина этого убора в различных обществах, у различных народов была различна. В пределах даргинской этнической территории, например, покрывало кайтагской этнографической группы (*ашмаг*) имело размеры $2,95 \times 1$ м; акушинская, мекегинская *чаба* — $2,35 \times 1,36$ м; аштынский *кIаз* — $3 \times 0,95$ м. У агулов покрывало (*кIев*) делали размером $3-3,5 \times 1$ м; у аварцев (*мучIу*) — $2-4 \times 1,07$ м, у цахуров *лепакукал* имел в длину 5 м. Самые широкие (при разной длине) покрывала, сшитые из двух полотнищ и закрывающие не только голову, но и нередко почти всю фигуру, носили андийки, даргинки высокогорных обществ (Акуша, Мекеги, Цугни, Уллу-ая и др.), а также соседние с ними лачки сел. Балхар, а сравнительно узкие, но длинные — даргинки предгорной полосы, т. е. мюрегинки, урахинки, кайтачки, а также женщины кубачинского нагорья и цахурки.

Как правило, покрывала шили из гладких тканей, в большинстве случаев белых или черных, но в ряде мест — из ярких. Обычно покрывала, в отличие от чухты, ничем не украшались. Исключение составлял *кIаз* кубачинок, аштынок, тлярошинок, гочобок, кайтачек и некоторых других обществ. Один конец этих покрывал, свисающий по спине, украшали широкой или узкой каймой с бахромой; иногда обе узкие стороны обшивали бахромой, а по всей длине с двух сторон проходила черная кайма (Гочоб, Тлярош и др.).

Особенно богато отделялся *кIаз* кубачинки. Его вышивали цветными или золотыми нитками, орнамент носил в основном растительный характер, реже воспроизводился образ птицы, стилизованная «вязь» в стиле арабской надписи⁷⁹. На конец покрывала, свисающий по спине, нашивалась широкая кайма с бахромой, либо сделанная самой хозяйкой из золотых или серебряных ниток, либо привозная. Такая кайма с бахромой стоила очень дорого, но каждая кубачинка для нарядного покрывала приобретала ее по любой цене.

Кайтачки, мюрегинки, гочобки и др. шили покрывала из шелковой или льняной ткани домашнего производства, бахрому делали из той же ткани.

Женщины ряда даргинских обществ (Харбук, Хуршни и др.) край той части покрывала,

⁷⁸ Дарг. *дикIа*, *чаба*, *ашмаг*, *кIаз*, лак. *чIинчIу*, авар. *мучIу*, *кIаз*, цахур. *лепакукал*.
⁷⁹ Шиллинг, 1949, рис. 18, 66, 141.

которая располагалась на груди, отделяли серебряной цепочкой, а в некоторых аулах тех же даргинцев (Танти и др.) края убора, огибающие лицо, для прочности обшивали тонкой сафьяновой тесьмой.

Женщины из богатых семей покупали дорогие привозные шелковые покрывала, затканые золотом и серебром, а также *дубуры* среднеазиатского производства. Однако многие горянки, особенно из аулов Согратль, Чох, Рутуджа, Вихли, Балхар и др., делали покрывала дома, расшивая края или один верхний угол золотыми или серебряными нитками. Нередко поверх шелковой бахромы нашивалась еще и золотая бахрома.

Носили покрывала у всех народов почти одинаково: длинный край его почти до середины подворачивали и прикладывали к подбородку. Левый конец набрасывали на голову слева направо, а правый (более длинная часть) сверху — справа налево; перекрещенные таким образом концы покрывала свисали либо по спине, либо по левому плечу. Конец верхней части часто свисал до подола платья, иногда до пят. Нередко края покрывала на темени скрепляли булавкой.

В некоторых местах покрывало закреплялось на голове специальным серебряным шнуром. Пожилые женщины Южного Дагестана (цахурки, рутулки, лезгинки и др.) для этой цели обычно носили специальный мягкий круглый валик или ленту, которая проходила под подбородком и застегивалась на макушке на крючок. Кольцо было характерным элементом головного убора и женщин соседних областей. В частности, грузинка пользовалась специально сшитым валиком для закрепления на голове платка. Валик обычно набивался шерстью⁸⁰.

Эта принадлежность головного убора вообще широко бытовала на Востоке, в частности в арабских странах⁸¹. В некоторых аварских обществах, в частности в обществе Тлейсерух (селения Ириб, Гелиб и др.), концы покрывала сшивались вместе. Таким образом, покрывало здесь имело форму кольца; сшитый конец его не свисал, а подтыкался под матерчатый пояс. Под пояс подбирали концы покрывала и женщины общества Карах (Тлярош, Гочоб и др.). Но девушки, особенно невесты, носили покрывало неподоткнутым.

Покрывала разных обществ различались и по цвету. Одни носили повседневно только белые (кайтачки, кубачинки, акушинки, андийки), не считая, конечно, покупных шелковых покрывал, цвет которых мог быть самым различным, другие — черные (даргинки-сюргинки, багулалки, чамалинки), третьи — самые разнообразные: красные, зеленые, желтые, в зависимости от возраста.

Среди дагестанских покрывал особое место занимает *чарчав*, чадра азербайджанки города Дербента. Чадра была почти квадратной формы. Горожанка носила ее поверх платка, накинув на голову и поддерживая руками так, чтобы она скрывала всю фигуру с головы до ног. Чадра являлась принадлежностью уличного костюма жительницы Дербента. Как правило, ее шили из гладкой материи темных тонов — черного, синего, коричневого. Однако женщины из богатых семей покупали нарядные шелковые покрывала ярких тонов с цветными узорами.

С раскрепощением женщины традиция ношения чадры исчезла. Но иногда на пожилых жительницах Дербента можно видеть этот элемент убора.

Покрывала дагестанских женщин имеют широкие аналогии во многих странах мусульманского Востока. В Афганистане, Иране подобные уборы бытуют и по сей день⁸². Общие черты с покрывалом горянок имеют и повсеместно распространенные персидские и турецкие женские покрывала для улицы, известные под названием *дэстмал* (перс.) и *тештемал* (тур.)⁸³, хотя они и отличаются способом ношения, размером и т. д. Определенное сходство с дагестанскими покрывалами имеет и среднеазиатский *лячек*, окутывающий всю фигуру женщины, хотя последний отличался усложненным покроем, наличием в нем прорези для лица, способом ношения⁸⁴. Вероятно, это сходство покрывал объясняется наличием прямых контактов стран Ближнего Востока, Передней и Средней Азии с Дагестаном.

Во многих обществах горного и Южного Дагестана поверх покрывала носили повязки в виде чалмы.

Аварки общества Карах (Тлярош, Гочоб и др.) поверх покрывала (*чIорто*) повязывали чалму (длиной обычно 1,5—2 м и шириной 70—95 см), обматывали голову в один оборот и завязывали либо сзади, либо сбоку так, что один конец, длинный, свисал обычно спереди, а другой — сзади. Чалму делали только из черной ткани.

Поверх покрывала носили повязку типа чалмы, но белого цвета, и лакские женщины, особенно невесты. В исследуемое время такая повязка бытовала лишь у вихлинских лачек, живущих по соседству с даргинцами. Женщина здесь носила черную чалму, а девушка и невеста — белую. Лакская чалма не завязывалась, а обматывалась вокруг головы, и концы ее подтыкались в чалму. В ряде обществ Даргинии (Верхний Кайтаг, Чибах-Дарго), у табасаранок, дербентских азербайджанок пожилые женщины носили поверх покрывала в качестве

⁸² Там же, стр. 117, рис. 5, стр. 175.

⁸³ Там же, стр. 124, 128, 199. Интересно, что в Дагестане, в частности у кумыков, подобным термином (*дэстмал*, *достумал*) называется скатерть.

⁸⁴ Сухарева, 1954, стр. 304 (рис. 1—2), 306.

⁸⁰ Безарашвили, 1971, стр. 249—250.

⁸¹ Народы Передней Азии, стр. 406, 524.

чалмы квадратный платочек, сложенный треугольником, который завязывали на затылке. Квадратный небольшой платок, чаще шелковый, использовался в качестве чалмы и цахурками и рутулками. Но в отличие от кайтачек и дербентских азербайджанок цахурки свою чалму носили поверх покрывала, сложив вдвое треугольником, так «чтобы скрученная сторона приходилась надо лбом, а концы ее завязывали на затылке, напустив на них сверху угол платка» (молодые), или, «не завязав концы, а лишь перекрестив на затылке, вели вперед и здесь надо лбом завязывали в узел»⁸⁵.

Практика ношения лент или повязок поверх убора, вероятно, идет из глубины веков. Не случайно, в памятниках эпохи бронзы и особенно раннего железа в Дагестане обнаруживаются такие налобные украшения из бронзы в виде ленты или венчика. Венчики покрыты резным орнаментом (точечным), имеют суженные концы с отверстиями для закрепления на головном уборе. Для «прикрепления женского головного убора к прическе, а также для закалывания одежды» применялись и специальные булавки, которые также известны в эпоху бронзы и «наиболее широкое распространение получили на следующих этапах, особенно в горных районах»⁸⁶.

В торжественных случаях поверх покрывала горянки иногда носили фабричные или сшитые из простых тканей квадратные платки, сложив их треугольником. Платок обычно не завязывался, а накидывался на голову таким образом, что концы свисали либо сзади по спине, либо с плеч спереди. Такие платки чаще составляли элемент свадебной одежды. Так, цудахарская невеста поверх длинного покрывала надевала

два шелковых платка — один набрасывала на голову так, что концы его спереди доходили до подола платья, а второй завязывала на затылке. Привозной платок, особенно шелковый или шерстяной, в горном Дагестане был признаком достатка в семье. Он бережно хранился долгие годы и переходил от бабушек к внукам. С присоединением к России и развитием товарно-денежных отношений в Дагестан стали поступать более дешевые, доступные и средним слоям населения хлопчатобумажные платки из промышленных центров России.

Таким образом, квадратные платки не были одним из элементов старинного головного убора горянки, бытовали в прошлом редко и распространились позже под влиянием обычаев плоскости. Однако в начале XX в. квадратные платки стали интенсивно вытеснять покрывала. У лакцев, во многих даргинских и аварских районах (предгорных) эти покрывала уже почти исчезли. В ряде аулов Даргинии (Чираг, Амух, Антлух) многие женщины еще сегодня складывают платок вдвое в виде прямоугольного полотнища и надевают на голову тем же способом, что и описанные выше покрывала.

Шарфы (*узун явлукъ, шипон*) были распространены главным образом у кумыков, причем более всего у кумыков Терско-Сулакской низменности. Это длинные (250×90 см) шарфы из тонкого шифона, чаще белого или черного. Носили их тем же способом, что и шали. Думается, что эти шарфы проникли в Кумыкию через Северный Кавказ. Известно, например, что черкешенки поверх шапочек наряду с другими видами платков носили такого типа накидки-шарфы.

4. ОДЕЖДА ДЕВОЧЕК

Одежда девочек по покрою была почти аналогична одежде взрослых женщин. Туникообразная рубаша, платье по фигуре с отрезной талией (в районах его широкого распространения), узкие, длинные штаны, овчинная шуба (в горах), многие перечисленные выше головные уборы, а также те же разновидности женской обуви, кожаной и шерстяной (носки, чулки, чувяки, сапожки и т. д.), обязательно входили в комплект одежды девочек. Однако детская одежда шилась из тканей более ярких расцветок: желтой, зеленой, красной (особенно у горских народов), белой и т. д., и имела некоторые возрастные особенности.

Еще до рождения детям готовили рубашки, безрукавки на подкладке, тубетейки, платоч-

ки, единые для мальчика и девочки. Занимались этим свекровь, мать роженицы (особенно для первенца), а в последующем — сама роженица. В отдельных обществах все детское приданое по рождению ребенка присылала мать роженицы.

Считалось, что маленького ребенка надо всегда держать в тепле. Горянки, например, говорили: «Ребенку даже от крыльев птицы дует ветер». На новорожденную надевали рубашку туникообразного покроя без рукавов, сверху надевали платье-рубашу с отрезной талией (*бузма гейлек*), стеганую безрукавку. По истечении шести-десяти месяцев, иногда года, когда девочка начинала ходить, на нее надевали штаны такого же покроя, как у мальчика, с разрезом, а после трех-четырех лет обычные штаны, суженные книзу.

В отдельных даргинских обществах (Гапши-

⁸⁵ Булатова, 1974, стр. 119.

⁸⁶ История Дагестана, I, стр. 66.

ма, Мегва и др.) еще в конце XIX — начале XX в. существовала традиция, очевидно очень древняя, надевать на голову ребенка с рождения специальную повязку из плотного материала. Считалось, что эта повязка придаст головке младенца красивую продолговатую форму и сделает лоб плоским. Почти у всех народов Дагестана младенцам повязывали платок, охватив плечи, «чтобы они были ровными», а поверх него в течение двух лет надевали на лоб чалму, полагая, что головка и лоб будут красивой формы.

Девочки-подростки и взрослые девушки носили почти тот же набор одежды, что и молодые женщины, кроме некоторых форм меховых шуб (с ложными рукавами, с большим воротником) и штанов (широких внизу). Некоторые особенности имели головные уборы девочек. Чухта девочек-кубачинки, например, в отличие от дорогой чухты женщины, делалась из яркой, но более дешевой ткани. Кроме того, на лобная часть ее вышивалась.

Чухта (чукI) девочки общества Ашты (соседнего с Кубачами) отличалась от женской лишь деталями. Накосник был короче, без подкладки и обязательно из простого цветного материала. Спереди чухта имела сборку; оба конца передней части делались из красного материала шириной 6—7 см и длиной 9—10 см. Завязывался головной убор таким образом, чтобы красные куски материи свободно закрывали уши, образуя своеобразные наушники. Словом, чухта девочки здесь больше напоминала чепчик. Кроме того, украшался детский головной убор одной лишь тонкой металлической цепочкой; подбородочная лента делалась уже и не покрывалась украшениями.

Возрастные особенности отражала и чухта общества Корода. В отличие от убора женщины чухта девочки имела особое украшение, которое при надевании убора на голову откидывалось назад и придерживало спинную часть убора.

5. УКРАШЕНИЯ

Приступая к характеристике женских украшений, прежде всего следует указать на их удивительное многообразие и широкую популярность в Дагестане. Они бережно хранились как семейные драгоценности и передавались из поколения в поколение. Украшения носили женщины всех возрастов, в том числе и дети. Больше всего были распространены серебряные украшения, золотые встречались гораздо реже, в основном среди феодалов и состоятельных узденей.

Широкое бытование среди населения Дагестана различных украшений уходит своими корнями в глубокую древность. Об этом свиде-

В селении Кубачи покрывало девочки (кIаз) всегда делалось из дешевого ситца или кисеи. Оно вышивалось мелким растительным или животным орнаментом или стилизованной арабской вязью, но никогда не расшивалось золотой или серебряной канителью, как женское. Бахрома делалась из ткани покрывала, а не из золотых ниток, а вместо тесьмы нашивалась узкая шелковая кайма ярких цветов.

У отдельных народов — кумыков, плоскостных даргинцев и др. — некоторые возрастные особенности проявлялись и в способе ношения платка. Девочкам полагалось надевать платок так, что концы его перекрещивались под подбородком и завязывались узелком на затылке, концами назад, а молодые девушки откидывали оба конца в одну сторону (за плечо).

Девочки, в отличие от взрослых, могли носить любую привозную одежду (шарф, платье, накидки). Поэтому у детей раньше и в большем количестве, чем у взрослых, появлялись предметы иноэтнической культуры. Некоторые молодые кумычки Терско-Сулакской низменности носили, например, «камзол» — короткую распашную одежду, жакет. Он был полуприлегающим, длиной до бедер, с закругленными полами, без воротника, с вырезом горловины углом, с суженными книзу длинными рукавами, на подкладке, с застежкой спереди на две-три пуговицы, с карманами, вышитыми золотом или серебром. Шили камзол из бархата, сукна и украшали вышивкой и галунами. По словам наших информаторов из сел. Костек, камзол этого типа был привезен из Стамбула, а в последующее время несколько видоизменился под местным влиянием.

Так же появилась в XIX в. «стамбульская» рубаша на кокетке — на девочках общества Карата⁸⁷. В соответствии с вкусами местного населения эта одежда подвергалась изменениям, постепенно становясь традиционной.

Достаточно отметить, что многочисленные и разнообразные украшения, прежде всего для головного убора, были найдены еще в памятниках эпохи бронзы и раннего железа. Это височные подвески, пряжки, бляхи, шейные гривны, головные булавки и бусы.

Разнообразие женских украшений еще более наглядно прослеживается в памятниках как раннего, так и развитого средневековья. Украшения периода раннего средневековья наиболее ярко представлены в инвентаре Беж-

⁸⁷ Агларов, 1962, стр. 162.

тинского могильника (северо-западная Авария). Это в основном бронзовые, а также железные фибулы, браслеты разнообразнейших форм (пластинчатые, витые, круглые и овальные в сечении), перстни, шейные гривны, бусы — сердоликовые, тататовые, хрустальные, стеклянные и пастовые, нанизанные в ожерелья и украшавшие головной убор. Кроме того, археологи обнаружили большое число блях (массивные, литые, выпукло-вогнутые), раковины каури, подвески (в виде колокольчиков, головы барана, быка, медведя, фигурки козла, в виде всевозможных колец), пряжки⁸⁸.

Аналогичные примеры, хотя и не столь яркие, можно было бы привести и по другим районам Дагестана.

Анализ этих украшений вскрывает их большое сходство с украшениями, бытовавшими в Дагестане и в более поздний период. Генетическая связь и преемственность украшений и женских головных уборов прослеживается на археологическом материале с эпохи бронзы вплоть до этнографических зарисовок XIX в. Доказательством могут служить женские головные уборы и украшения каякентско-хорочевской культуры⁸⁹, бронзовые статуэтки из культовых мест горного Дагестана⁹⁰, головной убор из Бежтинского могильника, реконструированный Д. М. Атаевым⁹¹. Все эти факты свидетельствуют о преемственности культуры народов Дагестана, что не исключает культурных влияний. Как подтверждают археологические исследования, горцы Дагестана еще в эпоху бронзы и в последующие периоды были связаны с другими народами Северного Кавказа, Закавказья, Поволжья, со всей Юго-Восточной Европой, Передней Азией и со странами Ближнего и Среднего Востока⁹². Центр древней цивилизации Урарту, как и все Закавказье, как отмечает крупнейший советский ученый-археолог Е. И. Крупнов, являлся «важным культурным посредником, связывающим население Северного Кавказа с классовыми обществами Передней Азии и всего древнего Востока»⁹³. Даже в самые дальние, высокогорные районы Северного Кавказа и Дагестана попадали образцы привозного оружия, разнообразных украшений, особенно стеклянные и пастовые бусы, а также раковины-каури, родиной которых являлись побережья Индийского океана, Средиземного моря.

⁸⁸ Атаев, 1963 стр. 123, 125, 128, 133, 140, 143, 148, 150, 154; Путинцева, 1961, стр. 248—264.

⁸⁹ Здесь мы имеем в виду прежде всего древние головные уборы из Хорочевского могильника на территории соседней с Дагестаном Чечено-Ингушетии (реконструкция М. М. Герасимова). См.: Крупнов, 1960, стр. 423.

⁹⁰ Закавказье, 1933, стр. 65—115; Круглов, 1946, стр. 31—40.

⁹¹ Атаев, 1963, стр. 117.

⁹² См.: Крупнов, 1960, стр. 341—355; История Дагестана, I, стр. 68, 81.

⁹³ Крупнов, 1960, стр. 350.

В исследуемый период украшения изготовлялись в крупных центрах художественной обработки металла или же местными ювелирами. Покупные, более дорогие украшения (хотя не всегда лучшие по художественным качествам) привозились из Темир-Хан-Шуры, Владикавказа, Тифлиса, где работали отходники и лиры. На мелких же внутренних рынках покупались изделия более узкого, местного спроса, учитывающего локальные особенности женских украшений.

В XVIII — начале XIX в. мастера по обработке серебра были почти в каждом крупном селении. Однако лучшие, самые изящные изделия ювелирного искусства, отличавшиеся большим совершенством технического исполнения, изготовлялись в известных центрах художественной культуры, в первую очередь в Кубачах, Казии-Кумухе. Мастера-ювелиры изготовляли всевозможные ожерелья, чаще из серебра: массивные и легкие, ажурные женские пояса, браслеты, перстни, пряжки, застёжки, подвески, кольца и многое другое с применением позолоты, инкрустации, стекла, пасты, бирюзы, сердолика, жемчуга. Дагестанские умельцы прекрасно владели техникой эмали, черни и филигрании, золотой насечки по слоновой кости, глубокой гравировкой и чернения.

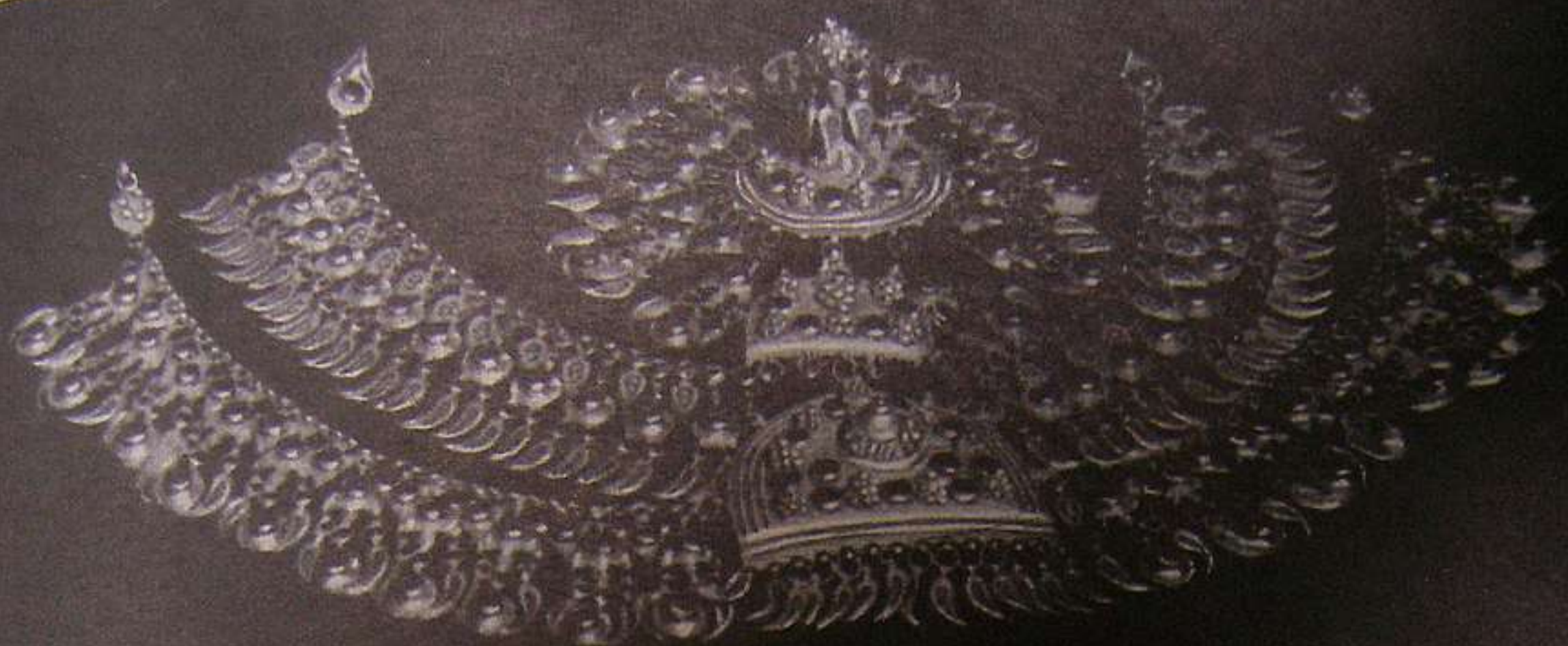
Из 100 аулов бывшего Казикумухского округа в 55 занимались обработкой серебра и золота. В каждом было более 10 мастеров данной специальности. В сел. Казии-Кумух — центре округа — в 1913 г. работали 700 серебряных и золотых дел мастеров.

В качестве украшений горянки использовали и привозные монеты, проникавшие в Дагестан в различные исторические периоды из разных стран (чаще русской, персидской, турецкой чеканки).

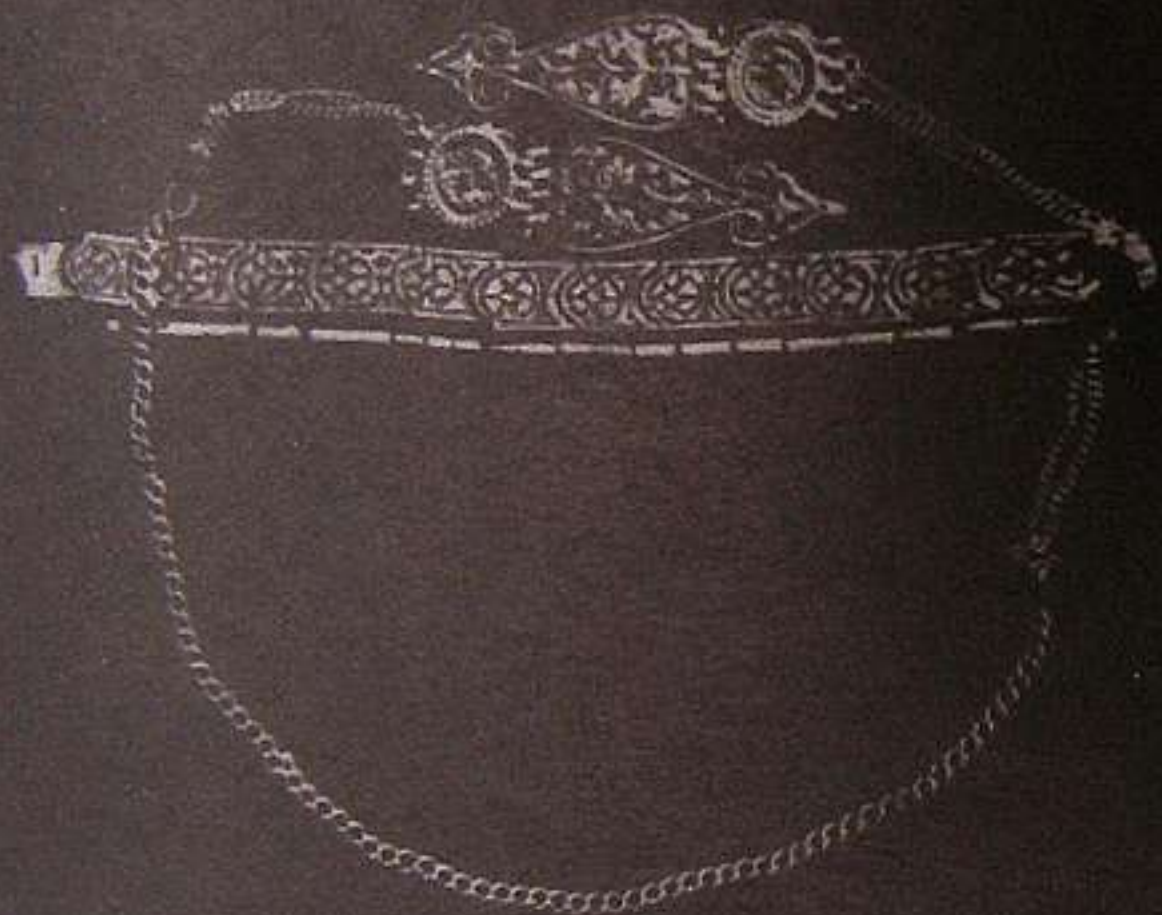
Монеты с приделанными к ним ушками разной величины, нанизанные на шнур в определенном сочетании, рядами (вверху рубли, потом более мелкие монеты) нашивали на распашное платье по линии талии, в виде пояса. На борта и край пол монеты нашивали в один ряд, причем на полах они нередко чередовались с цепочками. Ниже пояса прикрепляли подвеску, состоящую из большой фигурной пластинки с чернью, с шестью-семью подвесками из цепочек с мелкими бляхами и мелкими серебряными монетами, жетонами, бубенчиками на концах. Монетами — мелкими — обшивались и края рукавов платьев, иногда и ластовицы, и плечи. Мелкие монеты с ушками использовались и в качестве пуговиц. Монеты нанизывались и надевались на грудь и как ожерелья.

Следует отметить, что использование серебряных монет дольше бытовало в горном Дагестане, поселения которого находились в стороне от торговых и культурных центров. У авар-

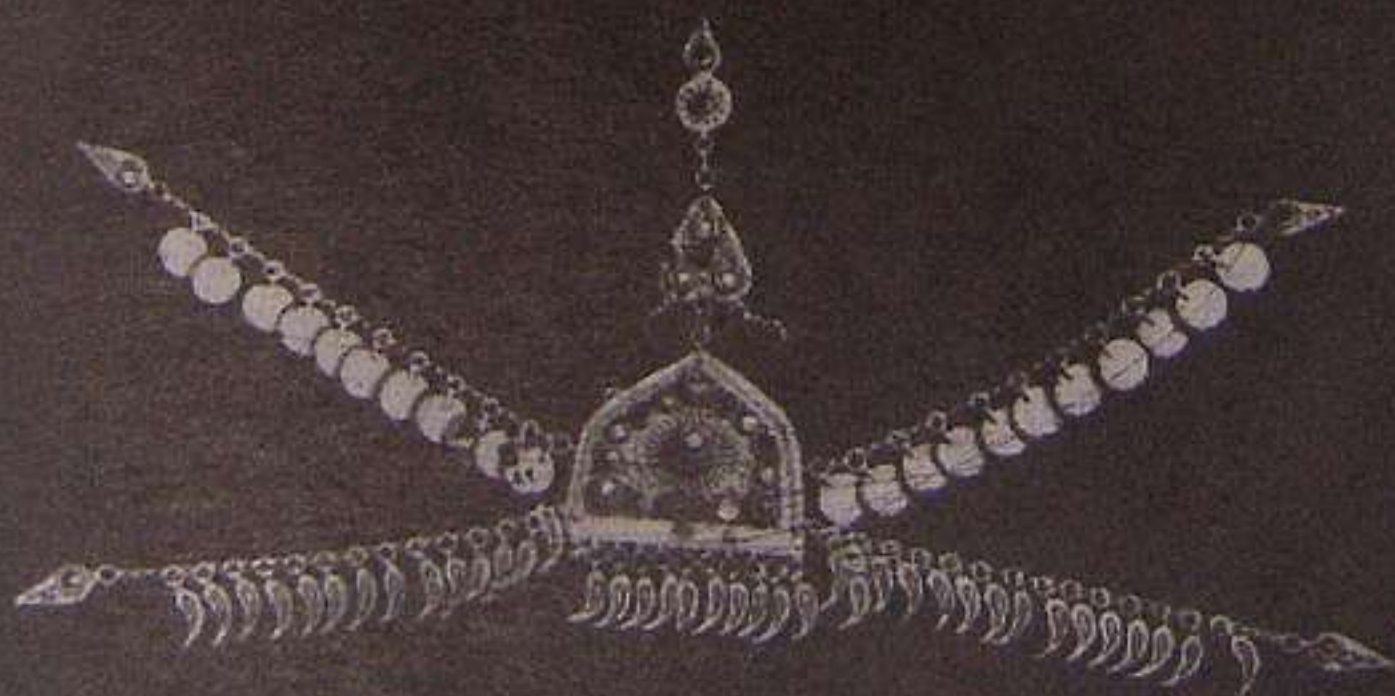
а

б

в

г

Рис. 51. Налобно-теменные и височные украшения:
а — аварское (с. Тлярота), б — агульское (с. Тпиг), в — лезгинское (с. Кара-Кюре), г — агульское (с. Хпюк)

цев, даргинцев, в частности, монеты в качестве украшения широко использовались еще в начале XX в., тогда как у кумыков, равнинных даргинцев, лезгин, азербайджанцев, особенно проживающих близ городов, монеты были сравнительно рано заменены ювелирными изделиями.

Все украшения по назначению и способу ношения условно можно разделить на головные, шейные, нагрудные, поясные и украшения для рук.

ГОЛОВНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Приступая к характеристике украшений этой группы, следует подчеркнуть, что в горном Дагестане ни один женский головной убор, особенно нарядный, не обходился без украшений, в первую очередь серебряных. В этом отношении исключение составляли народы равнины и предгорья, где, напротив (во всяком случае, в XVIII—XIX вв.), широкой традиции ношения на голове разнообразных украшений не сложилось или не сохранилось.

Среди головных украшений горской женщины большое место занимают украшения налобно-теменные и височные, прикрепляемые к чухте.

Налобно-теменные. Самый простой вид среди этих украшений — цепочка, пришиваемая к налобной кромке чухты. Концы этой цепочки либо образуют у висков петли в виде серег, либо свободно огибают подбородок. Такая цепочка была распространена как элемент будничного головного убора во многих обществах Аварии, Даргинии, Лакии и Лезгинии, а также у агулов, цахурцев и рутульцев.

Разновидность ее составляет массивная цепочка сложного плетения, типа шнура. Она характерна для головного убора (также повседневного) женщин цудахарского этнографического района Даргинии, койсубулинских аварок, лачек сел. Балхар и некоторых других. Судя по найденным на территории Дагестана бронзовым статуэткам, традиция украшения налобной кромки головного убора восходит к глубокой древности⁹⁴. Кроме цепочки даргинки некоторых обществ (Цугни) нашивали на налобную планочку чухты мелкие плоские серебряные бусины.

Агулки вместо цепочки пришивают по налобной кромке серебряные цилиндрики (типа стекляруса), а над ними сплошной полосой, напоминающей галун, — серебряные же пластинки, украшенные чернью. У табасаранок налобную планочку чаще всего обшивали тонкими серебряными бляхами в форме огурчиков, лавровых листьев, широким концом к краю, так что надо лбом образовывался как бы венчик.

Для оформления теменной части чухты кроме цепочки использовались серебряные монеты разной величины, нашиваемые в пять-семь рядов; иногда ряды монет чередовались с рядами цепочек, бусин (металлические, стеклянные), кораллов, блях и т. д. (Ашты-кункинский участок, часть муэринок Даргинии). Нередко теменная часть чухты украшалась только рядами цепочек, бусин, а также мелких цилиндриков (типа стекляруса), нашитых так, что образовывались рифленые полосы, параллельные рядам цепочек (Ириб, Цуриб, Цугни и др.).

Еще одна разновидность украшений этого типа близка к предыдущей по конструкции, но имеет иной декоративный облик. На теменную часть чухты вместо монет нашиваются всевозможные бусины (кораллы, мелкий жемчуг, бирсер и т. д.) в определенном сочетании с серебряными бляхами, литыми фигурками птиц, изображениями руки, широкими цепочками кольчужного плетения и даже перламутровыми пуговицами. И тут налобный край убора обшивался цепочкой. От височных частей убора почти всегда спускалась и огибала подбородок либо цепочка, либо матерчатая или кожаная лента, украшенная цепочкой; часто последняя сочеталась с медальонами, инкрустированными камнями, стеклом, эмалью и т. д., которые располагались симметрично по обе стороны лица (Урари, Ашты, Кунки, Цуриб, Ириб и т. д.).

В этой связи большой интерес представляют украшения головного убора, обнаруженные дагестанскими археологами М. Г. Гаджиевым и А. И. Абакаровым в Чуглинском могильнике (современный Левашинский район), относящемся к X—XIV вв.

Судя по сохранившимся фрагментам, головной убор был обтянут тонкой бронзовой фольгой и украшен бронзовым кольцом, к которому прикреплялись шесть бронзовых цепочек с бронзовыми колокольчиками на концах. К убору с двух сторон, видимо, прикреплялись кольца из крупного в сечении бронзового стержня с кольцевидными украшениями на концах. При уборе находилась бронзовая стержневая булавка с навершием из перламутровой бусины. Ею, очевидно, убор закреплялся на голове⁹⁵. Следует отметить, что у всех народов Дагестана устная традиция до сих пор сохранила сведения об использовании женщинами головных булавок.

Совершенно своеобразным было украшение (таял) налобной и теменной частей чухты женщин гидатлинского и келебского этнографических районов Аварии. Оно представляло собой несколько изогнутую литую цельную прямоугольную пластинку, на которую заклепками прикреплялись выпуклые (выколотые и вырезанные по контуру) фигурки коней,

⁹⁴ Zakharov, 1933, стр. 91—95, рис. 90—91, 100—103; Смирнов, 1951, стр. 252, рис. 13, 7.

⁹⁵ Гаджиев, Абакаров, рук.

птичек, изображения руки или же элементы растительного орнамента, дополнительно украшенные чернью и гравировкой. Иногда такие фигурки нашивались прямо на нарядную ткань теменной части чухты. По обе стороны от пластины пришивались круглые серебряные бляхи.

Пока мы говорили об украшениях, пришиваемых непосредственно к чухте. Очень своеобразным и очень интересным в конструктивном отношении являлся *маргъал* ругуджинки (свадебный головной убор-украшение), представлявший собой как бы теменную и налобную часть чухты, объединенную с височными подвесками, подбородочной цепочкой и нагрудным медальоном. *Маргъал* почти закрывал лоб. Изготавливали *маргъал* следующим образом. Прямоугольный кусок яркой ткани (25—27×13—15 см), обычно красного цвета, вышивали мелким жемчугом, составляя узор из трех-пяти вытянутых равнобедренных треугольников. Пространство между ними, а также все остальное поле заполнялось нашитыми мелкими бляхами, подвесками на цепочках, бубенчиками и прочей серебряной мелочью.

Следующий вид налобно-теменных украшений — это украшения в виде диадемы, изготавливаемые мастерами-ювелирами.

Композиционный центр этого вида украшений составляет пластинка (иногда две-три, одна над другой). Она может иметь разнообразную форму: треугольную⁹⁶ (койсубулинские аварки), форму неправильного пятиугольника, вытянутого полуовала (тляратинские и закатальские аварки, балхарские лачки и др.), форму изрезанного листа (цудахарские даргинки) и т. д. Эта пластинка украшалась растительным черневым узором, полосками скани и зерни, объемными филигранными шишечками, цветными стеклами и камнями. По основанию центральной пластинки и по обе стороны от нее идут цепочки с подвесками из монет, жетончиков, бубенчиков — в соответствии с тем, в какой технике украшена центральная пластинка. Такие цепочки с подвесками могли располагаться в два ряда. У закатальских аварок, а также лачек подобного рода головное украшение (*инжияр*) завершалось круглой выпуклой пластинкой, скрепленной с двумя другими, идущими от налобной части, системой колечек, и имело на макушке шишечку, от которой тоже кругом свисали мелкие подвески. На концах центральной пластинки, а также в ее верхнем углу находились небольшие каплевидные бляхи с петлями и крючками, при помощи которых украшение укреплялось на темени чухты и застегивалось самостоятельно на затылке. Некоторые разнообразно-

⁹⁶ Примечательно, что аналогичные металлические пластинки треугольной формы с изображениями украшали головные уборы скифских женщин (Очерки истории СССР, 1956, стр. 312).

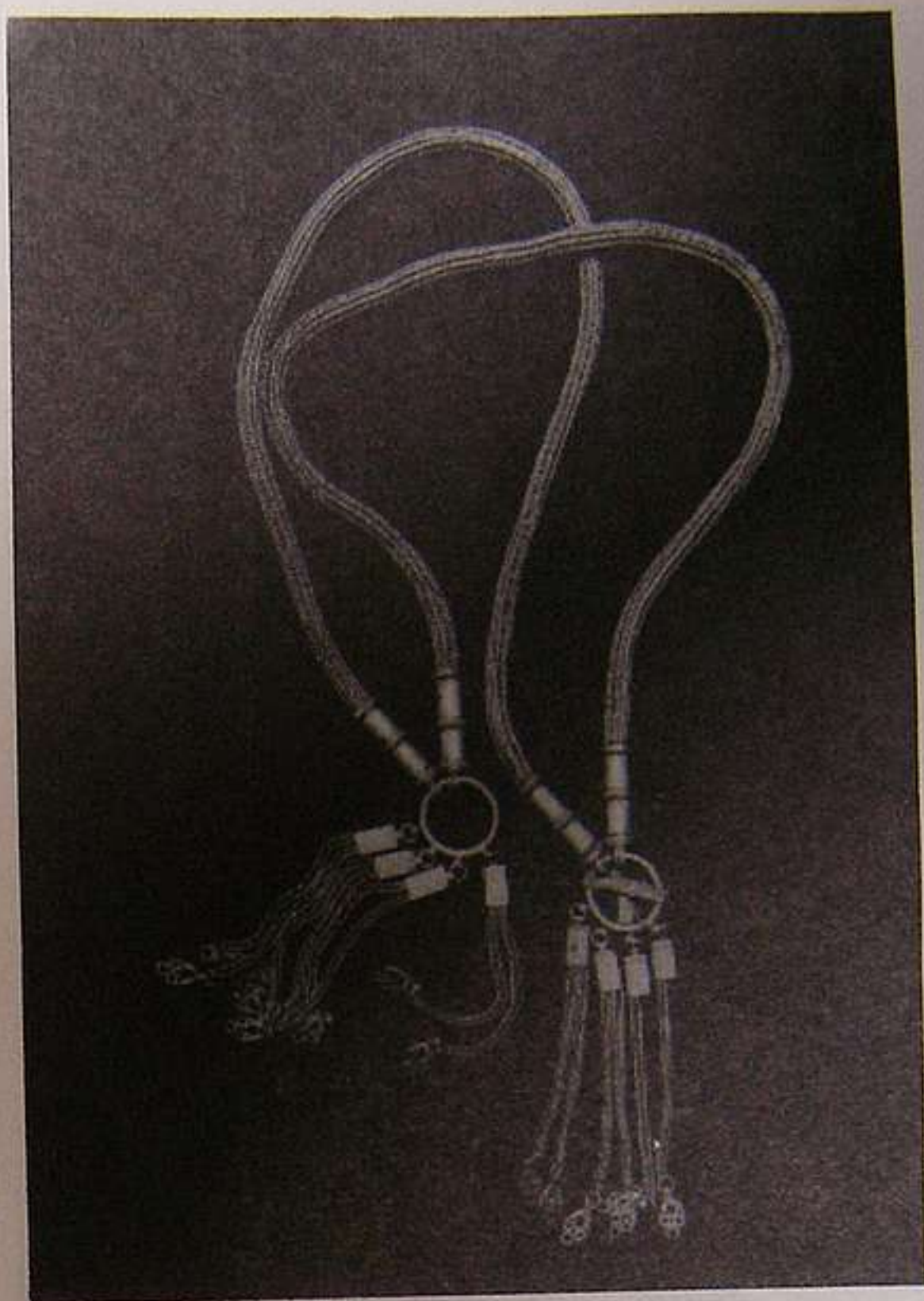

Рис. 52. Даргинская цепочка для закрепления покрывала на голове (с. Цудахар)

сти этих украшений, особенно *тадж* (букв. «корона») закатальских аварок и лачек, в надетом виде почти закрывали голову и напоминали шлем с шишаком.

Имелись и другие виды этого типа украшений. У табасаранки, например, такое украшение состояло из двух рядов цепочек, между которыми располагались шестиконечные пластинки, покрытые обычно гравировкой и чернью. От нижней цепочки свисали вниз круглые жетончики или монеты. Украшение закреплялось на затылке при помощи крючков. На плоскости такими налобно-теменными украшениями обычно не пользовались. Но богатые теркеменки, кумычки и др. в отдельных случаях носили *сильсиле* — тип головных украшений азербайджанских и армянских женщин. *Сильсиле* состояло из золотых пластинок, чаще ромбовидной формы, на цепочке, которая застегивалась на затылке. По форме *сильсиле* были наиболее близки к табасаранским образцам аналогичных украшений.

Все описанные типы налобно-теменных украшений женщины носили поверх чухты, но под платком, так чтобы они были видны, причем подвески прикрывали верхнюю часть лба, часто до бровей.

У кумыков в феодальных, княжеских се-

мьях, женщины в торжественных случаях надевали ажурное украшение *таж* (букв. «корона») или *такъыя* («стюбетейка») из золота. До наших дней они не дошли, и мы не можем судить об их форме. Однако по описанию представителей старшего поколения женщин они напоминали открытую корону или диадему. Их надевали поверх *чутку*, также под платок.

Судя по полевым данным, у кумыков, дербентских азербайджанцев, лакцев в прошлом широко бытовал обычай ношения булавок или броши на голове. В конце XIX — начале XX в. булавки и броши к головному убору прикалывали только знатные женщины. Булавки и броши были фабричной работы, усыпанные драгоценными камнями. Их прикалывали поверх гипюрового, газового платка, шарфа, а иногда и прямо к волосам (молодые женщины и девушки).

Височные украшения. Аварки таких этнографических районов, как Гидатль, Карах, а также тиндалки, чамалинки, багулалки и др. носили особые височные украшения. Их можно условно разбить на три вида: кольца, бляхи и монеты.

Парные височные кольца были характерны для головного убора тиндалок, чамалинок, багулалок. Это были большие (диаметром 10—15 см) кольца в форме шейной гривны с незамкнутыми концами из гладкой или витой серебряной проволоки; концы их были выделаны в виде петель. Кольца прикреплялись спереди, к краю налобной кромки чухты, а с противоположной стороны их концы пришивались к полоске ткани, закрывающей затылок. Височная часть нарядной чухты, кроме того, украшалась монетами и бляхами с подвесками, которые композиционно располагались как бы внутри пространства, ограниченного височными кольцами.

Отметим, что височные кольца и подвески были характерным компонентом украшений женщины еще в глубокой древности. Височные украшения были известны на территории Дагестана еще в эпоху бронзы и, как показали исследования ряда памятников этого периода, являлись наиболее массовым видом украшений женщин не только горного, но и равнинного Дагестана⁹⁷. Особенно богатый материал дали памятники эпохи бронзы (Гинчи) горного Дагестана⁹⁸. Древние височные кольца имели самые разнообразные формы. Некоторые были круглыми или овальными, в полтора оборота, с расширяющимися и заостренными концами, свернутые из металлического (золота, бронза, медь) стержня округлого сечения. Другие — из тонкой пластинки с расширением в виде лопасти в нижней части и с вогнутым узким кон-

цом в верхней. Как отмечают исследователи, круглые височные кольца в полтора оборота чаще встречаются в памятниках бронзового века⁹⁹, а для эпохи раннего железа более характерны видоизмененные, более вытянутые овальные формы. Памятники эпохи раннего и развитого средневековья дают височные подвески главным образом в виде овального незамкнутого кольца, с бусиной в виде куба на конце¹⁰⁰.

Изучение современных круглых височных колец аварок дает основание полагать, что они связаны либо с самыми древнейшими формами (круглые) подвесок (традиция могла быть сохранена у каких-то племен), либо с шейными гривнами¹⁰¹, которые с течением времени перестали применяться как нашейные украшения.

Очевидное сходство височных колец с шейными гривнами не вызывает сомнений. Шейные гривны, как известно, широко бытовали в древности на всем Кавказе, в том числе и на Северном¹⁰², а также имели распространение и за пределами кавказского региона (Поволжье, Крым, Передняя Азия и т. д.).

Еще один вид височных украшений составляли бытовавшие у гидатлинок круглые серебряные бляхи (*кIиликIи*), часто филигранной работы, инкрустированные цветным стеклом или сердоликом, кораллами или просто черненые. На старинных бляхах имеется крестообразный орнамент. Бляхи прикреплялись к чухте и имели самые различные размеры. Диаметр самых малых не превышал 2,5 см, самых крупных — 10 см. По характеру этих блях можно было определить принадлежность женщин к различным возрастным группам. Девушки и молодые женщины носили височные бляхи большого диаметра, женщины средних лет — несколько меньше, а старые — совсем маленькие. Маленькие бляхи были и принадлежностью девочек до семи-десяти лет. Самые крупные *кIиликIи* появились и стали распространяться позднее, с начала XX в. Их стали носить молодые замужние женщины.

Третий вид существовавших в XIX — начале XX в. височных украшений составляли монеты, чаще царские рубли с ушками. Бытовали они главным образом среди аварок чародинского р-на (общества Карах и др.).

К височным украшениям были близки и украшения (монеты) арчинки, нашитые на чухту от височных частей вниз полосой — широкой с левой стороны и узкой с правой¹⁰³.

⁹⁹ Гаджиев М., 1969, стр. 143.

¹⁰⁰ Атаев, 1963, рис. 4, 7.

¹⁰¹ Это только наше предположение. Вопрос об украшениях мало изучен и может быть разрешен с привлечением большого нового материала по Дагестану и сопредельным областям.

¹⁰² Атаев, 1963, стр. 148, рис. 19 и др.

¹⁰³ Никольская, Шиллинг, 1953, рис. 7.

⁹⁷ Смирнов, 1961, стр. 167, 190.

⁹⁸ Гаджиев М., 1969.

Один из видов височных украшений составляли подвески на цепочках, которые пришивались к височной части чухты и свисали на грудь в виде блях, медальончиков, треугольников с инкрустацией, чаще из цветного стекла.

В комплекс височных украшений входят и украшения для подбородка. Они представлены в основном разнообразными цепочками (узкими и широкими, в ряде случаев с инкрустацией), прикрепленными концами к вискам и огибающими подбородок. Особенно нарядной была массивная цепочка (*гунапик*) кубачинки и женщин соседних селений (Ашты, Кунки, Каракуррейш, Сулевкент и др.), сочетавшаяся с медальонами, камнями и стеклом. Богатые кубачинки носили цепочку из золота.

Иногда подбородочное украшение состояло из монет, соединенных между собой цепочками (общество Карах). В некоторых случаях украшения нашивались на ленту из ткани, кожи, которая, огибая подбородок, прикреплялась к вискам. Женщины Чибак-Дарго (Гапшима, Танти и др.) такую ленту делали на плотной прокладке и искусно украшали мелким жемчугом, бисером в определенном сочетании с серебряными медальонами различных форм и фигурками. Ленту закрепляли на макушке тесемками, а украшенная часть спускалась с висков и плотно огибала подбородок.

Нельзя не отметить и еще один вид украшения. Это цепочка, которой поддерживали платок, чтобы он не мешал во время работы. Цепочку или шнур, сплетенный из серебряной проволоки, перебрасывали за плечи так, что его концы с подвесками спадали на спину.

У аварских женщин общества Тлейсерух (Ириб, Цуриб и др.) это украшение состояло из двух самостоятельных элементов, каждый из которых представлял собой серебряное кольцо из нескольких рядов цепочек с подвесками и каплевидным крючком на конце. Одним концом каждое кольцо (одно справа, другое слева) укреплялось у виска, другим, огибая ухо поверх платка, цеплялось за крючок высоко на затылке.

Почти такая же цепочка с крючком на конце проходила от налобного украшения по центру темени назад и, создавая определенную симметрию, закреплялась там же, где другие крючки, на затылке.

Женщины многих горных обществ даргинцев (Харбук, Ашты, Хуршини, Киша и др.) носили над своей чухтой особый крученный серебряный шнур (*клардуц*). Он спускался с головы на плечи и спереди поддерживал покрывало. Аналогичные цепочки носили с нарядным костюмом и аварки некоторых обществ (койсубулинки). У даргинок (Урари, Ицари и др.) это украшение нередко состояло из медальончиков, сплетенных из серебряной проволоки, ромбиков, пластинок и т. п., соединенных между собой кольцами. Оно также

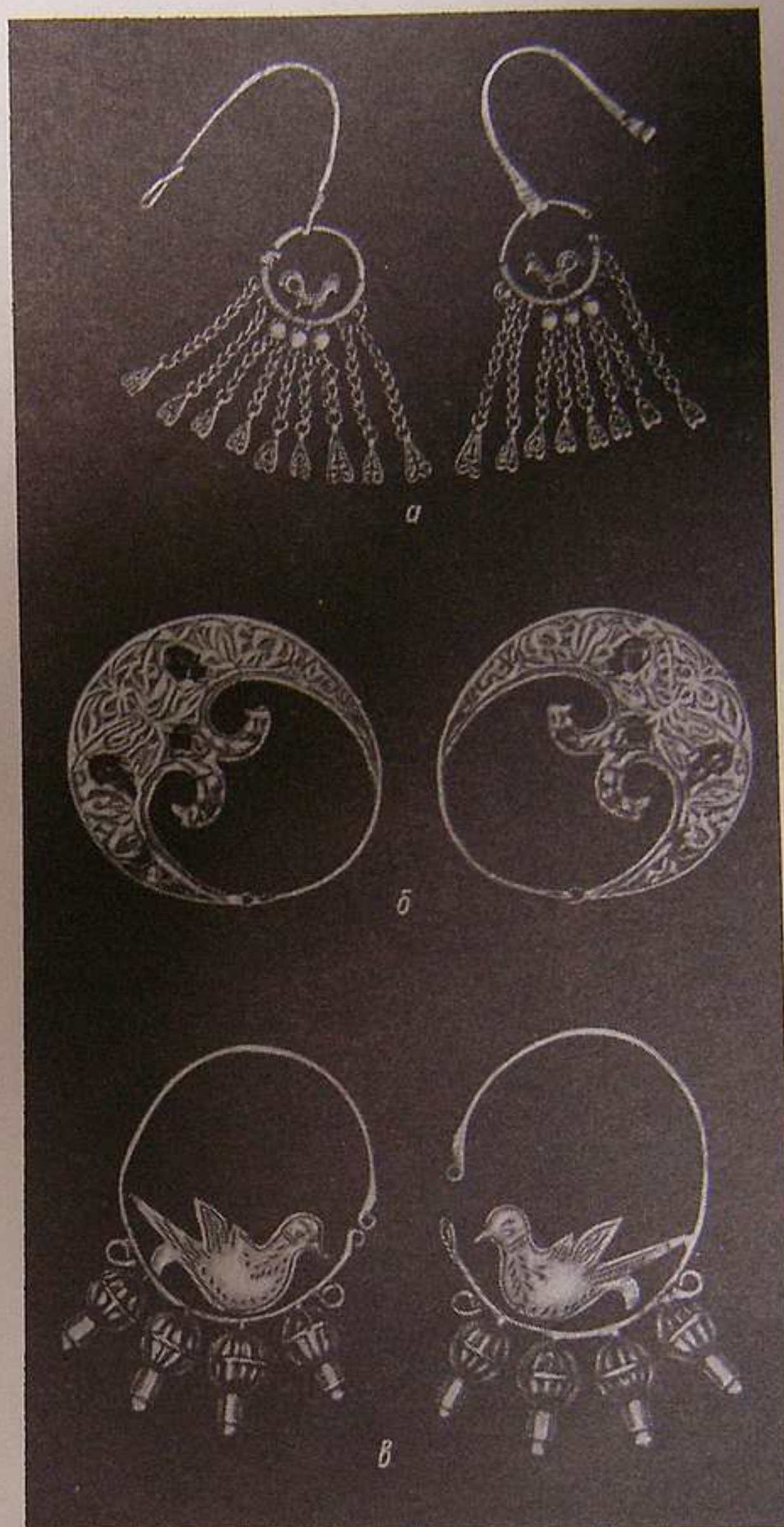

Рис. 53. Серьги:

а — даргинские (с. Чумли), б — даргинские (с. Ашты), в — азербайджанские (с. Великент)

прикреплялось у височной части чухты с двух сторон и свисало на затылке поверх платка.

Молодые лезгинки также носили поверх платка украшение, но несколько иного рода. Оно состояло из монет, соединенных между собой колечками. Заканчивалось оно бляшкой в виде лаврового листочка или капли с крючками для закрепления на уборе; украшение плотно охватывало голову. К нему же, несколько выше висков, с двух сторон прикреплялась матерчатая лента, огибавшая подбородок. Лезгинское украшение по своей форме

очень напоминает древнеассирийское украшение в виде диадемы¹⁰⁴, а также золотую диадему из Майкопского кургана (III тысячелетие до н. э.)¹⁰⁵.

Почти все дагестанские женщины носили серьги¹⁰⁶. Серьги были самые разнообразные. По форме их можно условно разделить на четыре типа.

Наиболее широко бытовали серьги с подвесками. Изготавливали их следующим образом. Из довольно толстой серебряной проволоки делали незамкнутое кольцо диаметром 3—5 см; верхняя часть его служила дужкой и вдевалась в мочку уха, к нижней же части, точнее, к ее внутренней стороне припаивалась фигурная пластинка — плетенка или литая птичка. С наружной стороны нижней части кольца припаивались колечки для цепочек (семь-девять штук), а к цепочкам прикреплялись бубенчики или небольшие легкие жетоны. Иногда вместо цепочек с подвесками к кольцу припаивали массивные круглые бляшки, обычно инкрустированные цветным камнем (в основном бирюзой).

Серьги второго типа были более простыми. Они представляли собой штампованную пластинку в форме полумесяца, иногда усложненного очертания, нередко украшенную гравировкой; к пластинке припаивалась довольно большая дужка.

Третий, менее распространенный тип серег представлял собой кольцо большого диаметра (5 см) с нанизанными на него одной, двумя или тремя бусинами.

К четвертому типу относятся серьги, в которых кольцо как центральное, организующее звено композиции отсутствует. Серьги этого типа представляют собой массивную зооморфного характера (часто спаренные головки коней) пластинку с толстыми же подвесками из цепочек; к верхней части пластинки по центру припаяно ушко.

Массивные серьги, чтобы не сорвать мочку, носили на шнуре, который накидывали, как петлю, на ухо. Кроме того, многие женщины прикрепляли серьги к концам шнура, проходящего по затылку.

Богатые женщины носили также золотые серьги этого типа, более тонкие, филигранные, украшенные разноцветной эмалью. Их изготавливали в основном лакские и кубачинские мастера. Самыми нарядными и модными считались серьги *серпуч* работы лакских мастеров. Они были выполнены в виде двух небольших колокольчиков с подвесками из жемчужин.

¹⁰⁴ См. Народы Передней Азии, стр. 38 (фрагмент рельефа).

¹⁰⁵ Всемирная история, I, стр. 240.

¹⁰⁶ Авар. *баши*, *тинтла-ражал*, *киликIал* *гьогьами*, кум. *сыргьалар*, *гьалкьалар*, дарг. *урцри*, лак. *вичIил-усру*, лезг. *чпаганар*, *сиргьаяр*, агул. *гьурари кьанар*, таб. *сиргьияр*, дерб. азерб. *сыргьалар*.

В Дагестан издавна проникали и привозные серьги разных фасонов, изготовленные в Персии, Турции, России, во Франции, Италии и других странах. Женщины из феодальной среды носили золотые серьги с бриллиантами и другими драгоценными камнями. Наиболее популярны были бирюза, рубин, изумруд.

ШЕЙНЫЕ И НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Шейные и нагрудные украшения также были очень разнообразны.

Женщины Дагестана любили всякого рода ожерелья, которые делались из кораллов, монет, бус. Ожерелье могло сплошь состоять из кораллов или бус, монет или представляло собой сочетание монет с бусами или кораллами. Нередко к тонкой цепочке прикреплялись мелкие полые подвески типа бубенчиков, жетончиков и т. п.

Ожерелья обычно состояли из двух-пяти параллельных нитей разной длины, концы которых переплетались. Застегивались они сзади. Они плотно охватывали шею или, напротив, свободно свисали на грудь, а иногда спускались даже ниже пояса. Одним из нарядных украшений считались цепочки с укрепленными на них монетами и массивной подвеской, а также колъе из блях, соединенных несколькими рядами цепочек.

Среди подвесок, укреплявшихся на цепочках или на ожерельях, особый интерес представляют массивные наборные подвески аварок (*куцI*) и даргинок (*кIичIи*), состоящие из множества фигурных деталей, цепочек, монет. Отдельные детали этих украшений выглядели очень разнообразно и были выполнены в самой разной технике (чернь, филигрань, гравировка, инкрустация)¹⁰⁷. Нередко женщины носили полую прямоугольную подвеску на одинарной или двойной нитке из бус или на цепочке. Подвеска имела до 1,5 см толщины, 7 см длины и 5 см ширины и прикреплялась к цепочке за два верхних угла. Лицевая поверхность подвески украшалась зернью и инкрустировалась цветными камнями и стеклами. Судя по тому, что еще в недавнем прошлом существовали детские наспинные нашивки — обереги аналогичной формы, можно предположить, что когда-то подвеска употреблялась в качестве амулета. В эту полую подвеску, очевидно, помещали обереги, а позднее — клочок бумаги с молитвой. Нередко такого типа подвеска не прикреплялась к цепочке или низке бус, а пришивалась к одежде.

Иногда описанную подвеску заменяло нагрудное украшение, изготавливавшееся из бумажного прямоугольника (6×2 см), обтяну-

¹⁰⁷ А р б у х а н о в а, рук., стр. 39—40.

Рис. 54. Шейные и нагрудные украшения:

а — даргинское кольцо с медальоном (с. Кубачи, конец XVIII в.), б — лакская нагрудная подвеска (с. Хурхи), в — даргинская нагрудная подвеска с инкрустацией (с. Урари), г — кумыкская брошь (с. Уллубий-аул), д — даргинская подвеска с инкрустацией на серебряном шнуре (с. Кубачи)

того черной или красной материей, на которую нашивались серебряные монеты, мелкие подвески, кораллы, бусины и даже ракушки. Такие украшения широко бытовали среди даргинков-сюргинок и бежтинок.

В качестве нагрудного украшения иногда употреблялись и толстые плетеные серебряные шнуры с большой подвеской в виде подковы с крупными вставными цветными камнями, чаще стеклом.

Нередко в качестве украшений носили плотно охватывающую шею цепочку с одной подвеской типа медальона круглой, треугольной или квадратной формы.

Среди украшений особое место занимали «воротники» кумычек (*тамакъса* и *ягъа*), лачек (*дарвач*) и лезгинок (*чоп*). «Воротник» состоял либо из отдельных золотых или серебряных пластинок, нанизанных на нитки или нашитых на полоску ткани в форме воротника, либо из цельной литой серебряной или золотой пластинки в виде гривны или браслета, часто с подвесками (бляхи на кольцах). Такой «воротник» плотно охватывал шею и застегивался сзади на крючки или завязывался шнуром. Лезгинки (сел. Куруш и др.), кроме того, носили матерчатые воротнички, сплошь вышитые разноцветным бисером.

Серебряное ожерелье типа браслета с подвесками из монет носили на шее с нарядной рубахой молодые дидойки. Такое ожерелье застегивалось спереди посредством особых колец, с которых свисали цепочки или подвески из янтаря в квадратной оправе.

В горном Дагестане к одежде пришивались и массивные бляхи, монеты, цепочки, подвески. Небольшие, чаще парные, подвески нашивались при этом симметрично с обеих сторон груди. Парные украшения могли иметь форму кисти руки с мелкими подвесками на цепочках или были выполнены по растительным мотивам.

К нашивным украшениям можно отнести и специальные нагрудники из монет. Пожилые женщины вместо такого нагрудника нашивали на кусок ткани один ряд монет вперемежку с крупными бусинами и бляхами. Этот кусок ткани, в свою очередь, пришивался к нагрудной части платья. Иногда вместе с монетами использовались литые фигурки животных и птиц, а также изображение руки.

В Дагестане известны, кроме того, матерчатые нагрудники, короткие и длинные, спускающиеся ниже пояса. Такие нагрудники обшивались монетами, бляхами, шариками, бубенчиками и т. д. Если серебряных украшений было мало, то они покрывали только нижнюю часть нагрудника, так как грудь прикрывалась платком. По краю нагрудника пришивалась цепочка, от которой на цепочках же свисали подвески.

Нередко монеты, бляхи и всевозможные

подвески нашивались вертикальными рядами по всей передней части платья — от пояса до подола; подол, кроме того, обшивался цепочкой с монетами или мелкими бляхами.

Следует отметить, что традиция ношения нагрудников и передников, украшенных монетами, в начале XX в. сохраняется только у жителей горного Дагестана.

В Табасаране (Хучни, Ерси, Тинит и др.) в качестве нагрудника чаще всего использовалась серебряная пластинка со свисающими вертикальными рядами монетами или бляхами, соединенными между собой колечками. Серебряная пластинка иногда состояла из трех-четырех частей, соединенных шарниром.

У кумыков среди нагрудных украшений больше всего ценились *къаршумалар*, *гъамарча*. *Къаршумалар* представлял собой род нагрудного украшения, состоящего из 11—15 рядов застёжек тонкой ювелирной работы (обычно двугранных, в форме кинжальчиков), застегиваемых при помощи головок в виде полшарий, вдеваемых в петли. *Къаршумалар* часто покрывался позолотой или чернью, а головки застёжек украшались бирюзой или другими цветными камнями. Застёжка нашивалась либо на борт нарядного платья (с двух сторон грудного разреза), либо — чаще — на нагрудник из яркой ткани. К верхней части нагрудника, под горловиной, часто прикреплялась металлическая фигурка в виде якоря, украшенная витой проволокой и искусственными камнями.

Гъамарча — украшение еще более сложное, состоящее из определенного сочетания пластинок, блях и цепочек, покрытых позолотой или чернью. Его надевали через голову, оно покрывало грудь и свисало до пояса.

У южных кумыков были модны ожерелья из продолговатых граненых золотых бус, имевших форму ячменных зерен (*арпалар*). Богатые кумычки делали такие ожерелья на заказ из чистого золота. Нагрудным украшением богатых женщин Дагестана были и золотые броши с драгоценными и полудрагоценными камнями. Женщины из феодальной среды носили золотые медальоны, часы на длинной цепочке, а также длинные, двухметровые, золотые цепочки, надеваемые через голову и свисающие до колен.

ПОЯСНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Одним из распространенных поясных украшений в Дагестане являлись поясные застёжки¹⁰⁸, пришиваемые главным образом к платьям в талию. Застёжки пришивали по линии талии (маленькие — по три-шесть пар, большие — по три-четыре) и застегивали справа

¹⁰⁸ Кум. *шарпазлар*, *къармакълар*, лак. *чалпасру*, *хъалмазру*, дарг. *гамцикуль*, лезг. *клерер*, авар. *рагил*, *бекличаз*.

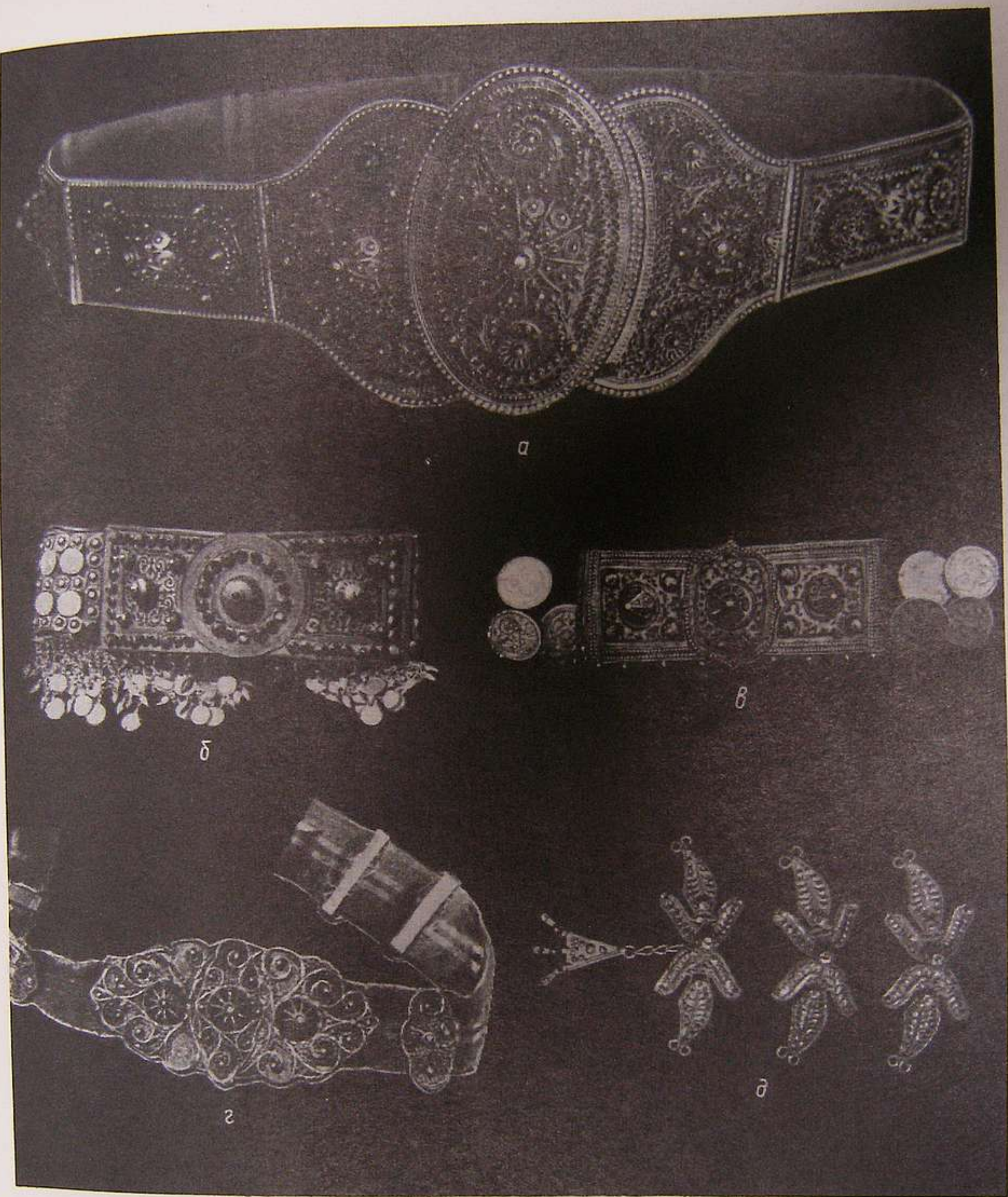

Рис. 55. Женские пояса и поясные застёжки:

Пояса: а — даргинский (с. Кубачи), б — рутульский (с. Ихрек), в — табасаранский (с. Хучни), г — кумыкский (с. Бабаюрт); д — кумыкские застёжки (с. Уллубий-аул)

налево. По форме они напоминали листочки, изогнутые кинжальчики, кривые мечи, бабочек и т. п. Особенно ценились застежки тонкой филигранной работы, покрытые позолотой, а также застежки из слоновой кости, выполненные по растительным мотивам, украшенные золотой насечкой, гравировкой и инкрустацией. Но основная масса женщин носила серебряные застежки, украшенные чернью.

Пояса¹⁰⁹. С нарядным платьем молодая женщина часто носила пояс с металлическими украшениями. Больше всего были распространены широкие кожаные пояса с массивной серебряной пряжкой, украшенной сканно-зерновым узором и составляющей нередко треть или половину всей длины пояса. На кожаную часть пояса нашивали монеты различных достоинств и выпуклые серебряные бляхи. Монеты обычно составляли три ряда по всей длине пояса: верхний ряд составляли мелкие монеты, а нижний — наиболее крупные (обычно царские рубли). Иногда крупные монеты пришивались поближе к пряжке, а мелкие подальше, в том месте, где их закрывал платок. К нижней части пряжки пояса прикреплялись подвески на цепочках. Вместо кожи при изготовлении пояса использовали иногда плотную ткань с подкладкой. Такие пояса в XIX — начале XX в. широко бытовали в горном Дагестане.

Пояса другого типа состояли из звеньев — восьми-десяти серебряных пластинок (круглых или прямоугольных), соединенных между собой посредством колечек или шарниров. Такой пояс имел обычно массивную фигурную пряжку. Судя по сохранившимся образцам, при изготовлении поясов этого типа использовалась техника ажурной накладной филигрании и зерни, позолота, а также инкрустация бирюзой, рубином или цветным стеклом. Иногда к передним пластинкам (по обе стороны от пряжки) прикреплялись на цепочках подвески филигранной работы, также позолоченные и украшенные мелкими цветными камушками. К подвескам, в свою очередь, прикреплялись ромбовидные или треугольные пластинки. Часто под филигрань стелили цветную фольгу.

Пояса делались также из серебряных пластинок, но без подвесок, менее нарядные, хотя и украшенные сканно-зерновым узором или глубокой гравировкой с чеканным фоном и чернью. Оба типа поясов из пластинок приобретали только богатые женщины, ибо они стоили очень дорого (их стоимость приравнивалась к стоимости коровы, лошади или нескольких овец).

Большое распространение имели пояса из широкого золотого или серебряного галуна или бархата на подкладке с массивной серебряной

фигурной пряжкой. Нередко к таким поясам на определенном расстоянии одна от другой пришивались фигурные же пластинки (10—15 штук).

Встречались и серебряные пояса из двух рядов пластинок полусферической формы, имевшие большую пряжку. Такие пояса обычно были покрыты разноцветной эмалью. Изготавливались они во Владикавказе как дагестанскими, так и северокавказскими, а также и армянскими мастерами и были широко распространены у всех народов Дагестана, Северного Кавказа и Закавказья. При этом пояса женщин Северного Дагестана — кумычек — более близки к поясам северокавказских женщин — осетинок, кабардинок и т. д., а пояса женщин горного Дагестана — аварок, цахурок, рутулок, лезгинок и др. — тяготели к закавказским образцам. Они были более массивны и близки к древним формам. Наиболее древней формой, на наш взгляд, следует считать кожаные пояса с большими пряжками. Подобные поясные пряжки обнаружены в раннесредневековых памятниках горного Дагестана. Они изготавливались также из витой бронзовой проволоки¹¹⁰.

Описанные пояса надевали только в торжественных случаях, с нарядными платьями. Ни девочки, ни пожилые женщины таких поясов не носили. Из моды они вышли в 30-х годах нашего столетия. В настоящее время сохраняются как семейные драгоценности и произведения искусства.

УКРАШЕНИЯ ДЛЯ РУК

Украшения для рук представлены в Дагестане всевозможными кольцами и браслетами. Кольца¹¹¹ были распространены преимущественно серебряные, типа печаток с гравировкой под чернь или с цветными камнями, окаймленными зернью. Гнездо для крупного камня оформлялось по-разному: это могла быть простая серебряная лента, напаянная на дно строго перпендикулярно, или почти шарообразное очень крупное гнездо, украшенное ложной зернью и сканью, в которое вставлялся крупный камень (сердолик, альмадин, бирюза, цветное стекло и др.). В некоторые кольца вставлялось по несколько камней, подобранных по цвету. Женщины из богатых семей, особенно из феодальных, носили золотые кольца с изумрудом, рубином, бриллиантами, жемчугом. Кольцами обычно украшали указательный и безымянный пальцы. В горном Дагестане нередко носили их и на других пальцах.

¹¹⁰ Об этом можно судить по статуэтке, приобретенной А. М. Завадским в сел. Тинди и хранящейся в ГИМ.

¹¹¹ Авар. *баргъич*, кум. *юзюк*, лезг. *гунлаа*, лак. *кхисса*, дарг. *тйулека*, *тйуннигале*, агул. *тубалар*, рутул. *мызгыр*, *кьок*, дер. азерб. *юзюк*.

¹⁰⁹ Авар. *рачал*, *цлантла*, *ашуни*, дарг. *камал*, лак. *мухлау*, *камар*, лезг. *камари*, кум. *бельбав*, *кемел*, *камал*, таб. *камар*.

Рис. 56. Даргинские кольца (с. Кубачи)

Женщины Дагестана с древнейших времен очень любили браслеты¹¹². Еще в эпоху бронзы были широко распространены браслеты из бронзы и кости: пластинчатые округлой формы, что наиболее характерно для ранних памятников бронзового века, либо браслеты из округлого или сегментного в сечении стержня¹¹³. Оба типа браслетов имели незамкнутые или заходящие один за другой концы в полтора, два и даже четыре оборота.

Наиболее древними из сохранившихся в XIX—XX вв. являлись витые браслеты из толстой серебряной проволоки (иногда серебро заменялось сплавом). Концы их нередко оформлялись в виде змеиных головок. Такие браслеты близки по типу к бронзовым браслетам эпохи раннего средневековья, найденным на территории горного Дагестана¹¹⁴. По мнению Д. М. Атаева, витые браслеты получили распространение в Дагестане, так же как и на всем Кавказе, в Крыму и южнорусских степях, с VIII в. н. э.¹¹⁵

Наиболее простые по технике выполнения браслеты позднего периода представляют собой два ряда толстой витой проволоки, которой придана форма незамкнутого овала. Одновременно встречались и более сложные браслеты. При их изготовлении между двумя рядами толстой проволоки прокладывалась в один-два ряда витая или рубленая тонкая проволока. В этом случае конец браслета либо расплющивался и на него наносился гравированный черневой узор, либо инкрустировался цветными камнями и стеклом. Иногда поверхность толстой серебряной проволоки украшали сравнительно простым черневым узором.

Форму незамкнутого овала имели и браслеты совсем иной техники изготовления. В этом случае выковывалась серебряная пластинка с закругленными краями толщиной 1,5, шириной до 30 и длиной 80—100 мм и на болванке изгибалась в овал. Эта пластинка покрывалась затем натуральной зернью, украшалась чеканными выпуклыми шишечками и инкрустиро-

валась цветными крупными камнями в очень высоких гнездах; нижняя часть гнезд украшалась сканью. Поверхность браслета приобретала таким образом световые блики и в сочетании с камнями выглядела очень нарядно и богато.

Браслет такого же типа мог быть украшен простой гравировкой под чернь и одной-тремя чеканными выпуклыми розетками разных форм, напаянными на поверхность браслета.

Браслеты с застежкой (двустворчатые) были распространены меньше и, на наш взгляд, являются по своему происхождению более поздними. Они состояли из двух-трех пластинок (большой — в середине, меньших — по краям), соединенных посредством шарниров. По декоративному облику они мало чем отличались от браслетов без застежки. Их также инкрустировали камнями, цветным стеклом, украшали зернью или гравировкой и чернью. Если браслет украшался зернью, в центре он имел утолщение, что придавало браслету большую массивность; соответственно увеличивалось и число камней. Браслет закреплялся на запястье замкнутым кольцом на шарнирной же застежке. Известны и браслеты, состоящие из мелких блях — звеньев, иногда покрытых эмалью¹¹⁶.

С проникновением в горы изделий фабричного производства местные мастера стали изготавливать браслеты по городским образцам. Это были совсем легкие браслеты из тонкой проволоки или пластинки, покрытой чернью, чаще с одним крупным камнем в середине. На плоскости (у кумыков), возможно под влиянием привозных фабричных изделий, большие массивные браслеты в начале XX в. уже не бытовали. Женщины носили преимущественно легкие, узкие браслеты, чаще с позолотой и с камнями или цветным стеклом. В начале XX в. кумычки покупали в основном браслеты фабричного, а не местного изготовления. Носили браслеты на одной и на обеих руках.

Часть женских украшений сохраняла значение амулетов. В футлярчиках ювелирной работы некоторые молодые женщины носили листочки с молитвой от «сглаза», «злых духов»

¹¹² Авар. курхын, дарг. кумха, кум. билезик, лак. каниш, лезг. цам.

¹¹³ Гаджиев М., 1969, рис. 22, 40; 34, 2; 38, 10; 19, 5, 6; 20, 11, 12; 22, 39; 27, 6, 7, 9.

¹¹⁴ Котович и др., 1961, рис. 9, 1; Атаев, 1963, рис. 9, 5, 7, 10.

¹¹⁵ Атаев, 1963, стр. 146.

¹¹⁶ Арбуханова, рук., стр. 44.

Рис. 57. Браслеты:

а — даргинский (с. Акуша), *б, в* — даргинские (с. Кубачи), *г* — лакские (с. Вихли), *д* — аварский (с. Ругуджа),
е, ж — лакские (с. Балхар), *з* — аварский (с. Корода), *и* — даргинский (с. Кубачи, совр. работа)

Рис. 58. Женщины в национальной одежде с украшениями (с. Бутри)

и т. д. Эти листочки складывали треугольником или квадратом, обтягивали шелком, украшали нарядным галуном, тесьмой и мелкими монетами. Эти амулеты с украшениями пришивали к платью под рукавом. Амулетами являлись и некоторые украшения из камня, янтаря, а также «отгоняющего зло» айвового дерева (*гъай-ва минчакъ*). Всевозможные обереги были особенно характерны для детской одежды, в том числе для одежды девочек. Это были всевозможные пришивные бляхи, раковины каури, камешки, «отгоняющие зло», и т. д.

Многие элементы украшений, бытовавших в XIX—начале XX в. (фигурки, трубочки, бляхи, подвески и т. д.), являлись фрагментами ранее существовавших украшений, но использовались уже по-новому, в соответствии с модой и формой одежды.

Украшения носили и девочки, но в меньшей степени. В первую очередь надо отметить украшения, нашиваемые на чухту (горный Дагестан). Налобная кромка детской чухты обшивалась тонкой цепочкой в один-три ряда; иногда она переходила в височную подвеску. По теменной части убора нередко нашивались в один ряд монеты и бусы (даргинцы).

Девочки носили легкие простые серьги, в качестве браслетов — две-три нитки мелких

бус, а также тоненькие колечки. Пояса, браслеты, крупные кольца, большие застёжки были принадлежностью исключительно женского наряда.

Особенно обильны и разнообразны были украшения невест, которых богато одаривали родственники.

Подводя итоги сказанному, можно заключить, что в одежде народов Дагестана украшения играли огромную роль. Наличие на территории Дагестана таких известных центров ювелирного искусства, какими исстари являлись Кубачи, Кумух, Ругуджа, Согратль, Гочатль и др., оказало огромное влияние на широкое распространение среди женщин Дагестана всевозможных украшений, преимущественно серебряных. Украшения эти отличались совершенной техникой исполнения, богатством форм и отделки. Особенно славились филигранные изделия.

Несмотря на большое своеобразие и локальные особенности, традиционные украшения народов Дагестана составляли в целом единый тип, позволяющий говорить об общности их материальной основы. Сравнивая комплекс женских украшений отдельных народов Дагестана, в частности аварцев, даргинцев, лакцев, можно заключить, что украшения этих

горных народов составляли особую общую группу.

Почти едины по форме и декоративному облику даргинские, аварские, лакские серьги, кольца и браслеты; очень схожи сложные нагрудные украшения — даргинские *кIичI* и аварские *куцI* — с однотипными массивными пряжками.

Традиционное украшение налобно-теменной части чухты является также единым почти для всех горских женщин: аварок, даргинок, лачек и др.

Те же аналогии можно найти в височных украшениях. Даргинки, аварки многих обществ, агулки, лачки (Балхар) украшали платье нашитыми монетами.

Однако в манере ношения, направленности вкусов, формах украшений у женщин каждого народа, а порой даже каждого общества внутри одной этнической территории были свои особенности.

На плоскости (кумычки, дербентские азербайджанки, татки) и в некоторых горных обществах (кумукские лачки) одежду украшали серебром в гораздо меньшей степени, чем у горных народов. Женщины старшего возраста, как правило, кроме небольших серег, одного кольца и мелких застежек на платье, других украшений не носили. Пришивание монет на одежду, украшение чухты серебром в исследуемое время не практиковалось. Украшения здесь варьировали в зависимости от одежды. Светлое, легкое платье, легкий платок или шарф из гипюра, газа требовали легких поясов, мелких застежек, легких ожерелий. Для зимней одежды соответственно требовались более массивные украшения. Излишество в украшении костюма воспринималось здесь как грубый вкус.

Близкое соседство одних этнических групп с другими, отдельных народов Дагестана с северокавказскими и закавказскими народами издавна влияло на образование локальных особенностей культуры. В то время как у кумыков, особенно Терско-Сулакской низменности, в XIX — начале XX в. бытовали некоторые виды украшений, более характерные для осетин, черкесов, русских и т. д. (нагрудные застежки в виде кинжальчиков, некоторые варианты поясов, серьги и т. д.), у лезгин, цахурцев, рутульцев, аварцев чаще, чем у остальных, встречались ожерелья, пояса, подвески и т. д. азербайджанского, грузинского и армянского типов. Это нашло свое отражение и в терминологии одежды и украшений.

Тем не менее многие формы женских украшений, бытовавших в Дагестане в XIX — начале XX в., как мы уже отмечали, своими корнями уходят в глубокую древность и свидетельствуют о преемственности, традиционности развития материальной культуры народов Дагестана.

* * *

Говоря об украшениях, следует упомянуть о косметике, которой молодые женщины Дагестана уделяли достаточно внимания.

Идеалом красоты считалась стройная женщина с тонкой талией, чистым белым лицом, длинными косами, завитыми локонами, густыми, длинными бровями в форме полумесяца, с румянцем во всю щеку.

Для ухода за кожей лица женщины применяли простые народные средства: вымыв лицо теплой водой, мазали его на ночь смесью теплого растительного масла и воска, простоквашей. Лоб, пространство вокруг бровей и рта очищали от волосинок при помощи перекрученной нити или маленьких щипцов.

В качестве косметических средств многие женщины применяли белила и румяна. Брови и глаза подводили сурьмой, которой лечили и болезни глаз. Сурьму доставляли обычно из Персии. Одновременно готовили черную пасту для окраски бровей из жженных грецких орехов или сердцевинки головки чеснока с маслом.

Многие женщины, особенно старшего возраста, красили волосы хной. Это делалось как для красоты, так и для укрепления корней волос. Считалось, что хна помогает и от головной боли. Для укрепления волос женщины накладывали на голову горячую кашку из толченых ядер абрикосов и небольшого количества винного уксуса или мыли голову сыворожкой, кислым молоком. Чтобы волосы блестели, в воде растворяли яичный белок с маслом.

Некоторая часть женщин Дагестана еще в конце XIX — начале XX в. применяла и татуировку, что, очевидно, было связано с магическими представлениями в прошлом. А. Дирр посвятил этому интересному явлению специальную статью. Он пишет: «В 1904 году я видел в Дагестане татуированных женщин; одну в сел. Хаджалмахи, которая имела между бровями четыре синих пункта... и один на подбородке. К сожалению, она не хотела ничего сообщить мне насчет этого обычая. Интереснее были татуировки некоторых женщин из сел. Вихул, которых я видел на базаре в Кумухе... Мне тогда говорили, что в упомянутом селении (Вихул, Вихли, Казикумухского окр., Вицхинского уч.) все женщины татуированы... Впрочем, по словам жителя аула Михик (Самурского окр.) Молла Али Рамазаноглы, цахурские женщины имеют татуировку на груди и в области сосков. Кажется, что последние окружены кольцеобразной татуировкой. Как сообщил мне Молла Али, раньше татуировали также лицо, но этот обычай уже оставлен»¹¹⁷.

¹¹⁷ Дирр, 1915, стр. 23—24.

По словам представительниц старшего поколения женщин, татуировке главным образом подвергались лицо, в частности лоб, промежутки между бровями и концы бровей. В последнем случае преследовалась цель увеличить длину бровей почти до ушей. Между бровями чаще всего делали кружочек, а от

бровей к вискам — узкую полоску. Следует отметить, что татуировку применяли обычно замужние женщины, что, очевидно, символизировало их принадлежность к определенной возрастной группе. В начале XX в. эта традиция бесследно исчезает.

6. ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА

СВАДЕБНАЯ ОДЕЖДА

Костюм жениха по внешнему виду и покрою не отличался от обычного, но был по возможности лучшего качества. Он состоял из белой рубашки, штанов из плотной черной или серой ткани, бешмета из тафты, атласа или сатины, суконной черкески с газырями, мягких сафьяновых сапог (красных, желтых или черных) с кожаными галошами или хромовых сапог с твердой подошвой, меховой папахи, по возможности из среднеазиатского каракуля. Черкеска жениха подпоясывалась узким кавказским ремнем с серебряным набором, с кинжалом, иногда и пистолетом. Если свадьба происходила зимой, жених надевал еще овчинную шубу. В таких же нарядных костюмах должны были быть и друзья жениха. У хунзахских аварцев жених надевал также особую безрукавку (*веренсервей*) из красной ткани, которая являлась символом верности жениха. У других групп аварцев жених и его друзья носили через плечо длинное кумачовое полотнище, которое выделяло их из общей массы и «которое также означало молодость, невинность жениха»¹¹⁸.

Интересно отметить, что согласно обычаям некоторых народов одежду для жениха справляла семья невесты. Так, например, жених сел. Ругуджа в день свадьбы должен был надеть бешмет, специально сшитый для него в семье невесты. Этот обычай, по-видимому, следует квалифицировать как пережиток матриархальных порядков.

Как правило, одежду к свадьбе шили все родственники жениха и невесты.

Свадебный костюм невесты в бедных семьях состоял обычно из одного комплекта, а в богатых — из нескольких. Чем состоятельнее были семьи девушки и жениха, тем богаче был свадебный наряд невесты. У даргинцев сел. Ашты, например, невеста из состоятельной семьи должна была иметь 10 рубах-платьев, 10 покрывал, одну богато украшенную, шелковую чухту, пару войлочных сапог, нарядную шубу. В сел. Кубачи число головных уборов богатой невесты нередко доходило до 25—30, причем один *кIаз* обязательно расшивался зо-

лотом и имел широкую золотую кайму и золотую бахрому. Множество платьев и платков имели и невесты цудахарского этнографического района. У ряда народов (кумыки, дарбентские азербайджанцы, табасаранцы, частично даргинцы, лакцы и др.) свадебную одежду невесты целиком обеспечивал жених. Так, например, в предреволюционные годы в кумыкском селении Нижнее Казанище жених из семьи среднего достатка должен был послать невесте на платье отрез шерсти, отрез кисеи, отрез плотного узорного шелка, отрез на рубаху (*гёйлеклик*) из шелка, отрез дарай на штаны, восемь-девять платков, в том числе шелковый (*хара явлукъ*), с вытканым узором московской фабрики Вшивкина; платок из кашемира (*шал явлукъ*), теплый шерстяной платок с завитками (*кёрпе явлукъ*) и пять-шесть тонких шелковых платков производства шелковой фабрики в Гянце, пару обуви — модные фабричные сапожки или традиционные башмаки, отрез на *чуткъу*. Богатые семьи требовали еще шкурки на меховую шубу и ткань на ее покрытие. Шили наряд невесте еще до свадьбы.

Свадебный наряд невесты почти у всех кумыков состоял из широких шелковых штанов (*генг балакъ иштан*), длинной шелковой рубахи с отрезной талией (*бурушма гёйлек*), платья с откидными рукавами из плотного узорного шелка или гладкого плюша, шерстяного или шелкового *чуткъу*, шелкового платка, чаще светлых тонов, чужак из красного сафьяна, кожаных галош и (в отдельных обществах) шубы из мерлушки. Посетивший Дагестан в конце XIX в. и побывавший на свадьбе в кумыкском селении Эрпели А. П. Андреев писал: «Он — стройный и высокий горец в черной черкеске, перехваченной в рюмочку серебряным поясом. Она — прелестная, грациозная брюнетка с черными огненными глазами. Шелковая рубашка, наглухо зашитая спереди, и архалук из тонкого сукна, обшитый золотым позументом, обрисовывали ее красивые формы... и гибкий стройный стан... Голова ее была покрыта дорогим платком, один конец которого спускался на грудь, а другой был кокетливо закинут назад»¹¹⁹.

¹¹⁸ Материальная культура аварцев, стр. 256, 257.

¹¹⁹ Андреев, 1899 стр. 115.

Свадебный костюм невесты из семьи среднего достатка у даргинцев состоял обычно из шелкового платья-рубахи, длинных штанов, отороченных внизу полосой из пестрого ситца с широкой черной отделкой, бархатной или атласной, шелкового или бязевого покрывала, шелковой или ситцевой чухты с отделкой, черных сафьяновых чувак или кожаных сапог (в горных обществах — войлочных сапог), шубы из шкурок молодых барашков и т. д.

Костюм аварки-невесты сел. Ругуджа (анда-ласская этнографическая группа) включал сапоги из цветной или черной кожи или калоши из тех же цветов кожи, нередко отделанные вышивкой серебряной или золотой канителью. Вместо сапог надевались иногда чуваки из золотного цветного бархата на плотной кожаной подошве или кожаные, расшитые золотом или цветным шнуром. Узкие, типа мужских, штаны из черного атласа, ластика отделялись вышивкой или же шились из яркого шелка, золотного бархата.

По нижнему краю штанины обшивались золотым галуном и тесьмой. Наплечную одежду составляла широкая длинная рубаша из шелка, которую невеста надевала без пояса, но чуть-чуть заправив у бедер в штаны. Головной убор состоял из нескольких частей: непосредственно на волосы невеста надевала чухту из шелка, сверху — головную повязку (*нодокъи*) и, наконец, покрывало. Голову и лицо невесты почти скрывала маленькая квадратная накидка из темной ткани на подкладке (*маргъал*) с нашитыми серебряными украшениями и жемчугом. Поверх всего этого накидывался еще большой платок из шелка с узором, который складывался треугольником и не завязывался. Концы его свисали сзади.

У ряда народов горного и предгорного Дагестана — андийцев, ботлихцев, некоторых даргинских обществ и др. — поверх всего наряда невеста накидывала на плечи длинную овчинную шубу с длинными ложными рукавами. У андийцев такую шубу невеста накидывала даже летом.

В свадебный комплект одежды у некоторых народов Дагестана обязательно входили и белые, нарядно украшенные войлочные сапоги (сюргинские даргинки, лачки сел. Балхар и др.). Для свадебных церемоний аварки сел. Тлядал, Телетль и др. вязали особую обувь из цветных ниток с загнутым вверх носком. Эту обувь невеста надевала только на свадьбу, и в ней же ее впоследствии хоронили¹²⁰.

В свадебный наряд арчинки входили длинная красная, отделанная полосой цветной ткани рубаша, собранная зеленым матерчатым поясом; яркого цвета штаны, чаще бархатные, украшенные узкими поперечными разноцветны-

ми полосами в виде лент, нашиваемых на нижнюю часть штанин, а также вышивкой выше пояса; сапожки из войлока с загнутыми кверху носками (часто украшенные серебряными бляхами), чухта с «левым серебром», яркое покрывало. В качестве верхней одежды шилась накидка, либо войлочная, либо овчинная (зимой), также богато украшенная разноцветными полосами ткани. Особенно нарядно отделялась войлочная накидка (*чухъай*), представляющая собой тип расклешенного халата с глубоким вырезом горловины, с прямыми длинными рукавами, свисающими при носке, как правило, сзади. Горловина окантовывалась красной полоской, боковые и передние швы — тесьмой зеленого, желтого, красного и оранжевого цветов. Рукава и спина расшивались растительным орнаментом.

Большое значение придавали цвету свадебного наряда невесты. Кубачинская невеста, например, в первый день свадьбы обязательно надевала платье-рубашу бордового цвета, которое на второй день она могла сменить на платье любого цвета, но такое же яркое. Даргинка сел. Цутни в дом жениха отправлялась в белой бязевой рубаше (будничная одежда шилась из черных тканей) и накидывала белое бязевое покрывало. После брачной ночи она меняла это одеяние на яркое шелковое или обычное черное платье. Лакская невеста (сел. Вихли) поверх яркого костюма, в том числе и головного убора, обязательно набрасывала *бакренсса* — «покрывало из белой бязи длиной 6—6,5 м; оно свободно закрывало всю фигуру невесты»¹²¹.

Белое покрывало (*шаршав*) накидывала и кумыкская невеста, отправляясь в дом жениха. Обязательной принадлежностью костюма невесты были также украшения, и прежде всего пояс, кольца, браслеты, коралловые ожерелья.

У народов предгорного и горного Дагестана обязательным элементом украшения невесты были и монеты, серебряные цепочки, бусинки, нашиваемые на платье и головной убор. Очень интересны, например, украшенные серебром свадебные платья-рубахи невест музринского этнографического района Даргинии, а также балхарок и уллучаринок Лакии. Свадебная рубаша балхарской невесты (*цликъури*) спереди, от плеч до подола, обшивалась различными серебряными подвесками, монетами, массивными бляхами, украшенными цветным стеклом, полудрагоценными камнями и подвесками на цепочках, большими кольцами, трубочками, кувшинчиками, колокольчиками. По подолу нашивалась цепочка с мелкими монетами или бляшками. Таким же образом украшалась и рубаша харбукской невесты, но на нее чаще навешивались монеты. Неотъемлемой

¹²⁰ Ср. Читая, 1940, стр. 315.

¹²¹ Булатова, 1971, стр. 124.

частью свадебного наряда невест многих горных обществ — аварцев, даргинцев, лезгин, табасаранцев, агулов и др. — являлись нагрудники с нашитыми монетами и бляхами, цепочки и т. д. Вот что писал Е. М. Шиллинг о наряде невесты аула Ругуджа (андалалский этнографический район Аварии): «Можно представить себе ругуджинскую невесту, надевшую все эти старинные украшения: от талисмана до подола рубахи сплошное, звенящее, покачивающееся от движений причудливое серебро»¹²².

Число украшений увеличивалось на второй день свадьбы, после брачной ночи. В этот день все близкие родственники мужа одаривали молодую кольцами, браслетами, серьгами, ожерельями.

В селениях Кубачи, Ашты, Кунки, Сулевкент и др. (Даргиния) нередко каждый палец руки новобрачной бывал унизан двумя-тремя кольцами.

Следует отметить, что свадебный наряд имел много локальных особенностей, которые проявлялись не только в форме одежды и ее расцветке, но и в манере ношения.

В зависимости от экономического положения семьи в некоторых обществах свадебный наряд носили три дня, в других — до сорока дней (Кубачи и др.), в третьих — до рождения первого ребенка. Вообще до рождения первенца молодая, как правило, одевалась значительно богаче, чем другие члены семьи. В некоторых селениях даргинцев (Ашты, Кунки и др.) молодая невестка должна была до рождения первого ребенка носить нижнюю рубаху примерно на 3 см длиннее, чем верхнее платье.

Все вышеизложенное позволяет сделать заключение о том, что свадебная одежда народов Дагестана представляет собой развитый элемент народной материальной культуры.

ТРАУРНАЯ ОДЕЖДА

Траурную одежду шили из простых тканей темных тонов. Самые близкие (жена, дочь, сестра) умершего носили длинное (до пят) черное платье, черный платок или черное покрывало. Другие родственники — серое, мышиного цвета платье, темное покрывало. Обувь в дни траура также надевали только черную.

У некоторых народов (например, у кумыков) траурным цветом платка обычно был белый. Здесь носили черное платье и белый мадаполамовый или бязевый платок. Черный платок женщины надевали лишь в том случае, если в семье умирал единственный брат или сын.

В горной зоне Дагестана (аварцы, даргинцы, лакцы и др.) женщины в трауре надевали и шубу, которую не снимали даже летом. Обычно по истечении двух-трех лет шубу с женщины должен был снять какой-нибудь влиятельный родственник или аульчанин — кадий, мулла.

Во время траура одежду не стирали и родственники умершего по возможности не выходили днем из дому. Траурную одежду надевали лишь после похорон, на последний (пятый) день массового оплакивания. У кумыков близкая к умершему женщина надевала мешок с прорезями для головы и рук, который не снимала семь дней. Кое-где (кумыки, аварцы-андалалы и др.) еще в конце XIX в. сохранились пережитки древнего обычая: молодая жена, иногда и сестра умершего, отрезали две косы и обматывали ими запястья рук.

Траур по главе семьи-кормильцу, а также юноше соблюдался строже и длился дольше. Траур по женщине и мужчине, достигшим глубокой старости, напротив, — меньше. Во время траура все украшения убирали, головной убор надевали низко на лоб, так чтобы были спрятаны локоны. Срок траура различался в зависимости от степени родства: сестра, жена, дочь соблюдали траур обычно от года до двух лет, двоюродные сестры — до года, дальние родственники и соседи — сорок дней. В течение этого срока нельзя было выходить из ворот своего двора и снимать траурную одежду.

Мужчины специальной траурной одежды не шили, довольствуясь обычным, бывшим в употреблении платьем. Одежду в дни траура обязательно перетягивали поясом с кинжалом, старались держаться подтянуто, особенно при насильственной смерти родственника. Самые близкие родственники иногда в течение пяти-шести дней носили шубу наизнанку, мехом наружу, также туго перевязав ее поясом. В течение сорока дней мужчины не брились, не ездили на лошади по аулу, не ходили на свадьбы, не вступали в длительные беседы, выходили из дому рано утром или поздно вечером.

¹²² Шиллинг, 1950, стр. 59.

Охарактеризовав отдельные элементы традиционной женской одежды различных народов и этнических групп Дагестана, мы сочли необходимым описать основные костюмные комплексы народов Дагестана.

АВАРСКИЙ КОСТЮМНЫЙ КОМПЛЕКС

Среди женских костюмных комплексов особое место занимает костюм аваро-андо-дидойских народностей, отличающийся, в свою очередь, многовариантностью. В целом костюму женщин этой группы народностей присущи простота покроя, в основном темный колорит, оживляемый яркими дополнениями: поясами, цветными чухтами, головными покрывалами и красочными массивными украшениями. Все эти особенности в какой-то степени сближают аварскую одежду с античной или грузинской горской народной одеждой.

Аварки плоскостных и предгорных районов одевались почти так же, как кумычки (см. «Кумыкский костюмный комплекс»).

Андалалские аварки носили в основном длинное и широкое, по преимуществу черное платье-рубаху туникообразного покроя *горде*, *кунта*, длинные узкие черные штаны *ажу*, *тлажу* с цветной (чаще яркой) отделкой по низу штанин, чухту *чохтлу*, *чохтло* типа чепца, островерхую в своей основе, с накосником, покрывало *мучли* (преимущественно черное для женщин пожилого возраста, для молодых — яркое) и платок *кiaz*, *квархи*, *гурменду* поверх покрывала. Обувь андалалки составляли сафьяновые чупаки *махлцал*, *мачуял*, кожаные и войлочные полусапожки.

Андалалки не опоясывали рубаху матерчатым поясом, а чуть-чуть затыкали под пояс штанов. Теплой зимней одеждой служили нагольные овчинные шубы-накидки, либо безрукавные, либо с узкими ложными рукавами. Нарядная одежда, в том числе покрывало, была разноцветной, по возможности из привозных шелковых тканей.

К костюму андалальцев близко примыкал костюм хунзахцев. Женщины этих групп не носили громоздких головных уборов, а также множества металлических украшений. Их костюм по сравнению с костюмом других народностей аваро-андо-дидойской группы был более легким, удобным, хотя и здесь платья шились просторные, не облегающие фигуру. Следует подчеркнуть, что в эту часть Аварии сравнительно рано стали проникать сшитые по фигуре, с отрезной талией платья *к'абалай*, а также распахная бузма.

Гидатлики носили широкое и длинное платье-рубаху *кунта* преимущественно черного цвета с яркими цветными ластовицами под

рукавами, длинные черные штаны *тлажу* с широким шагом, чухту *г'оркь* в виде чепца с накосником из разноцветных кусков ткани с оригинальными большими височными бляхами, матерчатый пояс, чаще из светлых тканей, большое покрывало *чаба* из цветных тканей (белое, розовое, голубое и др.), надеваемое поверх чухты. Обувью гидатлики служили в основном легкие сафьяновые, а также (зимой) войлочные сапожки *хитал*. Зимней теплой одеждой, носимой поверх платья-рубахи, являлась шуба-накидка *к'лац* без рукавов с большим длинным (почти до пояса) воротником. Молодые гидатлики нарядную одежду шили из разноцветных тканей и носили ее с широким ременным поясом *рачел* с медной литой пряжкой и свинцовыми украшениями.

Женщины общества *Карах* (селения Гочоб, Тлярш и др.) носили длинное черное платье-рубаху туникообразного покроя (чаще из вельвета) с яркой отделкой у подола, узкие длинные штаны из плотной темной (обычно черного цвета) ткани, широкий белый пояс из бязи, под который подтыкали спереди поднятый подол рубахи. Головным убором служила чухта, либо островерхая, шлемообразная, с кожаными лопастями (наподобие башлыка), с круглыми височными бляхами, либо в виде круглого чепца из разноцветных кусков, расположенных в определенном сочетании. Сверху накидывалось белое домотканое покрывало *к'лаз* и поверх него надевалась черная повязка в виде чалмы *ч'луртло*. Обувь — чаще войлочные с кожаной отделкой сапоги, поверх которых на выпуск надевались штаны. Будничный костюм женщины дополняла нагольная овчинная шуба-накидка *к'лач* трапецевидной формы с выступами у плеч и свисающими от них лентами из овчин, имитирующими рукава.

Чамалики носили длинное черное платье-рубаху *ххинчу*, длинные черные штаны *бата*, черное покрывало *к'лан*, черную чухту *к'ланеса* с накосником в виде полотнища, с височными кольцами, черный или белый матерчатый пояс *рачал*, войлочные или кожаные сапожки, шерстяные вязаные носки.

Багулалки. Длинные черные платья-рубахи туникообразного покроя, черные штаны, черные покрывала, черные чухты с височными кольцами, красный кушак, кожаные войлочные сапожки.

Тиндалки. Просторные черные платья-рубахи туникообразного покроя, узкие черные штаны, черная чухта в виде чепца, соединенная с накосником — полосой ткани, с височными кольцами, черное покрывало, красный кумачовый пояс.

Андийки. Длинные и широкие платья-рубахи *кванно* чаще из черной ткани, черные штаны *ошк'юги*, заправляемые в сапоги, цвет-

ная чухта с высоким выступающим надо лбом седлообразным корпусом и длинным полотнищем на подкладке, свисающим по спине, большим белое покрывало *кIази*, носимое поверх чухты, войлочные и кожаные сапоги *чакмагьол*. Андийки не носили матерчатых поясов, а затыкали рубаху (на бедрах) в штаны. Поверх рубахи зимой набрасывали нагольные шубы-накидки *бишо* с ложными рукавами.

Ботлихки. Черное платье-рубаха, черные штаны, так называемая рогатая чухта *кIамбалы* *кIаджа* с высоким, выступающим надо лбом корпусом в виде подушечки из ярких тканей, белое или черное покрывало. Рубаху обычно не подпоясывали кушаком, а затыкали на бедрах в штаны. На ноги надевали сапожки из черной, красной кожи, калоши, а зимой и войлочные сапоги. Зимней верхней одеждой являлись овчинные нагольные шубы.

Дидойки. Рубаха *кунта* туникообразного покроя, преимущественно черного цвета (иногда густо-синие, коричневые и др.) с красной каймой у подола, черные длинные штаны — *гьелълу*, заправляемые в голенища обуви, широкий ярко-красный пояс *ашуни* (из кумача, сатина); оригинальная чухта-накидка *кIаз*, напоминающая плащ со своеобразным круглым капюшоном. *КIаз* заменял и покрывало. С конца XIX в. эта накидка стала интенсивно вытесняться большим черным платком.

Дидойки носили богато орнаментированную тупоносую шерстяную вязаную обувь *гедоби* на толстой вязаной же подошве или сапоги. Зимней одеждой служила нагольная овчинная шуба, которая бытовала в двух видах: трапецевидная *боко* с обычными рукавами и шуба-накидка *кIач* такого же покроя, но с узкими длинными рукавами и со сравнительно большим воротником.

Бежтинки. Бежтинки также предпочитали одежду из тканей темных тонов, чаще черного цвета, и одевались почти так же, как дидойки: черное платье-рубаха с цветной отделкой внизу, черные штаны, такого же покроя шуба. С конца XIX в. чухта *кIаз* традиционного покроя стала постепенно заменяться простыми, сравнительно легкими головными уборами — мешковидной чухтой и квадратным платком *шал*.

Отличительной особенностью костюма бежтинок является то, что они, в отличие от дидоек, опоясывали платье не красным поясом, а желтым или оранжевым. Их обувь — шерстяная, вязаная *хIакIа* — в отличие от дидойской *гедо* имела резко выраженные загнутые вверх носки, а также более низкие голенища.

ЛЕЗГИНСКИЙ КОСТЮМНЫЙ КОМПЛЕКС

Лезгинская группа народностей предпочитала ткани в основном ярких цветов — красного, желтого, зеленого, голубого, а также бело-

го цветов. Черное обычно носили в период траура, а также глубокие старухи; кроме того; будничная одежда также нередко была темного цвета. В целом костюм народностей лезгинской группы отличался пышностью, наличием многочисленных драпировок и складок, многоцветностью и в какой-то мере отражал влияние азербайджанского костюма.

Собственно лезгины. Повседневный лезгинский женский костюм состоял из длинного ситцевого платья-рубахи *перем*, *бегьрем* либо туникообразного покроя (чаще), либо отрезного по линии талии, с широкой юбкой, длинных ситцевых штанов *вахчаг*, верхнего распашного платья *валчагъ* (из сатина, атласа и т. д.), мешкообразного головного убора *шуткъу* и большого квадратного платка из шерсти, шелка, кисеи и т. д. Основным видом обуви лезгинок были богато орнаментированные шерстяные вязаные носки и чулки *кемечар* и *шаталар*, которые женщины в домашних условиях носили без верхней обуви, подшив для практичности сафьяном, а также кожаные поршни *шаламар* и калоши *калушар*. Зимой носили овчинные шубы либо с длинными ложными, либо с обычными рукавами.

Табасаранки. Рубаха *гурт* туникообразного покроя из цветных тканей длиной до икр (иногда и до пят) и широкие штаны *хчаг* из 6—6,5 м ткани, чаще яркой, набивной, отороченные по нижнему краю штанин цветной каймой. Приталенное платье *болушка гурт* с отрезным лифом, с широкими рукавами из гладких, чаще ярких, тканей, верхнее распашное платье — *валжагъ*, *дон* с отрезным узким лифом, плотно облегающим фигуру, и широкой юбкой, с небольшими откидными (ниже локтя) рукавами, обшитыми серебряными подвесками.

С нарядным костюмом, особенно со свадебным, табасаранка часто носила *передник*, сплошь покрытый серебряными монетами и бляхами.

Головной убор составляли *чуткъу* в виде мешочка, открытого сверху и снизу, чаще из ярко-красной ткани, но с черной отделкой в налобной и теменной частях, и квадратный платок, сложенный треугольником, который носили поверх *чуткъу*. Основными видами обуви являлись шерстяные вязаные, узорчатые носки *ячнар*, *кюлгар*, кожаные туфли без задников *башмаг*, калоши и легкие сафьяновые чувяки *мачий* (для дома).

Рутулки. Туникообразного покроя рубаха *ухун*, чаще из ярких тканей, узкие длинные штаны *вахчаг*, длинное распашное платье *архалык*, *валчах*, отрезное по линии талии, с узким лифом и широкой юбкой, с узкими откидными (от локтя вниз) рукавами. В некоторых аулах поверх архалыка рутулка носила *передник*. Теплой зимней одеждой служила длинная нагольная овчинная шуба *габачей*, узкая в талии и

ЛАКСКИЙ КОСТЮМНЫЙ КОМПЛЕКС

расширяющаяся книзу, с шалевым воротником, с отделкой из черной ткани на рукавах. Головной убор рутулки состоял из чухты *цлац* в виде мешочка, не зашитого сверху и снизу, и надеваемого поверх нее квадратного платка *шал* или *генже*, сложенного вдвое треугольником.

Обувью для женщин всех возрастов служили вязаные орнаментированные шерстяные носки *сукайбыр* и вязаные шерстяные сапоги *зываанбыр*, мягкие сафьяновые чуваки *чивекбыр*, а также покупные башмаки без задника *сармузар*.

Цахурки. Короткая рубаша *гурт* туникообразного покроя и узкие длинные штаны *бада* составляли нательную одежду цахурки. Поверх рубашки цахурка носила широкую длинную юбку *тайбалагъ*, собранную в талии сборкой или в складки, а также кофту в талию *къуфта* и передник *майзар*. Головной убор — мешковидная чухта *тюли*, шапочка типа чепца *дугмаче* из серебряных трубочек и цепочек, надеваемое поверх того или другого покрывало типа даргинских и аварских, а иногда и квадратный платок.

Теплую зимнюю одежду женщины составляла обычно приталенная нагольная овчинная шуба.

Обувью служили башмаки *сармузбы*, сафьяновые чулки *чустар*, а также вязаные сапожки *хамсабы* и *къацлабы*.

Праздничная одежда цахурок была очень яркая, с преобладанием красных и оранжевых тонов, а будничная — сдержанных светлых тонов; женщины преклонного возраста пользовались тканями темных цветов.

Агулки. Туникообразная рубаша и штаны с неширокими штанинами составляли нательную одежду. Поверх рубашки надевали распашной *валжагъ* такого же покроя, как и у других лезгинских народностей. В начале XX в. под нарядный *валжагъ* уже поддевали *бергъам* — приталенное платье с отрезным лифом и пришитой к нему сборками или складками широкой юбкой. В этом случае под откидным рукавом *валжагъа* виднелся узкий рукав платья. Головной убор агулки состоял из мешковидной чухты *къуч* и покрывала *клев* белого (у молодых) или черного (у пожилых) цвета.

Повседневная одежда шилась из бязи, ситца или сатина синего, черного, зеленого цветов. В нарядной одежде преобладали ткани ярких расцветок.

Женская овчинная шуба имела трапецевидный покрой, без воротника, с отделкой из кожи по линии горловины.

Обувью служили шитые из одного куска кожи *тапри* (тип дирихов), вязаные носки с пришитой кожаной подошвой и сапожки *гиванар*, а также кожаные калоши.

Молодые лачки предпочитали одежду ярких расцветок, пожилые женщины — темных. Нательной одеждой женщин, нередко заменяющей верхнюю, было длинное платье-рубаша, как у всех горянок, туникообразного покроя, а также длинные узкие (а иногда широкие) штаны. В некоторых обществах (Вицхи, Куба и др.), граничащих с Аварией, лачки, подобно андалским аваркам, рубашу по талии подтыкали в штаны. С конца XIX в. некоторое распространение получают платья: отрезное по линии талии с широкой юбкой *бузма гъукъа* и распашное *бузма*, также отрезное, с узким лифом и широкой юбкой.

Приталенный костюм, который покроем резко отличался от традиционного, чаще всего был лишь парадным. Его в основном носили женщины главного аула — Кази-Кумуха, бывшей резиденции ханов.

Чухта *бакIбяхIу* бытовала двух видов: в форме прямого мешочка, а также в виде полотноща, головная часть которого оформлялась наподобие чепца. Поверх чухты женщины в большинстве случаев носили большие квадратные платки, а в некоторых обществах (селения Вихли, Балхар и др.) — длинное покрывало белого или черного цвета (типа даргинских и аварских покрывал).

Зимой лачки носили и нагольные овчинные шубы *бартук* двух видов: приталенные, расширяющиеся книзу, отделанные у ворота дорогой тканью; короткие шубки-накидки (выше колен) с длинными узкими ложными рукавами, застегиваемые у ворота на пряжку.

Обувь лачки составляли кожаные калоши, туфли без задников *пашмакъру*, сапожки из сафьяна, а также (зимой) расшитые войлочные сапожки.

В целом костюм лачек, особенно жительниц Кази-Кумуха, менее тяжел и строг, чем костюм многих других горянок. На смену туникообразному платью-рубаше в исследуемое время постепенно стало приходить платье с узким отрезным лифом, в талию. Лакский женский костюм отличался более сдержанным колоритом и небольшим числом очень изящных украшений, что свидетельствует о длительных и тесных связях народа с носителями городской культуры.

ДАРГИНСКИЙ КОСТЮМНЫЙ КОМПЛЕКС

Даргинию исторически принято было делить на ряд этнографических районов. Это Кайтаг, Каба-Дарго, Муэри, или Уркук, Сюр-га, Кубачи, Бурган-Дарго, Цудахар, Кар-Дарго, Чихах-Дарго, Гуцул-Дарго и селения, занимавшие промежуточное положение (Губден,

Мюрего, Кадар и др.), расположенные в предгорной полосе, по соседству с кумыками. Различия в одежде женщин этих групп больше всего обнаруживались в деталях, в цвете одежды и менее всего в обуви. В целом же будничным костюмом даргинки представлял собой своеобразный вариант общедаргинского горского костюма. Характерными для него являлись большая красочность, наличие (в ряде случаев) в верхней одежде приталенных форм (шубки и платья), многоцветность головных покрывал, нарядность общего вида, усиливаемая многочисленными украшениями.

Кайтачки (главное селение Чумли). В пределах Даргинии кайтачки отличались своей пестрой одеждой, сшитой из тканей самых ярких тонов. Только пожилые женщины пользовались тканями более спокойных, хотя тоже чаще всего светлых тонов (ситец в полоску, однотонный, белый, светло-голубой, серый и т. д.). Однако штаны и мешковидный головной убор *чуткэу* у женщин всех возрастов всегда были черные. Кайтачка носила длинное платье-рубаху *гуртди* туникообразного покрова из ярких тканей, черные узкие штаны *шалбар*, яркое же (только отличного от рубахи цвета) распахнутое платье *валжаг* с отрезным узким лифом и широкой юбкой, с небольшими узкими откидными (ниже локтя) рукавами, черную мешкообразную *чуткэу*, длинное покрывало *ашмаг*, гладкие вязаные шерстяные чулки *демхурти балалдинди*, мягкие сафьяновые чувяки и туфли *суран дабри*, туфли из сыромятной кожи *капцла дабри*, башмаки.

Характерной особенностью нарядного костюма кайтачки были большие фартуки, сплошь покрытые монетами. В целом костюм кайтачки по сравнению с костюмом горной даргинки был внешне более легок и наряден. Здесь просторное верхнее платье туникообразного покрова сравнительно рано было вытеснено платьем в талию, которое подчеркивало стройность фигуры женщины.

Каба-Дарго (главное селение Урахи). В отличие от кайтачек каבודаргинки чаще носили все черное: большое длинное черное платье-рубаху *хлева*, узкие черные штаны *шалбар*, черную мешковидную *чуткэу*, длинное черное покрывало *чаба*. Исключение составляли главное селение Урахи, а также Гичи-Гамри, Бурдеки, женщины которых надевали разноцветные платья ярких тонов с белым покрывалом. Женщины селений Герга, Кана-Сираги, Мургук с черной одеждой нередко носили цветные покрывала, главным образом ярких расцветок (красные, желтые, зеленые, синие). Зимней верхней одеждой для женщин всех обществ служила нагольная овчинная или курпейная шуба-накидка *хляка*, узкая в талии, с ложными рукавами, с меховой оторочкой.

Муэри, или Уркук (главное селение Уркарах). Черное платье-рубаху туникообразно-

го покрова, узкие черные штаны, черная мешкообразная *чуткэа*, черное покрывало *чаба*, нагольная овчинная шуба-накидка *хляка* с длинными узкими рукавами и с шалевым воротником или, чаще, без рукавов, с большим воротником до пояса.

Сюрга (главное селение Урари). Длинное черное платье-рубаху, опоясанное длинным белым матерчатым поясом, узкие черные штаны, цветной составной головной убор *чуткэа* на вате с черной полоской в налобной и теменной частях с нашитыми монетами и бляхами, черное покрывало *дикла* поверх *чуткэи*. С нарядным костюмом молодая сюргинка также носила нагрудник с нашитыми на него монетами.

Кубачи. Рубаха туникообразного покрова (разной расцветки, предпочтительно бордовой, темно-зеленой, коричневой), узкие черные штаны, короткая цветная головная повязка *чуткэа* из разноцветных кусков, с черной полосой в налобной и теменной частях, белое, часто украшенное вышивкой золотом покрывало *кляз*. В качестве теплой зимней одежды — стеганая на вате шубка *улгам* из бордового шелка, отороченная мехом выдры.

Бурган-Дарго (главное селение Ашты). Женщины этого этнографического района носили длинные черные платья-рубаху туникообразного покрова, черные узкие штаны, составной головной убор *чуткэа* — полотнище, оформленное в головной части в виде чепца и украшенное серебряными монетами и бляхами, а поверх этого убора — длинное белое покрывало *кляз*. Платье-рубаху женщины подпоясывали длинным широким поясом *ижи* из белой бязи, а нарядное платье — широким серебряным или кожаным поясом с массивной серебряной пряжкой.

Зимой носили нагольную овчинную шубу-накидку либо с узкими ложными рукавами, либо без рукавов, с большим воротником, напоминающим пелерину.

Цудахар (главное селение Цудахар). Длинное черное платье-рубаху, черные штаны, черный мешкообразный головной убор, *чуткэа* с массивной серебряной цепочкой спереди, черное покрывало. Нарядная одежда была разноцветной, в основном из ярких тканей — шелка, парчи, атласа. Женщины цудахарского этнографического района матерчатых поясов не носили.

Кар-Дарго (главное селение Акуша). Черное платье-рубаху, черные широкие штаны, головной убор *чукI* из ярких тканей (чаще шелковых) в виде чепчика с накосником на подкладке длиной почти до подола платья и надеваемое поверх этого убора большое белое покрывало *чаба*. Женщины Кар-Дарго чаще всего носили нарядные, сшитые с большим мастерством и вкусом нагольные шубы-накидки из шкурок молодых барашков с высоким воротником из дорогого меха; таким же

мехом оторачивали и рукава, которые свисали сзади, являясь лишь украшением: многие носили обычные шубки-накидки без рукавов.

Чибах-Дарго (главное селение Усиша). Одежда имеет много общего с сюргинской. Женщины носят все черное: черную рубаху, черные штаны, головную повязку-чуки из разноцветных кусков (типа кубачинской) с черной полоской в налобной и теменной частях, черное покрывало чаба. Исключение составляют селения Гинта, Гурки и Усиша, где девушки, в отличие от женщин и вообще от всех сюргинок, носили белую чабу. В некоторых селениях этой группы (Гапшима, Шогди, Мегва) женщины носили широкие белые матерчатые пояса, концы которых свисали спереди. Зимней теплой одеждой здесь также были шубы-накидки, чаще без рукавов, с воротником почти треугольной формы.

Гуцул-Дарго (главное селение Чираг). Черное платье-рубаха, черные штаны, цветная чухта чутха в виде чепчика с мешочком, черное покрывало ашмаг, широкий белый матерчатый пояс.

Губден, Мюрего, Кадар и другие предгорные даргинские селения занимали промежуточное положение. Костюм женщин этих обществ был менее тяжелым и строгим, чем у остальных даргинок. На смену прямой туникообразной рубахе здесь сравнительно рано пришли платья в талию, издавна широко бытовавшие у женщин плоскости: отрезное по линии талии, приталенное, с широкой юбкой гурде и надеваемое поверх него распашное платье кѳабалай с узким, плотно облегающим стан лифом и широкой юбкой. Зимой носили облегченную шубку хляка из шкурок белых ягнят, в талию, с обычными рукавами длиной чуть ниже локтя.

Головной убор предгорной даргинки также был проще и легче — мешкообразная чухта чуки из набивного кашемира или черного сатина, атласа, покрывало или квадратный платок кIана (шелковый, шерстяной, кисейный и т. д.).

КУМЫКСКИЙ КОСТЮМНЫЙ КОМПЛЕКС

Локальные особенности костюма кумычки были незначительны. Во всех районах расселения кумыков костюм женщины составляли ситцевая нательная одежда — рубаха туникообразного покрова длиной чуть ниже колен гейлек и штаны — широкие иштан и узкие шалвар (последние в начале XX в. окончательно вытеснили первые), платье бузма гейлек, отрезное по линии талии, приталенное, с широкой юбкой, с широкими длинными рукавами, большим грудным вырезом, полуша такого же покрова, но сшитое в талию, с рукавами на манжете, носимое в качестве верхнего пла-

тья, бузма — распашное платье, также сшитое в талию, с широкой юбкой, с откидными (ниже локтя) рукавами, носимое поверх бузма гейлек. Нарядным платьем кумычек считалось кѳабалай — платье типа бузма, но с пришитой вставкой (иногда и ярким нагрудником) и двойными рукавами. Головной убор кумычки состоял из мешкообразной чуткѳу и надеваемого поверх нее квадратного платка явлухъ (кисейного, шелкового, шерстяного) или большой косынки тастар (чаще кружевной, тюлевой).

Обувью служили мягкие сафьяновые чупаки мачий, кожаные калоши, шерстяные одноцветные носки джоран, башмаки.

В предгорной полосе часть женщин в качестве теплой одежды носила нагольные распашные шубы из белой мерлушки, сшитые в талию, с обычными рукавами длиной чуть ниже локтя. Женщины высшего сословия носили такого же образца шубы из дорогих мехов, покрытые плюшем.

Будничную одежду шили из цветных тканей, но более спокойных тонов, нарядную же одежду молодые женщины носили из ярких покупных тканей. В целом костюм кумычки отличался легкостью и строгостью, преобладанием вертикальных линий в форме и покрое, тщательно подобранными и разнообразными цветами. Платье с облегающим лифом, длинной широкой юбкой в сочетании с тонким шелковым платком, легкой сафьяновой обувью и со вкусом подобранными украшениями (застежки на поясе и на груди, серьги и т. д.) придавали женской фигуре стройность и изящество.

Костюм кумычек, особенно жительниц северных районов, приближался к костюму женщин северокавказских народов — черкесов, осетин, чеченцев, ингушей и др. Он был наиболее восприимчив к влиянию общекавказской моды и, в свою очередь, привносил эту моду в традиционный женский костюм народов Дагестана.

ТАТСКИЙ КОСТЮМНЫЙ КОМПЛЕКС

Традиционную одежду татских женщин составляли длинная (до щиколотки) рубаха шеи туникообразного покрова из однотонных тканей или тканей с мелким рисунком, а для женщин старшего возраста — темных расцветок, широкие длинные штаны на выпуск шовол (каждая штанина из трех-четырех полотнищ), длинное приталенное платье булуша, как правило, из однотонных тканей (для молодых — светлых тонов), с широкой юбкой и верхнее распашное платье кѳабай, чаще из темных тканей (шерсть, плотный шелк), надеваемое поверх булуши. Головной убор татки состоял из мешкообразной чухты чуткѳу и надеваемо-

го сверху квадратного платка *шол* (шерстяного, шелкового, кисейного и т. д.). Обувь — чулки, сафьяновые чувяки, сафьяновые калоши на плотной кожаной подошве.

Костюм татки в целом был легким, удобным, подчеркивал фигуру.

НОГАЙСКИЙ КОСТЮМНЫЙ КОМПЛЕКС

Традиционный женский костюм ногойки состоял из широкой и длинной рубахи *кёйлек* туникообразного покроя, нешироких штанов *истан*, распашного бешмета с небольшими откидными (ниже локтя) рукавами, на подкладке, покрытого узорной строчкой, папахи *бёрк* из выдры на плотной основе, большого белого квадратной формы платка *тастар*, надеваемо-

го поверх папахи. Девушки вместо папахи носили тюбетейки.

Обувь — кожаные калоши *бабишлер* с аппликациями из цветной кожи, войлочные чулки *уюкълар*, мягкие сафьяновые чувяки *мачийлер*, *басмакълар*. Ногойки любили одежду из однотонных светлых тканей, молодые — ярких тонов. Черную одежду носили только в дни траура.

Здесь мы лишь в общих чертах охарактеризовали традиционные женские костюмные комплексы народов Дагестана и только применительно к семьям среднего достатка. Безусловно, одежда женщин была разнообразнее одежды мужчин, ярче отражала возрастные особенности, социальные различия в дореволюционном дагестанском обществе, индивидуальные и эстетические вкусы женщин.

СОВРЕМЕННАЯ ОДЕЖДА

Советский период истории народов Дагестана представляет собой новый этап в формировании и дальнейшем развитии их материальной культуры, в том числе и одежды.

Социалистические преобразования хозяйства, культурное развитие республики и рост благосостояния населения повлекли за собой существенные изменения традиционной одежды.

Ликвидация бездорожья в горах, повсеместное строительство благоустроенных дорог, связывающих все селения друг с другом, с райцентрами и со всеми городами республики, широкое использование автомобильного и воздушного транспорта способствовали коренному улучшению снабжения дагестанского аула всеми видами промышленных товаров города. Отпала необходимость в изготовлении тканей в домашних условиях. Одежда из тканей фабричного производства, причем самого широкого ассортимента и высокого качества, прочно вошла в быт народов Дагестана.

Все большее распространение получают готовая одежда и обувь городского типа, которыми снабжает население широкая торговая сеть как в сельской местности, так и в городах. Издавна начавшийся процесс нивелировки этнических и локальных особенностей в костюме народов Дагестана в советское время получил мощный толчок и происходит быстрыми темпами. Этот процесс неразрывно связан с ликвидацией разобщенности народов, их национальной консолидацией, с коренными преобразованиями, которые произошли и продолжают происходить в экономической, общественно-политической и культурной жизни трудящихся республики.

Замена существовавшего веками традиционного костюма народов Дагестана, как мужского, так и женского, современным костюмом была длительным и сложным процессом. Особенно трудно менялся женский костюм. Это было обусловлено тем, что женщины в большей степени были подвержены влиянию пережитков старого быта, медленнее освобождались от предрассудков прошлого.

Огромные экономические трудности, сопровождавшиеся разорением крестьян в годы империалистической и гражданской войн, упадком народного хозяйства, осложнили снабжение населения Дагестана промышленными товарами, особенно тканями. В результате большинство населения одевалось очень бедно.

Выступая на Учредительном съезде советов Горской ССР 18 апреля 1921 г., С. М. Киров отмечал: «...голод, нужда дошли до крайних пределов. Не могу не вспомнить здесь той картины, которую мы видели в глухом Дагестане или здесь, на Тереке: когда женщине нужно было выйти за водой, то объявлялось, чтобы мужчины сидели дома, не выходили на улицу, ибо женщины выходили за водой в чем мать родила, — им нечем было прикрыть свою наготу»¹.

В этих условиях народы Дагестана были вынуждены возрождать домашнее ткачество, обработку кожи, вязание шерстяной обуви и другие виды домашних промыслов.

Из домашнего сукна в это время стали шить не только мужскую одежду, как это было прежде, но и женские платья, а иногда даже головные платки. Овчины шли не только на шубы, папахи, но и на мужские шаровары. Большое значение в это время приобрели и конопляные ткани домашнего изготовления, шедшие главным образом на женскую одежду.

Советское правительство, учитывая трудности Дагестана, с первых же дней существования ДАССР стало оказывать республике большую помощь. Командированный в 1921 г. в Москву для выработки и утверждения конституции Дагестанской Советской Социалистической Республики Д. Коркмасов писал: «Товарищ Ленин чрезвычайно внимательно и тепло отнесся к нашим заявлениям и дал слово оказывать действительную помощь Дагестану. По его распоряжению уже отправлено в Дагестан полтора миллиона аршин мануфактуры, до 15 вагонов земледельческих орудий и фрук-

¹ Киров, 1939, стр. 156.

тосушен, до 23 тысяч пудов хлебозерна и много лекарств»².

На помощь разоренному войной дагестанскому народу пришли и другие братские республики Советского Союза.

По просьбе Дагестанского ревкома Азербайджанский ревком, например, в 1920 г. отпустил Дагестану наряду с большим количеством продовольственных и промышленных товаров 35 тысяч аршин бязи.

Только за 1920 г. и первое полугодие 1921 г. по линии Наркомсобеса было выдано трудящимся республики 4 830 925 аршин мануфактуры³.

Однако потребность в тканях домашнего производства сохранилась в крае и в восстановительный период, вплоть до 30-х годов. В связи с этим некоторые отрасли домашних промыслов несколько расширились. В то же время одежды, изготовленной из тканей домашнего производства, хватало далеко не всем и мануфактурный голод продолжался. Согласно проведенному в 1927 г. социально-гигиеническому обследованию, обеспеченность одеждой, например, населения Даргинского округа выглядела следующим образом: совсем не имели белья почти половина всех женщин (45%) и детей (48%) и около 1/3 мужчин; более одной смены, но не более 2—3 имело 17% детей, 20% женщин и 39% мужчин. Мужчин, не имевших верхнего легкого платья (бешмет, рубаха) и надевавших шубу непосредственно на белье, было 20%. Еще хуже обстояло дело с верхней зимней одеждой. Половина всех детей, 35% женщин и 9% мужчин были лишены ее совсем. Равным образом не было обеспечено население и обувью⁴.

Все это явилось причиной того, что в первое десятилетие Советской власти одежда горца Дагестана почти не изменилась.

Процесс изменения традиционной народной одежды неразрывно связан с перестройкой всего социально-экономического уклада жизни горцев, развитием промышленности, социалистическим переустройством сельского хозяйства республики, освобождением трудящихся от старых предрассудков, ростом их культуры. Большое влияние на этот процесс оказали такие этапы развития народного образования в Дагестане, как ликвидация неграмотности взрослого населения в первые десятилетия Советской власти, переход к всеобщему начальному, затем всеобщему семилетнему обучению, а также подготовка кадров с высшим и средним специальным образованием, связанная с широким притоком в вузы и средние учебные заведения горской сельской молодежи, которая по завершении учебы возвраща-

лась в родные аулы, принося с собой новые культурные веяния. Не менее существенным фактором, способствовавшим ускорению процесса распространения городской одежды, являлся приток сельского населения в города и рабочие поселки.

Сохранение традиционных форм одежды среди большинства сельского населения в первые десятилетия Советской власти не исключало постепенного проникновения одежды городского типа в дагестанский аул. Среди мужчин — представителей интеллигенции, рабочих, бывших военнослужащих, красных партизан и работников партийно-советского аппарата в эти годы довольно быстро нашли признание, в частности, гимнастерки и брюки-галифе, получившие вскоре широкое распространение среди всех слоев населения и бытовавшие в Дагестане очень долго.

Восстановление и развитие промышленности во всей стране, улучшение материального положения трудящихся горцев в результате разрешения аграрного вопроса, земельно-водной реформы, кооперирования хозяйств и т. д. способствовали повышению благосостояния крестьянства, росту покупательной способности населения, а равно привели к свертыванию производства тканей в домашних условиях. Начинает широко входить в быт белье, в том числе готовое (для мужчин). В этот период материалом для мужского белья служила, как правило, отбеленная бязь. Она же шла частично и на белье женщин (в горах — в крашеном виде).

В эти же годы постепенно проникает в аулы и городская зимняя одежда разных фасонов: пальто, шинели, кожанки, общераспространенные крытые тканью или выкрашенные в черный цвет овчинные шубы в талию, ватные стеганки и другие виды одежды.

Широко распространились и кожаные сапоги, фасоны которых меняются в соответствии с городскими модами, а также калоши и прочая резиновая обувь.

В 30-е годы широкое распространение получают, кроме того, сафьяновые («азиатские») мужские чуваки с голенищами, близкие по покрою к традиционной обуви горцев Дагестана. Чуваки и голенища соединялись при помощи сафьяновых петель и пуговиц. Верх чувака и голенища покрывались строчкой. К чувакам пришивалась подошва из кожи.

С гимнастеркой и галифе стали носить фуражки; распространились также шапки-ушанки. Непосредственно после гражданской войны мужчины носили и шапки-буденовки, которые затем вышли из употребления.

Очень широко распространилась известная еще до революции так называемая кавказская рубаха. Начиная с 20-х годов и в течение почти всего довоенного периода она заменяла традиционный бешмет.

² Цит. по сб.: «Революционные комитеты Дагестана», стр. 394.

³ Там же, стр. 371, 396—397.

⁴ Вадковская, 1930, стр. 159.

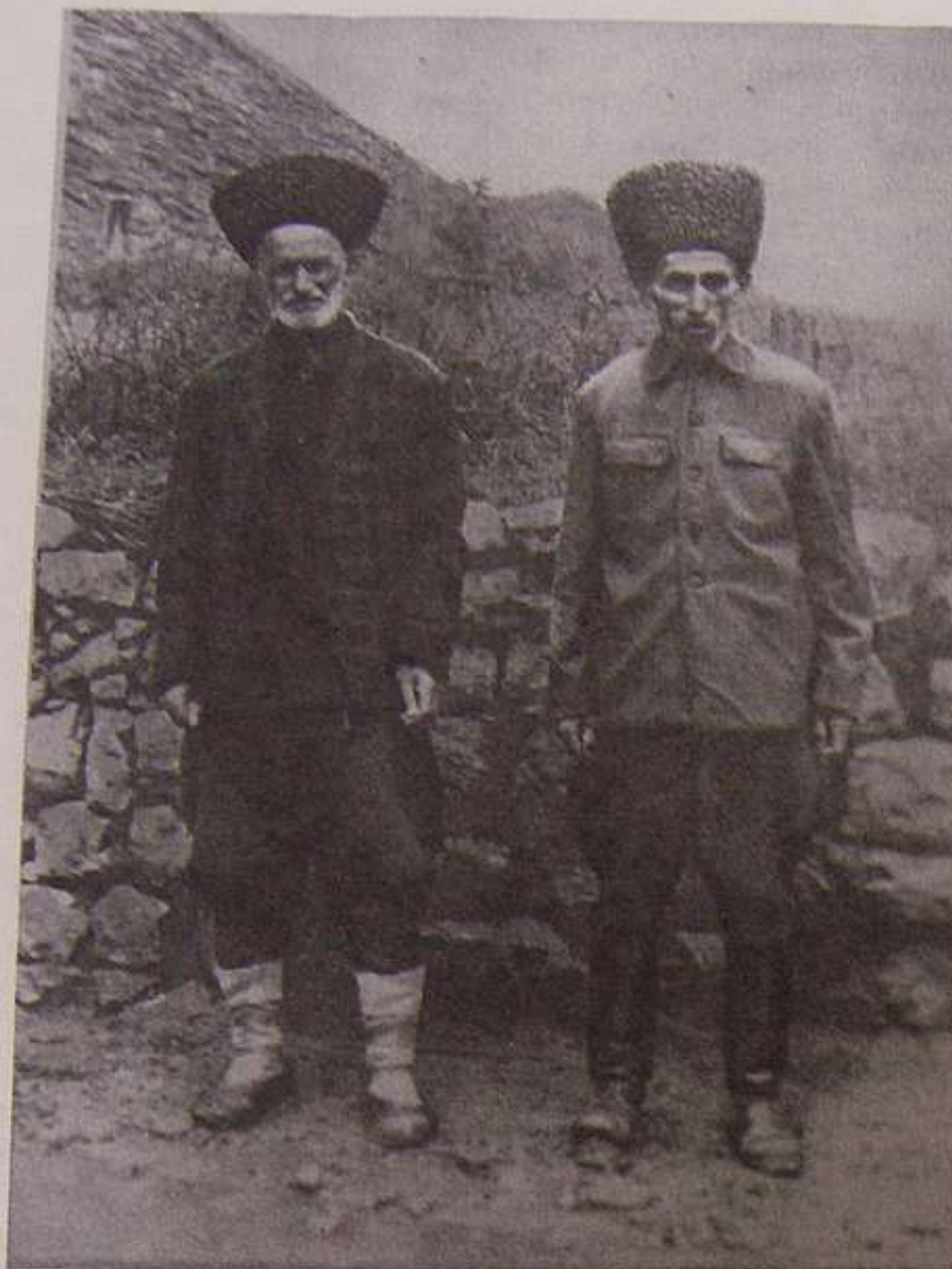

Рис. 59. Мужчины в одежде периода 30—40-х годов (с. Кубачи)

С победой колхозного строя, повышением благосостояния тружеников села заметно меняются требования горцев к качеству материалов. Одежду стали шить из добротных тканей, приобретаемых по вкусу хозяина. Постепенно расширяется и гардероб горца — появляется несколько комплектов выходной и каждодневной одежды. Традиционные овчинные папахи стали шить из среднеазиатского каракуля или мерлушки. Кавказская рубаша, брюки-галифе, азиатские чуваки с голенищами или обычные сапоги (в некоторых районах — шерстяная вязаная обувь), папах из каракуля — вот комплекс одежды, имевший наиболее широкое распространение в довоенный период среди сельского населения. Интеллигенция носила и двубортный костюм с брюками навыпуск, городские ботинки, фуражки. Галстуки и шляпы прививались медленнее, и в довоенный период сельское население их почти не носило.

Таким образом, одежда горца в довоенный период представляла собой своеобразное сочетание элементов традиционной одежды и новой, проникшей из города. Это сочетание особенно бросалось в глаза в районах, далеких от культурных центров. В селениях, расположен-

ных вблизи городов, новые формы одежды прививались быстрее. Более устойчиво сохранялись традиционные формы головных уборов, хотя и здесь шел процесс замены старых форм новыми.

Процесс распространения городского костюма в Дагестане принял особенно большой размах со времени Великой Отечественной войны. В этот период многие дагестанцы носили костюм военного образца: брюки-галифе, китель, хромовые сапоги и фуражку. Такой костюм либо шили местные мастера по готовым образцам, либо покупали в городах.

Великая Отечественная война повлекла за собой массовые перемещения населения из районов военных действий в тыловые, в том числе в Дагестан, что способствовало широкому распространению городской одежды среди горцев. Пребывание большого числа мобилизованных горцев в других районах европейской части страны и за рубежом также создало условия для восприятия ими элементов городской одежды и распространения ее на селе.

Перемещение горского населения в города республики в связи с послевоенным промышленным и культурным развитием Дагестана повлекло за собой значительное расширение этнических связей народов Дагестана, ускорило процессы преобразования их материальной культуры и особенно одежды, способствовало нивелировке локальных особенностей костюма.

Современная одежда дагестанцев-мужчин, живущих в сельской местности, почти не отличается от одежды городского населения. Подавляющее большинство жителей села приобретает в магазинах готовое белье, верхнюю одежду, обувь, головные уборы и т. д. В настоящее время самой распространенной мужской одеждой в Дагестане, как в городах, так и в сельской местности, являются костюмы (однобортные и двубортные) с брюками навыпуск, сорочки всевозможных расцветок, свитеры, джемперы, лыжные костюмы, куртки. Из повседневного употребления вышли бешметы. Их носят только некоторые представители старшего поколения. Черкеска сохранилась лишь в качестве национальной одежды, надеваемой обычно во время советских праздников, молодежных вечеров.

С ростом культурных потребностей населения разнообразнее становится и одежда горца: появляется выходная, повседневная и рабочая одежда. Все чаще местное население носит галстук. Повсеместно распространены и цветные шарфы. Верхней одеждой служит пальто. В настоящее время модны укороченные пальто разного покроя, теплые куртки всевозможных фасонов, дубленые полушубки, плащи-дождевики из шерсти с лавсаном на подкладке и т. д. Традиционные овчинные шубы сохранились в основном в высокогорных районах среди части людей старшего поколе-

Рис. 60. Мужчины в современной и женщина в традиционной одежде (с. Харбук)

ния. Бытуют в качестве производственной одежды работников животноводства и оба вида бурок — для пешехода и всадника. Они очень удобны в условиях выпаса скота, поездок на лошади в непогоду, а также во время отдыха: теплая бурка временно заменяет ковер и постель. Чабаны, табунщики, ветеринарные врачи, туристы всегда берут с собой бурку.

Наиболее распространенными видами современной мужской обуви являются туфли, ботинки, босоножки (летом), сапоги (резиновые, кожаные, иногда бурочные). Кроме того, в сельской местности частично сохраняются шерстяные вязаные носки и чулки, на которые представители старшего поколения надевают галоши, а также вязаные сапоги на твердой вязаной же подошве и войлочные сапоги (в отдельных горных районах). Не утратили своего значения и чарыки — легкая водонепроницаемая обувь. Они очень удобны для чабанов, пастухов, табунщиков, что способствует их широкому распространению в Дагестане и в настоящее время.

Учитывая спрос населения на обувь подобного рода, Министерство местной промышленности и Министерство торговли организовали изготовление чарыков на кожзаводах республики и широкое снабжение ими животноводов.

Прочно вошли в быт и современные головные уборы городского типа — шляпы, кеши, фуражки, а также ушанки из каракуля и пушистого меха. Очень популярны среди населения Дагестана и кеши грузинского образца, сшитые из толстых и мягких тканей. Шляпы широко распространены преимущественно среди городского населения. В сельской местности их чаще всего носит интеллигенция (учителя, врачи, агрономы, студенты и др.). Излюбленным головным убором дагестанцев, особенно жителей сельских местностей, по-прежнему

Рис. 61. Даргинцы в современной одежде (с. Урахи)

являются папахи из среднеазиатского каракуля.

В качестве рабочего головного убора животноводов прочно сохраняется папах-«чабанка» (в форме опрокинутого вверх дном котла). Шьют ее из шкуры овец особой породы с длинной витой шерстью. «Чабанка» очень практична в полевых условиях, особенно в дождь: благодаря длинному ворсу вода стекает с нее.

Мальчики, за редким исключением, носят одежду городского покроя, особенно часто костюмчики спортивного типа. Почти все семьи приобретают детям легкую летнюю и теплую зимнюю одежду, обувь и головные уборы в магазинах. Только изредка можно увидеть на мальчиках традиционные тюбетейки среднеазиатского и местного типов и папахи из овчины. Повсеместно распространены и шапки-ушанки, матросские бескозырки, шапочки-шлемы, панамки. Из старинной обуви у детей сохраняются шерстяные вязаные узорчатые носки, поверх которых носят галоши либо туфли. Во всем остальном одежда сельских ребят не отличается от одежды городских.

Надо отметить, что в гардеробе семьи самое большое место занимает детская одежда, которая отличается, как правило, высоким качеством. В дореволюционном Дагестане, напротив, хуже всего были обеспечены одеждой дети (особенно в бедных семьях). Они обычно донашивали одежду старших. В тогдашних условиях одежду в первую очередь шили тем, кто представлял двор (хозяйство) в обществе, кому больше всего приходилось бывать вне дома — главе семьи, молодым мужчинам, которым предстояла женитьба, женщинам, игравшим большую роль в хозяйственной и обрядовой жизни семьи и общества.

В наши дни в дагестанской семье неизменно действует принцип: самое лучшее, удобное и красивое — детям.

Существенные изменения претерпевает и женская одежда. Однако процесс изменения женского костюма в Дагестане, как мы уже отметили, был более сложным и своеобразным.

Борьба за преобразование культуры и быта трудящихся Дагестана, которую вели местные партийные и советские организации, включала в себя и движение за улучшение санитарного состояния одежды, за более рациональные и удобные ее формы.

Большую роль в борьбе за новый быт сыграли женские советы, организованные в каждом населенном пункте и руководимые местными партийными и советскими организациями, а также делегатские собрания. Не меньшую роль сыграли и созданные в окружных центрах Дагестана специальные «комиссии по улучшению труда и быта горянок», одной из функций которых была пропаганда новых форм бытовой культуры.

Большая пропагандистская работа проводилась, в частности, через школу, сакли горянок, женские клубы и т. д.

В рассматриваемое время повсеместно развернулась и кампания против неудобных видов головных уборов — «долой чадру!» (ее носили в Дагестане только дербентские азербайджанки). Азербайджанки-активистки, показывая пример, в присутствии других женщин селения, обычно в клубе, сакле горянок, публич-

но выбрасывали традиционную чадру как символ закрепощения, бескультурия и торжественно надевали обычные платки.

Охотней всего на эту кампанию откликнулись школы, где она проводилась более организованно и целеустремленно. За короткий период школа добилась того, что школьницы перестали носить большие покрывала, черные широкие штаны, черную туникообразную рубаху, заменив их более удобными платками, бельем и платьем светлых тонов.

Не меньшее значение в борьбе за новый быт имела кампания «Пальто — горянке!», что было связано с необходимостью замены неудобных и тяжелых овчинных шуб легкой и в гигиеническом отношении более совершенной зимней одеждой, стремлением приобщить горянку к городской культуре.

Пропаганда новых форм одежды сопровождалась передачей навыков кройки и шитья, стирки, глажения, хранения. Сакли горянок проводили для молодых женщин и девушек инструктивные занятия, консультации по всем этим вопросам.

Процесс изменения одежды протекал в аулах Дагестана неравномерно.

Наибольшему культурному воздействию в первые годы советского строительства подвергались пригородные селения, рабочие поселки и административные центры. В отдаленных

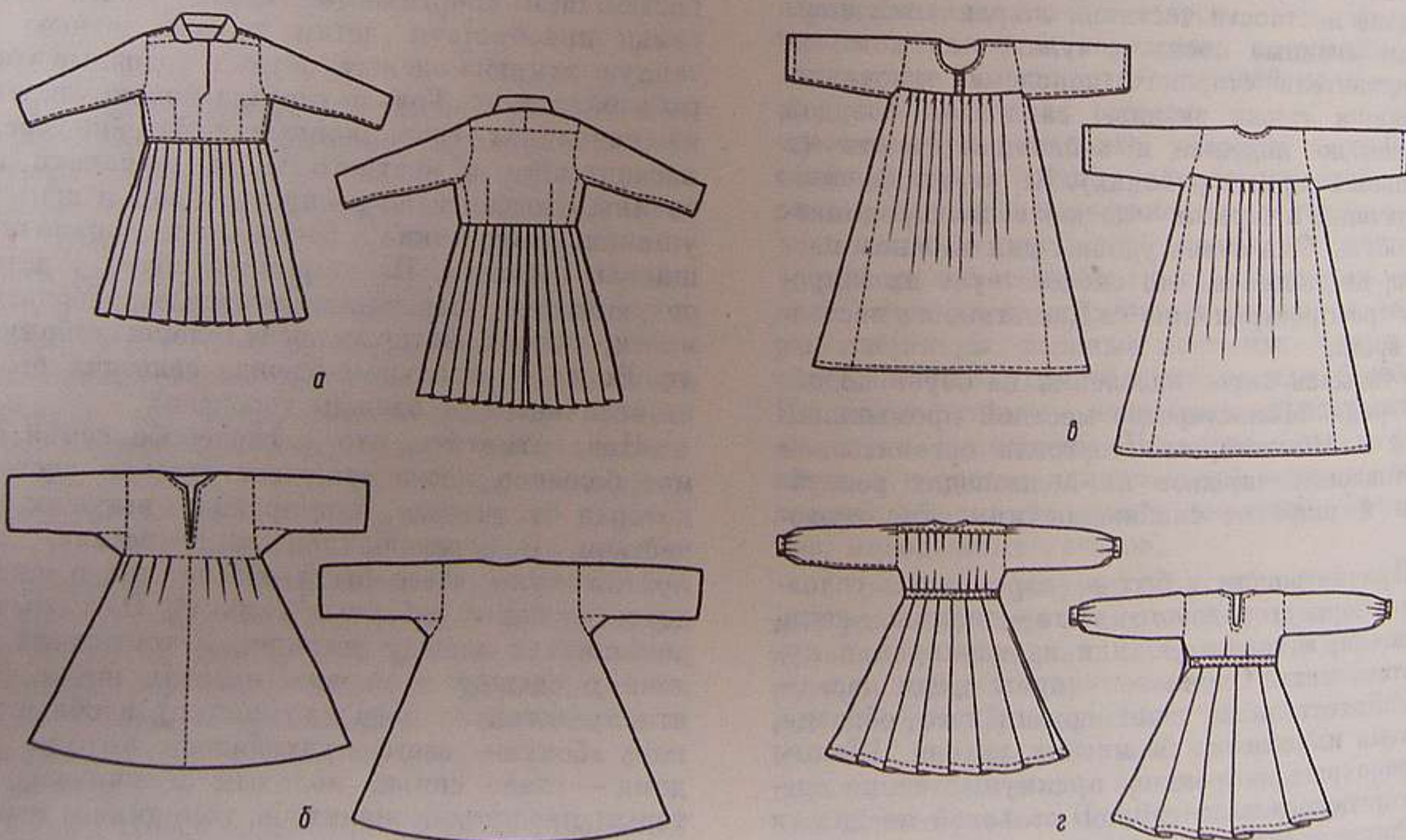

Рис. 62. Современные женские платья домашнего пошива:

а — даргинское (с. Акуша), б — теркеменское (с. Падар), в — кумыкское (с. Хамаматюрт), г — аварское (с. Ириб)

селениях традиционный быт был более устойчив. В частности, здесь долго сохранялись этнические и локальные особенности женской одежды, наблюдалась большая приверженность населения к ее старым формам. Это, однако, не означало, что городская одежда не имела здесь никакого распространения.

Процесс проникновения нового костюма особенно ускорился в послевоенные годы в связи с ростом женских кадров интеллигенции и рабочих, улучшением благосостояния и ростом потребностей трудящихся, развитием торговли и другими социально-экономическими и культурными преобразованиями.

Изменения одежды при этом шли по двум основным направлениям. Во-первых, наблюдалось распространение по всей территории Дагестана единого типа головного убора — квадратных платков, заменивших менее удобные традиционные покрывала, типичные для женщин большинства горских народов — аварцев, даргинцев, агулов и др., а также чухты простого покроя вместо ее традиционных видов. Во-вторых, распространяется одежда городского покроя. Оба эти процесса шли одновременно, причем каждый из них зависел от конкретных условий отдельных районов республики, от степени влияния города, от уровня материального благосостояния и культурных запросов местного населения.

В первые десятилетия Советской власти вышли из употребления и отдельные виды самодельной кожаной обуви. Вместо них дагестанки стали пользоваться разнообразной обувью фабричного производства: сапожками, чулками, резиновыми галошами и т. д.

Платья старинного покроя *бузма*, *валжагъ*, туникообразное платье-рубаша постепенно стали заменяться платьем на кокетке (среднеазиатского типа), впоследствии ставшим в сельской местности любимым платьем дагестанок, главным образом среднего и старшего возраста.

Платье на кокетке⁵ проникло в Дагестан через Среднюю и Переднюю Азию и Азербайджан еще до революции, но получило широкое распространение после установления Советской власти. Оно имеет несколько вариантов. Так, платье *янкапот* шьется приталенным, спереди на кокетке, а сзади на лифе, с прямой широкой по традиции юбкой (три-четыре полотнища) длиной ниже колен, пришитой к лифу и кокетке мелкими складками. Рукава платья — обычной ширины, на узком манжете у кисти. Грудной разрез смещен к левому плечу. Платье снабжено узким поясом по линии талии.

Этот фасон платья получил распространение главным образом у южных кумыков, дербентских азербайджанцев, лезгин, у части дар-

гинцев. Особенно широко оно бытовало в 30-е годы и нередко встречается в настоящее время.

Другая разновидность платья имеет спереди кокетку, отрезную по линии талии, характерную для традиционного платья спинку на подкладке и широкую, прямую или расклешенную, юбку длиной ниже колен (для молодых) или до щиколотки (для пожилых). Юбка заложена сборкой или мелкими складками, заходящими под кокетку и лиф спины; платье имеет прямой грудной разрез спереди, иногда доходящий почти до линии талии.

Следующая разновидность — широкое платье на кокетке спереди и сзади. Его шьют как из прямых, так и расклешенных полотнищ разной длины: пожилые — до щиколотки, молодые — чуть ниже колен. Платье имеет глубокий вырез горловины и вертикальный разрез на груди, застегивается на две пуговицы и прорезные петли. Последние две разновидности платья на кокетке в настоящее время широко бытуют в Дагестане, главным образом у женщин среднего и старшего возраста, среди тех, кто не пользуется одеждой современного городского покроя. Шьют платья описанных выше вариантов из разных тканей: шерстяных, шелковых, хлопчатобумажных — ситца, сатина, кашемира, штапеля, крепдешина, поплина и т. д.

Платье-шестиклинка⁶ (три клина спереди, три сзади), иногда и с прямой присборенной юбкой (из трех-четырех полотнищ), с отрезной талией, с полуприлегающим лифом, с неширокими, суженными книзу рукавами с небольшой посадкой по окату, чаще с манжетом, с глубоким круглым вырезом горловины, без воротника. Идущий от горловины разрез застегивается на пуговицы или кнопки. Пожилые женщины шьют платье длиной до щиколотки, женщины среднего возраста — ниже колен. В настоящее время такое платье является наиболее распространенной одеждой большинства женщин в сельской местности.

Многие женщины платья (в том числе и летние) шьют всегда с длинными рукавами, со сравнительно длинной и широкой юбкой. Это объясняется отчасти силой традиций, отчасти условиями торной местности и привычкой горянок работать, готовить еду, стирать и т. д., сидя на полу.

Современный костюм девушек и молодых женщин села мало чем отличается от костюма городских жителей. Это — платья разнообразных современных фасонов, кофты, юбки, костюмы, вязаные свитера и жакеты, плащи-дождевики, пальто, меховые шубы и т. д. Молодые горянки носят в основном готовую одежду. Платья городского покроя шьют и местные

⁵ Авар. *капот*, кум. *орьян гейлек*, *капот*, лезг. *капот*, *булушка*, дарг. *балхун хлева*.

⁶ Авар. *моглаби рахъараб горде*, кум. *клеш капот*, *буруш гейлек*, лак. *клеш глукъа*, дарг. *хлева*, лезг. *ругуд тахча авай булушка*.

мастера в комбинатах бытового обслуживания. Часть женщин носит белье старого покроя. В горном и отчасти в Южном Дагестане широкое распространение среди девушек и молодых женщин в последнее время получили шаровары, собранные внизу на резинку, напоминающие брюки от лыжного костюма.

Повсеместно женщины носят и теплую верхнюю одежду городского фасона. Представители интеллигенции, работницы промышленных предприятий, многие молодые колхозницы, учащиеся покупают готовые пальто и плащи. Часть колхозниц, особенно старшего поколения, вместо пальто пользуются по-прежнему теплыми шальями, жакетами и стегаными безрукавками.

Безрукавка⁷ — одежда распашного типа, сшита по талии, с небольшими накладными или прорезными карманами спереди, часто потайным карманом с внутренней стороны, с хлястиком у спинки и без него. Безрукавку шьют на подкладке и, как правило, на вате. простеганной редкой вертикальной строчкой. Простежке подвергается либо отдельно подкладка с ватой, либо целиком безрукавка. Безрукавка закрывает бедра, застегивается сверху до линии талии на пуговицы и воздушные петли почти встык; ниже талии предусматривается небольшой запах. Шьют безрукавку без воротника, с глубоким вырезом горловины. Носят ее обычно сверху платья как дома, так и на улице. В дни траура ее надевают обычно под широкое платье.

В настоящее время безрукавка распространена на селе повсеместно. Ее носят женщины среднего и старшего возраста, а также дети. На безрукавки идут плотные однотонные ткани, обычно черный плюш, вельвет, атлас.

В Южном Дагестане среди женщин очень

⁷ Авар. *цевекквел*, кум. *къысма тёшлюк*, дарг. *гъалайхъан*, лезг. *хуруган*.

модны полупальто или куртки с черным плюшевым верхом, которые зимой носят все без исключения. Если полупальто покупают готовым, то куртки нередко шьют местные мастерицы в соответствии со вкусами самих заказчиц.

В высокогорных районах многие женщины по-прежнему носят традиционные овчинные шубы, незаменимые в условиях суровой зимы.

Широко вошла в быт и обувь фабричного производства — туфли, ботинки, чупаки, босоножки и т. д. В сельской местности обувь женщины носят, как правило, на низком каблуке, но и здесь получают распространение самые модные туфли, в том числе и на высоком каблуке. Почти повсеместно вошла в быт резиновая обувь. В настоящее время женщины, особенно старшего возраста, в аулах плоскостного и предгорного Дагестана носят глубокие резиновые, так называемые азиатские, калоши, которые чаще всего надевают поверх традиционных шерстяных узорчатых носков, а также резиновые сапоги. В домашних условиях, а летом и на улице женщины носят чупаки фабричного производства. В высокогорных районах по-прежнему распространены сапоги — кожаные и войлочные (зимой). Войлочные сапоги типа валенок изготавливаются кустарным способом.

В некоторых селениях республики (Губден, Чох, Согратль и др.) женщины продолжают носить чупаки традиционного покроя (так называемые губденские), изготавливаемые местными мастерами. Они делаются, как правило, из желтого сафьяна на тонкой подошве из белой кожи. Верх и подошва прострачиваются изнутри. Носок чупака украшается аппликацией из цветной кожи и вышивкой. Для этого в центральную часть носка вставляется кусок сафьяна зеленого цвета в форме сердечка, который расшивается золотой нитью. Верх чупака обшивается кантом из красного сафьяна.

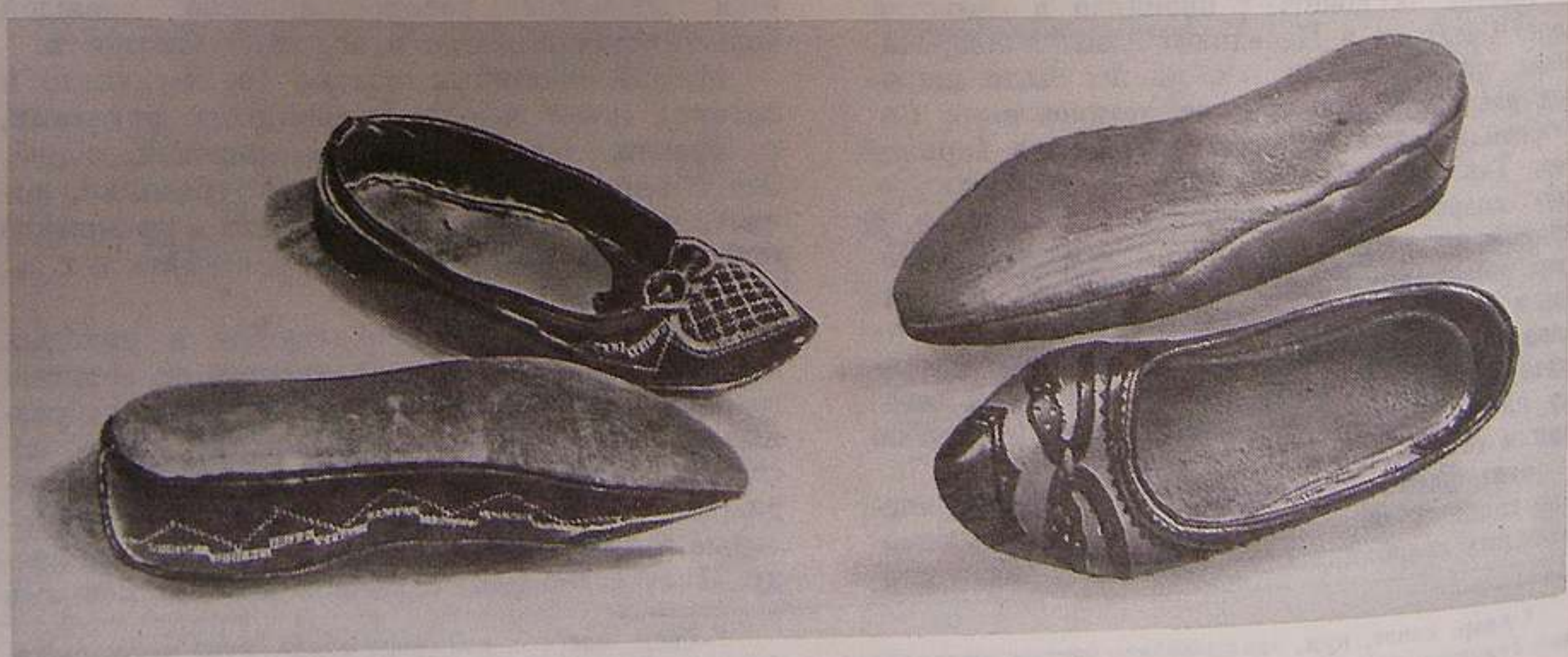

Рис. 63. Губденские чупаки

Рис. 64. Аварские девушки в современном костюме

Значительным изменениям подверглись и головные уборы дагестанок. Большинство горянок уже не носят старинный головной убор — чухту. Головные уборы представлены в основном шелковыми и шерстяными платками. Женщины старшего возраста носят однотонные кашемировые или более плотные шерстяные платки с широкой цветной каймой, летом — шелковые платки производства Кировабадской фабрики (АзССР). Молодые женщины любят модные в настоящее время цветные шерстяные платки, шелковые, крепдешиновые, а также традиционные *гульмелли*. Только женщины старшего возраста, и то далеко не все, по-прежнему под платком носят чухту, но чаще простого покроя. Некоторые женщины горного Дагестана носят длинные покрывала старинного образца.

Молодые женщины любят самодельные платки из шелковой пряжи и косынки *тастар* из вышитого тюля или гипюра, а также покупные крепдешиновые платки и шифоновые шарфы.

Девушки, за редким исключением, носят одежду городского покроя и модных фасонов. Ее, как правило, покупают в магазинах, и поэтому она отличается большим разнообразием.

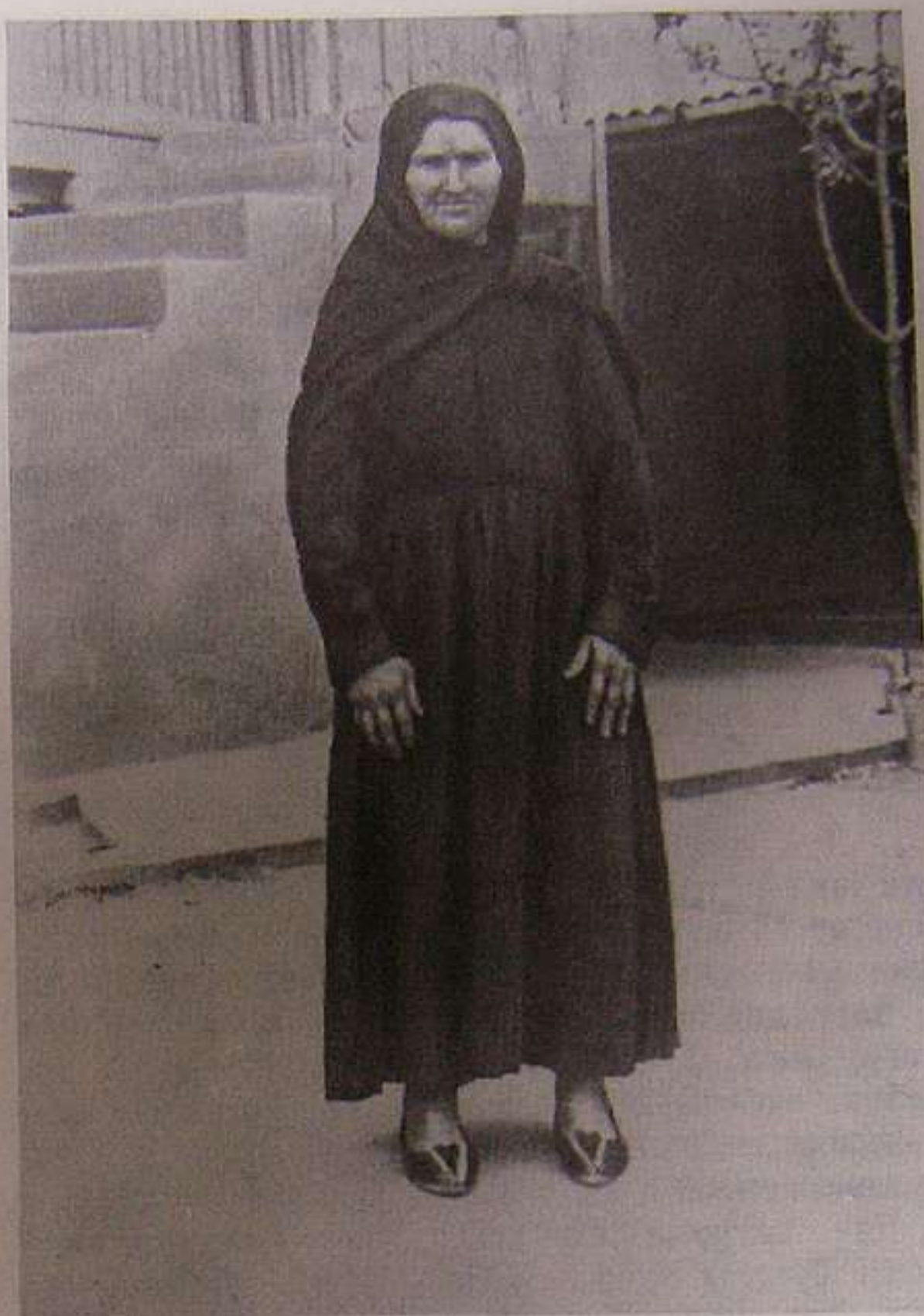

Рис. 65. Пожилая женщина в традиционной одежде (с. Казанище)

Девочки, в отличие от взрослых, предпочитают современные головные уборы — шапочки разных фасонов — вязаные, меховые, отороченные мехом, капоры, панамки, косынки, шарфы, а также тубетейки местного и среднеазиатского типа.

Следует подчеркнуть, что женщины всех возрастов в настоящее время имеют по несколько комплектов одежды, в том числе рабочее и выходные костюмы, сшитые по вкусу хозяйки. Особенно разнообразен гардероб молодых женщин и тем более девушек, куда обычно входят несколько комплектов летней, зимней, выходной и рабочей одежды, несколько пар туфель, чувак, разнообразные платки, косынки и шарфы.

Постепенная замена костюма горянок современным городским костюмом повлекла за собой и унификацию украшений.

Число украшений в современной одежде горянки значительно сократилось, они приобрели новую форму. Старинные украшения во всем своем богатстве и разнообразии сохранились лишь в свадебном наряде женщин горного Дагестана (особенно аварок, даргинок и частично лачек). Их передают невесте с приданым в качестве семейных ценностей. Мно-

Рис. 66. Кумыкские девушки в традиционных платках (с. Андрей-аул)

Рис. 67. Женщина с девочкой в традиционных головных платках

гие виды традиционных украшений исчезли вообще. Так, горянки перестали носить большие массивные серебряные серьги, передники и нагрудники, обшитые монетами, массивные нагрудные застёжки, пояса и пряжки из серебра, всевозможные украшения в виде блях, больших височных колец, бус, цепочек и т. д., пришиваемых к головному убору — чухте.

Из нагрудных украшений сохранились лишь бусы в одну и более ниток, как фабричные, так и старинные, ручного изготовления.

В некоторых высокогорных районах среди пожилых женщин довольно устойчиво сохраняются массивные серебряные браслеты, серьги, кольца. Девушки и молодые женщины отдают предпочтение украшениям современного образца, приобретаемым в магазинах Ювелирторга.

Вместо браслетов женщины носят наручные часы, в том числе золотые, предпочтительно на металлической цепочке, что, очевидно, связано не только с модой, но и с традицией ношения серебряных браслетов.

Большим спросом пользуются ювелирные изделия производства местных художественных комбинатов — кубачинского, гоцатльского и унцукульского.

За последние годы выработаны и внедрены в производство новые современные виды ювелирных изделий. Это — женские пояса из металла, браслеты, кулоны, ожерелья, серьги, кольца из металла и дерева.

Изделия художественных комбинатов создаются по национальным образцам, но с учетом требований современного ювелирного искусства. Особенно много уникальных изделий было создано к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, к 50-летию Октябрьской революции и к 50-летию автономии Дагестана. Изделия дагестанских ювелиров экспонировались в более чем пятидесяти странах на зарубежных выставках. Дагестанские экспонаты получили

восторженные отзывы и отмечены наградами: в Брюсселе — золотой и серебряной медалями, в Лейпциге и Остенде — золотыми медалями.

В последние годы предприняты попытки более широкого возрождения традиционных форм высокохудожественных и уникальных произведений искусства и забытых приемов их изготовления и отделки, что связано со всевозрастающим интересом к национальной культуре. В этом отношении особенно примечательны женские украшения работы народного художника Грузинской ССР и заслуженного деятеля прикладного искусства Дагестанской АССР Манабы Магомедовой, известной не только в нашей стране, но и за рубежом. Ее работы не раз экспонировались на выставках, в том числе на персональной выставке в Чехословакии в 1968 г. В своих работах, особенно в женских украшениях (браслеты, кольца, серьги, женский туалетный набор и т. д.), Магомедова продолжает славные народные традиции знаменитых кубачинских мастеров.

В феврале 1975 г. было принято постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах»⁸, которое послужило новым мощным толчком развития художественных промыслов республики, улучшения качества продукции и расширения торговли изделиями прикладного искусства.

Большие изменения произошли в прическах и косметике женщин. Вместо множества кос девушки и женщины теперь заплетают волосы в две косы и расчесывают их ежедневно, а не только при мытье головы, как раньше. Многие девушки и молодые женщины носят короткие прически. В быт широко проникли предметы современной парфюмерии: одеколоны, духи, кремы, масла, а также хна, басма и другие краски для волос. Губной пома-

⁸ «Правда», 27.11.1975.

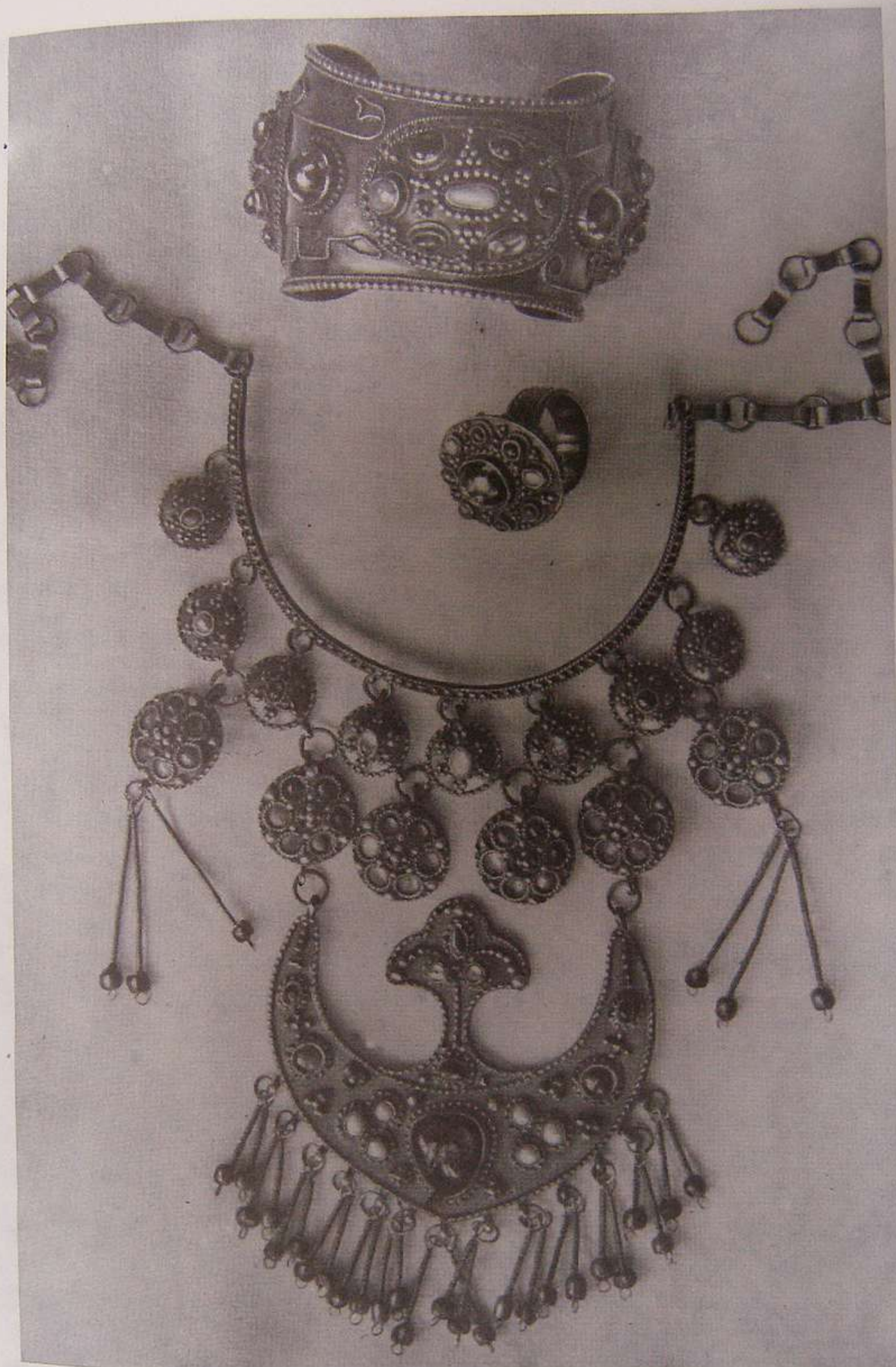

Рис. 68. Современные женские украшения работы
Манабы Магомедовой (зернь, фили-
грань, камни)

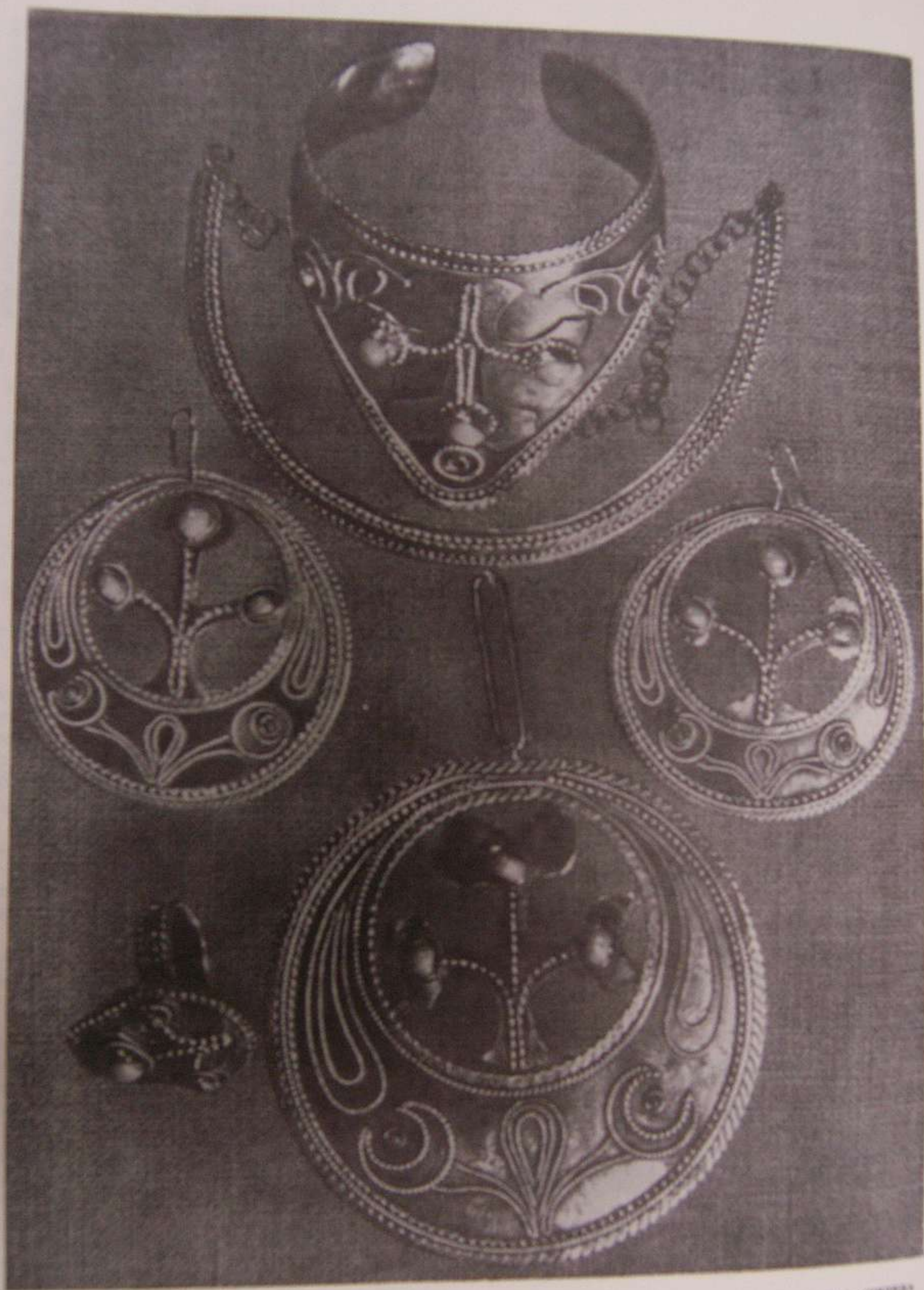

Рис. 69. Созданные женские украшения, выполненные Манабой Магомедовой по мотиву «Дорога жизни»
(накладная филигрань, камни)

дой и пудрой, особенно в сельской местности, пользуются очень редко. Маникюр делают обычно горожанки.

* * *

Итак, в настоящее время костюм народов Дагестана представляет собой своеобразное сочетание местных традиционных и новых современных форм, причем повсеместно преобладают общесоветские городские виды костюмов. Процессы межэтнического сближения народов Дагестана как между собой, так и с другими народами нашей страны прослеживаются во всех сферах материальной культуры, в том числе и в одежде. Сохраняя отдельные элементы старинного костюма, народы Дагестана дополнили его новыми формами, отвечающими их современным культурно-эстетическим запросам.

В последние годы заметно возрос интерес к многовековой традиционной культуре народов республики, в частности к отдельным элементам одежды, украшениям и т. д.

Так, Дом моды г. Махачкалы изучает и творчески осваивает лучшие образцы одежды, изготовленной народными мастерами. Так, в современном костюме (в основном женском) используются элементы традиционной горской одежды, чаще в виде отделки, украшения, вышивки и т. д. По аналогии с формами

народных остроконечных мужских башлыков создаются модные головные уборы для молодежи; по типу традиционного горского легкого женского костюма начали шить производственную одежду работниц сферы обслуживания; одно из описанных выше платьев, *къабалай*, используется модельерами для создания современного свадебного наряда; строго традиционная национальная одежда изготавливается для художественных коллективов.

Предприятия легкой промышленности изучают возможности производства орнаментированной войлочной обуви традиционной формы, а также шерстяных узорчатых поясов.

Более широкое использование художниками-модельерами традиционных форм, национальных мотивов творчества дало бы очень интересный материал для создания своеобразных и колоритных образцов современной одежды.

С этой точки зрения следовало бы обратить внимание на традиционный покрой и отделку меховых шуб с разнообразными формами воротников, рукавов, своеобразной их оторочкой, на покрой и отделку накидок из разных плотных тканей. При создании моделей современных головных уборов с успехом можно было бы использовать и различные виды женских головных повязок и шапочек, с большим вкусом украшенных аппликациями, вышивками, серебряными нашивками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционная одежда Дагестана XIX — начала XX в., формировавшаяся на протяжении многих столетий, отличается генетическим единством основных элементов почти на всей территории республики. Наличие некоторых особенностей, локальных вариантов костюма у отдельных народностей и этнических групп Дагестана не противоречит этому общему выводу. Эти различия, как правило, не затрагивают основные особенности костюма, как и культуры в целом, не нарушают его общности.

Сопоставление ряда элементов бытовавшего в XIX — начале XX в. традиционного костюма с данными археологии позволяет в какой-то мере проследить формирование и развитие его отдельных форм, говорить о преемственности культуры народов Дагестана.

Надо полагать, что единая в своей основе материальная культура еще в глубокой древности в процессе развития распалась на множество местных вариантов, которые в дальнейшем приобрели устойчивый характер. Некоторые элементы старинной одежды сохранились и в изучаемое время в составе костюмных комплексов всех народов и этнических групп Дагестана, другие — приобрели узколокальный характер.

В качестве общих элементов костюма женщин почти всего Дагестана дошли до нас туникообразная рубаша, длинные прямые штаны, основной головной убор — чухта, шерстяные вязаные носки и чулки, обувь из сыромятной кожи в виде чук и глубоких калош, для горных районов — валяная обувь и т. д. Для женщин большинства народностей (весь горный Дагестан и частично предгорье) были характерны длинные покрывала, надеваемые поверх чухты, а также шубы-накидки. Много общих черт обнаруживается и при сравнении украшений. Серьги, кольца, браслеты, всевозможные ожерелья и т. д. почти у всех народов имели сходные формы, нередко изготавливались в общих ремесленных центрах.

Говоря об общности, следует отметить, что она особенно характерна для мужской одежды, которая, за исключением некоторых видов обуви и шуб, почти не имела этнических и

тем более территориальных различий. Описанные выше основные элементы традиционного мужского костюма — туникообразная рубаша, штаны с широким шагом, бешмет, черкеска с газырями, мягкие сафьяновые сапоги, чарыки, меховая папах (овчинная и каракулевая), башлык, бурка, башмаки, кожаные калоши и т. д. широко бытовали у даргинцев, аварцев, кумыков, лезгин, лакцев и др., составляя их традиционный народный костюм.

Общими для всех дагестанцев были также мужской узкий ременной пояс с металлическим набором, кинжал, кремневый пистолет, пашка.

При всей общности основных элементов костюма народов Дагестана еще во второй половине XIX — начале XX в. имел, однако, разнообразные локальные варианты, обусловленные характером хозяйственного быта, природно-географическими, социальными факторами, этнической спецификой, внешними связями и т. д. Это в первую очередь относится к женской одежде. Женщина была почти изолирована от внешнего мира, от влияния внешней среды, редко выезжала из своего общества. Среди женской части населения были более устойчивы старые традиции, в том числе и этнические, а также религиозные предрассудки. Сохранению замкнутого быта женщины способствовали эндогамность браков, затворничество женщины. Девушку редко выдавали замуж в другое общество, а тем более в иноэтническую среду.

Многообразные местные варианты одежды сохранили особенно женщины горного Дагестана (аварки, даргинки, лачки и др.). Географические условия, сильная расчлененность рельефа, способствовавшие обособленности и разобщенности обществ и этнических групп, благоприятствовали сохранению множества локальных вариантов, специфических черт в одежде женщин-горянок, и в первую очередь в их головных уборах.

По особенностям женской одежды Дагестан условно можно разделить на три больших этнографических и историко-культурных района: 1) западный и центральный горный Дагестан,

2) южный и юго-западный Дагестан 3) приморский (севернее Дербента) и северный Дагестан.

Однако эти районы не выделяются резко определенными границами, а соединяются между собой широкими переходными областями, для населения которых характерно своеобразное сочетание особенностей культуры гор и равнины, т. е. смешанные типы одежды.

Указывая на локальные особенности костюма народов Дагестана в прошлом, обусловленные спецификой социально-экономического, этнического, политического развития, а также природно-географическими условиями, нельзя не отметить и роль хозяйственных, историко-культурных и торговых связей с населением иноэтнических территорий, сопредельных областей, а иногда — дальних стран.

Большое влияние на костюм женщин юго-западного (дидойцы, бежтинцы, тляратинские аварцы и др.) и Южного Дагестана (лезгины, рутулы, цахуры, табасаранцы, агулы) оказал костюм женщин Грузии и, особенно, Азербайджана. Этому способствовали тесные разносторонние (хозяйственные, торговые, брачные и т. д.) связи Дагестана с народами Закавказья, носившие постоянный характер и имевшие многовековую историю. По утвердившемуся в науке мнению, северные области Азербайджана и значительная часть Южного Дагестана даже входили в единое древнейшее политическое образование — Кавказскую Албанию.

В XIX — начале XX в. горцы Дагестана активно продолжали и развивали свои хозяйственные и культурные связи с населением Азербайджана и Грузии, перегоняли туда свой скот на зимние пастбища, ездили на заработки, продавали масло, сыр, мясо, мед, фрукты, шерсть, кожу, всевозможные изделия домашних промыслов (сукно, бурки, паласы, войлоки, вязаную шерстяную обувь и носки, предметы утвари, украшения, оружие и т. д.), а взамен приобретали хлеб, ткани, готовые платки и шали, кожаную обувь и т. д. Большую роль в посредничестве и торговле, в культурном обмене между горцами и населением внутренних областей Закавказья играли и жители ряда пограничных с Дагестаном районов Грузии (Лагодехи, Кварели, Кабали и др.) и Азербайджана (Закаталы, Белоканы, Нуха, Хачмаз, Куба, Кусари и др.), где совместно с азербайджанцами, грузинами или же отдельными поселениями проживало большое число горцев (аварцев, лезгин, цахуров, рутулов и т. д.). Особенно сильно это влияние сказалось на культуре, в частности на одежде, народов Южного Дагестана.

О длительном устойчивом культурном контакте цахуров, например, с населением Азербайджана говорит наличие у них ряда элементов (нередко с терминологическим совпадением) верхней женской одежды азербайджанско-

го типа: коротких архалыгов разного покроя, широкой юбки, распашной верхней одежды типа бешмета, передника, надеваемого поверх платья, шелкового платка азербайджанского производства. Аналогичные связи прослеживаются и в одежде других народов лезгинской группы, а также, правда в меньшей степени, аварцев пограничных с Азербайджаном и Грузией районов.

Взаимовлияние культур народов Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, осетины, балкарцы, карачаевцы, черкесы, русские, кумыки, ногайцы, салатавские аварцы, предгорные даргинцы и др.) наиболее отчетливо прослеживается в одежде народов Северного Дагестана. Близок к северокавказскому варианту, в частности, костюм кумычек, особенно северных.

Кумыки были как бы распространителями культурного влияния народов Северного Кавказа среди населения Дагестана, а равно и передатчиками культуры горцев Дагестана в северокавказскую среду. Однако, занимая в основном приморскую полосу Дагестана, вплоть до Дербента, кумыки были связаны на юге и с азербайджанским населением. Элементы азербайджанского костюма проникали сюда особенно через южных кумыков, непосредственных соседей дербентских азербайджанцев.

После присоединения Дагестана к России в дагестанской народной одежде заметнее становится и влияние русского городского костюма. Освоение новых районов на юге, происходившее особенно интенсивно с середины XIX в. в связи с развитием капиталистических отношений, привело к образованию в северном, равнинном Дагестане ряда населенных пунктов из русских переселенцев, с которыми население Дагестана постоянно поддерживало культурные и экономические контакты.

Безусловно, многовековые взаимоотношения народов Дагестана со своими соседями не ограничились односторонним влиянием. Горцы Дагестана со своей самобытной культурой также оказали заметное влияние на культуру других народов кавказского региона. Высококачественное сукно, цветные шерстяные носки и чулки, вязаная обувь дагестанских мастериц, прославленные бурки с длинным ворсом, обработанные руками горянок овчины, овчинные шубы, всевозможные ювелирные изделия, не знавшие конкуренции, оружие и т. д. находили большой спрос всюду на Кавказе и за его пределами.

Сравнение одежды народов Дагестана с одеждой народов Средней и Передней Азии, Ближнего Востока, живущих в течение столетий на расстоянии тысячи километров друг от друга, также обнаруживает определенное сходство.

Занимая выгодное географическое положение, Дагестан еще в древности активно участвовал в международной торговле, был связан

сухопутными или морскими торговыми путями, наряду с соседними областями Кавказа, с «Дон-ном, Булгаром, Хорезмом, Византией, Ближним Востоком»¹. На культуре народов Дагестана не могло не сказаться и то обстоятельство, что сюда, особенно в приморские районы, в течение длительного периода неоднократно вторгались иноэтнические племена кочевников. Очевидно, отдельные элементы иноэтнической материальной культуры и быта проникают в Дагестан вместе с образованием здесь царства гуннов, Хазарского каганата со столицей Семендер, через кыпчаков, аланов, монголов, с арабским завоеванием и с пребыванием арабов в равнинной полосе Дагестана, посредством торговых связей с Индией, Китаем, странами Передней Азии и т. д. На глубокие и многосторонние связи таких историко-культурных областей, как Кавказ, Передняя и Средняя Азия, Средиземноморье и др., на близость культуры

народов этих районов справедливо указывал крупнейший советский историк С. П. Толстов: «Босфор и Иберия, Армения и Парфия, Кант-ха-Хорезм и Индоскифская империя великих кушанов — вот тот консолидировавшийся к началу нашей эры политический каркас, вокруг которого шла группировка далеких и близких племен Великой Скифии, во многом подготовившая последующие процессы консолидации огромной территории нашей страны в средние века»².

Таким образом, анализ традиционной одежды народов Дагестана, ее общности и многообразия, позволяет выдвинуть ряд существенных вопросов проблемного характера, интересных как с точки зрения культурно-экономических взаимоотношений народов Дагестана с другими народами, так и с точки зрения этнической истории самого Дагестана.

¹ История Дагестана, I., стр. 139.

² Толстов, 1948, стр. 342.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамова, 1966 — Абрамова М. П., О пережитках культа двойной секиры в раннесредневековом Дагестане, — «Археологический сборник», 1966 (Труды ГИМ, вып. 40).
- Агаширинова, рук. — Агаширинова С. С., Национальная одежда лезгин в XIX — начале XX века [рук.], РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 122.
- Агаширинова, 1958 — Агаширинова С. С., Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX — начале XX в., — «Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», 1958, т. IV.
- Агларов, 1962 — Агларов М. А. Андийцы. Историко-этнографический очерк [рук. канд. дисс.], Махачкала, 1962.
- Алексеев, 1963 — Алексеев В. П. Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта, — «Антропологический сборник», IV, М., 1963.
- Андреев, 1899 — Андреев А. П., По дебрям Дагестана, — «Исторический вестник», 1899, № 10—12.
- Анучин, 1884 — Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года, — ИРГО, 1884, т. XX, вып. 4.
- Арбуханова, рук. — Арбуханова И. Ш. Художественная обработка серебра у аварцев [рук.], РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 157а.
- Атаев, 1963 — Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (По материалам археологических раскопок Аварии), Махачкала, 1963.
- Афанасьев, 1893 — Афанасьев М., Селение Костек Хасав-Юртовского округа, Терской области, — СМОМПК, вып. 16, 1893.
- Батырай, 1959 — Батырай О. Песни. Пер. с даргинского, М., 1959.
- Безарашвили, 1971 — Безарашвили Ц. И. Тушинский женский костюм — талавари, — «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.», М., 1971.
- Белл, 1776 — [Белл Дж.] Путешествия через Россию в разные азиатские земли. Пер. с франц., ч. III, СПб., 1776.
- Березин, 1849 — Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью, Казань, 1849.
- Бокарев, 1961 — Бокарев Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, 1961.
- Броневский, 1823 — Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 1—2, М., 1823.
- Буланова, 1970 — Буланова Л. А. Арабские этнографические коллекции МАЭ, — «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., 1970.
- Булатова, рук. — Булатова А. Г. Национальная одежда дагестанских рутульцев [рук.].
- Булатова, 1971 — Булатова А. Г. Лакцы. Историко-этнографический очерк, Махачкала, 1971.
- Булатова, 1974 — Булатова А. Г. Национальная одежда дагестанских цахуров, — «Дагестанский этнографический сборник», вып. I, Махачкала, 1974.
- Бутков, 1869 — Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. III, СПб., 1869.
- Буш, 1905 — Буш Н. А. По скалам Андийского Дагестана, — ИРГО, 1905, т. 41, вып. 3.
- Вадковская, 1930 — Вадковская Ю. В. Некоторые кустарные промыслы Даргинского округа в санитарном отношении, — «Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана», вып. 1, М.—Л., 1930.
- Васильев, 1899 — Васильев А. Г. Кази-кумукцы, — «Этнографическое обозрение», 1899, кн. 42, № 3—4.
- Вейденбаум, 1903 — Вейденбаум Е. Очерки этнографии Кавказского края, — «Весь Кавказ». Иллюстрированный справочно-литературный сборник, Тифлис, 1903, № 1.
- Воробьев, 1953 — Воробьев Н. И. Казанские татары (Этногр. исследование материальной культуры дооктябрьского периода), Казань, 1953.
- Всемирная история, II — Всемирная история, т. II, М., 1956.
- Габиев, 1906 — Габиев С. Лаки, их прошлое и быт, — СМОМПК, 1906, т. XXXVI.
- Габиев, 1958 — Габиев Д. Металлообработка у лаков (по этнографическим материалам), — «Ученые записки ИИЯЛ ДагФАН СССР», 1958, т. IV.
- Гаджиев А., 1965 — Гаджиев А. Г. Происхождение народов Дагестана (По данным антропологии), Махачкала, 1965.
- Гаджиев М., 1969 — Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы, Махачкала, 1969.
- Гаджиев, Абакаров, рук. — Гаджиев М. Г., Абакаров А. И. Отчет об охранных раскопках Нижечуглинского городища в 1975 г. [рук.] РФИИЯЛ, д. 392, № 37—38.
- Гаджиева, 1958 — Гаджиева С. Ш. Каякентские кумыки, — «Кавказский этнографический сборник», вып. II, М., 1958 (Труды Института этнографии АН СССР, т. XLVI).
- Гаджиева, 1960 — Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков XIX—XX вв., Махачкала, 1960.
- Гаджиева, 1961 — Гаджиева С. Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование, М., 1961.
- Гаджиева, 1974 — Гаджиева С. Ш. Кумыкская женская одежда и украшения, — «Дагестанский этнографический сборник», вып. 1, Махачкала, 1974.
- Гаджиева и др., 1967, — Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Булатова А. Г., Материальная культура даргинцев, Махачкала, 1967.

- Ган, 1902 — Ган К. Ф. Экскурсия в нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 года, — ИКОРГО, 1902, т. 15, № 4.
- Гарнати — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) (публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта), М., 1971.
- Даг. обл. — Дагестанская область, — «Весь Кавказ», Баку, 1914.
- Дирр, 1915 — Дирр А. М. Заметка о татуировке в Дагестане, — СМОМПК, 1915, вып. 44.
- Дорн, 1844 — Дорн Б. А. Известия о хазарах восточного историка Табари, — ЖМНП, 1844, ч. 43.
- Дубровин, 1871 — Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 1, СПб., 1871.
- Заблоцкий, 1838 — Заблоцкий, П. Путевые записки из Астрахани, через Кизляр, в Баку, в 1835 и 1836 годах, — «Журнал Министерства внутренних дел», 1838, № 8.
- ИГЭД — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева, М., 1958.
- Иерусалимская, 1967 — Иерусалимская А. А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье, — СА, 1967, № 2.
- История Дагестана, I — История Дагестана, т. I, М., 1967.
- Ихиллов, 1967 — Ихиллов М. М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов, Махачкала, 1967.
- Кавказский календарь — Дагестанская область. Кавказский календарь на 1893 г., Тифлис, 1892.
- Калоев, 1962 — Калоев Б. А. Агулы (Историко-этнографический очерк), — «Кавказский этнографический сборник», вып. III, М., 1962 (Труды Института этнографии АН СССР, т. XXIX).
- Каракашлы, 1964 — Каракашлы К. Т. Материальная культура азербайджанцев Северо-Восточной и Центральной зон Малого Кавказа. Историко-этнографическое исследование, Баку, 1964.
- Караулов — Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане, — СМОМПК, 1901, вып. XXIX; 1902, вып. XXXI; 1903, вып. XXXII; 1908, вып. XXXVIII.
- Кильчевская, Иванов, 1959 — Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана, М., 1959.
- Киров, 1939 — Киров С. М. Избранные статьи и речи. 1912—1934, М., 1939.
- Котович, 1961 — Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане, — «Материалы по археологии Дагестана», т. II, Махачкала, 1961.
- Котович, 1965 — Котович В. М. Верхнегунисское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. К истории дагестанских племен в конце III—II тысячелетия до н. э., Махачкала, 1965.
- Котович, рук. — Котович В. М. Отчет о работе 2-го отряда ДАЭ в 1967 г., РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 238, 239.
- Котович и др., 1961 — Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана, — «Материалы по археологии Дагестана», т. II, Махачкала, 1961.
- Круглов, 1946 — Круглов А. П. Культовые места горного Дагестана, — КСИИМК, 1946, вып. XII.
- Круглов, 1958 — Круглов А. П. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э., — «Материалы и исследования по археологии СССР», М. — Л., 1958, № 68.
- Крупнов, 1960 — Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.
- Крупнов, 1964 — Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа), — СА, 1964, № 1.
- Кушева, 1963 — Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII в., М., 1963.
- Лавров, 1962 — Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем, — «Кавказский этнографический сборник», вып. III, М., 1962 (Труды Института этнографии АН СССР, т. XXIX).
- Лакские песни — Лакские эпические песни. Сост. Халилов Х., Махачкала, 1969 (Песни народов Дагестана).
- Лиль-Адам, 1875 — Владимир Вилльер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе (путевые заметки), — ССКГ, 1875, вып. VIII.
- Липский, 1961 — Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре, — «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961.
- Лисициан, 1955 — Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении, — «Кавказский этнографический сборник», вып. I, М., 1955 (Труды Института этнографии АН СССР, т. XXVI).
- Лысцов, 1951 — Лысцов В. П. Персидский поход Петра I. 1722—1723, М., 1951.
- Магомедов, рук. — Магомедов М. Г. Вооружение раннесредневекового Дагестана [рук.], — РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 222.
- Маммаев, 1967 — Маммаев М. М. О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива, — «Ученые записки ИИЯЛ ДагФАН СССР», 1967, т. XVII.
- Маргграф, 1882 — Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства, М., 1882.
- Марков, 1887 — Марков Е. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории, СПб., 1887.
- Марковин, 1963 — Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна, — «Древности Чечено-Ингушетии», М., 1963.
- Маслова, 1956 — Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов, М., 1956 (Труды Института этнографии АН СССР, т. XXXI).
- Материальная культура аварцев — Материальная культура аварцев, Махачкала, 1967.
- Микайлов, 1959 — Микайлов Ш. И. Очерки аварской диалектологии, М. — Л., 1959.
- Мунчаев, Смирнов, 1956 — Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., — Памятники эпохи бронзы в Дагестане (Курганный комплекс у станции Манас), — СА, 1956, № 26.
- Народы Кавказа — Народы Кавказа, т. I—II, М., 1960—1962.
- Народы Передней Азии — Народы Передней Азии, М., 1957 (серия «Народы мира»).
- Народы Средней Азии и Казахстана — Народы Средней Азии и Казахстана, т. I—II, М., 1962—1963.
- Никольская, Шиллинг, 1953 — Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Женская народная одежда аварцев, — КСИЭ, 1953, вып. XVIII.
- Обзоры, 1893 — Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892 г., Темир-Хан-Шура, 1893.
- Обозрение, 1836, — Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, ч. IV, СПб., 1836.

- Окладников, 1955 — Окладников А. П. История Якутской АССР, т. I. Якутия до присоединения к Русскому государству, М.—Л., 1955.
- Олеарий — Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, СПб., 1906.
- Омаров, 1967 — Омаров К. Б. Современный быт и культура рабочих поселка Дагестанские огни. Автореф. канд. дисс., Махачкала, 1967.
- Описание, 1809. — Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний, по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству, СПб., 1809.
- О состоянии Астрахани — О нынешнем состоянии города Астрахани. — «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы», ч. VII, СПб., 1791.
- Очерки, 1957 — Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957.
- Очерки истории СССР, 1956 — Очерки истории СССР. [I] Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР, М., 1956.
- Панек, рук. — Панек Л. Б. Табасаранцы [рук.], — РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 37.
- Петухов, 1867 — Петухов П. Очерки кайтаг-табасаранского округа, — «Кавказ», 1867, № 8, 13, 16.
- Пигулевская, 1961 — Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв., М.—Л., 1961.
- Пикуль, 1967 — Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане, Махачкала, 1967.
- Пиралов, 1914 — Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, — «Весь Кавказ», Баку, 1914.
- Пржецлавский, 1860 — Пржецлавский П. С. Нравы и обычаи в Дагестане, — «Военный сборник», 1860, т. XII, № 3—4.
- Пржецлавский, 1863 — Пржецлавский П. С. Дагестан, его нравы и обычаи, — «Вестник Европы», 1863, т. 3.
- Путинцева, 1961 — Путинцева Н. Д. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение), — «Материалы по археологии Дагестана», т. II, Махачкала, 1961.
- Революционные комитеты Дагестана — Революционные комитеты Дагестана, Махачкала, 1960.
- Русско-дагестанские отношения — Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Сост. Р. Г. Маршаев, Махачкала, 1958.
- Савельев, 1847 — Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории, СПб., 1847.
- Свидерский, 1898 — Свидерский П. Ф. Материалы для антропологии Кавказа, Кумыки. Докт. дисс., СПб., 1898.
- Свидерский, 1903 — Свидерский П. Ф. В горах Дагестана. Путевые впечатления, случайности и антропологические заметки, Петровск, 1903.
- Сергеева, 1967 — Сергеева Г. А. Арчинцы, М., 1967.
- Сергеева, 1971 — Сергеева Г. А. Об одежде аварской группы народов Дагестана, — «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.», М., 1971.
- Сидоров, 1897 — Сидоров В. М. По России. Путевые заметки и впечатления, т. 2. Кавказ. Практические сведения для туристов, СПб., 1897.
- Смирнов, 1951 — Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. — «Материалы и исследования по археологии СССР», 1951, № 23.
- Смирнов, 1961 — Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент, — «Материалы по археологии Дагестана», т. II, Махачкала, 1961.
- Состояние рабочего класса — Состояние рабочего класса в Закавказье, — «Кавказ», 1846, № 4.
- ССКГ, I — Сборник сведений о кавказских горцах, вып. I, Тифлис, 1868.
- Ставропольская губерния — Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, ч. 1. Ставропольская губерния, СПб., 1851.
- Стрейс, 1935 — Стрейс Я. Я. Три путешествия, М., 1935.
- Сухарева, 1954 — Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, — «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. I, М., 1954 (Труды Института этнографии АН СССР, т. XXI).
- Толстов, 1947 — Толстов С. П. К вопросу о происхождении каракалпакского народа, — КСИЭ, 1947, вып. II.
- Толстов, 1948 — Толстов С. П. Древний Хорезм, М., 1948.
- Тревер, 1959 — Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н. э. — VII в. н. э., М.—Л., 1959.
- Фадеев, 1957 — Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период, М., 1957.
- Френ, 1840 — Френ [Х. Д.] О кавказском народе Кубачи, — ЖМНП, 1840, № 8.
- Хождение — Хождение купца Федота Котова в Персию, М., 1958.
- Читая, 1940 — Читая Г. С. Этнографические параллели, I. Грузинская обувь с «носком», — «Сообщения грузинского филиала АН СССР», т. I, № 4, Тбилиси, 1940.
- Шиллинг, рук. — Шиллинг Е. М. Народы андоцезской группы [рук.], РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 37.
- Шиллинг, Даргинцы — Шиллинг Е. М. Даргинцы [рук.], РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 37.
- Шиллинг, 1949 — Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды, М.—Л., 1949.
- Шиллинг, 1950 — Шиллинг Е. М. Изобразительное искусство горного Дагестана, — «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 9, 1950.
- Шихсаидов, 1969 — Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.), Махачкала, 1969.
- Шихсаидов, 1975 — Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв., Махачкала, 1975.
- Эвлия Челеби — Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения в русском переводе) [рук.], РФ ИИЯЛ, д. 1157.
- Merzbacher, 1901 — Merzbacher G. Aus den Hochregionen des Kaukasus, Leipzig, 1901.
- Zakharov, 1933 — Zakharov A. A. Material for the Archeology of the Caucasus. Anthropomorphic Bronze Statuettes, — «Swiatowit», t. XV, Warszawa, 1933.

Список сокращений

- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
- ИГЭД — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева, М., 1958.
- ИКОРГО — «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», Тифлис.
- ИРГО — «Известия Русского географического общества», СПб.
- КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
- КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л., М.
- РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы Дагестанского филиала АН СССР.
- СА — «Советская археология», М.
- СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.
- ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис.
- JA — «Journal asiatique», Paris.

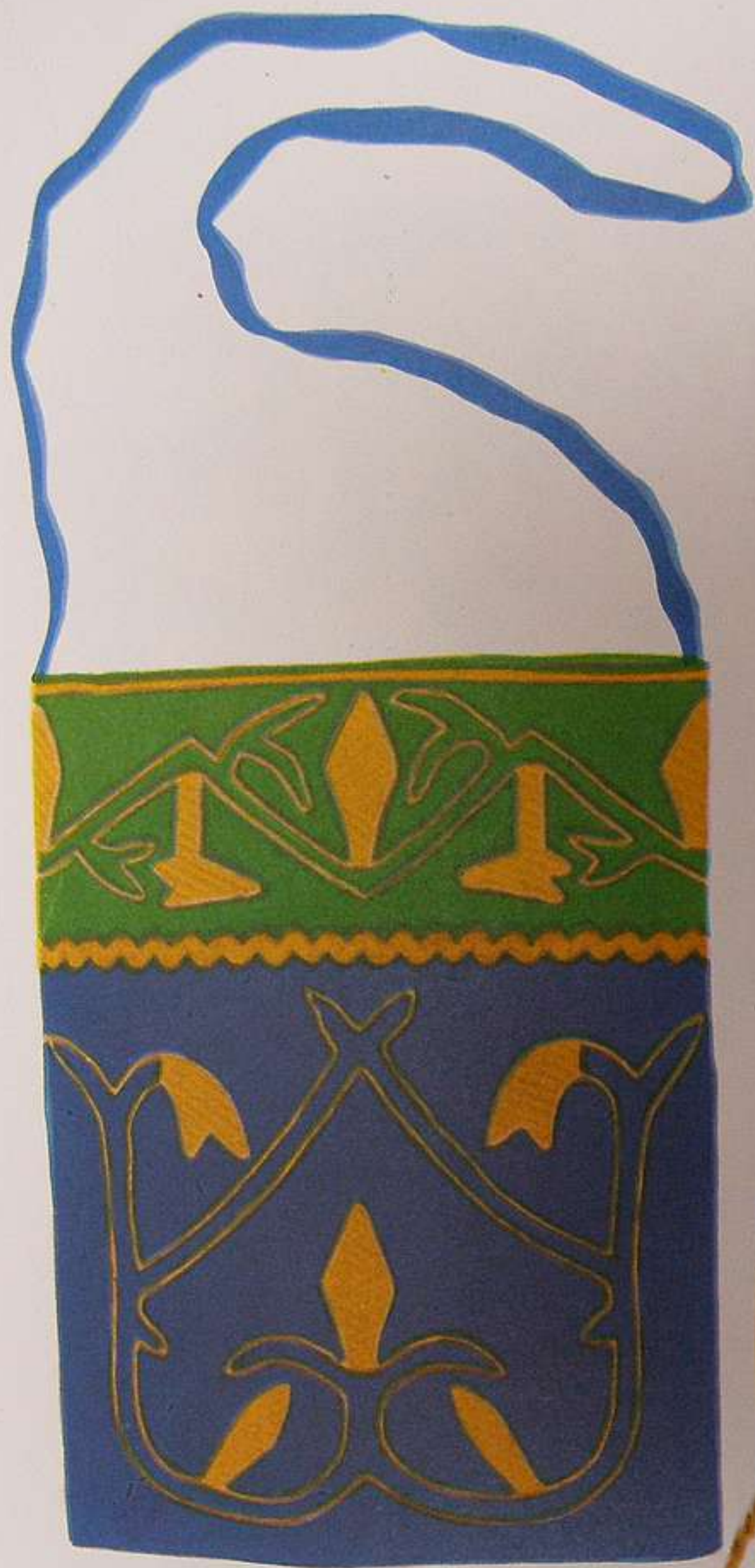
ИЛЛЮСТРАЦИИ

СПИСОК ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Табл. 1. 1 — аварская женская сумка (с. Батлаич);
2 — кумыкский кисет для табака (г. Хасавюрт)
- Табл. 2. Кумыкские женские сумки: 1 — с. Уллубий-аул, 2 — с. Янгикент
- Табл. 3. Ногайская настенная сумка для вещей (с. Терекли-Мектеб)
- Табл. 4. Ногайская настенная сумка для вещей (с. Терекли-Мектеб)
- Табл. 5. Кумыская кобура (г. Хасавюрт)
- Табл. 6. Фрагмент вышивки на лакской мужской рубахе (с. Кумух).
- Табл. 7. Фрагменты вышивки на даргинской чухте (с. Акуша)
- Табл. 8. Мужская вязаная обувь: 1 — с. Лучек, 2 — с. Бежта
- Табл. 9. Мужская обувь из сыромятной кожи (с. Куруш)
- Табл. 10. Женская вязаная обувь (с. Бежта)
- Табл. 11. Женская вязаная обувь (с. Лучек)
- Табл. 12. Женская обувь: 1 — комбинированные полуботинки (с. Гергебиль), 2 — вязаные сапожки (с. Кураг)
- Табл. 13. Женская обувь: 1 — комбинированные башмаки с вышивкой золотом (с. Великент), 2 — сафьяновые туфли-калоши с аппликацией (с. Терекли-Мектеб)
- Табл. 14. Женская обувь: 1 — комбинированные туфли-калоши (с. Согратль), 2 — вышитые золотом сафьяновые туфли-калоши (с. Ругуджа)
- Табл. 15. Аварец в черкеске (с. Ленинаул)
- Табл. 16. Даргинец в черкеске (с. Губден)
- Табл. 17. Агулец в шубе (с. Тпиг)
- Табл. 18. Детские кумыкские шапочки: 1 — стеганая шапочка (с. Карабудахкент), 2 — бархатная вышитая шапочка (с. Башлыкент)
- Табл. 19. Детские шапочки: 1 — с. Кули, 2 — с. Варсит
- Табл. 20. Бежтинка в нарядном костюме (с. Бежта)
- Табл. 21. Аварка в нарядном костюме (с. Тлярощ)
- Табл. 22. Аварка в свадебном костюме (с. Гергебиль)
- Табл. 23. Аварка в свадебном костюме (с. Ругуджа)
- Табл. 24. Андийка в традиционном костюме (с. Анди)
- Табл. 25. Багулалка в традиционном костюме (с. Кванада)
- Табл. 26. Тиндинка в традиционном костюме (с. Тинди)
- Табл. 27. Гидатлинка в нарядном костюме (с. Тиндиб)
- Табл. 28. Ботлихка в традиционном костюме (с. Ботлих)
- Табл. 29. Губденка в нарядном костюме (с. Губден)
- Табл. 30. Кубачинка в традиционном костюме (с. Кубачи)
- Табл. 31. Цудахарка в свадебном костюме (с. Хаджал-Махи)
- Табл. 32. Кайтачка в традиционном костюме (с. Карацан)
- Табл. 33. Гапшиминка в традиционном костюме (с. Гапшима)
- Табл. 34. Даргинка в шубе (с. Гапшима)
- Табл. 35. Лезгинка в традиционном костюме (с. Куруш)
- Табл. 36. Табасаранка в нарядном костюме (с. Хурик)
- Табл. 37. Лезгинка в нарядной одежде (с. Ахты)
- Табл. 38. Агулка в традиционной одежде (с. Тпиг)
- Табл. 39. Арчинка в традиционном костюме (с. Арчиб)
- Табл. 40. Арчинка в зимнем свадебном костюме (с. Арчиб)
- Табл. 41. Кумычка в традиционном костюме (с. Бабаюрт)
- Табл. 42. Лачка в традиционном костюме (с. Цовкра)
- Табл. 43. Ногайка в нарядном костюме (с. Терекли-Мектеб)
- Табл. 44. Ногайский женский бешмет и фрагмент его с украшениями
- Табл. 45. Аварка в традиционном головном уборе (с. Гочоб)
- Табл. 46. Гидатлинка в традиционном головном уборе (с. Тидиб)
- Табл. 47. Аварские головные уборы: 1 — с. Кванада, 2 — с. Тинди, 3 — с. Тидиб
- Табл. 48. Головные уборы: 1 — андийский (с. Анди), 2 — ботлихский (с. Ботлих)
- Табл. 49. Даргинские головные уборы: 1 — с. Акуша, 2 — с. Харбук
- Табл. 50. Головные уборы: 1 — лакский (с. Кули), 2 — даргинский (с. Ашты)
- Табл. 51. Даргинские головные уборы: 1 — с. Урари, 2 — с. Кубачи
- Табл. 52. Головные уборы: 1 — агульский (с. Тпиг), 2 — табасаранский (с. Хурик)
- Табл. 53. Женские пояса: 1 — кожаный с серебряной пряжкой (с. Хосрех), 2 — серебряный с эмалью (с. Касумкент)
- Табл. 54. Кумыкские женские украшения: 1—3 — пояса, 4 — золотое шейное украшение, 5 — золотые серьги, 6 — золотое нагрудное украшение

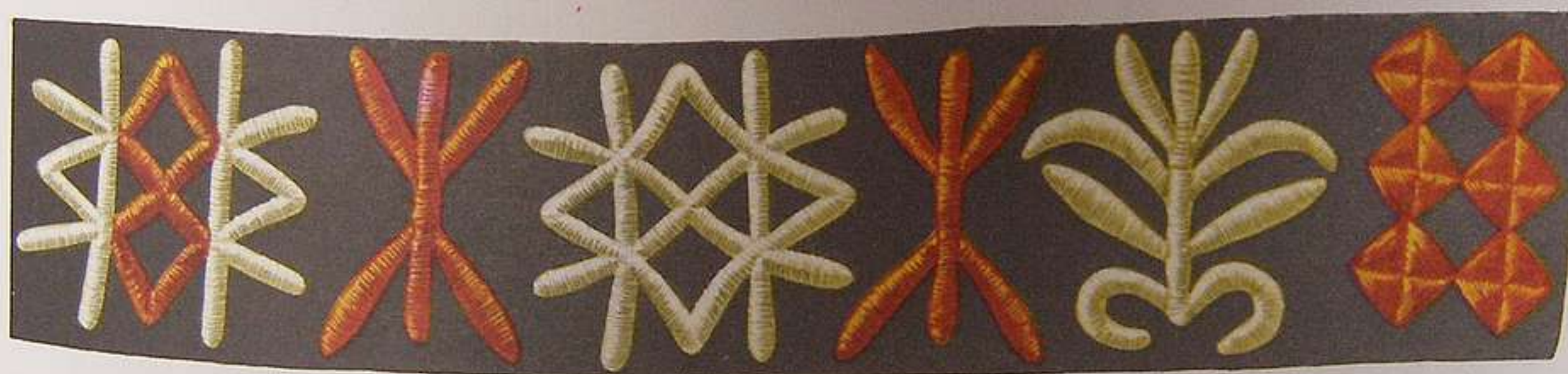
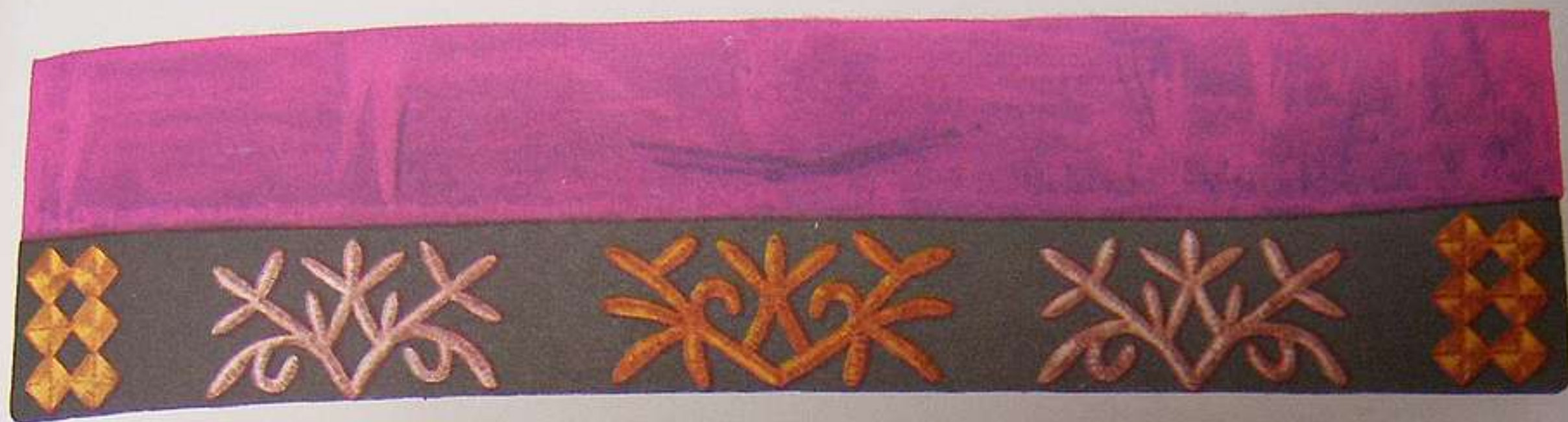

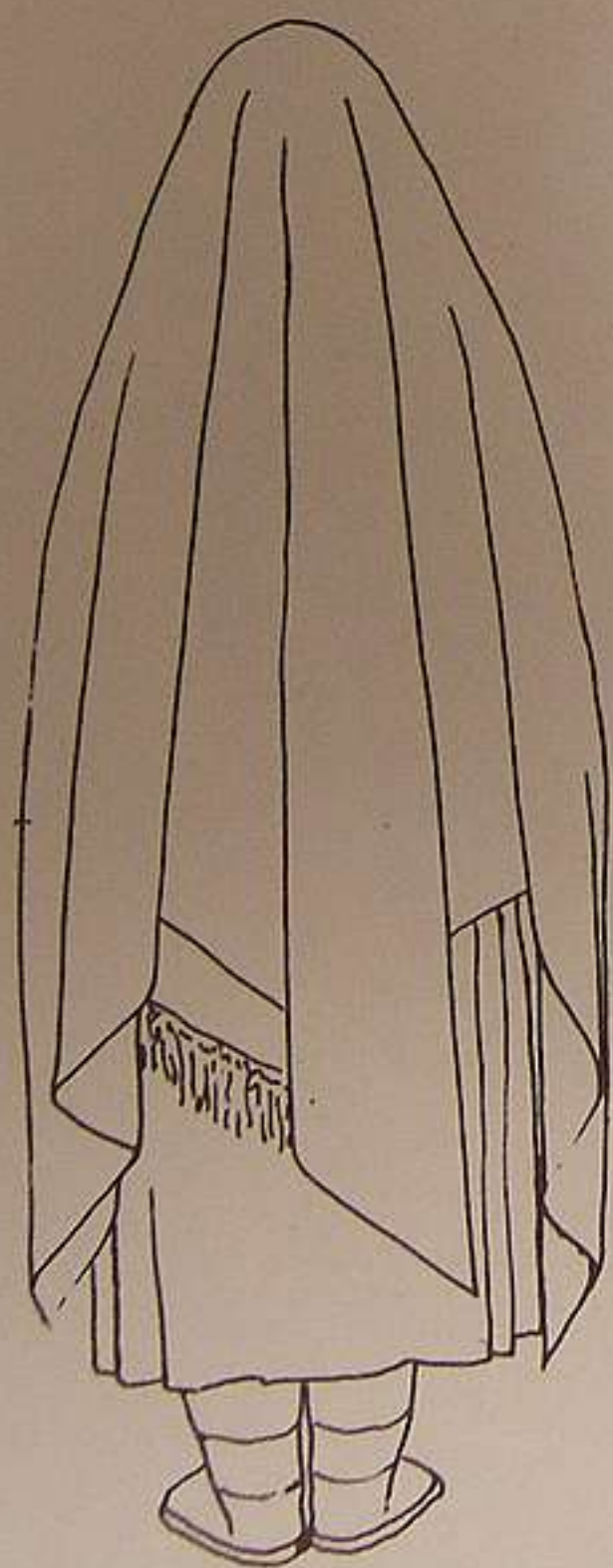

1

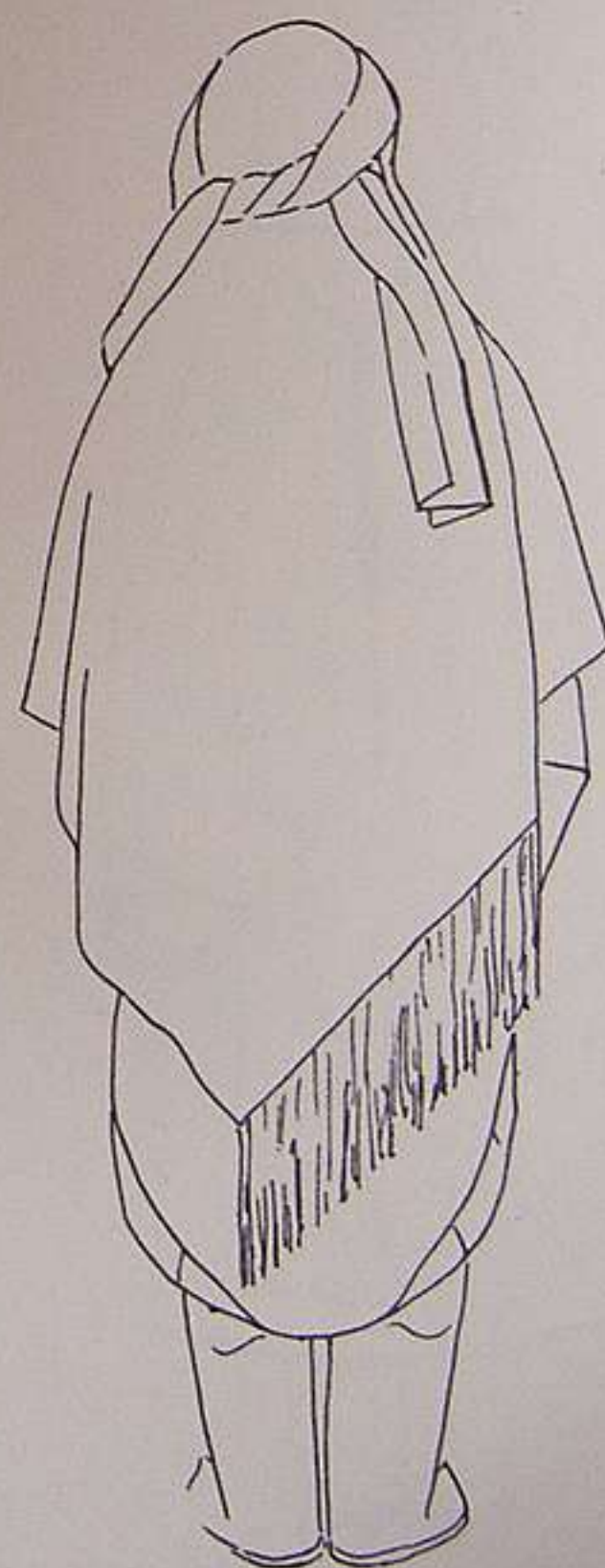

2

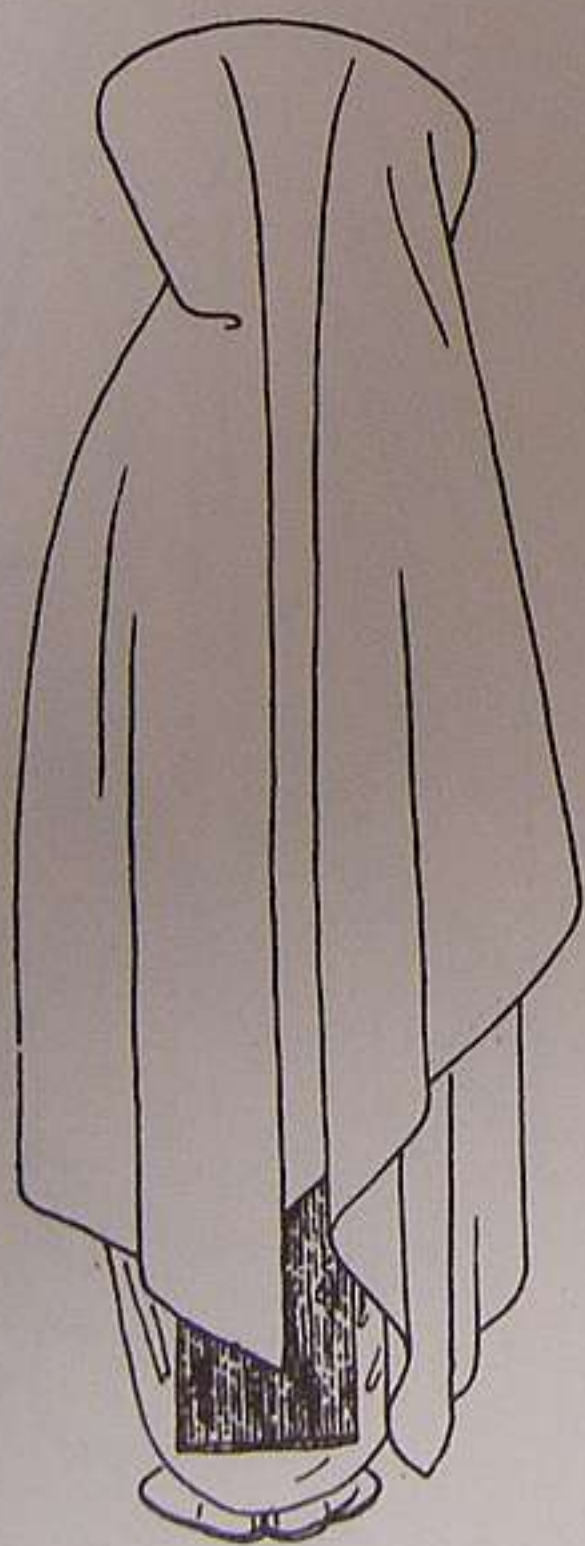

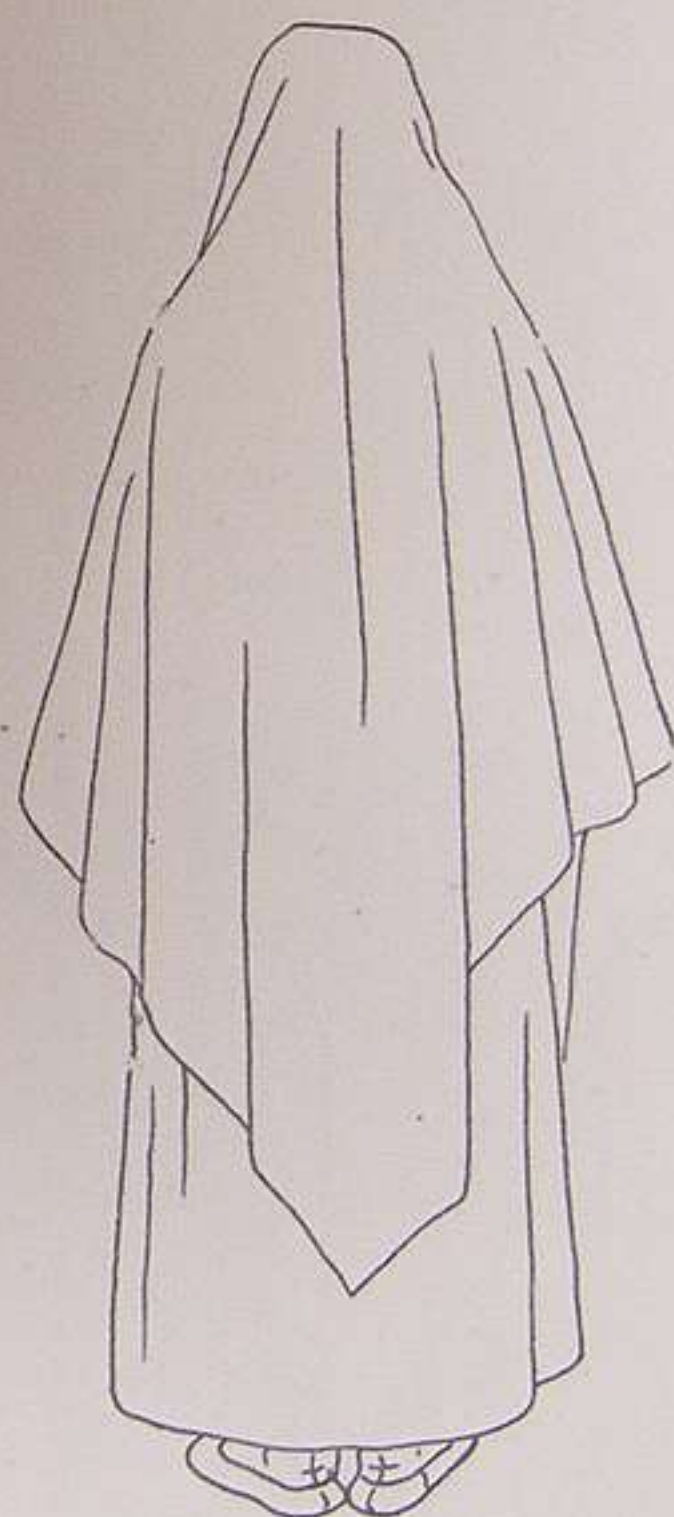

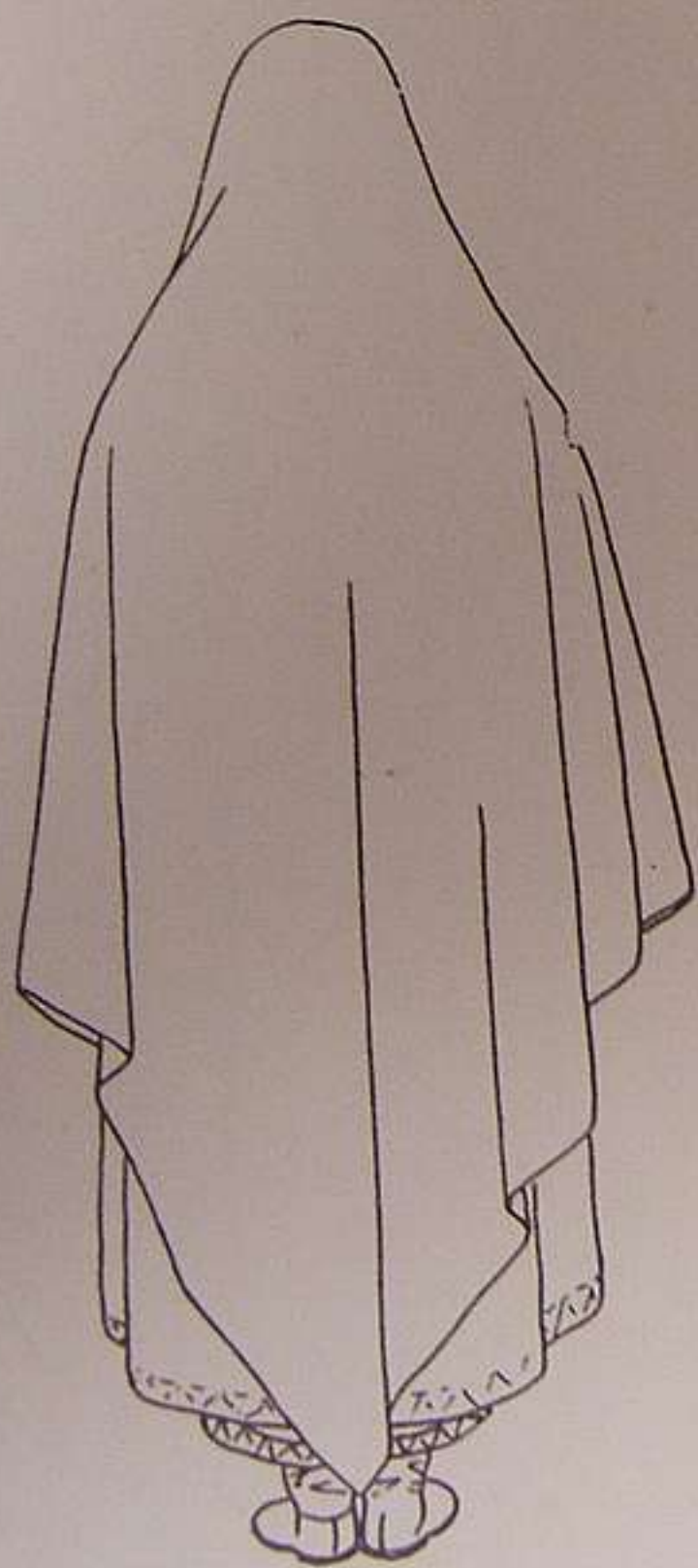

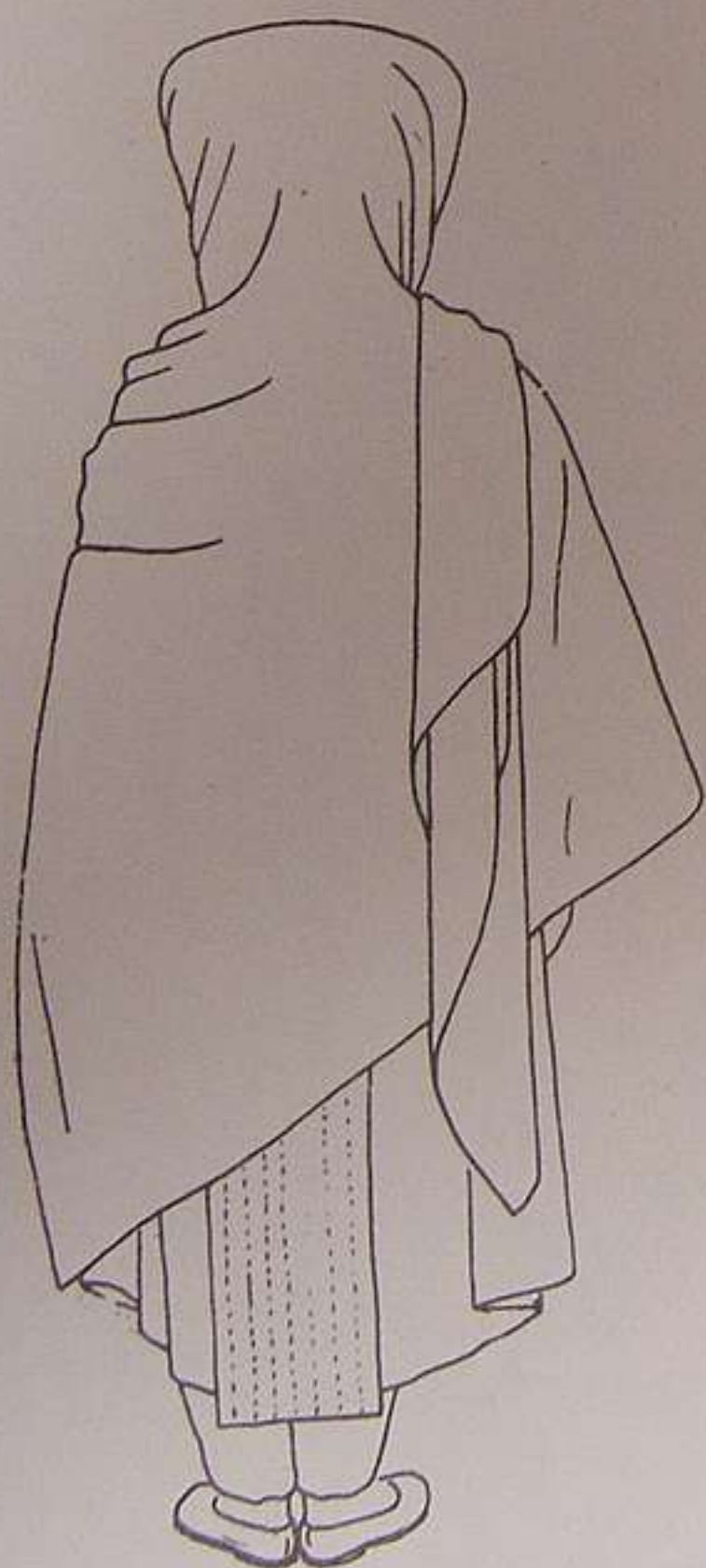

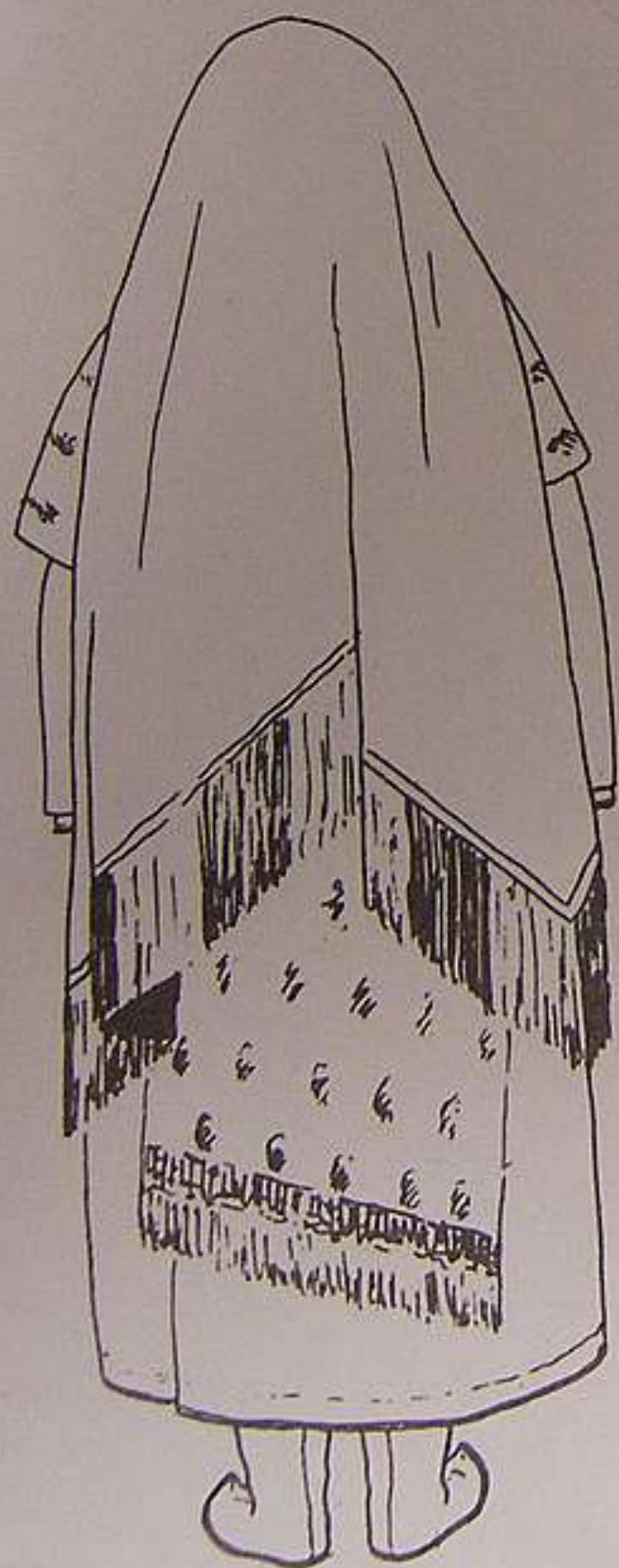

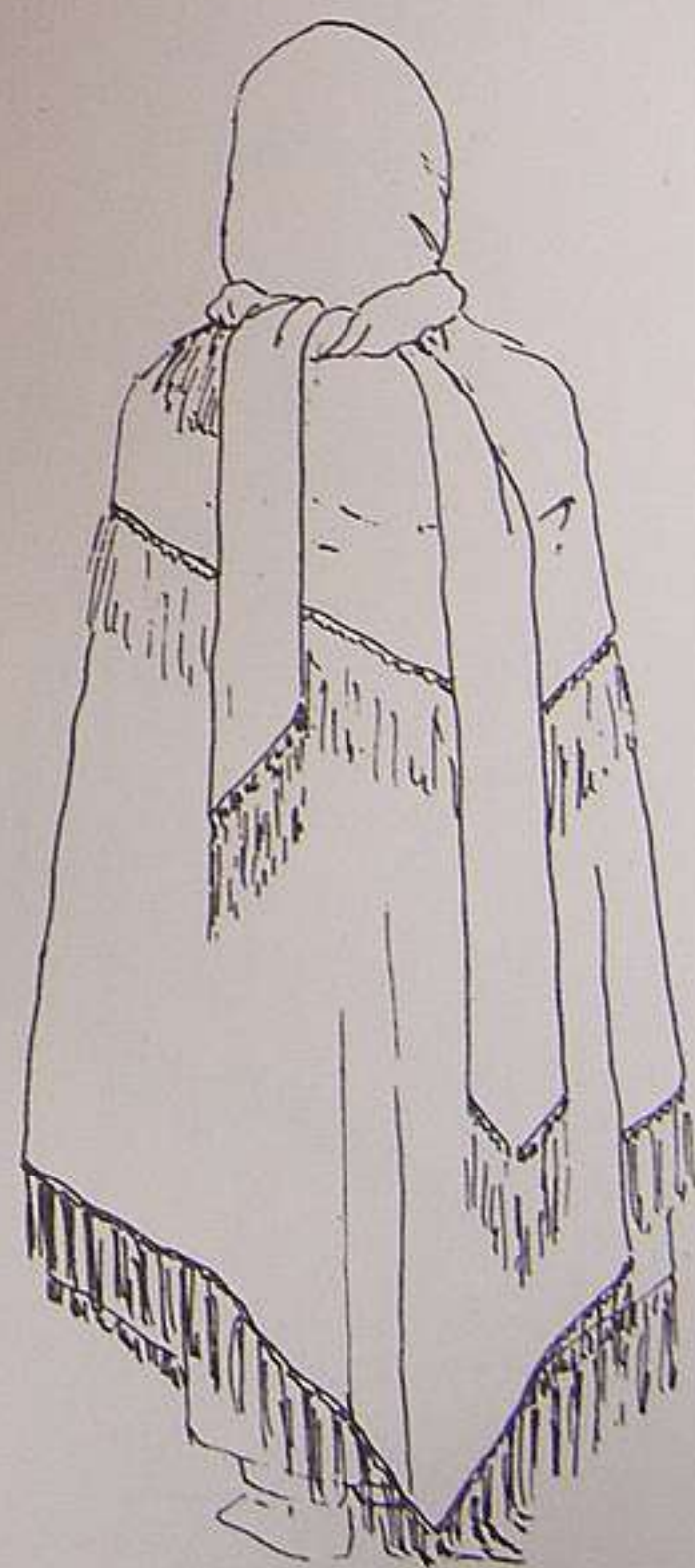

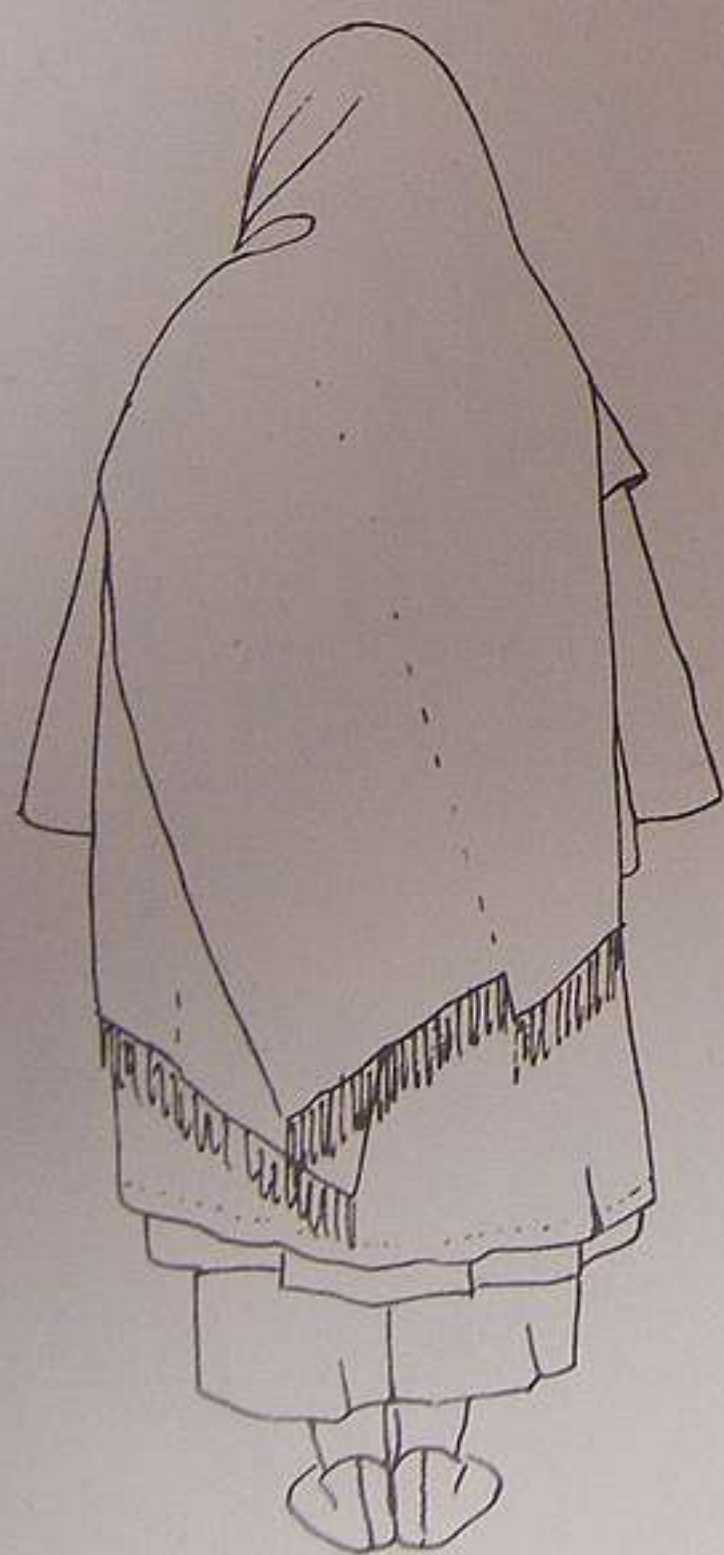

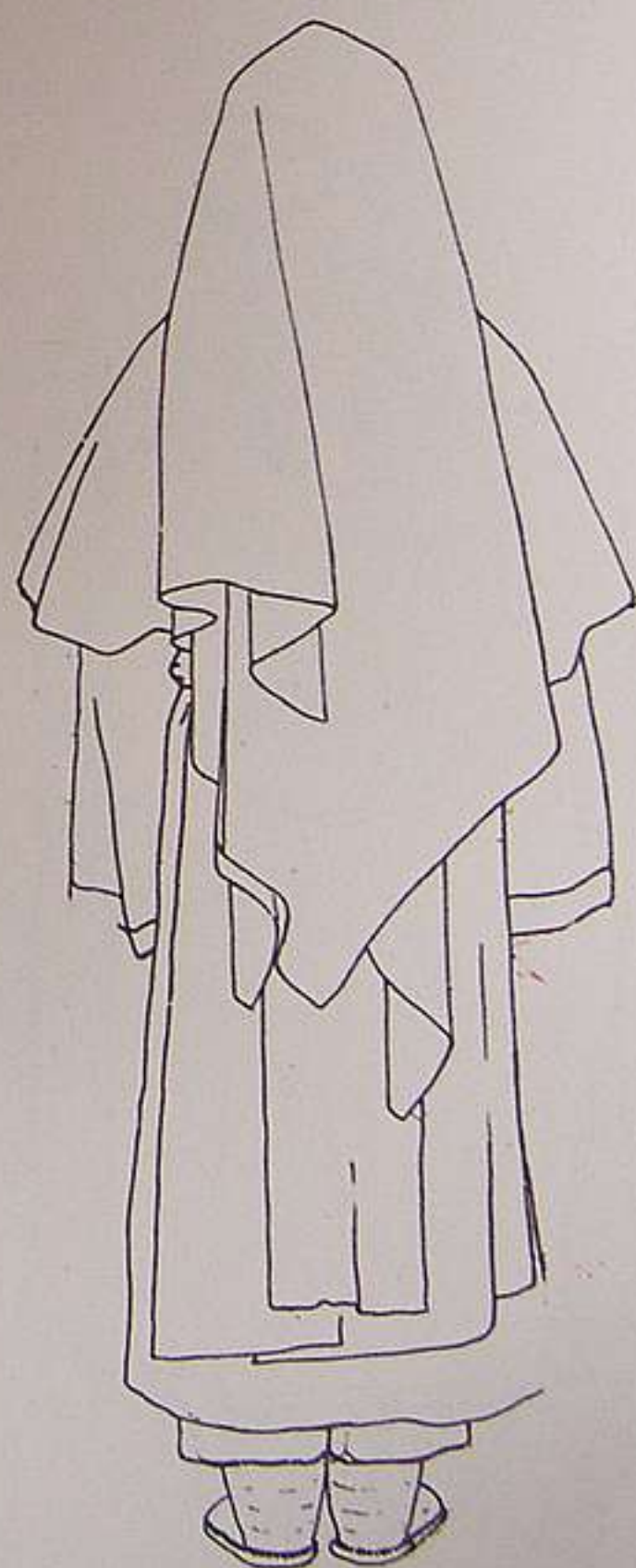

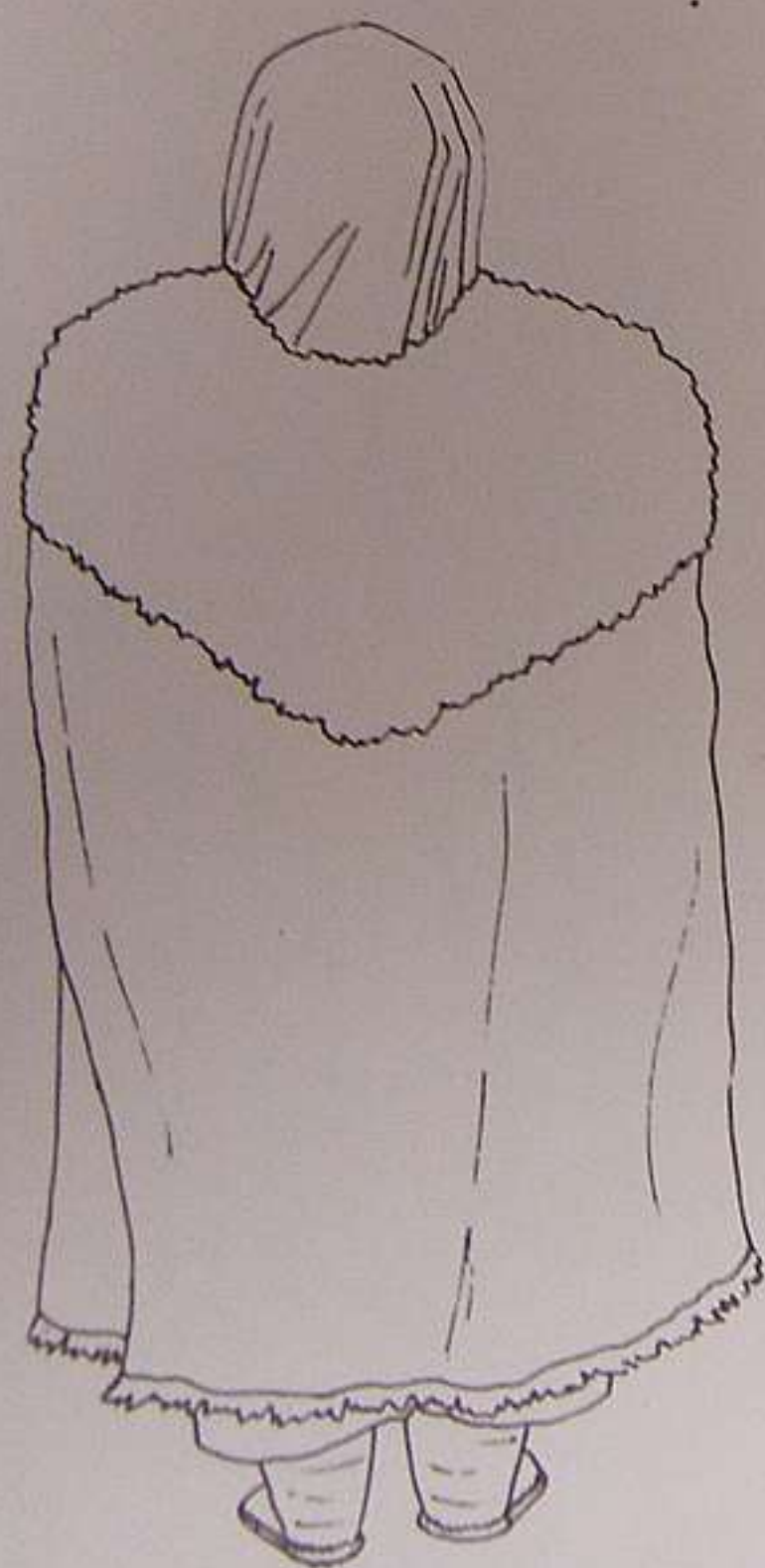

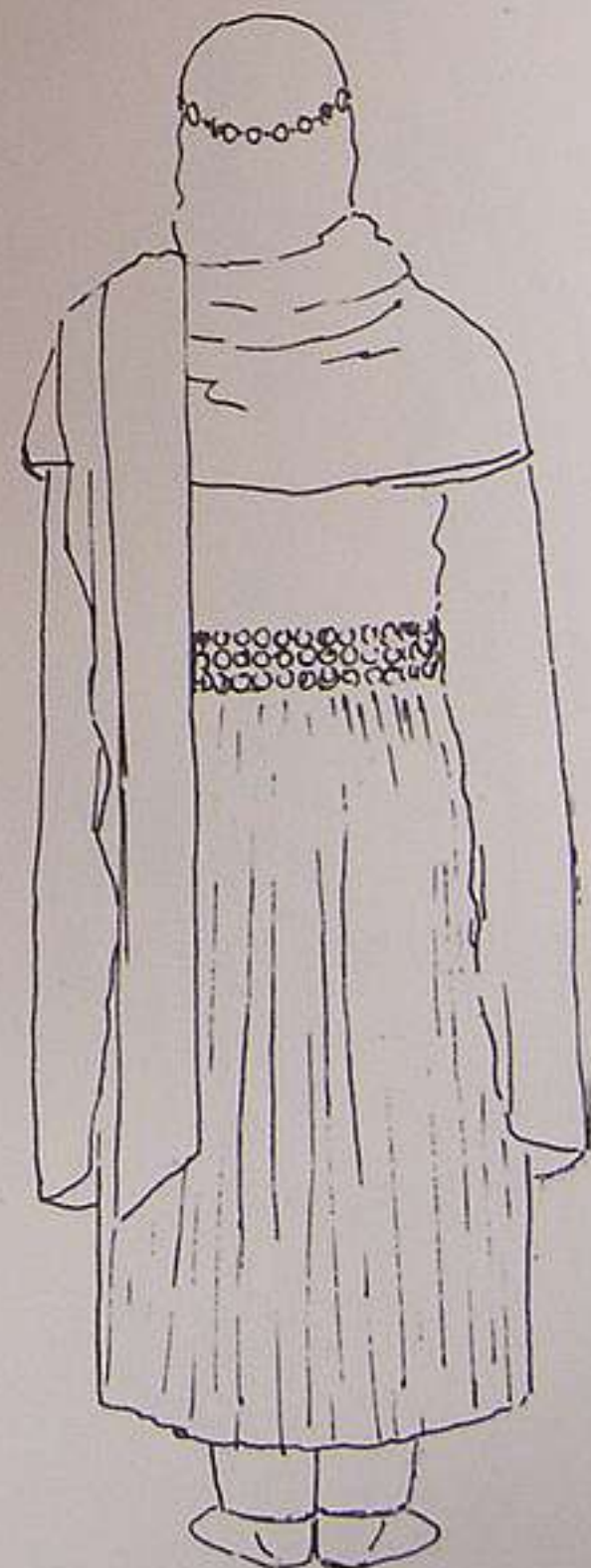

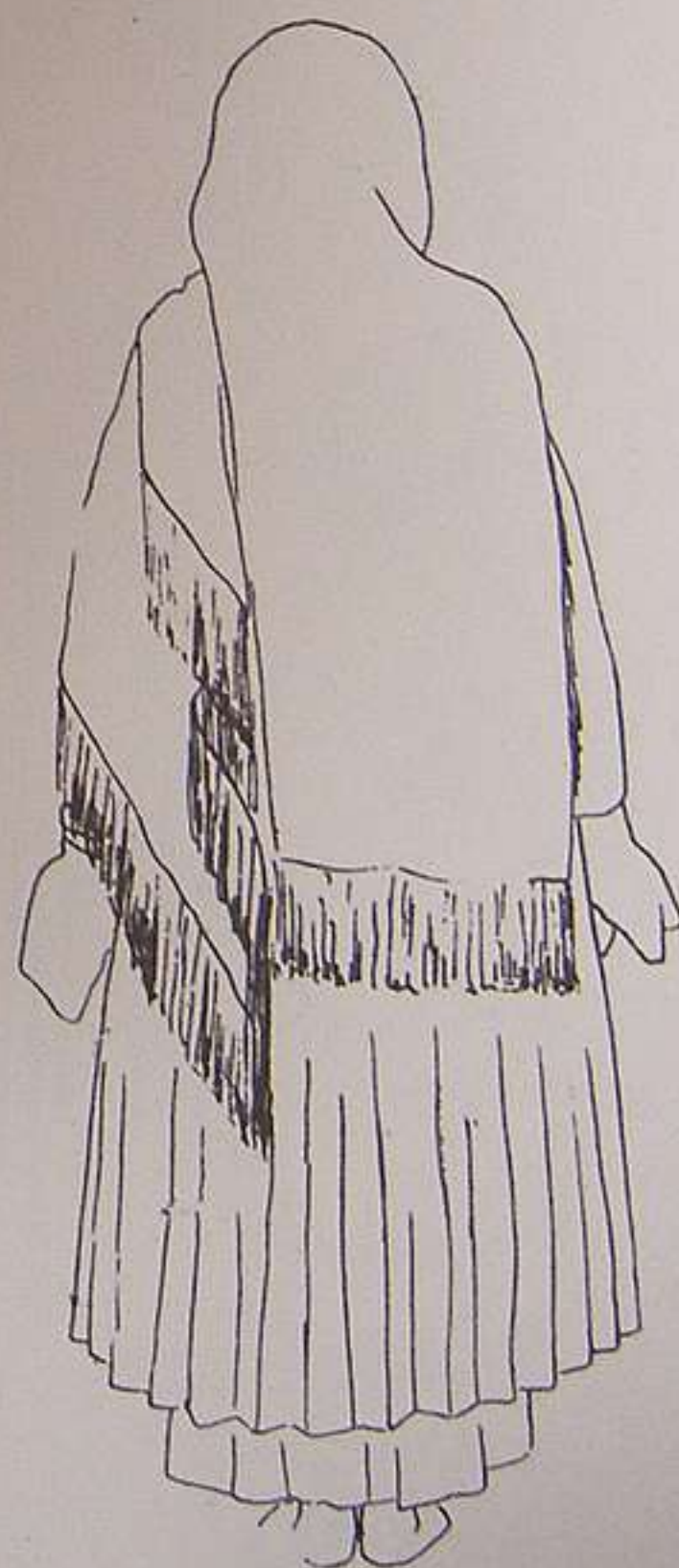

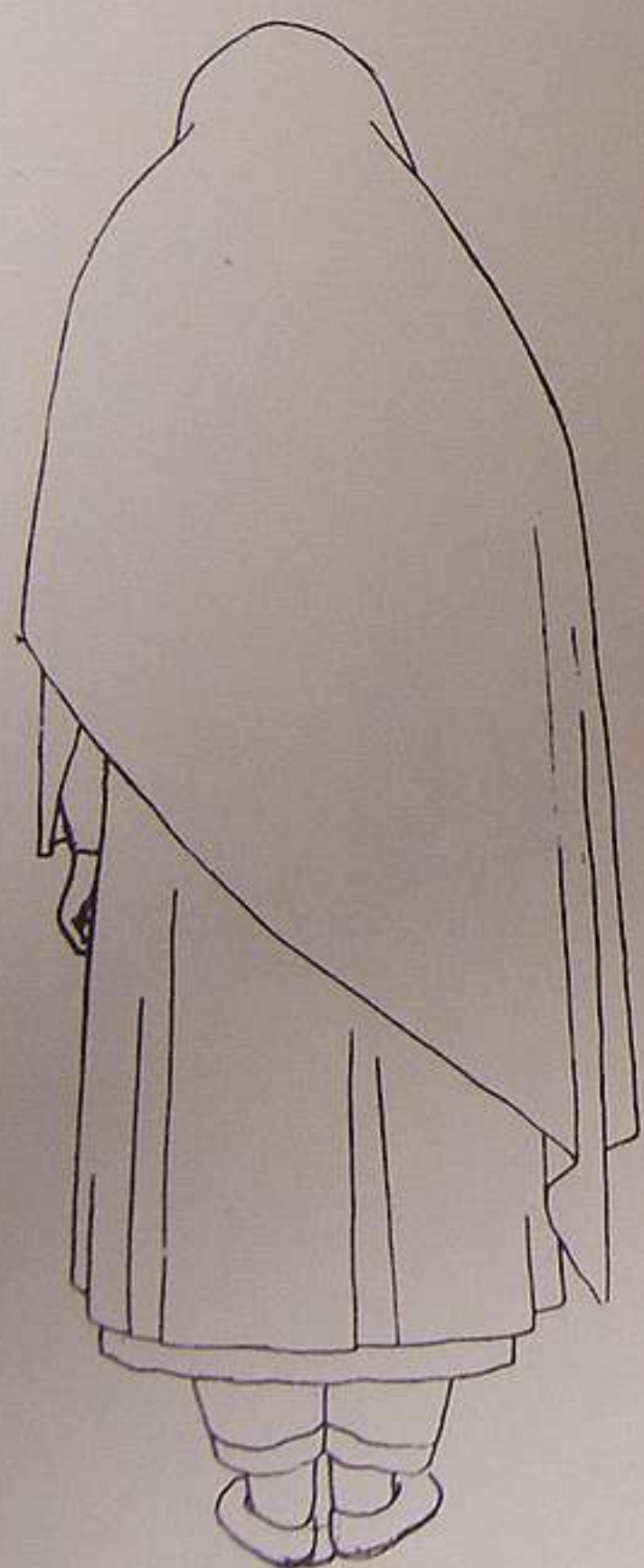

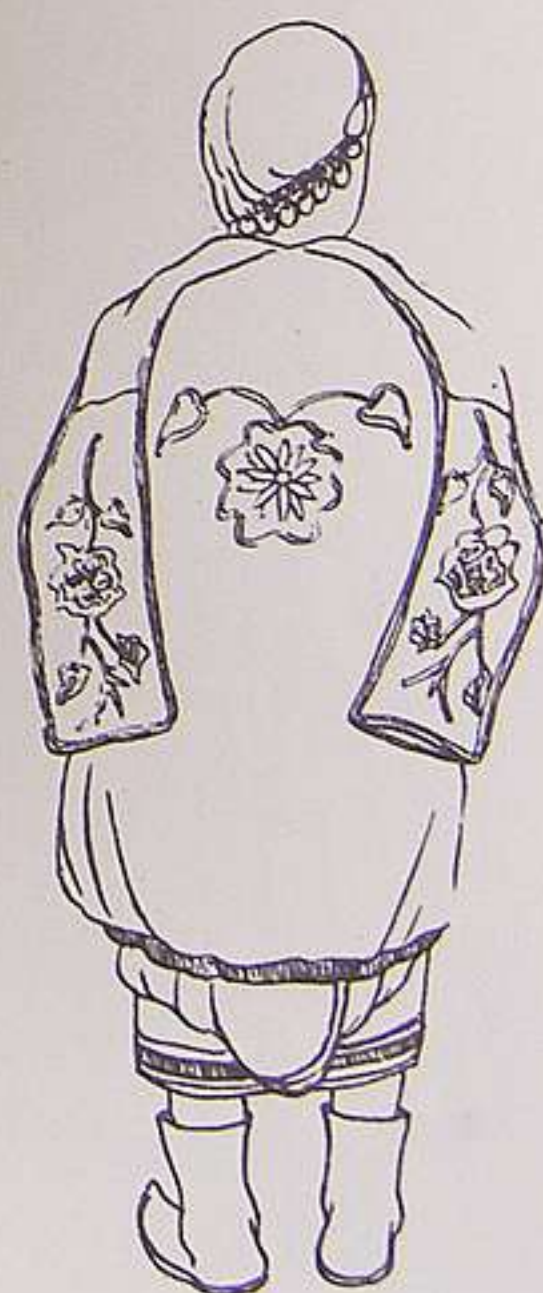

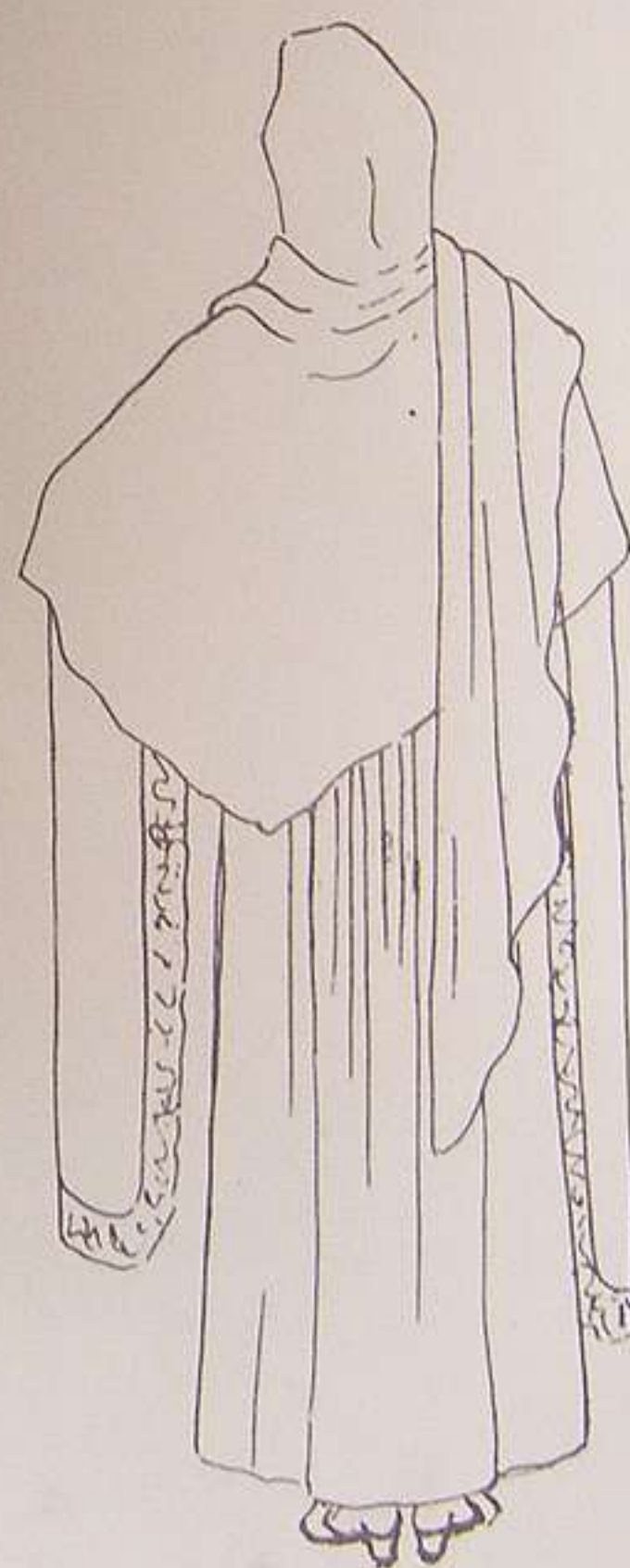

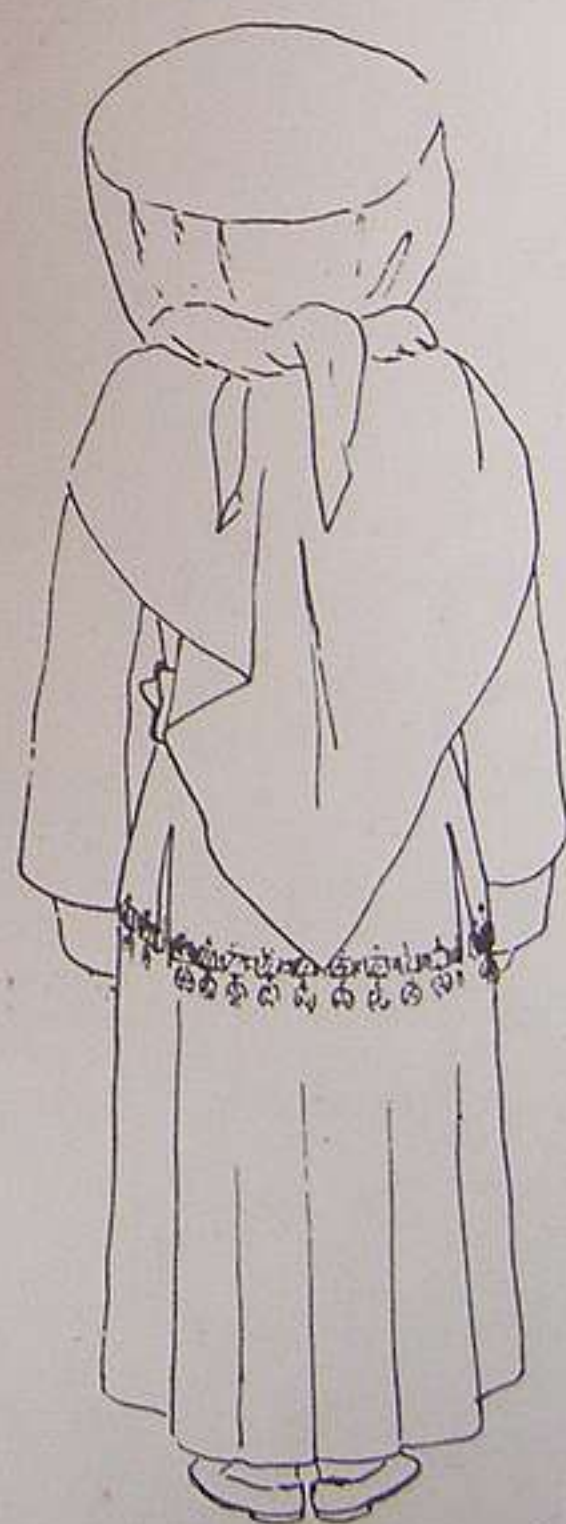

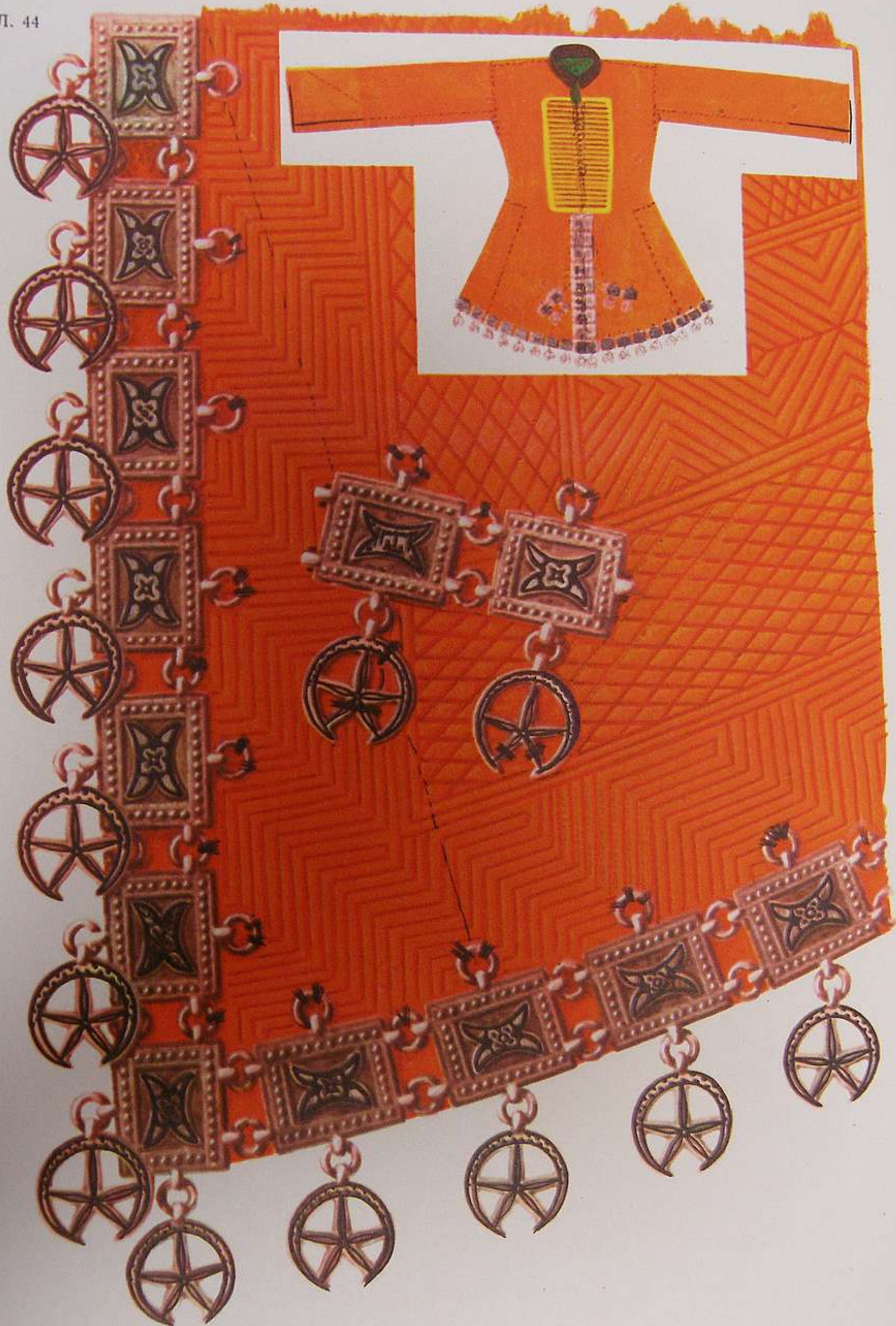

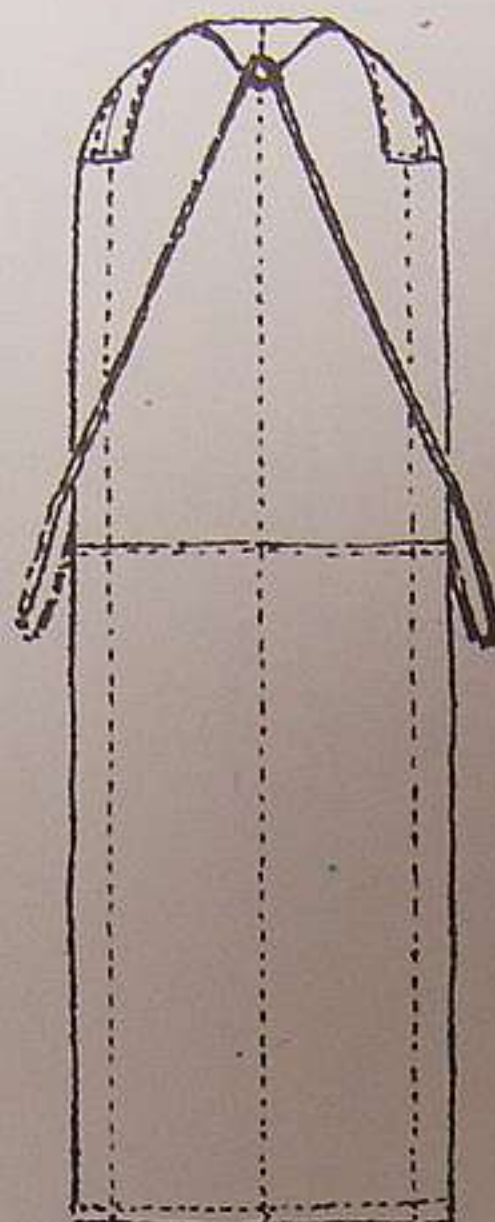

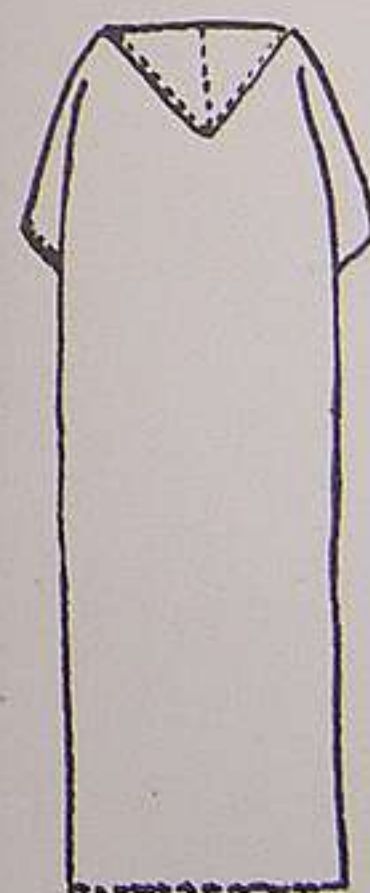
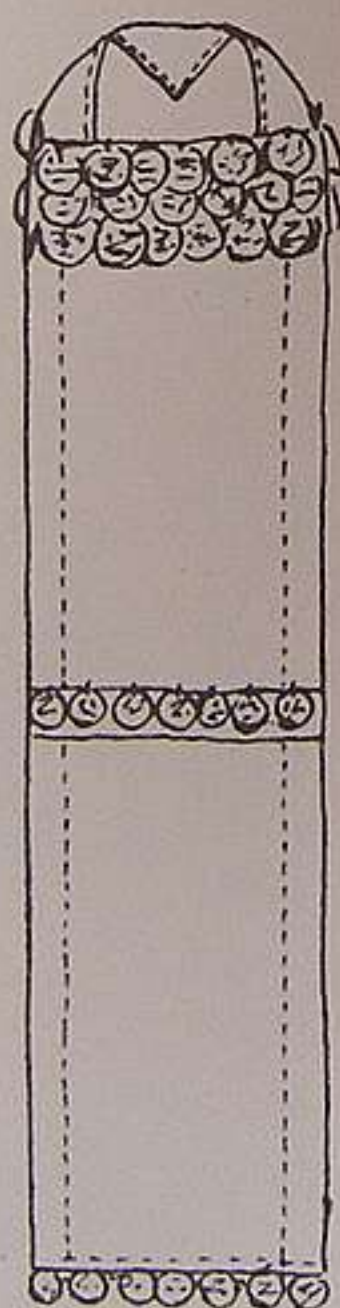

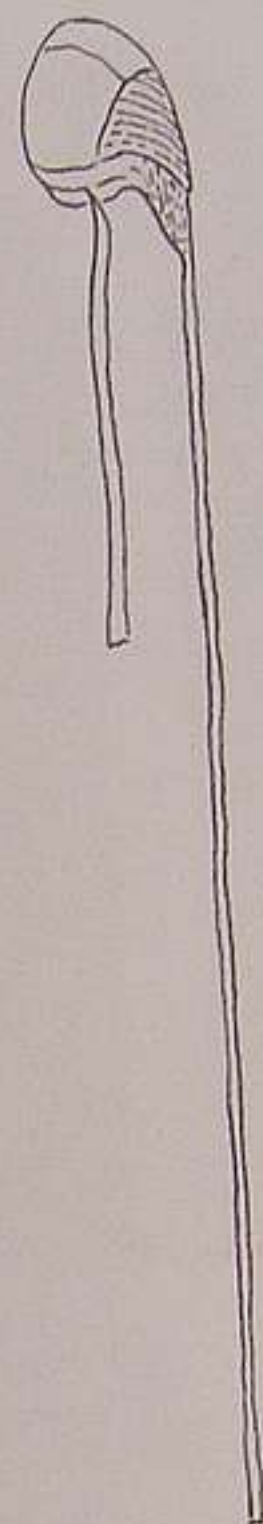
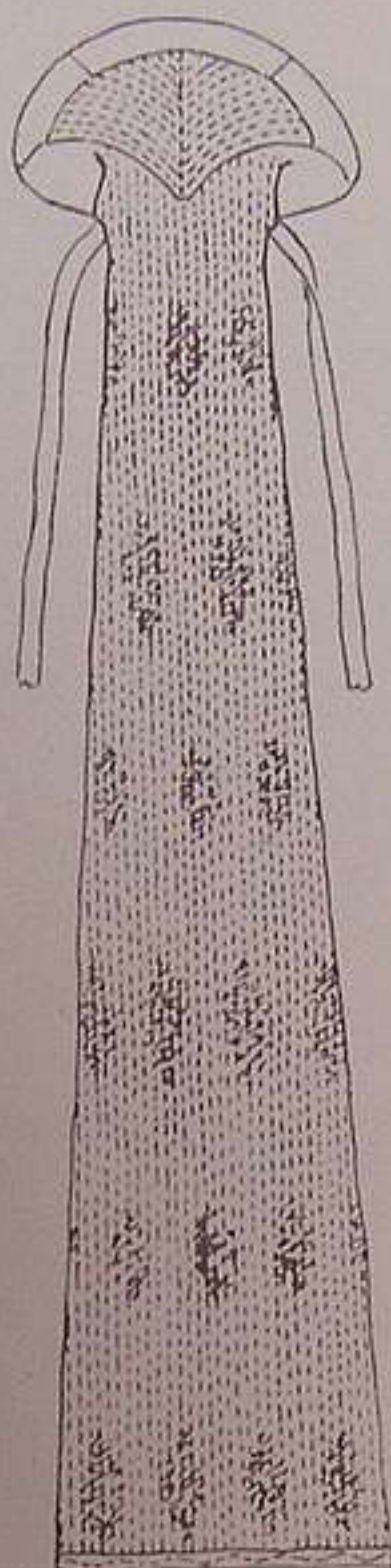
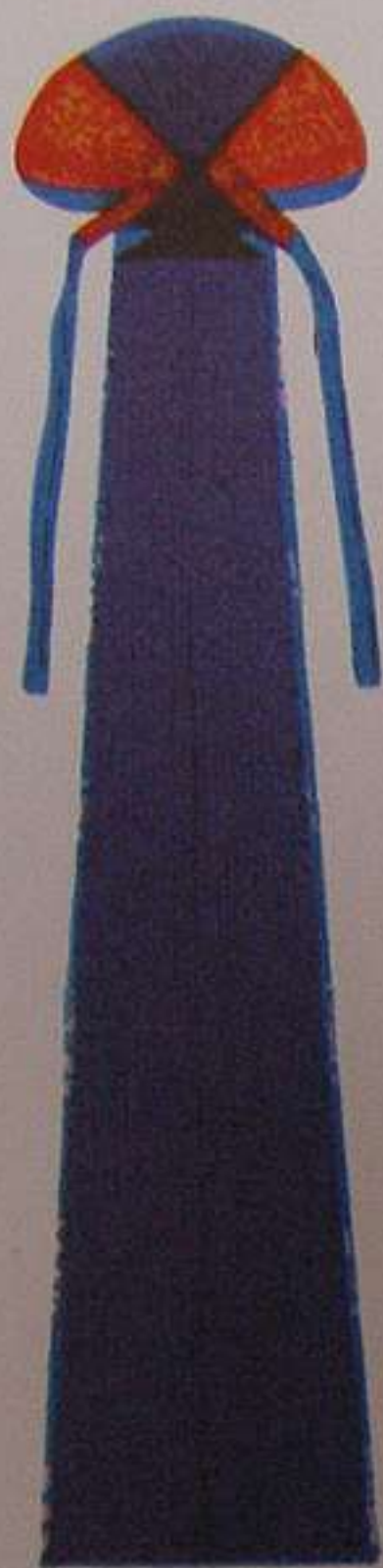
1

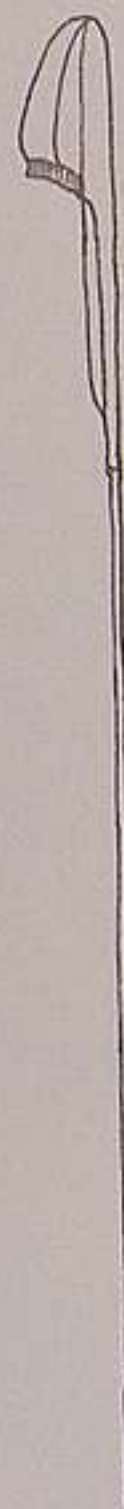
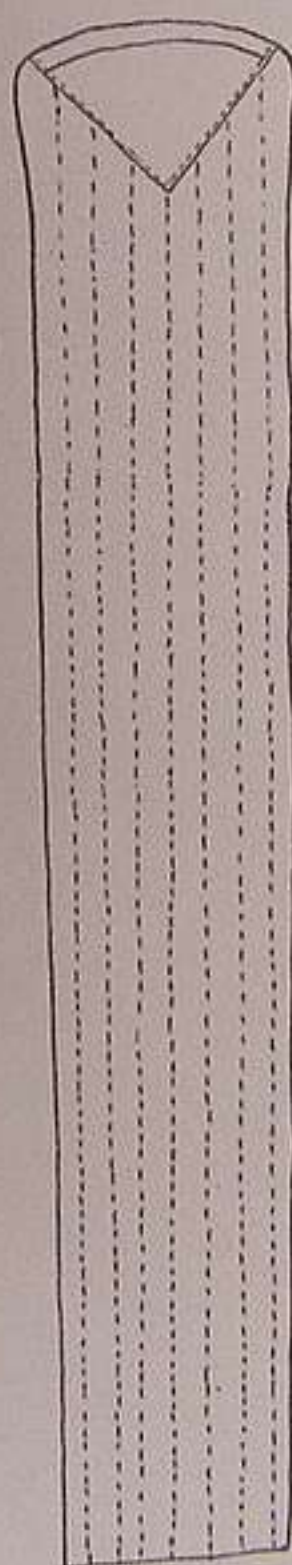
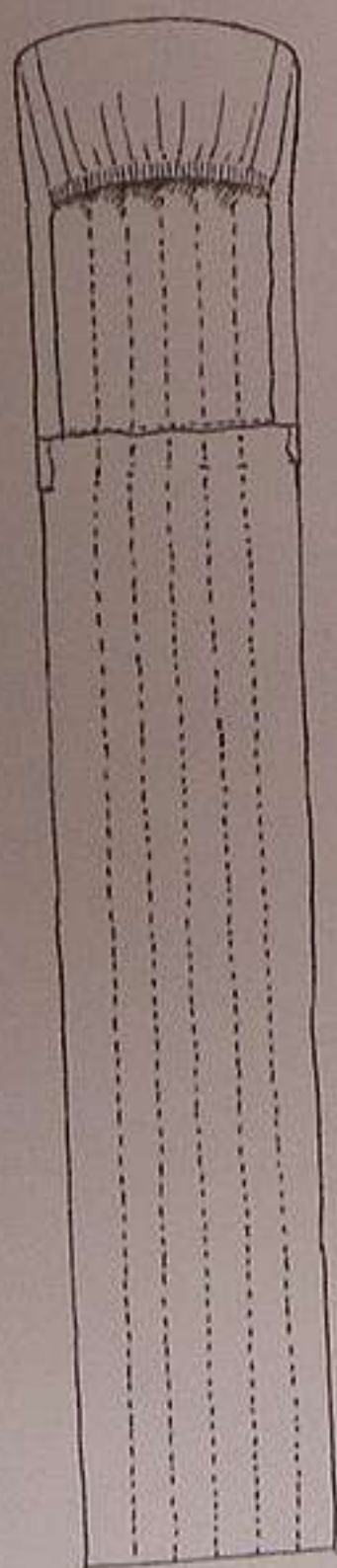
2

3

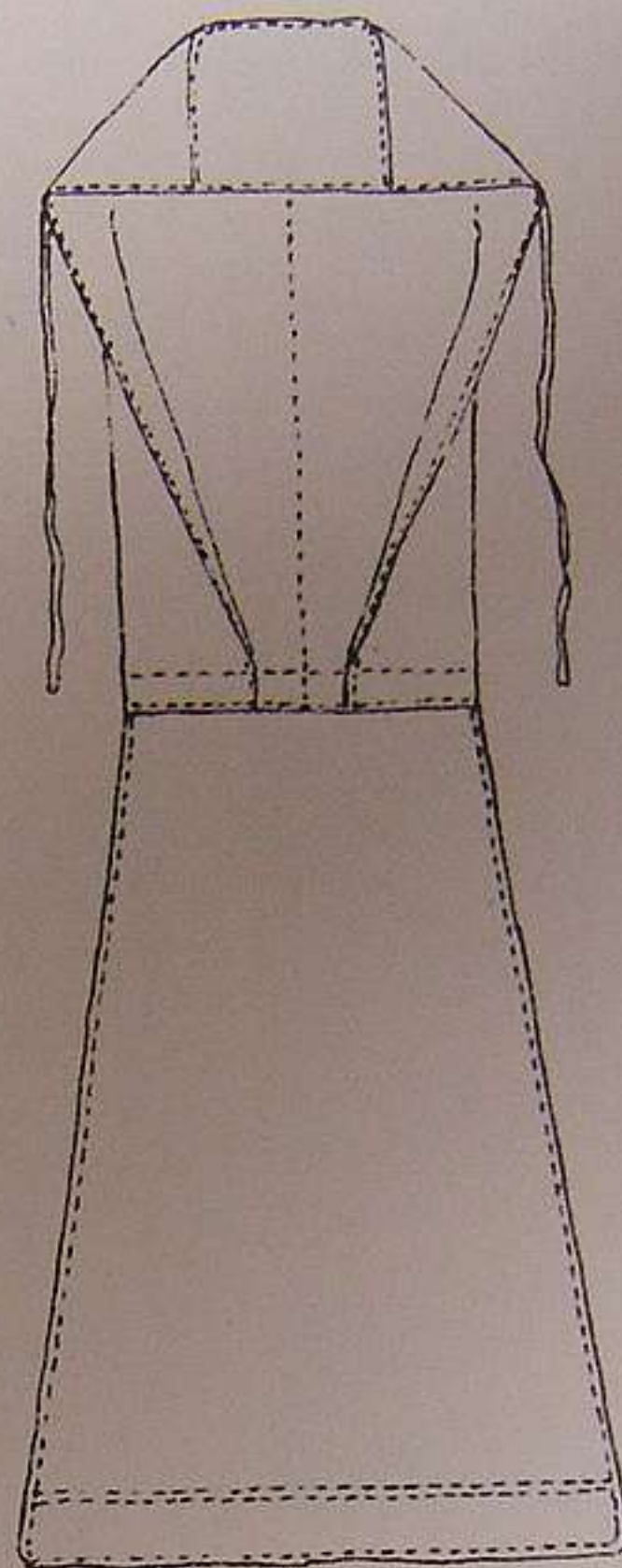
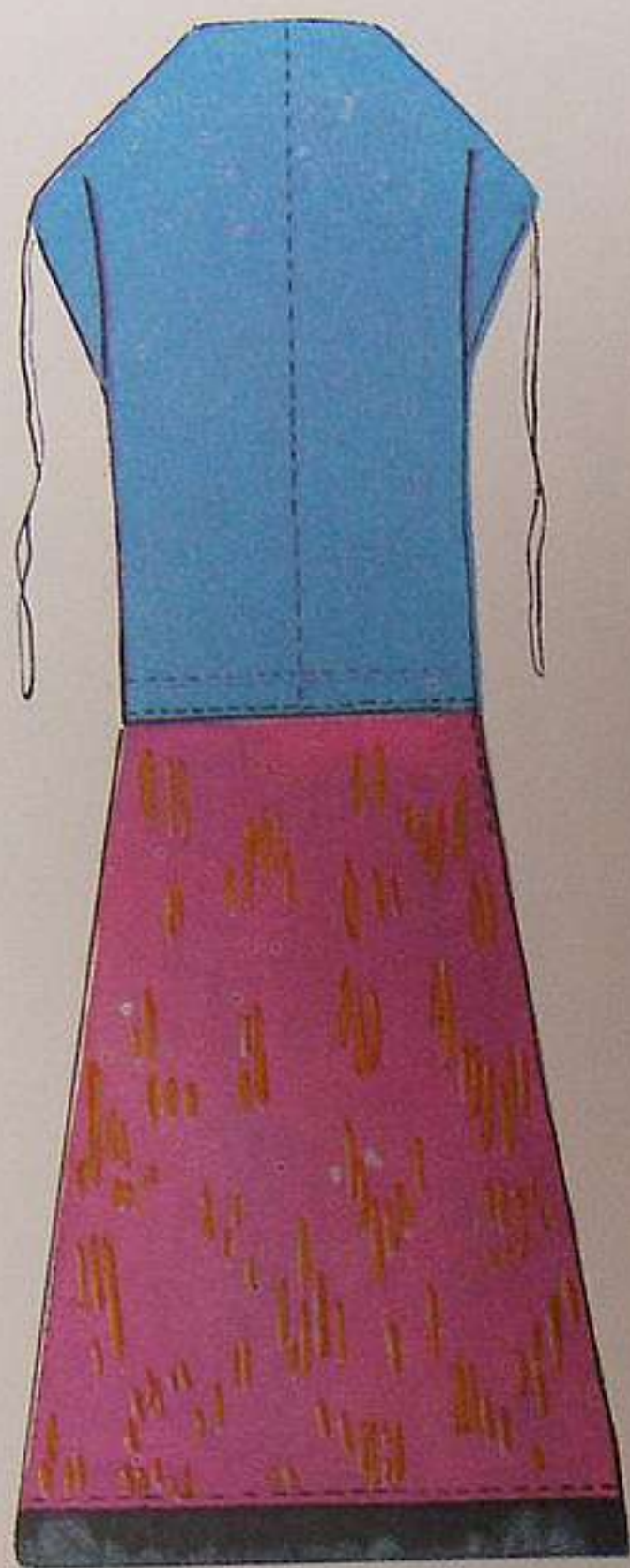

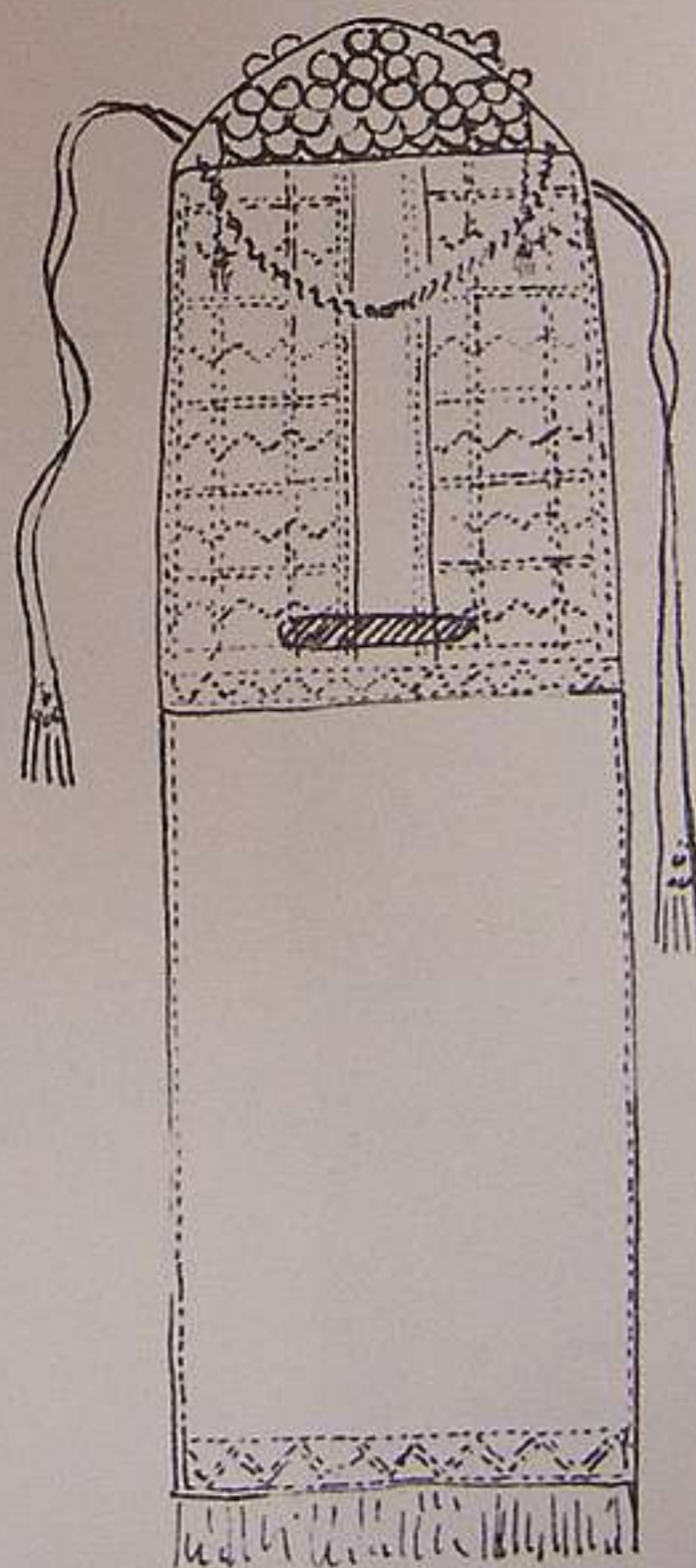
1

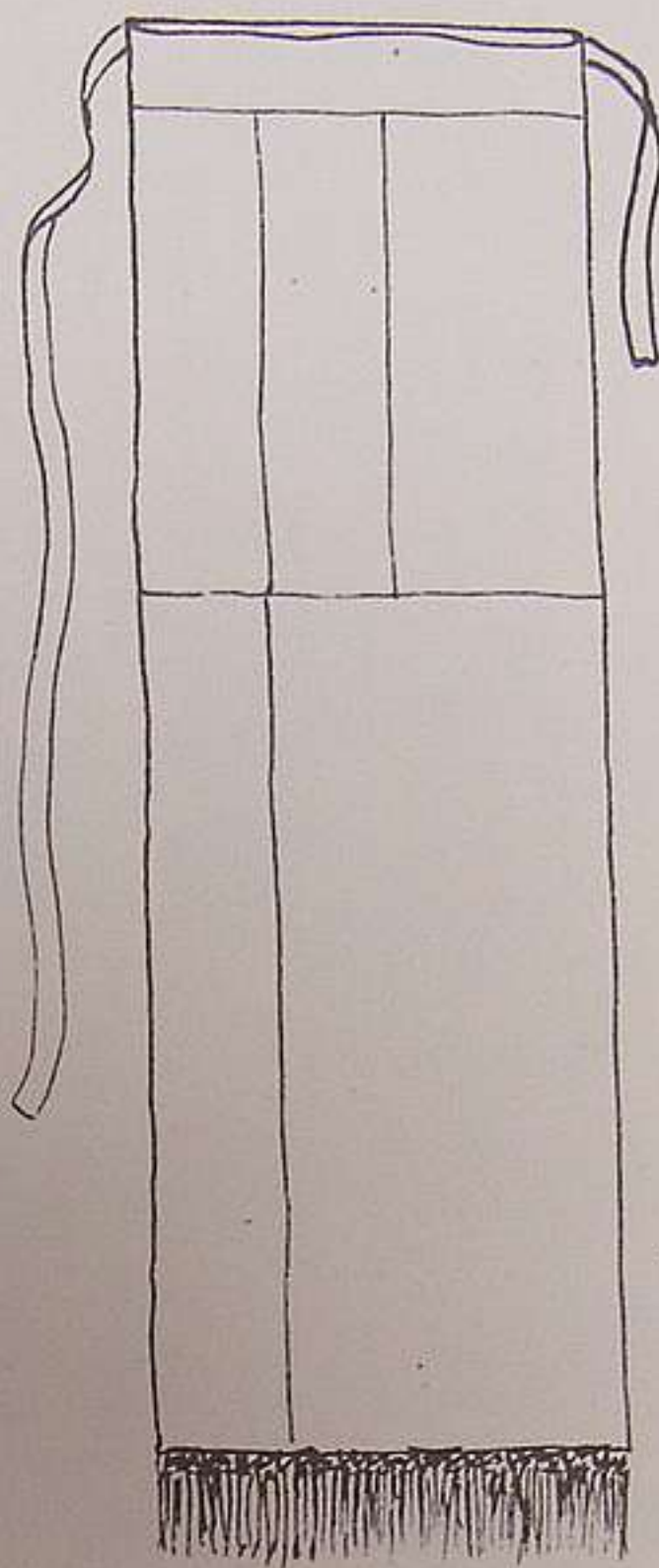
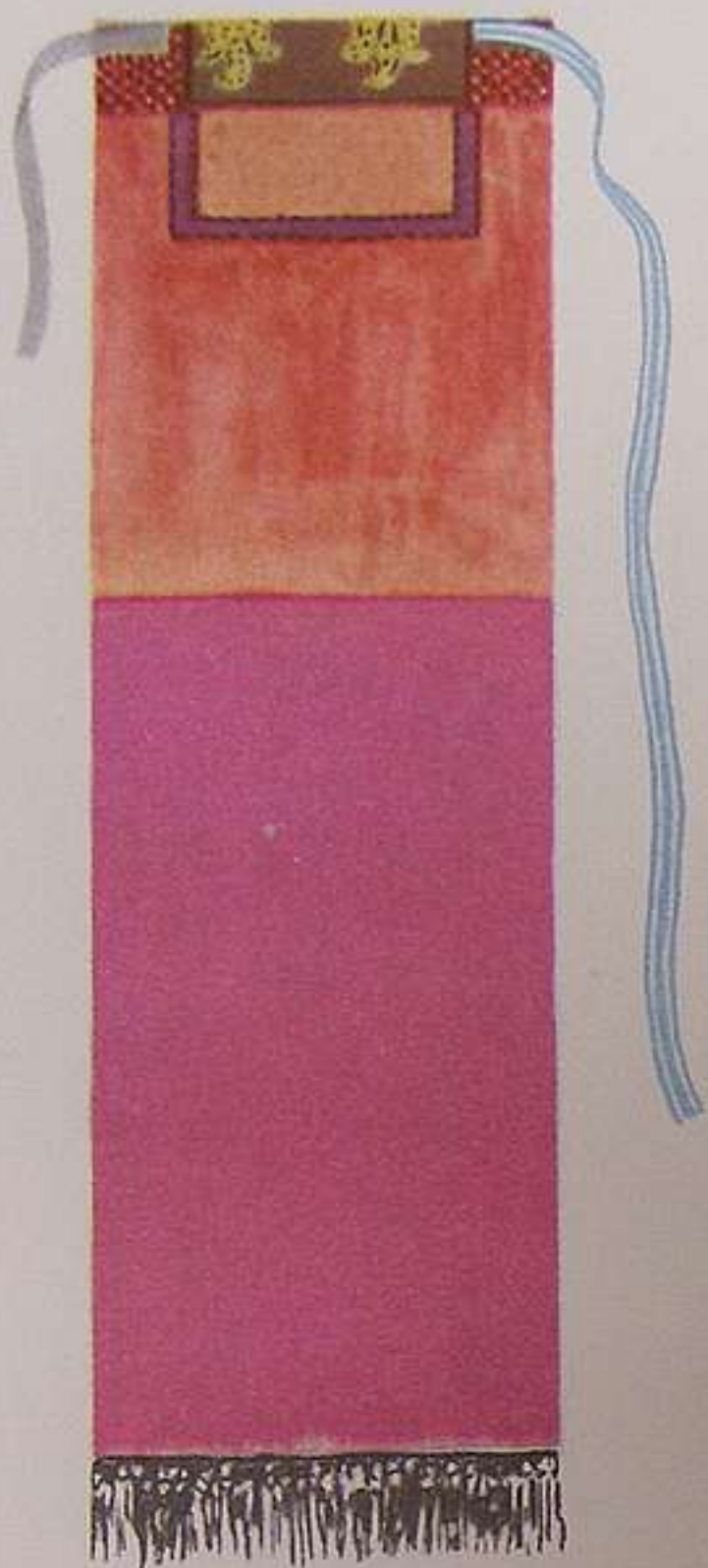

1

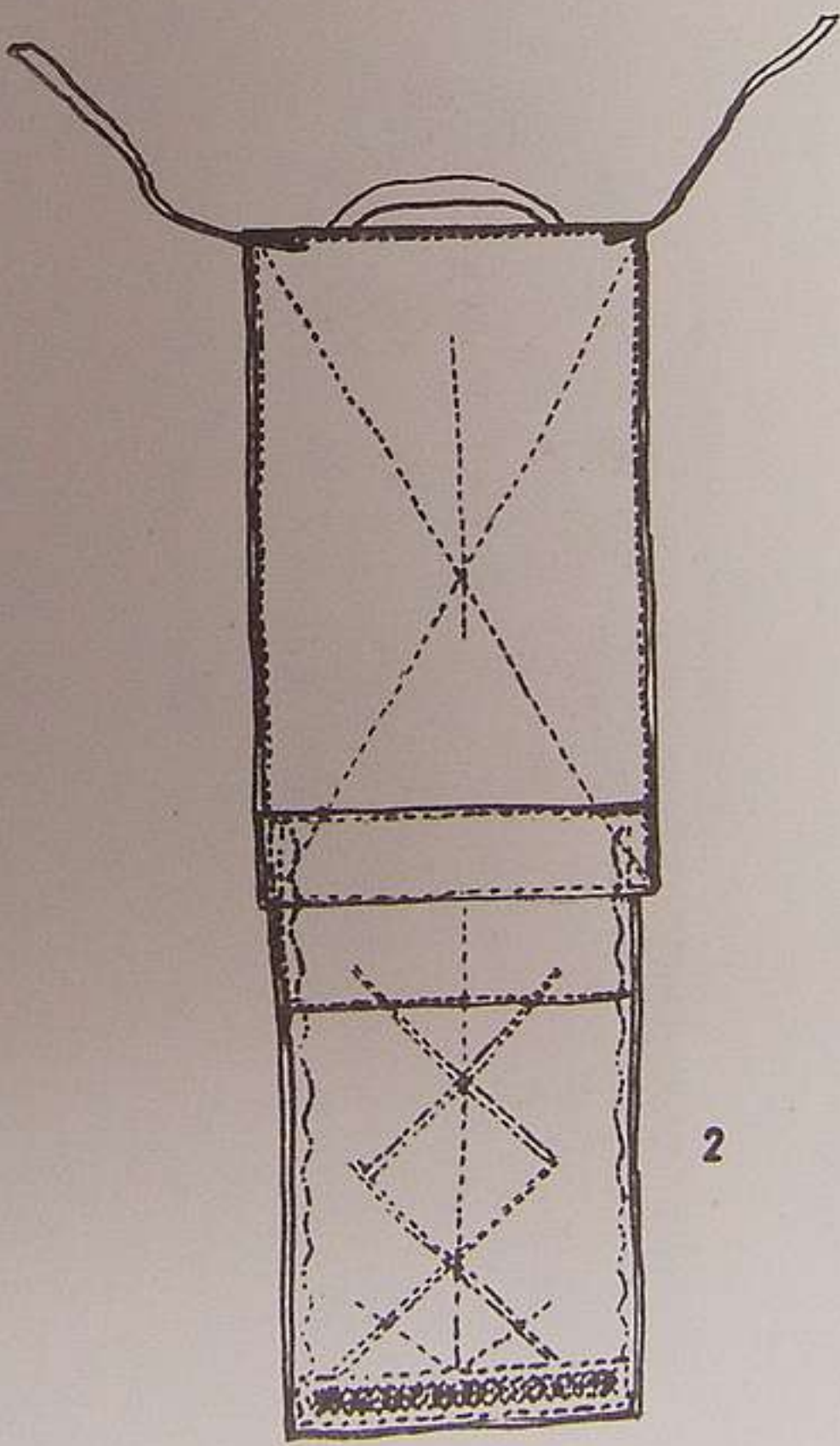

2

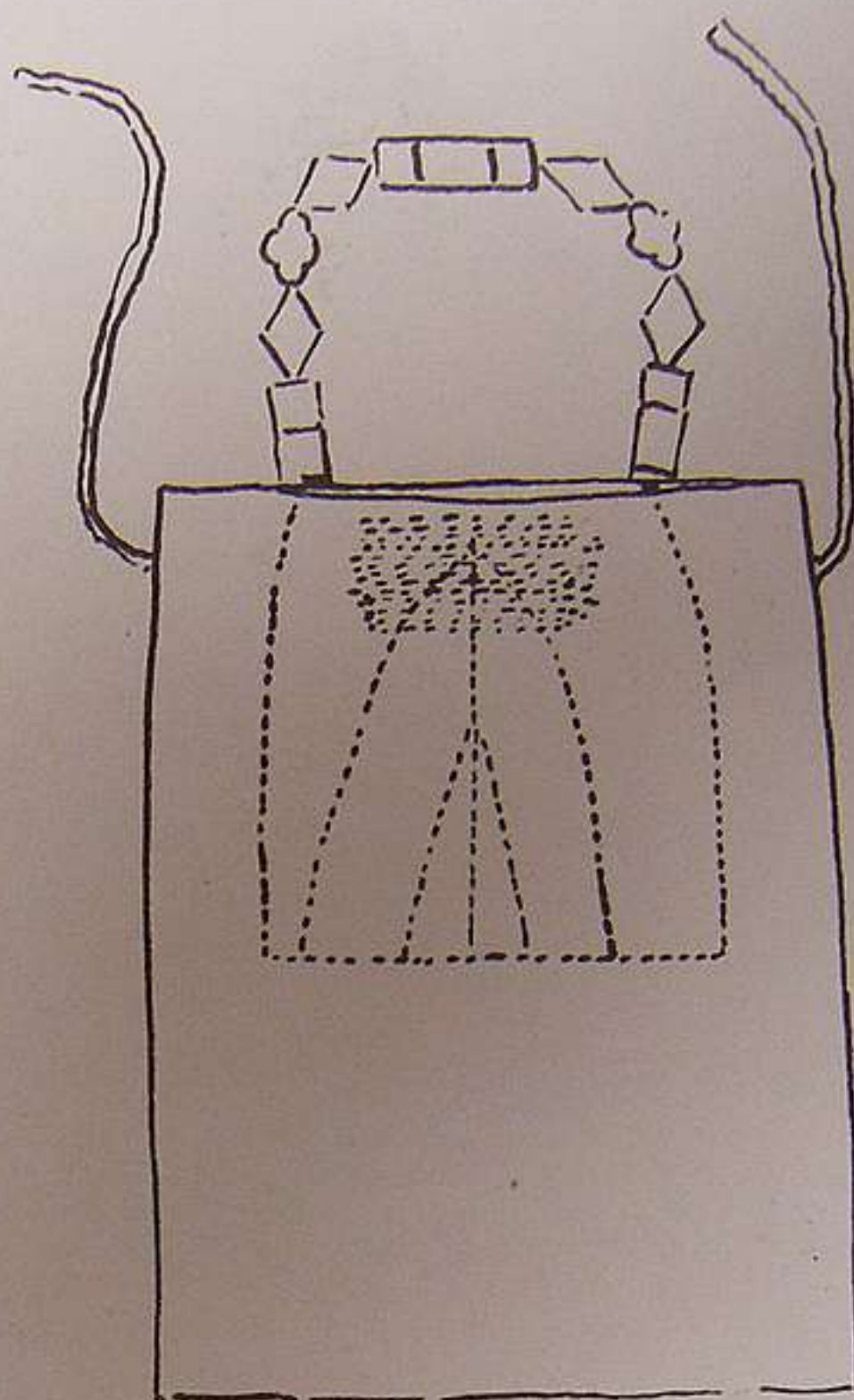

1

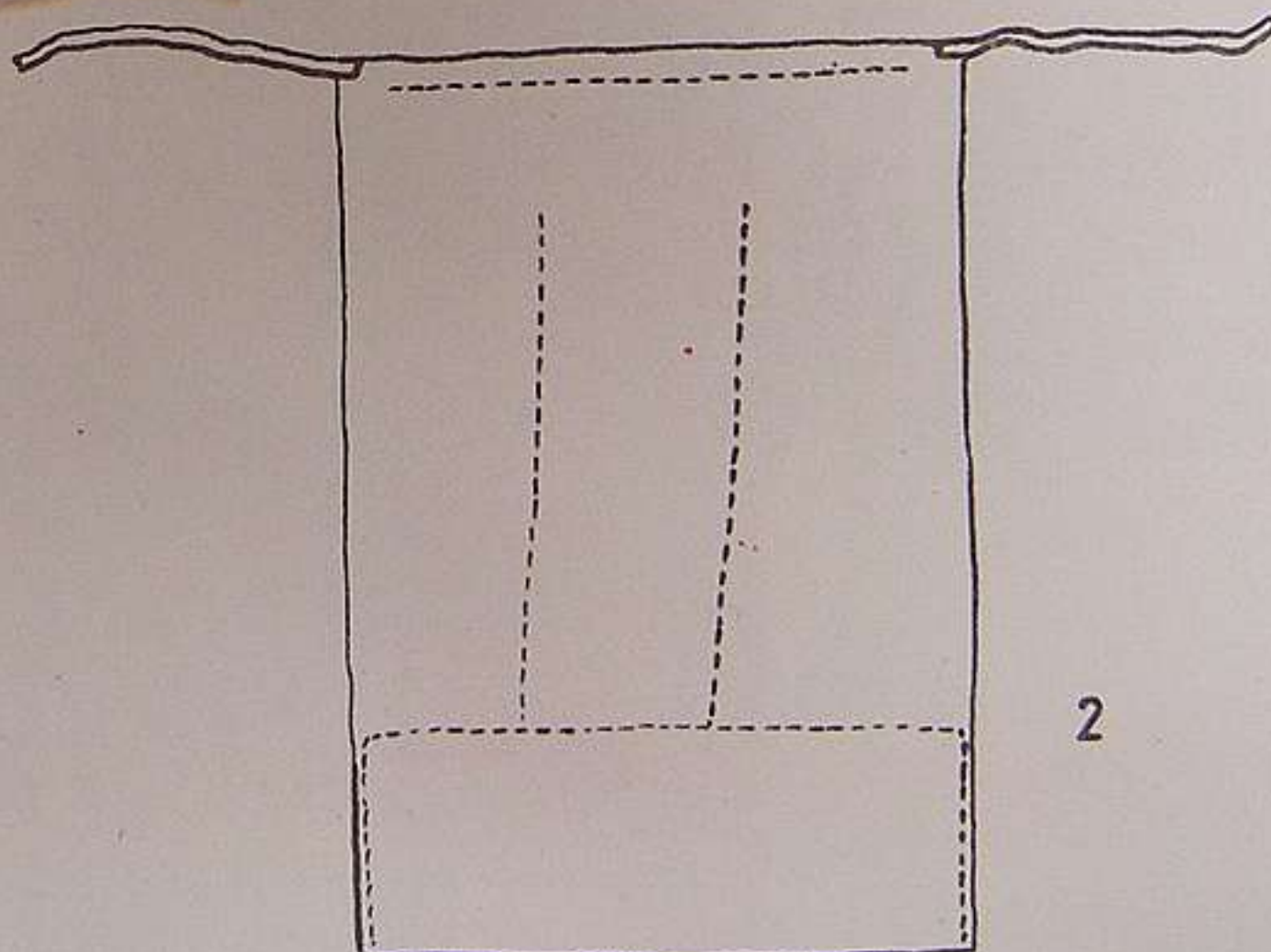
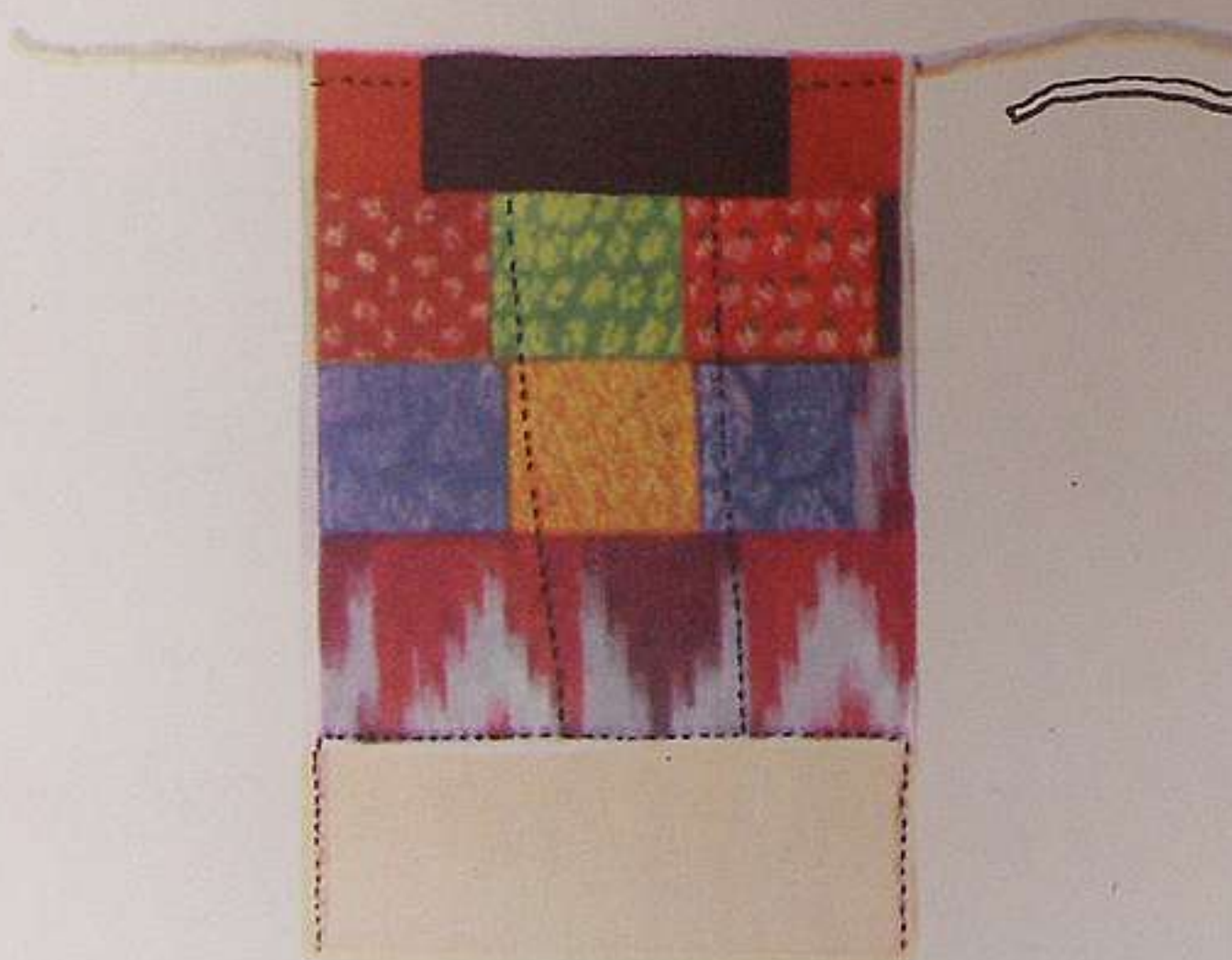

2

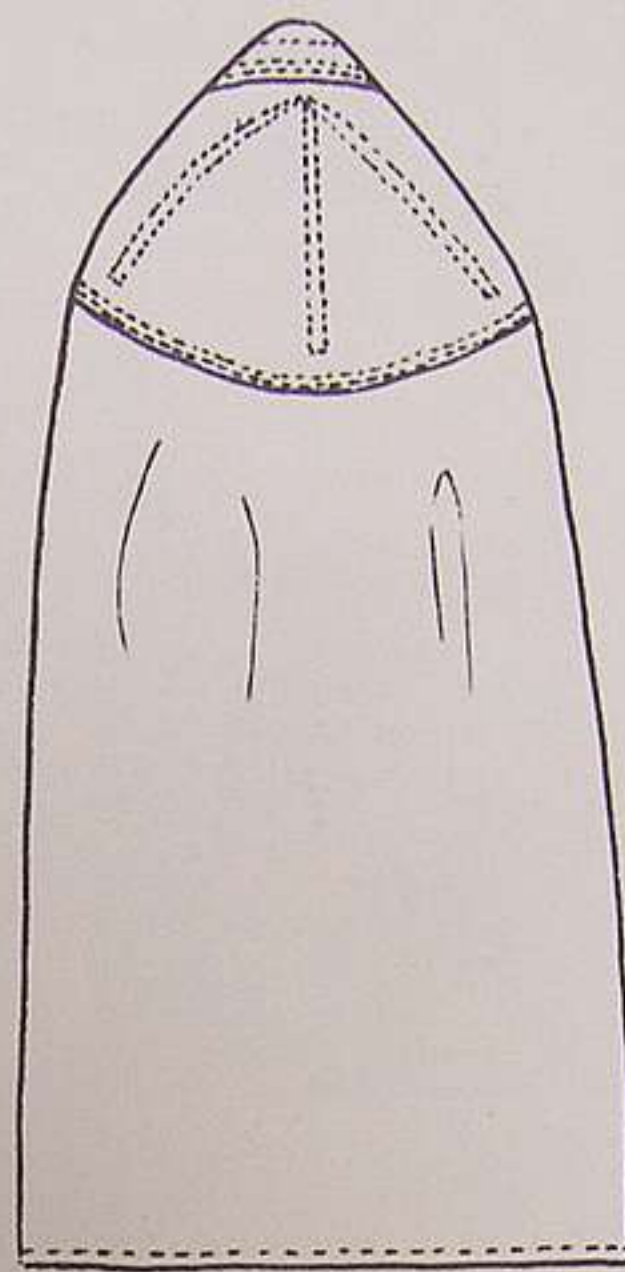

1

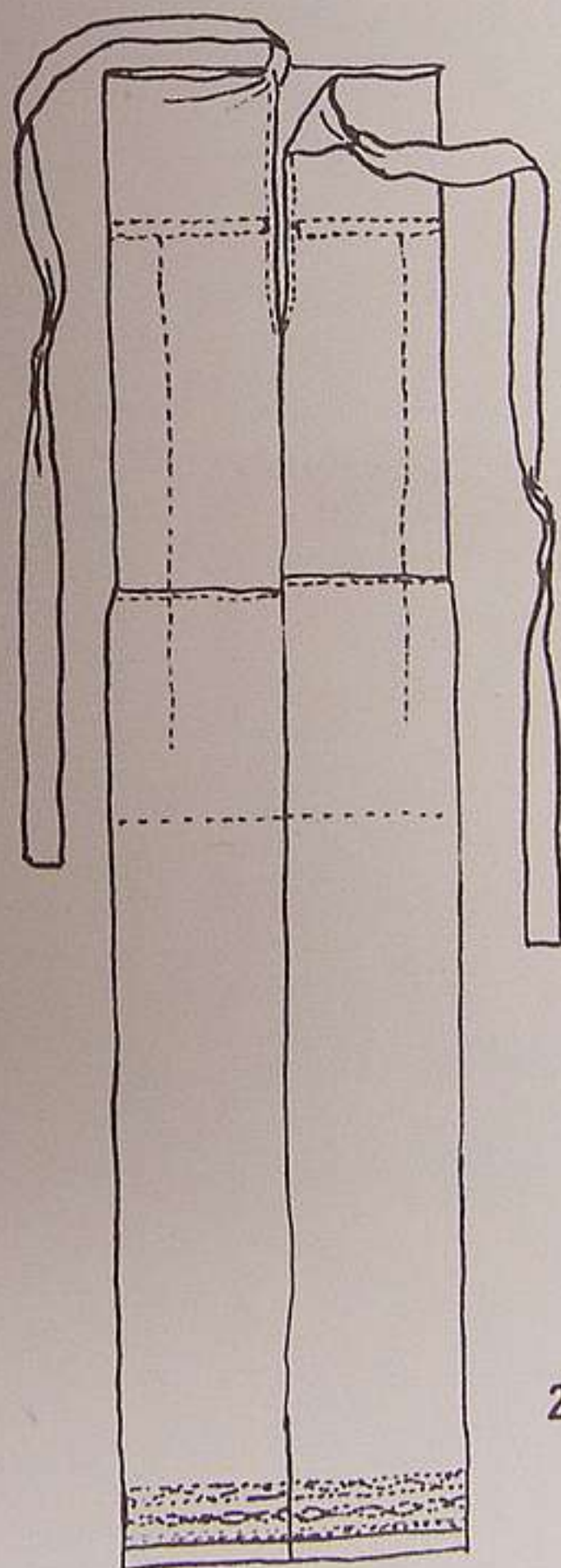
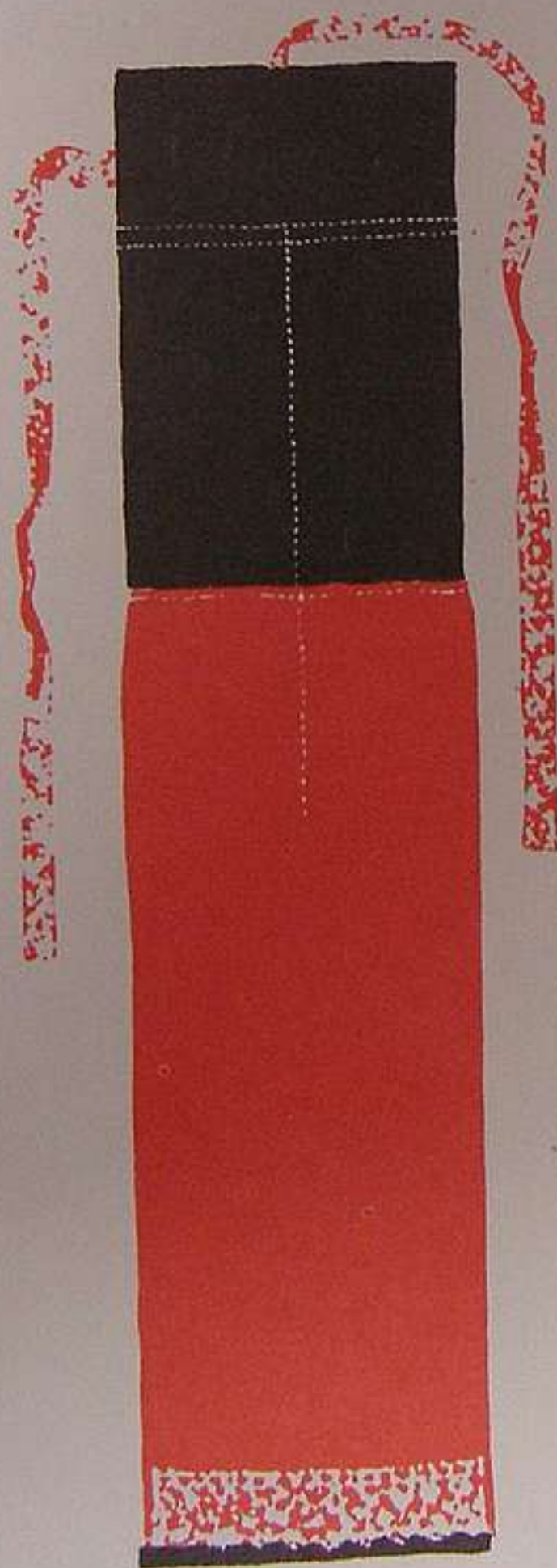

2

1

2

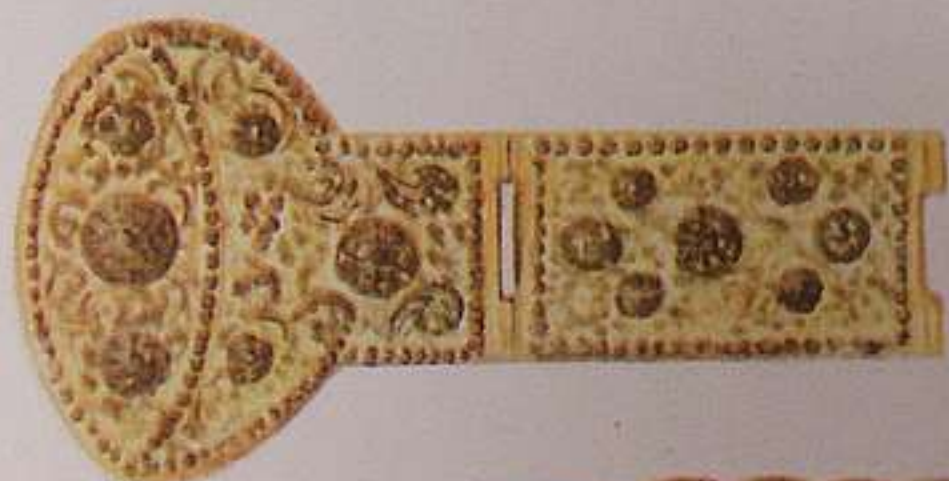
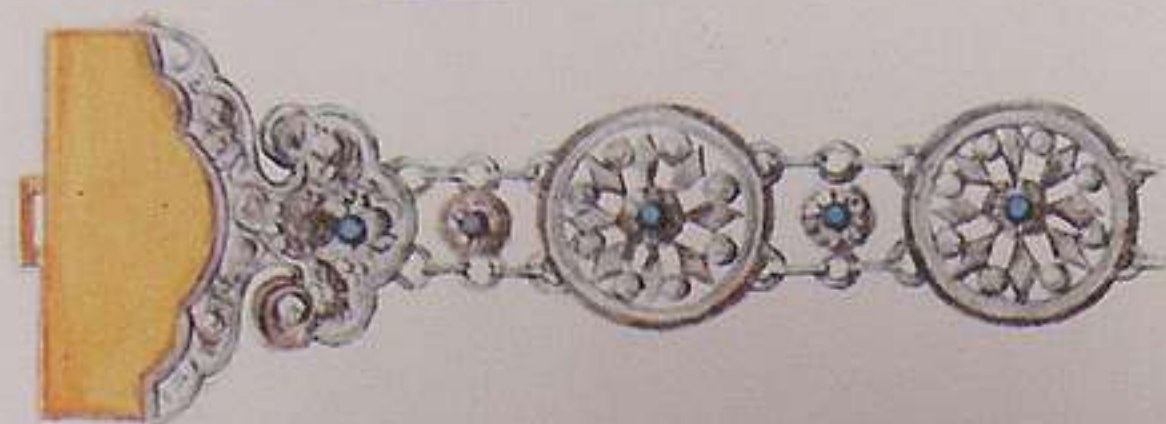
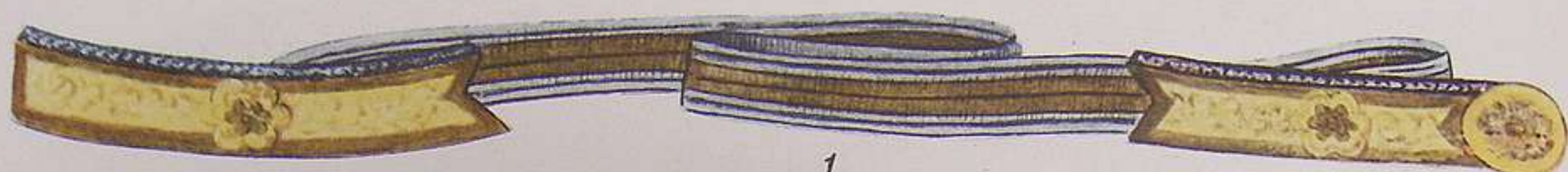

1

2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3	3. Головные уборы	91
Глава I. Материалы для одежды и техника их изготовления	9	Чухта	93
1. Кустарные промыслы и развитие товарно-денежных отношений	9	Даргинская чухта	94
2. Прядение и ткачество	15	Чухта аваро-индо-дидойской группы народностей	95
Сукноделие	15	Лакская чухта	101
Производство хлопчатобумажных и конопляных тканей	22	Чухта народностей лезгинской группы	101
Производство шелковых тканей	24	Чепчик	102
3. Изготовление войлока и бурок	26	Платок	103
4. Обработка кож и овчин	27	Покрывало	104
5. Басонные изделия и вышивка	29	4. Одежда девочек	106
Тканье галунов и тесьмы	30	5. Украшения	107
Плетение тесьмы и шнура	31	Головные украшения	110
Плетение и тканье гашников	32	Шейные и нагрудные украшения	114
Золотое шитье	32	Поясные украшения	116
Глава II. Мужская одежда	35	Украшения для рук	118
1. Нательная одежда	36	6. Обрядовая одежда	123
2. Верхняя одежда	38	Свадебная одежда	123
3. Головные уборы	47	Траурная одежда	125
4. Рабочая мужская одежда	50	7. Костюмные комплексы	126
5. Одежда мальчиков	51	Аварский костюмный комплекс	126
6. Оружие	53	Лезгинский костюмный комплекс	127
7. Костюмные комплексы	59	Лакский костюмный комплекс	128
Глава III. Обувь	63	Даргинский костюмный комплекс	128
1. Шерстяная вязаная обувь	63	Кумыкский костюмный комплекс	130
2. Войлочная обувь	66	Татский костюмный комплекс	130
3. Кожаная обувь	67	Ногайский костюмный комплекс	131
Глава IV. Женская одежда и украшения	73	Глава V. Современная одежда	132
1. Нательная одежда	74	Заключение	144
2. Верхняя одежда	78	Библиография	147
Платье	78	Список сокращений	150
Шубы	86	Иллюстрации	151
		Список цветных иллюстраций	152